

Татьяна Серганова

ДЕТИ ТЬМЫ

ПРОКЛЯТАЯ

ГЛАВА 1

На улице было холодно.

Очень холодно.

Даже небольшое расстояние от машины до входа в подъезд — а там ведь всего метров десять — и теплая шубка не смогли спасти от пронизывающего ледяного ветра. Погода в этом году разыгралась не на шутку. Если в прошлом декабре я продолжала ходить в своем демисезонном пальто, с тоской глядя на норковую красавицу, королевой расположившуюся в шкафу, а Новый год встречали по уши в грязи, то в этом году декабрь неожиданно поразил сильными морозами, холодным ветром и большим количеством осадков. Говорят, стихийникам уже пять сотен исков накатали, но улучшения погоды так и не произошло. Видимо, опять кланы между собой что-то не поделили, а расплачиваемся мы. Хотя, может, все намного проще, матушку-природу элементарно достала вся эта ерунда с изменением климата колдунами и ведьмами, и она невиданно разбушевалась.

Капроновые чулки намертво примерзли к ногам, и стало еще холоднее.

Черт бы всех побрал!

Но иначе одеться я просто не могла. Дресс-код, чтоб его...

В подъезде элитной многоэтажки было тепло. Но вместо того, чтобы хоть немного согреться, я, наоборот, стала еще сильнее трястись от резкого перепада температуры, даже зубы застучали.

На мгновение закрыла глаза, собираясь с мыслями и восстанавливая дыхание, — живительная магия медленно, словно нехотя, пробежала от кончиков пальцев по всему телу, даря необходимое тепло. Жаль, что этим нельзя пользоваться постоянно, слишком затратно и недолговечно. Была бы полноценной ведьмой, было бы намного проще, а так приходится довольствоваться малым. Но уж лучше так...

— Доброе утро, Татьяна Анатольевна, — заулыбалась консьержка, пухленькая старушка далеко за шестьдесят, и отложила в сторону вязанье — очередные полосатые носки. Интересно, что она с ними делает в таком количестве? — А мы вас сегодня не ждали.

Конечно, не ждали, на это и расчет.

— Доброе утро! — Я лишь на мгновение задержалась, чтобы подарить старушке беглую улыбку, и быстро зашагала в сторону лифта.

Времени практически не было. И если Дима верен себе, а в этом я практически не сомневалась, то про переговоры он явно забыл. А точнее, отложил их на неопределенное время, потакая своим желаниям.

Быстро вошла в лифт, на ходу расстегивая шубку, достала специальный индивидуальный ключ и нажала на кнопку мансардного этажа, то и дело косясь на дорогие швейцарские часики на узком запястье.

Магическую охранку высшего уровня защиты настроили на меня давным-давно, поэтому она отнеслась к моей персоне вполне равнодушно, лишь прошла по ауре, вызвав легкие мурашки. Вроде ничего особенного, но немного неприятно. Терпеть не могу, когда меня считают, пусть даже на таком поверхностном уровне, пусть всего-то охранка, но даже это неприятно.

Из лифта вышла прямо в стильную гостиную пентхауса и быстро послала импульс, включая свет.

Первое, что попало на глаза, — кружевной бюстгальтер ядовито-красного цвета, висящий прямо на люстре (и как только умудрились туда закинуть, очень ведь высоко!).

Да, я вновь оказалась права. От Димы можно всего ожидать, он никогда не щадил мои чувства, эмоции, да и вообще на чужое мнение ему всегда было глубоко наплевать. Тем более — на мое.

С трудом сдержала отчаянный стон и внимательно осмотрелась — мужской пиджак валялся на полу, рядом с ним — красная лакированная туфелька на высоком каблучке.

Вторая туфелька нашлась за креслом, галстук и рубашка с кроваво-красным следом от помады на воротничке — там же. Именно этот красный след больше всего и взбесил, рубашка-то дорогая, значит, придется тратить свое драгоценное время еще и на химчистку.

Черное платье, украшенное крошечными пайетками, лежало на одной из полок шкафа. В коридоре, ведущем к спальне, нашлись тоненькие черные чулочки в ажурную сеточку и мужские брюки.

Мужские боксеры по-мужски изящно висели на дверной ручке спальни. Прямо *donotdisturb*.

Я, привлеченная дорогим блеском, осторожно наклонилась, подняла с пушистого ковра молочного цвета золотые запонки с сапфирами и едва не закатила глаза — просто поразительная безалаберность, а ведь это его любимые! Потом полчаса будет бегать и искать их или меня заставит.

Скорее, второе, Димка никогда не упустит случая лишний раз поставить меня в коленно-локтевую позу.

Казалось бы, давно уже пора было привыкнуть, но я все еще продолжала принимать близко к сердцу его стремление затащить меня в постель.

Еще раз скользнула по вещам взглядом — вроде все принадлежит одной особи женского пола.

Уже радуется. Сегодня мое сознание просто не в состоянии терпеть групповуху.

Оставалось надеяться, что они уже давно проснулись и утренние сексуальные игры закончены.

Времени и так в обрез.

Я осторожно подошла к спальне, из которой доносились характерные звуки, и слегка приоткрыла дверь. Так и есть. На огромной кровати, на шелковых простынях цвета сольферино (фи, какая пошлость, и что он в них нашел?), два обнаженных тела предавались обязательным утренним процедурам. Со своей позиции я смогла увидеть только обнаженную мужскую спину, что ритмично поднималась и опускалась, вызывая сладострастные ахи-вздохи, в нее вцепились тонкие женские пальчики с длинными такими коготками.

— О! Да!!! Да!!! О боже... Ах! Да-а-а-а...

Некоторое время я еще смотрела на эти ногти, все сильнее и сильнее царапавшие блестящую от пота кожу, под которой так красиво перекачивались мускулы. Смотрела и вспоминала, как всего три месяца назад сама лично мазала заживляющей мазью окровавленную спину Димы. Правда, тогда у босса была небольшая оргия с двумя весьма темпераментными ведьмами-саламандрами. Нашел, с кем связываться, адреналина ему захотелось и острых ощущений! Судя по состоянию спины, ощущения были действительно острыми. Оставалось надеяться, что урок он усвоил, потому что больше тратить на него свою фирменную мазь я не собиралась.

Сообразив, что стою уже слишком долго — еще немного, и меня можно будет отнести к вуайеристам, — осторожно закрыла дверь и прислушалась к звукам (нет, подслушивать я тоже не люблю). Если судить по частоте стонов и всхлипов неизвестной дамы и прерывистому дыханию мужчины, то минут через пять они закончат, потом пять минут на душ (если совместный, то прибавляем еще пятнадцать минут), двадцать минут на завтрак и одевание...

Вновь взглянула на часы, скупой улыбнулась — успеваем точно в срок! — и направилась на кухню готовить завтрак. После секса у него всегда просыпается жгучий аппетит.

Ровно через тринадцать минут, когда я уже наполовину выпила свою первую чашку кофе (дома не успела, так спешила выдернуть Диму из кровати), на кухню, не спеша, вошел он.

Явление царя народу.

Почти четыре года я у него работаю, но привыкнуть к этой неприкрытой мужской сексуальности все равно не получается.

Хотя, если подумать, Дима больше похож на ангела, спустившегося с небес.

Нет, конечно, этот привлекательный мужчина не является ангелом в прямом смысле этого слова, по характеру и привычкам его, скорее, можно отнести к демонам. Но внешность у него весьма специфическая: золотистые, чуть волнистые локоны обрамляют смазливое лицо с

правильными чертами — выразительными ярко-синими глазами, прямым носом с легкой горбинкой и чувственными припухшими губами. Худощавое накачанное тело с шестью кубиками пресса на плоском животе, длинные мускулистые ноги и обворожительная белозубая улыбка. Самое интересное, что к пластикам он точно не обращался, все это великолепие ему досталось от природы. Хотя разве могло быть иначе у колдуна такой силы?

Я равнодушно скользнула взглядом по влажным после душа волосам, по смуглому накачанному телу с капельками воды, которое прикрывали лишь черные шелковые боксеры, и с каким-то радостным энтузиазмом отметила, что в последний раз белье подобрала ему просто идеально. Надеюсь, у меня сохранился чек, надо будет ему еще такие заказать, белого и темно-синего цвета. Боксеры на Диме смотрелись очень сексуально. Хотя, если честно, он даже в робе шахтера выглядел бы аппетитно.

Кстати, в новой коллекции появилась красная расцветка... надо подумать. Все-таки красные трусы на красных простынях... это как-то не комильфо.

В данный момент радовало то, что он вообще их надел. За Димой водилась отвратительная привычка ходить по квартире обнаженным.

Собственно, ничего нового я бы не увидела. Первый год работы колдун меня всячески доставал и провоцировал, но, к счастью, поняв, что оценивать должным образом его прелести я не собираюсь, вскоре бросил это занятие.

Как бы то ни было, подобный вид начальника как-то не настраивает на рабочий лад, а день сегодня и так предстоял сложный.

— Мм, кофе, глазунья с беконом, — хрипло пробормотал он, подходя к плите и склоняясь над сковородкой. — Солнышко, ты меня балуешь.

Моему появлению он не удивился, был даже рад. Естественно. Сомневаюсь, что после такого эмоционального истощения его новая пассия скоро встанет.

— Доброе утро, Дмитрий Александрович.

— Привет. Время еще есть?

— Двадцать минут, — ответила я и, быстро черкнув в ежедневник заметку о новой партии белья для босса, вновь глотнула кофе, наблюдая за ним поверх маленькой белоснежной чашечки тонкого фарфора.

— Отлично. — Он быстро положил на тарелку завтрак, налил кофе и сел за стол. — Документы?

— Ждут в машине вместе с шофером.

— Мой костюм?

— Висит в шкафу, галстук, рубашку и запонки я уже подобрала.

— Как прошли выходные?

Я весьма красноречиво приподняла бровь и ничего не ответила. Какие тут выходные — с таким-то начальником!

— Что еще у нас хорошего? — игнорируя мой взгляд, продолжал расспросы Дмитрий.

— Звонил Башаров, просил о встрече. Я сказала, что на этой неделе ты занят.

— Умница, — кивнул он. — Пусть понервничает, не будет в следующий раз привередничать и втыкать палки в колеса. Что еще?

Так, главное не улыбаться.

— За то время, пока тебя не было, поступило еще пять предложений от ведьм на заключение контракта. Причем два из них прислали через Александра Ивановича.

Босс скривился и отодвинул тарелку с недоеденной глазуньей.

Действительно, такие новости отбивают аппетит.

— Звонил?

— Да, оставил три гневных сообщения и просил передать, что тебе уже за тридцать, а ему нужен наследник. Прислал анкеты двух претенденток. Весьма хорошие ведьмы из сильных кланов, одна ментал, другая аниморф.

— Вот только ментала мне не хватало, чтобы она меня в постели считывала... А аниморф?.. Это хвостатые, что ли? Нет, я не расист, и в постели эти крошки хвостом такие трюки проделывают... мм... но нет, спасибо. Отец вообще о чем думал, когда ее подсовывал? А вдруг внук тоже хвостатым родится?

— Знаешь, мне кажется, что Александр Иванович будет рад любому внуку.

— Пусть сам наследника и делает.

— Ты же понимаешь, что это невозможно, у него уже есть наследник — ты. Закон о ведьмах и колдунах весьма категоричен, а ссориться с людьми он не станет. Сейчас наши отношения и так слишком напряженные.

— Конечно, благодаря этому выскочке Роману Вознесенскому. Ты, кстати, видела его последнее выступление? Очень животрепещущее, даже я проникся. Подумывал о суициде, надо же избавить мир от такого чудовища, как я.

— Не смешно, Дим.

— А как же твой хваленый черный юмор? Нет, ты представь — ночь, луна, звезды... Прожекторы освещают сцену, на которой стою я во фраке... Говорю торжественную речь и поджигаю себя... Ну как?

— Месяц назад ты уже так поджег себя на вечеринке у мэра, забыл? Ты тогда еще весь в саже сидел в прудике, прикрываясь кувшинками, и ждал, когда я принесу, во что одеться.

— Тогда это вышло случайно, костюм я поджигать не собирался. Если бы эта дура не начала заливать меня вином, все было бы нормально.

— Если бы изначально ты сказал этой дура, что являешься фениксом, было бы еще проще.

— Эта дура должна была знать, какого колдуна пытается затащить в койку. А то: «Покажите что-нибудь магическое, необычное...» Такой трюк испортила!

— Зато твоя голая задница побила все рекорды продаж в желтой прессе.

— Ладно, черт с ним, с суицидом, вернемся к отцу. Ты же знаешь, что есть исключение из Закона. Пусть женится, тогда ограничение на детей перестанет действовать.

— За всю историю было зарегистрировано не более трехсот браков между колдунами и ведьмами. И ты отлично понимаешь почему. Твой отец на это не пойдет, — равнодушно ответила я, примерно представляя, куда этот разговор опять нас заведет, и поставила пустую чашку на стол.

— И это мне сейчас говоришь ты.

— Вот поэтому и говорю: Александр Иванович никогда не пойдет на брак с ведьмой, даже ради наследника. Ты сам виноват, не стоило давать ему обещание, что после тридцати заключишь контракт на рождение ребенка.

— Он тогда меня поймал и прижал к стенке, — с досадой отрезал босс и забарабанил пальцами по столу, словно пытался найти выход из ситуации. — Какова вероятность того, что он явится ко мне в офис?

— Не больше двадцати процентов. Поверь, ему удобнее каждый час доставать тебя по телефону. Александр Иванович грозился подключить клан, если ты продолжишь дурить. А вот против Главы тебе не выстоять.

Дима резко отвел взгляд, в глубине которого что-то мелькнуло, но я так и не разобрала — что, и неожиданно произнес:

— Слушай, а давай заключим с тобой контракт.

Ну вот, опять.

В первый раз, где-то пол года назад, когда он сделал мне подобное предложение, я тоже пила кофе и чуть не подавилась от удивления.

Но это было тогда, сейчас я только пожала плечами и спокойно ответила:

— Не выйдет.

— Нет, а что, по-моему, хорошая идея. Все останутся в выигрыше. Ты получишь деньги, я заряджу артефакты, плюс еще и ребенок.

— Ты просто хочешь на халяву зарядить артефакты.

При мысли о зарядке артефактов его синие глаза привычно заблестели, а на смазливом лице появилась соблазнительная улыбочка. Каюсь, даже у меня с моим иммунитетом к этому несносному колдуну невольно сбилось дыхание, и сердце заколотилось чаще. Ведь знает, паразит, что хорош, и без зазрения совести пользуется этим.

— Прелесть моя, я не отказываюсь, сколько я предлагал тебе в последний раз за инициацию?

— Много. — Я вновь равнодушно пожала плечами.

— Готов увеличить еще процентов на пять плюс сумма по контракту. С твоей силой и потенциалом — стопроцентно родится девочка, так что получишь еще и сильную дочку. Ну же, Татьян, соглашайся. — Дима откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

Мышцы красиво забугрились...

Интересно, а если я сейчас соглашусь, его удар не хватит?

Нет, не хватит, он с этой инициацией и артефактами с самого начала меня достает и только обрадуется положительному ответу.

Самое паршивое, что и Александр Иванович уже начал посматривать на меня весьма красноречиво, видимо, решил, что для контракта с его сыном я не так уж и плоха. А если подключить сюда его клан и Марианну, то мне вообще хана. Придется либо сознаваться в своей неполноценности, либо рисковать. И я не знаю, что хуже.

— Но тогда ты лишишься отличного помощника.

— В каком смысле? — невинно захлопал ресницами Дима.

— В том смысле, что я работать на тебя больше не буду.

— Хм, об этом я не подумал. Что, прям никак?

— По контракту мы должны будем в течение одного года зачать ребенка, о какой работе может идти речь? Разве тебе нужны слухи?

— О нас с тобой и так ходят слухи, — улыбнулся колдун, которому такие слухи очень нравились, он старательно их подогревал, мало того — и меня заставлял это делать.

А сразу после окончания испытательного срока, так и не сумев добиться интимных отношений, заявил, что я должна прекратить его позорить.

«Танюш, — сказал он мне тогда, — посмотри на меня. Я — Дмитрий Соколов. И ты хочешь сказать, что я не смог затащить в постель собственную секретаршу? Не роняй мою репутацию, солнышко, она создавалась годами, и держи язычок за зубками. Пусть все считают, что ты просто слабенькая ведьма».

Я и молчала, не отрицая и не подтверждая слухов.

— Вот и не стоит добавлять новых сплетен. — Я взглянула на часы, прекращая разговор. — У тебя еще пять минут.

Дима кивнул и не спеша вышел, предоставив мне возможность оценить его упругие ягодички.

Чертов позер.

Я проводила взглядом роскошную фигуру своего начальника и слегка покачала головой. Губы сами собой сложились в улыбку, которую тут же пришлось спрятать. Каждый раз одно и то же.

Нет, все-таки красные труселя ему не нужны. И дело совсем не в том, что они в совокупности с красными простынями смотрятся пошло, Димка чаще всего вообще спит голым. Просто они совсем не сочетаются с цветом его глаз... А вот белые и темно-синие точно закажу.

— Митя, ты тут? — пропела красавица-блондинка, томно выплывая на кухню.

На точеной фигурке новой любовницы шефа была лишь его серо-голубая рубашка, застегнутая всего на три нижние пуговицы. Грудь четвертого размера, явно побывавшая у пластика, практически вываливалась на всеобщее обозрение.

«Рубашка от Gucci, последняя коллекция, — с досадой подумала я, сама ведь покупала месяц назад во время командировки в Италию. — И как они только умудряются надевать самые дорогие вещи босса? Радар на бабки, что ли, у них стоит? Эта рубашка стоит более ста тысяч».

— Ой, а где Митя? — пропищала блондинка, нервно оглядываясь и застегивая пуговички на рубашке.

Надо же — Митя... прям романтика.

— Одевается. Кофе?

— Нет. — Дамочка, поняв, что сцену ревности с вырыванием волос я устраивать не намерена, скользнула по мне быстрым оценивающим взглядом. — Ты Татьяна, да?

Что за фамильярность?

— Татьяна Анатольевна.

— А я — Ника.

— Очень приятно.

Я осторожно прошла по ауре блондинки (так, на всякий случай).

Не ведьма, обычный человек, значит, ничего серьезного и долгоиграющего ждать не стоит. Браки между колдунами и людьми заключались еще реже, чем между колдунами и ведьмами, уж слишком слабыми в магическом плане рождались дети.

Но заинтересовало меня совсем другое.

Блока не было, вот совсем не было, даже самого элементарного. Девчонка оказалась открыта полностью, при желании и большом количестве свободного времени даже я с моим низким уровнем силы и слабыми способностями к ментальной магии могла просмотреть всю ее жизнь от начала и до конца. А если бы захотела — могла бы кое-что убрать, а кое-что даже изменить. Причем далеко не в лучшую сторону.

Что за глупая беспечность? Если в каком-нибудь захолустье подобную безалаберность еще можно простить, то тут, в столице, это конец. И закон не остановит. Попадет в хищные лапы, и ей просто выжгут все воспоминания и слепят из нее послушную секс-куклу, которая станет с радостью выполнять любые, даже самые мерзкие, желания своего господина. От этих мыслей меня передернуло.

И где только Димка ее откопал?

Осторожно юркнула в воспоминания, просмотрела их.

Видимо, секс с Димкой действительно был сногшибательным, потому что остаточными эмоциями, которые колдун не успел в себя впитать, меня потрянуло основательно. Только в самый последний момент сдержала стон, впившись пальцами в столешницу. Грудь налилась, а внизу живота сладко заныло.

Вот и поплатилась за свое любопытство.

Сдалась мне эта деревенщина, теперь мучайся от неудовлетворенности. Димка точно заметит. А чем мне это может грозить, я хорошо представляла.

Но сохранить лицо я все-таки сумела, так как девчонка ничего не заметила.

— Я столько о тебе слышала, — продолжала радостно улыбаться Ника. — Ты же единственная, кто с Митей проработал больше года.

«Три уже, почти четыре», — рассеянно отметила я и вновь взглянула на часы — пока успеваем.

Но девочка ничего так, симпатичная, надо будет ей подарок поприличнее подарить при расставании. А в том, что этот подарок придется выбирать именно мне, я нисколько не сомневалась.

Что-что, а вкус у Димы отменный. Хотя чего еще ждать от колдуна с такой обширной многолетней практикой! Но что-то я опять отвлеклась.

Несмотря на то что девушка слегка откорректировала внешность у пластика (все-таки это глупо... вместо того чтобы поставить минимальный блок у любого мало-мальски сильного колдуна, вбухала все средства в красоту — видимо, выбрала самое ценное!), было в ней что-то притягательное. Может быть, взгляд? Да, такие невинно-детские, обделенные интеллектом глазки никого не оставят равнодушным.

Тем временем блондинка продолжала что-то мило щебетать, накручивая локон на палец и придвигаясь ко мне все ближе, ближе, потом еще ближе.

Хм... а ведь она точно знает, кто я такая.

Тут два варианта... хотя нет, даже три (хотя третий совсем уж бредовый).

Первый. Девушка — непроходимая дура с полным отсутствием чувства самосохранения. Потому что приближаться к ведьме в таком виде — сродни самоубийству. Все-таки мы невероятные собственницы, и соперницу, тем более обычного человека, запросто можем... мм... наказать.

Второй. Она надеется с моей помощью удержаться подольше в качестве любовницы Димы. Тогда она дура в квадрате. Потому что хуже ведьмы-врага может быть только ведьма-союзница — никогда не знаешь, когда и куда будет нанесен удар.

Ну а третий вариант — она бисексуалка и с первого взгляда по уши в меня влюбилась...

Но данную мысль мне развить не дали.

— Отправляемся. — Дима появился на пороге кухни, застегивая на ходу манжеты белоснежной рубашки.

Увидев объект своих мечтаний, девчонка томно изогнулась и прерывисто задышала, даже глазки чуть закатили...

Хм, может, у нее эпилептический припадок начинается?.. Но пена изо рта вроде не течет, руки-ноги не дергаются, да и падать на пол не собирается...

Значит, выбрасывает флюиды в сторону колдуна.

Зря она так. Димка уже настроился на деловой лад и успел нацепить маску «я великий босс». Он коротко глянул на новую пассию и равнодушно произнес:

— Из квартиры не выходи. Я буду вечером. Еда в холодильнике.

— Но... — Куколка попыталась обидеться, даже губки надула.

— Если попытаешься уйти, то охранка, не настроенная на тебя, просто изуродует твоё личико. Ты же этого не хочешь? — Затем босс повернулся ко мне: — Разина, ты идешь или нет?

— Да, Дмитрий Александрович.

Схватив шубку, я быстро пошла за ним, даже не глянув на замершую блондинку. Ведь действительно, еще немного, и опоздаем.

Через пять минут мы уже сидели в машине. Причем шеф, несмотря на легкое пальто, даже не вздрогнул от холода, тогда как меня еще долгое время потряхивало в теплом салоне.

Ну конечно, с его-то резервом можно голым расхаживать без каких-либо последствий для организма.

— Дим? — произнесла я, как только перестала дрожать.

— Мм?

— Ты почему ей блок не поставил?

— Кому? — Шеф поднял взгляд от бумаг и, недоуменно нахмурившись, повернулся ко мне.

— Нике, — вовремя вспомнила я имя девушки.

Но Димке это имя ничего не сказало.

— Это кто?

— Та блондинка, с которой ты провел сегодняшнюю ночь.

— А-а-а. Тоже увидела? Тань, я не занимаюсь благотворительностью. Если она сама не догадалась, что я могу сделать?

— Дим, но ты же понимаешь, чем это может для нее обернуться?

— Закон запрещает использовать магию во вред людям, особенно ментальную.

— Я лично знаю как минимум два способа заметания следов при ментальном воздействии, а менталистов со средним уровнем силы — больше сотни. Никто, даже Стражи, не смогут доказать, что произошло воздействие.

— И часто ты вправляешь мозги людям? — вдруг заинтересованно спросил колдун, поворачиваясь ко мне всем корпусом.

Если бы. Не с моим уровнем.

— Не болтай глупостей.

— И с чего такая забота?

— Дим, ты спал с ней.

— И что?

— А ничего. Неужели нельзя...

— Нельзя, — отрезал шеф. — Тань, постановка блока требует энергии и сил.

— Так она тебя сегодня неслабо подзарядила, даже сверх меры.

Он отложил в сторону бумаги и откинулся на спинку сиденья. Плотоядная улыбка совершенно не сочеталась с холодным блеском в голубых глазах.

— Отхватила отголосок? А я-то думаю, чем от тебя так вкусно пахло?

— Ты можешь говорить серьезно?

— Тань, отношения между колдунами, ведьмами и людьми весьма четко регламентированы. Мы получаем заряд силы, они — невиданные ощущения. Все счастливы.

Ответить мне было нечего.

Прав... абсолютно прав.

— Но ты должен был хотя бы сказать ей...

— Запомни на будущее, солнце, инициатива в нашем случае наказуема. Ты мне лучше вот что скажи...

ГЛАВА 2

Переговоры прошли удачно. Впрочем, ничего иного просто не могло быть, если в них принимал участие Соколов. Ему, даже не прибегая к магии, всегда невероятным образом удавалось расположить к себе всех и добиться желаемого с минимальными потерями. Природная харизма во всей красе.

Этот день должен был закончиться хорошо. Ничто не предвещало грозы.

Я расслабилась, утратила бдительность. Ведь если бы я не была так занята, никогда не ответила бы на этот звонок.

Но телефон зазвонил, и, прокручивая в голове план мероприятий на завтра, я, не глядя на номер, схватила сотовый и ответила.

— Да, я вас слушаю.

— Я хочу забрать своего внука, — без всяких предисловий сказал сухой мужской голос.

Осторожно отложила в сторону ручку и перевела взгляд на огромную пальму, стоящую в кадучке напротив меня.

— Здравствуйте, Максим Леонидович. — Мой ответ прозвучал на удивление спокойно и ровно, хотя внутри все дрожало от паники.

Страх привычно сжал сердце и стал подступать к горлу.

Нет, так не пойдет, я уже не та маленькая девочка, которая стояла на пороге его дома и просила о помощи, не та, которая была вынуждена защищаться из последних сил в Совете по правам опеки. Не один год прошел, а все равно каждый раз, когда слышала этот надменный голос, теряла весь лоск и всю уверенность.

— Не заговаривай мне зубы, ведьма, мне нужен мой внук.

— Насколько я знаю, вам не запрещено видаться.

— Мне нужен мой внук!

— Максим Леонидович, — как можно спокойнее ответила я, зная, что это выведет его из себя еще больше. Я не забыла, как колдуна бесит, когда с ним разговаривают в пренебрежительном тоне, — мы с вами уже неоднократно это обсуждали, Дениса вы не получите... никогда. Скажите, что еще вам не понятно?

— Слушай меня, тварь...

— Еще одно слово, и я обращусь в Совет. Вы не имеете права мне угрожать, не имеете права звонить и что-то требовать. Я в состоянии добиться запрета на ваше общение с Денисом, но не сделала этого только потому, что люблю его, а вы все-таки его дед. Но я в любой момент могу изменить свое решение.

— Думаешь, если ты спишь с младшим Соколовым, он тебе поможет? Запомни, ведьма, мне нужен мой внук, и я его получу.

Он отключился.

Я еще некоторое время подержала телефон у уха, затем аккуратно положила его на стол и потеряла виски. Голова болела нещадно.

— Тань, слушай, куда ты дела приглашение на вечеринку к этим... как их?.. — Дима быстро вошел в приемную и замер у моего стола, так и не закончив фразы. — Эй, ты чего?

— Все нормально. — Я резко вскинула голову, убирая руки от лица, и привычно улыбнулась. — Чье приглашение ты потерял?

— Черт с ним, с этим приглашением, что случилось?

— Все нормально.

— Сначала научись врать, ведьма, тем более такому сильному колдуну, как я...

— Как скромно.

Дима фыркнул и присел на угол стола, слегка сдвинув папки в сторону. Ведь знает, что я терпеть этого не могу!

— Колючка, у нас нет совести, ты забыла? — очаровательно улыбнулся он и подмигнул. — Мы вообще бесчувственные исчадия зла, демоны похоти и разврата... Я ничего не забыл упомянуть?

— Нет... Я помню.

— Так в чем проблема? Мелкие опять что-то натворили?

Пришлось признаться, Димка ведь все равно не отстанет.

— Нет, опять Максим Леонидович.

— Требуется Дениса? — понимающе кивнул Дима и слегка нахмурился. — Хочешь, я с ним поговорю?

Мне стало как-то совсем плохо. Только этого не хватало для полного счастья!

— Нет. Спасибо, Дмитрий Александрович, не стоит. — Я резко перешла на деловой тон, давая понять, что обсуждать свою личную жизнь больше не хочу.

Но остановить Димку всегда было очень и очень сложно.

— Тань, колдун не будет играть честно.

— А он никогда честно не играл. Все нормально, я справлюсь. Так какое приглашение ты искал?

Он еще некоторое время вглядывался в мое лицо.

— Слушай, я понимаю, что ты жутко самостоятельная и независимая, но тут дело касается Дениса и Главы клана. Я до сих пор удивляюсь, каким чудом тебе удалось выбить у Совета право опеки над братом, но Разин больше не повторит своей ошибки.

— И что ты предлагаешь? Отдать ему Дэна и успокоиться?

— Я этого не говорил. Ты просто должна воспользоваться моей помощью.

Должна...

Зря он использовал именно это слово.

Я никому ничего не должна. Тем более Соколову.

Поэтому ответ был весьма лаконичен и категоричен:

— Нет.

— Тань...

— Дим, нет. Я справлюсь. Всегда справлялась и сейчас смогу. Но спасибо за поддержку.

Босс нахмурился, губы его сжались в упрямую линию.

— Если ты боишься, что я чего-то потребую у тебя взамен...

— А ты не потребуешь? — Я откинулась в кресле и скрестила руки на груди.

Димка тут же опустил глаза, рассматривая мои, так сказать, выпуклости.

— Тань, ты же знаешь, что рано или поздно тебе надо будет пройти инициацию, ведь так? Ты не можешь довольствоваться таким небольшим магическим резервом, какой есть у тебя сейчас. У тебя же такой потенциал. Так почему этим колдуном не могу быть я? — Димка говорил все тише, все проникновеннее, медленно наклоняясь в мою сторону. — Поверь мне, солнышко, я буду очень нежным, терпеливым... ласковым и страстным... я покажу тебе звезды, подарю такое наслаждение, о котором ты даже не мечтала.

Его губы замерли всего в паре сантиметров от моих, гипнотические синие глаза затянуло поволокой.

Прелесть-то какая...

Вот интересно, если я сейчас встану и начну ему аплодировать, Димка обидится? А я от чистого сердца, ведь такой актер пропадает...

— Нет, Дмитрий Александрович. — Кончик моего указательного пальца коснулся сто губ, останавливая. — Я твоя помощница, ты мой работодатель, мы друзья, и... давай не будем портить все это.

Кончик его языка коснулся подушечки моего пальца, вызвав такой шквал эмоций, что я чуть с кресла не свалилась. Пришлось резко отскочить в сторону, спрятать руку за спиной. Чертова темная сущность, расположившаяся у самого моего сердца, рвалась и бесновалась, почуяв колдуна и его силу.

А вот это уже не по правилам. Личное пространство нарушать нельзя.

— Ты чего творишь?

— Смотрю на твою реакцию, — самодовольно ухмыльнулся колдун, совершенно не обращая внимания на мой хмурый вид. — И поражаюсь выдержке. Солнце, тебе уже двадцать четыре года, так долго с инициацией на моей памяти никто не тянул, решила все рекорды побить?

— Тебя это не касается.

— Ну конечно, не касается. Когда передумает, ты знаешь, где меня искать.

Конечно, знаю.

Точный адрес с прямой отправкой на двуспальную кровать с красными простынями.

Зря я, наверное, вспомнила про простыни. Разбуженная близким соседством сущность, пользуясь низким маг-резервом, вновь разыгралась не на шутку, выдавая один соблазнительный образ за другим. И как результат — выброс гормонов, легкая дрожь, учащенное сердцебиение.

Естественно, Димка это тоже почувствовал: глазки опасно заблестели, а лицо словно заострилось и сделалось хищным.

Но мгновение... секунда... и он вновь стал самим собой.

— Иди-ка ты сегодня домой пораньше, — вдруг произнес колдун.

— В смысле?

— Отдохни, прими расслабляющую ванну с лепестками роз, натрись каким-нибудь ароматным маслом. Только не ванильным, терпеть не могу этот запах. Про то, что корицу тоже не стоит использовать, ты и так знаешь.

Конечно, знаю. Какая ведьма в здравом уме будет пользоваться корицей рядом с фениксом? Это же смерти подобно. Но вот такое его поведение совсем подозрительно.

Видимо, что-то отразилось на моем лице, так как Димка страдальчески закатил глаза и ловко соскочил с моего стола на пол.

— Колючка ты, Разина. Не надо во всех моих словах и поступках искать скрытый смысл и подвох. Я, конечно, не подарок, но...

— То есть никакого скрытого смысла? — Я выразительно приподняла бровь и слегка склонила голову набок.

— Нет, если ты вдруг пригласишь меня потереть спинку, я отказываться не буду.

— Пф...

— Слушай, как с тобой вообще мелкие живут? Ты же просто ходячая вредность.

— Я — ведьма.

— Собирайся уже домой, ведьма.

С видом оскорбленного мужского достоинства Дима гордо прошагал в свой кабинет.

А у меня не было ни сил, ни желания осмысливать его поведение. Поэтому, пока босс не передумал, я быстро запихнула бумаги в сумку, схватила шубку и двинулась в сторону выхода.

Но только взялась за ручку двери...

— Слушай, колючка...

Ну вот, так и знала... а счастье было так близко!

Медленно обернулась и увидела шефа, который, сложив руки на груди, стоял в дверном проеме и смотрел на меня.

— Да, Дмитрий Александрович.

— Тебя Владимир отвезет домой.

— Как?

— Молча, Разина, молча. Слушай, не тупи. На улице холодно. Стихийники из-за очередной глупой грызни кланов с метеоусловиями будут возиться еще дней пять. А у тебя и так резерв минимальный, заболеешь еще... будешь тут сопли вытирать, потому что больничный я тебе точно не дам. А смотреть на твою несчастную физиономию никакого желания нет, вылечить-то ты себя точно сразу не сможешь. Так что лучше уж избежать всего этого.

— Знаешь, Дим, ты...

— Знаю, знаю, прелесть я. А ты вот не ценишь. Другие ценят, а ты нет. — Он тяжело вздохнул и покачал головой. — Прямо обидно. Ладно, иди уже. И завтра не забудь утром за мной заехать, потом вместе поедem к мэру.

— Хорошо.

Владимир, личный водитель-телохранитель Дмитрия, как и обещал шеф, ждал меня у самого входа.

Увидела его мощную фигуру на фоне зарождающейся снежной бури, и меня в который раз ощутимо передернуло. Нельзя ведьме, пусть даже неинициированной, так реагировать на обычного человека без каких-либо задатков магии. Но стыдно за свой страх не было.

Владимир (Вовой его мог назвать только самоубийца или полный идиот) на всех производил должное впечатление — ростом под два метра, с широченными плечами, огромными кулаками размером с мою голову, бычьей шеей, на которой крепко сидела плоская лысая голова, и равнодушными, словно мертвыми, светло-голубыми глазами.

После такого уже ничего не страшно. Но так я думала ровно до умопомрачительного момента, когда совершенно случайно увидела улыбающегося Владимира... Незабываемое зрелище.

Пришлось даже успокоительный чай себе заваривать, чтобы хоть как-то прийти в себя.

Я как-то спросила у Димы, зачем ему вообще личный телохранитель, тем более не колдун, а обычный человек.

— Разина, ну ты даешь. С колдунами я и сам разберусь, да и не сунутся они ко мне просто так. А вот люди... для них нужна другая демонстрация силы, — ответил мне тогда шеф.

Как бы то ни было, со своей работой Владимир справлялся отлично.

— Владимир, — пропищала я с заднего сиденья, когда мы почти доехали до дома, — высади меня, пожалуйста, вон там. Мне надо в магазин... продукты купить... я сама до дома дойду.

— Дмитрий Александрович велел доставить вас до квартиры, — равнодушно ответил тот.

— А продукты...

— Я сопровожу вас.

Так быстро в самый час пик я никогда еще не закупалась. Мало того что меня трясло от близкого соседства этой гориллы, так нас сразу и везде пропускали без очереди. Думаю, скажи Владимир хоть слово, отоварили бы и без денег.

Мужчина, так и не произнеся больше ни слова, довел меня прямо до двери квартиры, вручил пакеты и так же молча удалился.

Брр... страшная личность, хорошо хоть — человек.

— Всем привет, я пришла, — громко прокричала я в тишину коридора, ставя пакеты с продуктами на пол. — Есть кто дома?

Из дверного проема вынырнула вихрастая голова, глянула на меня и снова пропала.

Поздно, я его уже засекала.

— Ты помогать мне не собираешься?

Через мгновение, сопя и тяжело вздыхая, появился Денис и, шаркая, подошел ближе.

— Че делать-то надо?

— Сумки отнеси на кухню, мужчина. — Вешая шубку на крючок, тепло улыбнулась и принялась разуваться. — Вы поужинали?

— Угу. — Денис, все так же сопя, потащил пакеты на кухню.

Настроение у него явно было не праздничное.

— А Лиза где? — Я быстро прошла следом и принялась разбирать продукты.

— В комнате заперлась.

— Ясно. Очередной мальчик?

Дениска пожал плечами и потянулся за большим зеленым яблоком.

— Мыть!

— Чего?

Поставив молоко в холодильник, я изучила мордашку брата и на всякий случай сказала:

— И руки, и яблоко.

— Но я мыл руки, — возмутился Денис.

— Когда?

— Сегодня.

— Уже радуется.

— Ну, Та-а-ань.

— И слышать ничего не хочу. У нас поесть что-нибудь осталось?

Дэн удостоил меня безразличным взглядом и пожал плечами. Какие все общительные!

В холодильнике нашлись отбивная и чуть-чуть овощей для салата.

— Как дела в магии? — поинтересовалась я между делом.

— Нормально... Сегодня дед заезжал.

Рука с ножом слегка дрогнула, и я чуть не порезала себе палец, но на этот раз обошлось.

— Чего хотел? — как можно равнодушнее спросила я.

— Забрать меня а клан.

— А ты чего хочешь?

— В клане спокойнее, никто не... не мешает, и дед будет обучать магии ежедневно...

— Да, уроки магии очень важны.

Салат все-таки пришлось отложить, тем более что аппетит окончательно пропал. Надо было догадаться, что Максим Леонидович просто так не остановится, и звонок — это только начало.

— Но... дед же не позволит нам общаться. — Денис не спрашивал — утверждал, и я ничего не могла сказать в ответ или хотя бы утешить.

— Не позволит.

— А я не хочу уезжать... и мама с папой не хотели бы.

— Дэн, ты должен решить, что для тебя лучше.

— Мы — семья. — Мальчишка упрямо мотнул головой и отвернулся.

Семья...

Да, мы семья под номером двести семьдесят шесть. Ведь именно под этим номером от начала истории и был зарегистрирован брак между сиреной и некромантом... нашими родителями.

Брак, который в свое время наделал столько шума и с последствиями коего я не могу разобраться до сих пор.

Вообще некроманты крайне скрытные маги, даже внутри собственного клана они держатся обособленно и редко с кем-то общаются, стараясь не влезать в межклановые интриги и заговоры. И в то же время некромантия — крайне редкий дар, и наличие колдуна или ведьмы-некроманта в клане — невероятные удача, везение и почет.

Так что новость о том, что Анатолий Разин, который по праву считался одним из сильнейших некромантов России, решил заключить контракт, двадцать пять лет назад наделала много шума. Ему тогда на согласование были отправлены сотни анкет самых различных ведьм, а он неожиданно выбрал слабенькую, никому не известную сирену.

Марине Орловой было всего двадцать, когда Глава клана втайне от нее отправила анкету. Девушка, обладающая красивым голосом с легким магическим флером (все в рамках закона), работала певицей в маленьком ресторанчике. Из-за небольшого магического резерва и отсутствия какого-либо таланта она не пользовалась популярностью среди себе подобных. Клан практически махнул на нее рукой, и ту анкету отправили просто так, для галочки.

Но именно благодаря свободе и отсутствию какого-либо контроля (ведь собственная мать совершенно не интересовалась жизнью дочери) Марина, живя и общаясь большей частью с людьми, выросла не совсем обычной ведьмой. Она умела смеяться, радоваться жизни, общаться с обычными человеческими женщинами, не делала разницы между ними и собой и верила, что однажды, преодолев проклятие всех магов, сможет полюбить.

Ей даже казалось, что она влюблена. Ведь уже много месяцев у нее был тайный поклонник, мужчина приходил на ее выступления с огромным букетом темно-красных, почти черных роз, садился за дальний столик в углу и просто слушал, как она поет. А потом передавал через официанта цветы и исчезал во мраке улиц. Марина даже не знала, как давно он приходит, просто однажды обратила внимание и не смогла сдержать любопытства. А потом каждый день с замиранием сердца ждала его появления.

И вот однажды ведьмочка не выдержала, в перерыве сама подошла к нему и пригласила в гримерную. Незнакомец оказался колдуном: высоким, худощавым, с внимательными серыми глазами и легкой щетиной на узком лице. Темно-русые волосы были коротко подстрижены, и сам он производил невероятное впечатление.

Мама рассказывала, что не знает, что тогда с ней произошло.

Может, сущность, почувствовав сильного колдуна, вырвалась на свободу, может, она просто не устояла перед этими серыми магическими глазами, но факт остается фактом. В той самой гримерной, забыв запереть хлипкую дверцу, на шатком столике, куда ее резко усадили, юная

сирена отдалась незнакомому колдуну. Такого восторга, такого прилива магии Марина не испытывала никогда. Даже во время инициации все было намного спокойнее.

С трудом переводя дыхание, чувствуя, что собственный резерв набит до такого состояния, что еще немного — и просто лопнет, ведьмочка лениво наблюдала, как колдун быстро приводит в порядок свою одежду. Затем он быстро подошел к ней, провел носом по шее, вдыхая аромат, отчего кожа вновь покрылась мурашками, а между ног сладко заныло, и, не сказав ни слова, развернулся и ушел.

В следующий раз он пришел через три дня. Дождавшись окончания концерта, сам подошел к ней. Взял за руку и молча вывел из ресторана.

На этот раз они занимались любовью в темном переулке и снова не произносили лишних слов. Была лишь обжигающая страсть, лишающая воли и рождающая зависимость.

Так что новость о том, что от ее имени заключили контракт с жутким некромантом, привела девушку в шок. Но идти против Главы клана она не могла. Единственное, что оставалось, — это поговорить с колдуном и попросить его расторгнуть соглашение.

Выяснив адрес некроманта (а жил он, как оказалось, в частном доме на окраине Москвы), девушка сразу же направилась к нему. Всю дорогу ехала, вцепившись в руль своей подержанной маленькой машины, ее трясло от страха и неуверенности.

Марина отлично знала, кто такие некроманты. Одни из самых опасных и непредсказуемых колдунов, они не только общаются с духами, поднимают тела людей из могил, но и воздействуют на сущности. Чем сильнее некромант, тем он опаснее для любой ведьмы и колдуна, ведь, подчинив себе живущие внутри них сущности, он способен не только управлять ими, он может просто уничтожить, выжечь магию.

Остановившись у дома, сирена еще некоторое время удивленно осматривалась. Не так она представляла себе жилье могущественного некроманта — никаких тебе железных кованых врат, никакого заросшего сада с видом на старое кладбище. Нет, это был обычный двухэтажный дом мягкого бежевого цвета с красной черепицей, занавесочками на окнах, аккуратно подстриженным газоном, у входа — даже парочка клумб с цветочками.

Немного успокоившись, девушка решительно схватила сумку и, хлопнув дверцей, направилась к дому. Ведьмы никогда не преклонялись перед колдунами, и она не будет.

Дверь открыла невысокая полненькая женщина, обычная пенсионерка. По виду чистый божий одуванчик, только взгляд карих глаз — острый и проницательный.

— Добрый день. Чем могу вам помочь?

— Здравствуйте. — Марина улыбнулась как можно более жизнерадостно и добавила в голос чуть-чуть флера. Капелька участия и расположения не повредят. Особенно когда ты не уверена в себе. — Мне необходимо увидеть Разина Анатолия Максимовича.

— Он не принимает дома.

— Я не по поводу работы... это личное.

— По личным вопросам он тоже не принимает, особенно ведьм. — Старушка совершенно не хотела входить в ее положение и отвечала сухо и равнодушно.

— У меня с ним заключен контракт. — Марина быстро достала из сумки внушительную папку и потрясла ею.

— Анатолий Максимович не назначал вам сегодня встречу. И вообще, зря вы сюда явились... девушка. Ваши... встречи будут проходить в другом месте и в другое время, об этом вам сообщат по телефону.

Решительно отпихнув визитершу, старушка захлопнула дверь. Марина осталась стоять на улице с открытым от удивления ртом. Придя в себя от шока, девушка собиралась вновь забарабанить в дверь, но передумала. Можно было, конечно, подсунуть какое-нибудь маленькое проклятие... но пакостить некроманту может только самоубийца.

— Ну, ничего, не хочет по-хорошему, будет по-плохому, — прошептала она и направилась к своей машине.

Через два дня на ее телефон пришло сообщение, девушке велели явиться в отель по указанному адресу в двадцать один ноль-ноль, захватив с собой все документы.

Прочитав, что колдуну требуются справки от врачей, ведьма чуть не запустила телефон в стену.

Да как он смеет? Подумаешь, некромант, и что теперь? Ползать перед ним на коленях и восторженно хлопать глазками?

Нужно ли говорить, что приказ ведьмочка саботировала — просто сидела в своей квартирке, игнорируя призывно звонящий телефон (сначала звонил некромант, потом мать, затем к ним присоединилась Глава). Конечно, глупо, по-детски, и завтра ей не сносить головы, но выполнять условия контракта совсем не хотелось.

Но волновало ее тогда другое. Таинственный незнакомец вот уже неделю не появлялся в ресторанчике.

Да, она, конечно, понимала, что их отношения обречены, да и отношений-то никаких не завязалось. Марина даже не знала его имени. Между ними был только секс, и пусть он был самым лучшим в ее жизни, пусть она мечтала о большем, но...

Девушка грустно вздохнула и вновь посмотрела в окно. Погода стояла под стать ее настроению — холодно, тоскливо, дождливо. Телефон уже давно перестал звонить, и, вздохнув, она собралась ложиться спать, когда внезапно раздался звонок в дверь.

Открывать было страшно.

Кто там? Разгневанный колдун, на законные права которого она только что наплевала? Мать, так не вовремя решившая поучить ее жизни? Глава клана, идти против которой Марина не сможет, даже если захочет? Или просто соседка зашла за солью?

Марина осторожно прокралась к двери, пугаясь любого шороха, малейшего шума, и заглянула в глазок.

Ни первое, ни второе, ни третье... и не соседка.

Там, на едва освещенном единственной лампочкой пяточке лестничной площадки, насквозь промокший, стоял ее незнакомец.

Сердце буквально ухнуло вниз. В тот момент ведьмочка совсем не думала о том, как он оказался здесь, как нашел ее в большом городе, что произошло и к чему это может привести. Она просто пошла на поводу у сердца и у своей сущности, которая буквально билась внутри, требуя подзарядки и наслаждения.

Резко распахнула дверь и застыла, плаваясь под взглядом его серебристых глаз.

Он вошел, перекрыв все пути к отступлению, медленно стащил с широких плеч плащ, повесил на крючок, и все это — не отрывая взгляда от дрожащей от предвкушения девушки.

У нас не принято скрывать отношения от детей. Проще говоря, у нас в порядке вещей говорить о сексе открыто. Каждая ведьма чуть ли не с рождения объясняет дочери основные правила, да и не только правила. Просто рассказывает, каково это — быть с мужчиной, каково это — заниматься сексом, питаться энергией, чувствовать, как магия наполняет весь твой резерв, и тебе кажется, что ты можешь завоевать целый мир... Рассказывает о том, что все мужчины разные по своей сути, и энергия, взятая из них, отличается — одни горчат, другие, наоборот, сладкие, как патока, третьи с кислинкой, четвертые пахнут мятой, шестые безвкусные, и так далее. Нет абсолютно одинаковых мужчин, как нет одинакового вкуса энергии.

Конечно, люди не понимают нашего образа жизни и осуждают. Для них такая открытость и свобода нравов — дикость. Особенно стараются религиозные фанатики, сравнивающие нас с детьми сатаны. Да, наверное, они правы, сущность уж точно не творение Бога, но мы такие, какие мы есть. А в Бога я верю, пусть нас нельзя крестить, пусть мы не ходим в церковь, но это не мешает нам верить и надеяться на чудо. Я знаю, что Он есть. Он просто должен быть, потому что если есть сущность и мы, то должно же быть что-то светлое и доброе, хотя бы для равновесия в мире.

Мама рассказывала мне и Лизе о своей жизни, о том, что с ней было до того момента, как появился папа. Рассказывала и о своей инициации, право на которую выкупил один восьмидесятилетний тритон — он надеялся подзарядить древний артефакт и вновь вернуть

себе молодость и силу. Не получилось... Мама была слабенькой ведьмой, пусть и сиреной со сходной магией, и выброс во время инициации оказался низким — колдун умер через неделю. Артефакт, вместо того чтобы наполнить, наоборот, выкачал из него все, что можно было, превратив колдуна в мумию. У Марины отвращение от первого сексуального опыта со стариком перебил восторг вхождения в полную силу, возможности быть самостоятельной и самой выбирать себе мужчину.

Второго мужчину она нашла через три дня. Зашла в дорогой ночной клуб и подцепила блондинистого красавчика (постаралась найти самого красивого, накачанного и спортивного из всех возможных), просто прошептала ему на ушко пару фраз, щедро приправленных флером. Он увез ее на шикарной машине в свою роскошную квартиру. И там, на огромной кровати, Марина сделала все, чтобы забыть старого тритона и его прикосновения. Удивительно, но ей это удалось. Может, все дело в том, что мы не люди? Может быть... Но новая жизнь ей понравилась. Она три года наслаждалась своей свободой. Пока не появился некромант и ее вновь не загнали в рамки ненавистного Закона.

...Так вот, тогда ее незнакомец в два шага сократил расстояние между ними и замер, не делая попытки прикоснуться, просто смотрел прямо в глаза.

Казалось, весь мир замер вместе с ними. Марина даже забыла на мгновение, что у нее контракт и что теперь она целый год будет принадлежать другому колдуну, которого ни разу в жизни не видела и которого ненавидела всем сердцем, что только вчера мать заставила ее сходить к целителям, не просто заставила, а сама лично проводила до кабинета и проследила, чтобы с дочери сняли все блокировки. Теперь любой половой акт мог привести к рождению ребенка... Ребенка, которого система и мир не примут.

Ведьмочка представила, что если она сейчас возьмет инициативу в свои руки, то вновь отдастся колдуну, о котором ничего не знает, не знает даже его имени...

— Нет! — Она быстро сделала два шага назад и отвернулась к окну, обхватив себя руками. — Уходи.

— Ты гонишь меня? — Ни удивления, ни сожаления в голосе колдуна не было. Просто вопрос.

— Я заключила контракт!

— Ты?

— Клан от моего имени заключил контракт, но это ничего не меняет. Целый год я буду принадлежать другому, пока не родится ребенок... Уходи... Нам нельзя больше видеться. Между нами ничего не может быть. Я вчера была у целителей, они сняли блокировки.

А он, вместо того чтобы уйти, неожиданно подошел ближе, обнял и притянул ее к себе, зарылся носом в ее макушку, вдыхая запах.

— Не надо, — прошептала она, всеми силами стараясь совладать с собой и со своей сущностью.

— Надо.

В голове мелькнула постыдная мысль — еще раз... самый последний... с ним...

А колдун словно почувствовал ее метания и сомнения. Развернул к себе, покрыл лицо поцелуями, сначала легкими, почти невесомыми, а потом страстными и жгучими.

Девушка вновь уступила ему всю инициативу. Очень медленно он стащил с нее кардиган, майку, широкие домашние брюки, теплые шерстяные носки, оставив в одних трусиках. И все это — не прекращая целовать, гладить, ласкать.

Марина, зачарованная эмоциями, чувствами, запахами, так и не поняла, когда мужчина разделся сам. Колдун пах свежескошенной травой и сандалом.

Мгновение, и вот они совсем близко: кожа — приникла к коже, дыхание — одно на двоих.

Мягкость пушистого пледа за спиной и тяжесть крепкого мужского тела...

Резкое движение и плавное скольжение...

Слабый вскрик и глухой стон...

Энергия, казалось, была кругом. Марина пила ее и не могла напиться, задыхалась от наслаждения.

Разрядка оказалась быстрой и мощной, заставила ее изогнуться и до крови закусить губу, чтобы не закричать. Колдун с силой вмял сирену в матрас и задрожал, получая свою долю энергии, потом отодвинулся и упал рядом с ней, с трудом переводя дыхание.

Весь масштаб катастрофы Марина осознала через пару минут, осознала и с трудом подавила желание биться головой о стену — вот попала так попала! Она же только что нарушила закон, и по головке ее за это не погладят.

Девушка посмотрела на любовника и уже собиралась высказать все, что она о нем думает, — ведь он же знал о том, что она заключила контракт, знал о том, что с нее сняли блокировку, и все равно... Так что пусть отвечает вместе с ней!

— Ты хоть имя свое скажешь?

Колдун открыл глаза и слегка приподнялся на локте, с улыбкой ее разглядывая. Его глаза стали совсем серебристыми, словно и они подпитались энергией.

— Толя.

— Очень приятно, Толя. Как ты меня нашел? Выследил?

— Нет, твой адрес был написан на последней странице.

— На последней странице чего?

— Контракта.

— Какого кон...? — Девушка ахнула, все еще отказываясь верить услышанному. — Толя?... Анатолий Разин?

— Очень приятно. — Разин улыбнулся еще шире, отчего в уголках глаз появились очаровательные лучики-морщинки. В другое время Марина обязательно на них полюбовалась бы, но не теперь.

— Так это ты!!!

— Я, — еще больше обрадовался некромант.

Конечно, зря он так.

Нельзя издеваться над ведьмами, особенно над только что подзаряженными ведьмами. Когда энергия еще толком не успокоилась и бурлит внутри.

В противном случае тебе даже Закон не поможет. Мы же сначала действуем, потом думаем...

А сожалеем о своих проступках еще реже.

Поэтому, когда в его сторону полетело проклятие довольно длительного действия, Разин от неожиданности чуть его не пропустил. Щит он успел выставить только в последний момент, и то чисто по инерции. Ну не мог себе представить могущественный некромант, что в него будет сыпать проклятиями мелкая слабенькая ведьмочка.

— На неудачу, — задумчиво пробормотал он, глядя, как проклятие искорками осыпается вниз, и тут же отбил новое — приносящее крупные неприятности.

Сотворить следующее, страшнее и мощнее предыдущих, входившее в сотню запрещенных проклятий Закона, Анатолий не дал. Одним резким движением притянул Марину к себе и навалился сверху, обхватив стальным обручем пальцев запястья у нее над головой.

— Пусти!!! — Сирена, пытаясь и вырываясь, пыталась спихнуть его с себя, начисто забыв, что в данный момент она голая, что колдун, придавивший ее сверху, тоже наличием одежды похвастаться не может, что при каждом движении их тела соприкасаются, вызывая дрожь и зарождавая искры страсти и желания.

— Нет.

— Ты не имеешь никакого права так со мной обращаться!

— Имею, у нас контракт, ты на целый год моя. И, между прочим, это не я в тебя только что бросал проклятия.

— Ты... да я... Ненавижу.

— Слишком сильное чувство для проклятых, — прошептал он ей на ушко, а потом попытался поцеловать. Получилось только с пятого захода, а пускать в ход зубы Марина перестала с десятой попытки.

Казалось бы, откуда в мелкой слабенькой сирене, порожденной спокойной водной стихией, столько огненного темперамента?

Мама рассказывала, что ее отцом был один из огневи́ков-стихийников, большей информации от Марианны выведать не удалось, а посылать запрос в банк данных ей не хотелось. Именно от него ведьма получила свой взрывной характер, который не утратила даже после церемонии брака.

Папа после каждого такого бурного всплеска называл ее «моя цунами», мама фыркала, закатывала глаза и тут же успокаивалась. Впрочем, небольшие ссоры устраивали обоих, потому что за ними шло не менее бурное примирение.

...Зря я вновь о них вспомнила. Но мне так их не хватает, что даже через столько лет я не могу поверить, что их больше нет с нами, что я не увижу лукавую улыбку мамы, не посмотрю в серьезные глаза отца, не спрошу совета...

Да, папа сделал все для того, чтобы мы смогли выжить, но так хочется просто жить. И их историю во всех подробностях, в отличие от Лизы и Дениса, я знаю от начала и до конца. Когда-нибудь обязательно все им расскажу, но не сейчас.

Аппетит пропал окончательно, и, чтобы совсем уж не загубить этот и без того не слишком приятный день, я достала бутылку красного вина. А что? Замечательная замена антидепрессантам. Опьянеть я сильно не опьянею, а похмельем мы не страдаем. И что там Дима говорил о ванне с пузырьками? Ведь не зря же он о ней сказал. За эти годы я четко уяснила одно важное правило: что бы Соколов ни приказал или ни посоветовал мне сделать, даже просто так, вскользь — к его рекомендациям стоит прислушаться. Мне же лучше будет.

Лепестков роз у меня нет, но масел для ванны целая коллекция. Вдохновившись мыслью о приятном отдыхе, горячей ванне, свечах и маслах, я схватила халат, бутылку и бокал. Совмещу-ка два удовольствия!

Проходя мимо комнаты Лизы, замерла на мгновение, услышав грохот очередной рок-песни, означающий только одно: «Весь мир — дерьмо, кругом — враги, а я — ведьма на взводе». Что ж, значит, сейчас ее лучше не беспокоить, иначе весь пар и обиду она выплеснет на меня, а мы ведь только недавно помирились, и к новой затяжной войне я просто не готова.

Так что, пожав плечами, продолжила свой путь в ванную комнату, отчаянно надеясь, что сегодняшний день для меня закончится нормально и своего шефа я увижу только завтра.

ГЛАВА 3

— ...Я считаю, что воспринимать колдунов и ведьм как неких божественных существ и отождествлять их с Богом — само по себе глупо и странно. А у нас сейчас происходит именно это. Посмотрите на нашу молодежь, на наших детей, кем они мечтают стать, на кого равняются. Разве их интересует Бог, церковь, духовность? Нет, у них другие кумиры, другие идолы.

— Не стоит винить нас в развращенности и извращенности молодежи...

— Именно стоит. Когда Бог не принял вас и вашу мутацию, когда проклял, вы сами решили стать богами, — продолжал пафосно вещать Вознесенский.

Вот зря я включила телевизор. Просто зря. Хотела же расслабиться, отдохнуть, ни о чем не думая. И вот, пожалуйста, наткнулась на интервью этого борца за справедливость, который обвиняет нас во всех смертных грехах, причем в большей степени именно в человеческих, а они к нам не имеют никакого отношения.

Вновь внимательно всмотрелась в лидера партии «Люди — наше все», в который раз, наверное, как и тысячи других, попыталась понять, кто он действительно такой — жалкая марионетка или истинный идейный вдохновитель?

Но то, что со своей ролью пламенного гражданина, борющегося за права всех людей от притесняющих их ведьм и колдунов, он справляется на сто процентов, знали все. Вот уже третий год Роман Вознесенский, неожиданно появившийся ниоткуда, травил нас, выступая за ужесточение Закона. А ведь сначала его никто не воспринимал всерьез. Мы слишком эгоистичны и уверены в себе. За это и поплатились. Потом стало поздно.

Хорош, ничего не скажешь. И внешность у него такая располагающая — голубые глазки, темно-русые волосы, обаятельная улыбка и мягкий голос. Сшитый на заказ костюм-тройка сидел на нем просто замечательно. Это обычному человеку он казался недорогим, но аккуратным. На самом деле этот серенький костюмчик по стоимости сопоставим с моей месячной зарплатой.

Ведьма, которая имела несчастье попасть на передачу с этим чудовищем, не выдержала напора и издевательской улыбочки:

— Вас послушать, так стоит вновь ввести инквизицию, охоту на ведьм, пытки, сожжение на кострах. Вам напомнить, сколько было уничтожено безвинных женщин и мужчин более чем за три столетия Охоты?

— Не забывайте, что не все безвинны. Большинство действительно являлись ведьмами и колдунами, и то, что они творили с людьми, — бесчеловечно и чудовищно. А знаете ли вы, юная леди, сколько людей извела лишь одна ведьма, которая звалась Сунна? Напомнить, сколько жителей деревни она уничтожила, прежде чем ее схватили инквизиторы? Не стоит обвинять нас в массовых убийствах безвинных ведьм и колдунов, вина на них была. Или возьмем милого такого кузнеца из предгорий Шотландии, который в период с тысяча шестьсот шестьдесят пятого по тысяча шестьсот семьдесят четвертый украл, заманил своей магией и зверски убил более пятидесяти пяти невинных маленьких мальчиков. Вам рассказать, что он с ними сотворил, прежде чем лишить жизни? Как развлекался с бедными невинными детьми, как медленно лишал их жизни?

Девушка посерела (та история действительно была ужасна) и, судорожно мотнув головой, прохрипела:

— Это было давно. Мы не применяем магию во вред людям, мы помогаем.

— Да что вы говорите, — ядовито произнес мужчина, моментально сбросив маску мальчика-зайчика. — Какие вы, оказывается, невинные и добренькие! Не стоит рассказывать нам сказки, уважаемая. Мы нужны вам, без нас вам нечем было бы восполнять свою энергию. Ведь именно через сексуальные контакты вы подпитываетесь сами и заряжаете свои накопители.

— Все происходит добровольно. Вы получаете наслаждение, которое не можете получить ни от одной смертной или смертного, мы получаем энергию. Равноценный обмен.

Но Вознесенского это явно не убедило. Мужчина сверкнул глазами и продолжил вещать, окончательно добив юную ведьму. Кто только додумался отправить ее на дебаты с этим монстром-оратором? Такими темпами они добьются того, чтобы еще сильнее ужесточить

закон, и заставят нас носить специальные браслеты и метки... как преступников.

От этой мысли меня ощутимо передернуло, нет, не такой жизни я хотела для себя и Лизки с Денисом.

Я вновь посмотрела на экран.

— Вы аморальны, вам незнакомы слова «семья», «любовь», вы просто не знаете, что это такое. И на вас стремятся походить наши дети. На вас, на тех, кто выставляет свою невинность на торги, кто заключает контракты на рождение ребенка и подбирает самца или самку не по сердцу, а по уровню магии! На тех, кому наплевать на своего ребенка, если он другого, отличного от вашего, пола.

— А разве не «Закон о ведьмах и колдунах» принудил нас к этому? — попыталась огрызнуться ведьма.

— Если бы не этот Закон, вы бы размножились как кролики и стерли бы человечество с лица земли! Да и лазейку вам оставили, вы ведь можете заключить брак. Не так ли? Заключайте браки и рожайте столько, сколько хотите. Но нет! Ведь брак и любовь означает для вас одно — полное или частичное лишение сил и магии.

Полное или частичное лишение...

Из мамы брак высосал все до последней капли, оставил лишь воспоминания. Она даже петь перестала, чтобы лишний раз не напоминать себе о том, чего лишилась. У отца брак забрал больше половины сил, и то — благодаря его высокому уровню.

Но они никогда не жалели об этом.

Выслушивать этот бред больше не было ни сил, ни желания. Поэтому я быстро выключила телевизор, раздраженно швырнула пульт на диван и уже собиралась идти спать, когда лежащий рядом мобильник громко заиграл.

Черт, скоро мне эта музыка будет сниться в кошмарах.

— Да?

— Ты мне нужна. Буду через двадцать минут. Да, и надень что-нибудь поприличнее, — быстро произнес Дима, даже не удосужившись поздороваться.

— Насколько поприличнее?

— Удиви меня, колючка.

По голосу я поняла, что колдун улыбается.

Вот что значит проработать бок о бок столько лет. Хочешь не хочешь, а будешь знать своего шефа как облупленного.

Так что там сказал Дима? Что-нибудь поприличнее? Значит: чулки, шпильки, мини или вырез до предела и макияж «а-ля индеец, вышедший на тропу войны» или «ведьма жаждет секса». Насколько я знала, Соколов собирался провести сегодняшний вечер, да и ночь, в компании очаровательной человеческой девушки. Выдернуть его из ее цепких ручек могло только что-то действительно важное. А то, что он не взял ее с собой, означало только одно — ему нужна ведьма, причем в самой что ни на есть классической постановке: эффектная, сексуальная, смелая и раскрепощенная.

Для такого случая у меня было припасено одно платье «а-ля ночнушка». Длинное, почти до пят, из легкого, струящегося, невесомого шелка насыщенного черного цвета, с мелкими рюшами, на бретельках, с открытой спиной (ну прям очень открытой, чуть ли не до копчика!) и эффектным разрезом справа до самого бедра. Шелк был до такой степени тонким, что белье под него не надевалось. Если отсутствие бюстгалтера я еще пережила бы, то без трусов было как-то не по себе. Особенно когда за окном минус двадцать, а сопровождающий — Дмитрий Соколов.

Померила наряд с обычными труселями, повертелась у зеркала и поняла, что нет, полоски слишком видны под тончайшей тканью, да и при любом неловком движении край трусиков вылезал в глубоком вырезе на спине, что было совсем не комифо. Ведьма должна выглядеть великолепно и совершенно, особенно когда выходит в свет.

Хм, пришлось изрядно покопаться в шкафу, чтобы найти самые тонкие, самые прозрачные из всех возможных кружевные стринги. У меня даже не было времени подумать, откуда взялось это чудо с мелким стразиком на попе — в месте, где встречаются ниточки.

Вновь покрутилась у зеркала.

Что ж... вроде неплохо. Конечно, эти три ниточки и прозрачный треугольник бельем можно было назвать с большой натяжкой, но мысль о том, что на мне под платьем хоть что-то есть, как-то вселяла некую защищенность. Потом аккуратно надела самые свои невесомые чулочки.

Как только с одеждой было покончено, принялась за макияж. Вот тут магия обязательна. Сделаем глаза чуть поярче, эффектные задорные искорки, ресницы гуще и длиннее. После нанесения помады добавила влажности и блеска губам. Легкий румянец на щеки — и я почти готова.

Волосы придется распустить. Быстро щелкнула заколкой, и тяжелые локоны красивой волной упали на плечи и спину. Хм... надо и тут чуть-чуть помагичить. Легкое простенькое бытовое заклинание — и локоны слегка завились на концах, а в волосах появились яркие блики. Капелька эксклюзивных духов на запястья, на шею, в ложбинку между грудей и за мочки ушей, все слегка приправим флером...

На шею цепочка с кулоном — кристалликом назад, на спину. Теперь внимание к ней точно обеспечено.

Вот и все, резерв вновь пуст, надеюсь, у Димы действительно что-то важное.

И только после этого я взглянула на себя в зеркало и удовлетворенно кивнула — на меня смотрела ведьма. Стройная, высокая, в облегающем черном шелке, который одним своим видом вызывал мысли о спальне и огромной кровати. Расширяющееся к низу платье было свободным и струящимся, сквозь тонкий лиф виднелись горошинки сосков, и, что самое главное, — создавалось то самое нужное ощущение, что под платьем совсем ничего нет. Слегка отставила ногу в сторону и полюбовалась соблазнительным разрезом, в котором мелькнул ажурный край чулка. Густые темно-русые волосы изящной волнистой копной обрамляли красивое лицо с пухлыми губами, которые сейчас сложились в презрительную полуулыбку, и цепкими серыми глазами в обрамлении густых черных ресниц. Маленький серебристо-черный клатч, в который помещались только зеркальце и телефон, завершал образ.

Отрепетировала взгляд алчной стервы, пару раз призывно улыбнулась и томно закатила глазки, облизнула губы и вышла из комнаты.

В квартире было тихо, наверное, все уже спали. На всякий случай быстро написала мелким записку, прицепила ее на дверцу холодильника. Теперь оставалось только ждать. Дима никогда не опаздывает, так что стоило ждать его с минуты на минуту.

Только подумала об этом, как сотовый вновь зазвонил.

— Выходи.

Черные туфельки на огромной шпильке, что давно уже были зачарованы мной от падений и самых различных непредвиденных ситуаций, шубка на плечи, и я вышла из квартиры, не забыв выключить свет.

Во дворе меня поджидали зима с сильным морозом, от которого буквально перехватило дыхание, и Димка, стоявший в легком кашемировом пальто рядом с глянцевым «Ламборджини». Я даже залюбовалась. А что? Ночь, красивый мужчина с чуть волнистыми растрепанными белокурыми волосами, в черном пальто, идеально сидящем на его фигуре, дорогушая спортивная машина в довесок, и все это великолепие дополнялось огромными хлопьями снега, медленно падающими с неба.

Я бы еще залюбовалась, но внезапно поняла, что мне не холодно.

Надо же, кто-то поделился теплом. Но думать и даже благодарить времени не было.

Димка галантно открыл передо мной дверцу.

— За что люблю тебя, Разина, ты удивительно пунктуальна.

И что на это ответить? Пожала плечами и осторожно села в машину. Ну, как села,

практически легла в откинутом кресле.

А когда села, разрез слегка сдвинулся в сторону, оголив бедро чуть ли не до самого верха и привлекая внимание колдуна, который не спешил захлопывать дверцу.

Я недоуменно приподняла бровь: чего стоим-то?

Димка еще раз скользнул взглядом по моей ножке, зацепился за край чулка и только потом всмотрелся в лицо. Синие глаза ярко вспыхнули на красивом лице.

— Знаешь, солнце, я даже забыл, что ты можешь быть настолько сексуальной ведьмой.

— Вот и не вспоминай. — Я схватилась за ручку и закрыла дверцу, вызвав у колдуна тихий смех и одобрительную улыбку.

Мужчина быстро обошел машину и, вытянувшись рядом со мной, завел мотор.

Некоторое время ехали молча. Соколов смотрел вперед, на дорогу, а я любовалась волшебным танцем снежинок за окном, пряча лицо в теплом воротнике шубки. Разговаривать не хотелось, да и неловкого молчания между нами не было. Просто тишина, нарушаемая тихой легкой музыкой.

Удивительно, но с Димкой было приятно просто молчать. Может, дело в том, что мы достаточно близко знали друг друга уже почти четыре года. Хотя иногда казалось, что мы знакомы всю жизнь.

Кто бы мог подумать тогда, что все так получится!

Уж точно не я — двадцатилетняя девочка-сирота с кучей проблем, остро нуждающаяся в приличной работе и деньгах. Нет, если честно, то тогда мы не так уж чтобы совсем сильно бедствовали. Родители оставили довольно приличное наследство, и жить было где, но вечно так продолжаться не могло, и мне стоило найти свое место в жизни. Тем более что судебные издержки изрядно сократили наши сбережения. Нет, план «Б» на самый крайний и страшный случай у меня имелся, и плевать на последствия и опасность.

Тогда я уже год работала секретаршей в человеческой юридической фирме, где не было ни материальных, ни социальных гарантий и вдобавок наблюдалась явная дискриминация по магическому признаку. Трудно единственной ведьме в офисе, когда кругом одни агрессивно настроенные человеческие женщины.

Нет, в открытую меня не доставали, боялись, наверное, но полное игнорирование со стороны коллег и перешептывания за спиной очень нервировали. Потом оказалось, что начальник взял меня на работу совсем по другим причинам, не имеющим отношения к моим работоспособности и квалификации. Ему просто захотелось бесплатно поиметь молодую ведьму. Я желания шефа не оценила и выживала с трудом.

А потом, когда пребывание в офисе висело на волоске, в один чудесный дождливый день я совершенно случайно наткнулась на объявление на сайте по трудоустройству:

«СРОЧНО!

Требуется личный помощник руководителя. Ненормированный рабочий день. Опыт работы приветствуется. Оплата по результатам собеседования.

Требования:

Целеустремленность, коммуникабельность, стрессоустойчивость, работоспособность, ответственность. Готовность работать двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, двенадцать месяцев в году.

МНУ.

К. не предлагать!

Резюме отправлять по e-mail...»

Составлено было явно для ведьмы, потому что для знающих «МНУ» — это магические навыки и умения, ну а «К.» — это контракт на ребенка, от которого работодатель сразу открешивался.

Я отправила резюме, совершенно не надеясь на то, что мне повезет, просто для галочки и успокоения собственной совести.

Но каково было мое удивление, когда на следующий день пришло приглашение на собеседование.

Конечно, я не знала, что помощник требуется Соколову. Признаюсь честно, если бы знала, то никогда бы не пошла. Дмитрий Соколов, один из сильнейших колдунов-фениксов, был, впрочем, есть и будет одним из самых любвеобильных и сексуальных мужчин страны. Репортажи и статьи о его похождениях как минимум раз в неделю мелькали на страницах желтой прессы. А за право заключить с ним контракт не то что дрались, готовы были убить все знакомые мне ведьмы. Но Соколов не спешил обзаводиться наследником.

Так вот, в тот дождливый четверг я, промокнув насквозь, с минимальным резервом, которого даже на просушку не хватило, прижимая сумку к груди, стояла на тридцать четвертом этаже высотки в приемной и думала, каким чудом меня сюда занесло и как бы мне теперь сбежать незамеченной.

Было тихо... зловеще тихо. Лишь изредка слабо звякали блюдца и чашки. Звякали и тут же затихали в руках своих владелиц.

В просторном помещении с белоснежными стенами, высоким потолком и огромными панорамными окнами, на ярко-бирюзовом диванчике и такого же цвета в креслах сидели пять очаровательных девушек. Все как на подбор: блондинка, брюнетка, рыжая, шатенка и мулатка. Глядя на них, даже далекий от магии человек со стопроцентной уверенностью мог бы сказать — ведьмы. Причем не только по характеру, но и по роду деятельности. Эффектные, сексуальные, уверенные в себе и в своих силах, в одежде, которая больше открывает, чем прикрывает. Девушки пили чай и внимательно просматривали ауры соперниц, считывая блоки и пытаясь отыскать любую лазейку для сброса заклинаний. Но защита у всех стояла качественная, и улыбки на лицах с каждой минутой становились все кислее и кислее.

И вот среди этого цветника появилась неказистая такая мокрая колючка — я. И стоило мне войти, как настроение у дамочек сразу поднялось, и я получила пять метких ударов разной степени вредности. Но первое, чему научил отец, когда стал проявляться мой дар, — это ставить хороший блок и защиту. И не простую защиту, а настоящую, некромантскую, которую пробить не то что трудно, а почти невозможно. Наблюдать за вытянувшимися лицами ведьм было очень приятно, это даже немного польстило и утешило мое самолюбие.

Сидящая за отдельным секретарским столиком сухонькая пожилая женщина-человек с аккуратным пучком волос и огромными очками перебирала бумаги, искоса и явно неодобрительно посматривая на кандидаток. На мгновение мне показалось, что я ей понравилась. Может, и правда показалось, но взгляды, которые она бросала в мою сторону, были скорее заинтересованными, чем неодобрительными.

А потом началось само собеседование.

Ведьмы заходили в кабинет по одной и выходили примерно через пятнадцать-двадцать минут. Причем выходили они все невероятно довольными и счастливыми.

Когда с ослепительной улыбкой на лице вышла первая (это была блондинка), я уже решила, что все — вакансии закрыта и можно уходить. Уж очень довольной она была. Это мысль меня очень обрадовала. Но собеседование продолжилось. Через семнадцать минут с не менее счастливой улыбкой вышла шатенка... потом мулатка... потом рыжая.

Через час я уже начала коситься на дверь и аккуратно проверять ее на наличие полога слышимости. В мире не так много вещей, которые могут сделать ведьму столь довольной, и каждая из них в применении лично ко мне совсем не устраивала.

Брюнетка еще не успела выйти, когда секретарша неожиданно повернулась:

— Можете проходить, Дмитрий Александрович вас ждет.

Что я подумала, когда в первый раз увидела Дмитрия Соколова?

Что у него совершенная и потрясающе сексуальная задница, что целуется он весьма неистово. Потому что первое, что увидела, когда вошла в кабинет, была именно его пятая точка, в которую вцепилась ноготками темпераментная ведьма. Само собой, занятые страстным поцелуем, они не заметили, что их уединение нарушено.

Я уже решила с позором сбежать, но потом передумала. Проснулось ведьмино упрямство. Меня же пригласили войти, и сейчас моя очередь! И я, громко кашлянув, выразительно постучала о косяк двери костяшками пальцев.

Парочка продолжала целоваться, а пальчики на заднице Соколова даже стали менять дислокацию в сторону его ремня. Черт, еще немного, и они предадутся разврату прямо здесь и сейчас. Искры страсти так и плясали вокруг, и моя сущность начала радостно мурлыкать, пытаюсь втихую поймать хоть что-то.

— Прошу прощения!

Только тогда они оторвались друг от друга. Причем ведьма даже умудрилась бросить в меня каким-то заклятием, но оно распалось в прах еще на подлете, причем без моей помощи. Это сделал Соколов. Мельком глянул на меня и вновь повернулся к взбешенной брюнетке, нежно провел пальцем по ее щеке.

— Я тебе позвоню, солнышко.

Ведьма улыбнулась и впиалась в мужчину очередным страстным поцелуем, пытаюсь вытянуть как можно больше энергии. Не получилось, тот уже все перекрыл. Настроения это девице явно не прибавило, еще бы, сорвалась такая подпитка. Проходя мимо, она весьма сильно толкнула меня плечом. К такой пакости с ее стороны я была готова, поэтому смогла устоять на ногах.

— Присаживайтесь. — Димка быстро обошел стол и сел на свое место. Потом откопал среди горы бумаг мою анкету. — Так, Татьяна Анатольевна Разина... хм... знакомая фамилия. — Быстрый взгляд синих глаз в мою сторону, легкая дрожь по телу... ауру считывает. — Нет, отец вас для контракта точно не предлагал... странно... Так что у нас тут в метрике написано, направление... уровень силы... да, слабенький... предполагаемый... не понял... — взгляд из скучающе-равнодушного вдруг стал весьма заинтересованным.

Больше минуты он вчитывался в мои данные. И чем больше читал, тем более хищными делались глаза, тем более предвкушающей становилась улыбка. Нет, я отлично знала, что он там прочитал, но совершенно не была готова к тому, что произошло дальше.

— Дочь Анатолия Разина? От брака с сиреной?

— Да. — Я равнодушно пожала плечами. Тайны из этого мы никогда не делали.

— Сколько тебе сейчас? Двадцать? И ты еще не инициирована?

— Нет.

Его взгляд стал еще более фанатичным и восторженным. Казалось, еще немного, и он начнет прыгать от счастья, так обычно делал Дениска, когда сбывалась его очередная заветная мечта.

— Та-а-ак. Миллион прямо сейчас!

— Что прямо сейчас?

— Миллион. — Он быстро вскочил и лихорадочно осмотрелся, взъерошив волосы рукой. — Инициацию, конечно, можно тоже сейчас провести, но у меня нет необходимых артефактов. Но ничего, поедem ко мне домой...

— Я никуда с вами не поеду! — Я тоже вскочила и попятилась к выходу.

Дима повернулся, и я увидела, как горят синим пламенем его глаза.

— К тебе?

— Вы... вы... с ума сошли. Не будет никакой инициации, особенно с вами!

Колдун задумчиво наклонил голову набок:

— Ясно... полтора?

— Что полтора? — опешила я.

— Миллиона. Поверь, это хорошая цена за инициацию.

— Я пришла сюда устраиваться на работу, а не искать любовника. — И, повернувшись, направилась к двери, потому что сил терпеть это больше не было. Но уйти мне не дали.

Дима в мгновение ока перекрыл мне путь, схватил за руку и обезоруживающе улыбнулся:

— Я понял, понял. Про инициацию можно забыть... пока, по крайней мере... Но ты же знаешь, что мы можем доставить удовольствие друг другу иными способами. — Его голос становился все тише, все глуше и проникновеннее. С каждым произнесенным словом он наклонялся ко мне все ближе и ближе, пока его губы не замерли всего в десяти сантиметрах от моих.

— Что?!

— Ты же не будешь против того, чтобы временами поработать для меня не только мозгами, но и своим ротиком, губками, язычком... кстати, губки у тебя что надо, да и попка ничего... А потом и я смогу доставить тебе удовольствие... не проникая глубже.

В тот момент я была как никогда близка к срыву. Мне хотелось не просто забросать его проклятиями (ведь все равно, зараза такая, он их с легкостью разобьет!), у меня жутко чесались руки врезать ему по смазливой физиономии. Даже не знаю, каким чудом мне удалось взять себя в руки и успокоиться.

— Это все? — произнесла как можно холоднее и равнодушнее.

— Да. Брось, тебе понравится, обещаю.

Я медленно высвободила свою ладонь из его рук:

— Большое спасибо, но я передумала. Данная вакансия меня больше не интересует, — и, быстро обогнув Соколова, вышла из кабинета, изо всех сил стараясь не бежать.

Возвратившись домой, я была полностью уверена, что история на этом закончилась и мне больше никогда не встретится этот несносный колдун, но не тут-то было...

Через два дня я получила официальное письмо, в котором сообщалось, что мою кандидатуру на должность помощницы Соколова утвердили. На него я с чистой совестью ответила — нет.

А утром следующего дня в мою дверь позвонил сам колдун, чтобы лично предложить мне работу и кое-что объяснить...

— О чем задумалась? — выдернул меня из воспоминаний голос Димы.

— Ни о чем, — не могла же я признаться, что думала о нем. — Так что? Куда ты меня везешь?

— На одну очень важную встречу.

— Какую встречу?

— Важную, Разина, важную. — Дима мельком посмотрел на меня и вновь перевел взгляд на дорогу. — Мы едем в самое сердце магии.

Я нахмурилась, пытаюсь понять, что это означает, и меня осенило. Сегодня же пятнадцатое!

— Только не говори, что ты принял приглашение и собираешься посетить...

— Угу, именно это важное мероприятие я и собираюсь посетить сегодня вместе с тобой.

— Дим, останови машину.

— И не подумаю.

— Дим!

— Брось, колючка. Только не говори, что ты трусила.

— Соколов, я туда не поеду. Останови машину.

— Тебе ничего не сделают, с твоим блоком можно появляться где угодно. Да и я всегда буду рядом.

— Зачем тебе это? И зачем там нужна я?

— Прикрыть тылы.

— Дим, у тебя куча ведьм намного сильнее меня, они отлично прикроют не только твои тылы, но и тебя.

— Мне нужна именно ты.

Я внимательно всматривалась в его профиль и молчала.

Задавать вопросы просто не имело смысла — все равно не скажет, пока сам не захочет.

Итак, мы ехали на ежемесячный шабаш нечисти. Конечно, шабаш нечисти — это слишком громко сказано, так обычно называла этот слет мама и жутко злилась, когда отец вынужден был его посещать. А она туда не ездила.

На самом деле это просто такая тусовка колдунов и ведьм.

Вообще, кто сказал, что ведьмы и колдуны встречаются вместе только в пятницу тринадцатого? Если учесть, что иногда за целый год это самое тринадцатое число ни разу не выпадает на пятницу, а встретиться всем хочется, то мероприятие давным-давно перенесли на пятнадцатое число. Почему именно на пятнадцатое? Потому что тринадцатое — это скучно, четырнадцатое — как-то слишком обычно, а вот пятнадцатое — самое оно.

Так вот, каждого пятнадцатого числа во всех крупных городах России (да и не только России) Совет устраивает такую вечеринку и высылает каждому избранному по два приглажительных. Одно для истинно приглаженного, второе — для его пары, причем не важно, какой она будет. Вхожи туда и люди — знаменитости, чиновники высшего звена, миллионеры. На таких приемах решаются судьбы мира.

И если Дима принял приглашение, значит, ему необходимо срочно с кем-то встретиться и что-то обсудить. А если взял меня, а не свою человеческую девушку, значит, ему необходимо хорошее прикрытие для переговоров, без отвлеченности на контракт и без фанатизма. Он отлично знает, что устраивать сцены и драки я не буду. Задевать в открытую меня не посмеют, я уже однажды показала, на что способна.

Вообще на эти вечеринки я стала ездить с Димой. Пока был жив отец, приглашали только его. Даже после брака папа являлся носителем мощнейшего запаса сил и по праву считался могущественным некромантом, к мнению которого приходилось прислушиваться. Но меня с собой он не брал: слишком мала была для подобных мероприятий. После смерти отца приглашения нам больше не высылались, да я бы все равно не пошла.

Первый раз я попала сюда через три месяца после начала своей работы у Соколова. Все прошло... плохо, не страшно, а просто плохо. Во второй раз все получилось еще хуже. Ведьма, с которой великий Дима Соколов появлялся на таком мероприятии дважды, требовала особых приветствий и особого обхождения. Что мне и устроили со всем знаменитым ведьминским гостеприимством. На следующее утро, выходя от целителей, я поставила Димке ультиматум — еще одна подобная вечеринка, и я увольняюсь. Надо отдать должное, колдун терпел целый год, пока не уговорил меня в третий раз выйти в свет, на сей раз все прошло гораздо лучше, но все же не идеально.

А теперь мне предстояло четвертое испытание.

Итак, шабаш проходил в огромном старинном особняке на окраине Москвы. Причем это был именно особняк — два этажа, длинные узкие окна, белоснежные колонны, широкие мраморные лестницы и высокие потолки, с которых свешивались огромные хрустальные люстры с настоящими свечами. Легкая классическая музыка в живом исполнении, красные ковровые дорожки и много зеркал, позолоты и блеска.

Вошла внутрь, и у меня в который раз перехватило дыхание. Нет, к этому невозможно привыкнуть. В первый раз, когда я сюда попала, почувствовала себя самой настоящей Золушкой, вот только ждал меня отнюдь не принц, а стая жаждущих моей крови ведьм.

Шубка мягко соскользнула с плеч, и я разгоряченной кожей почувствовала прохладный ветерок, мягко заскользивший по телу и вызвавший невольную дрожь... ожидание-предвкушение.

Пока Дима сдавал верхнюю одежду в гардероб, я подошла к огромному зеркалу. А в нем увидела довольно эффектную брюнетку в черном, с блестящими от восторга глазами. Это вызвало легкое недоумение. Разве это я? Разве я такая?

На сегодняшний вечер — да.

В отражении я увидела Диму, он обернулся, осматривая холл в поисках меня, и нашел...

Мне нравилось следить за его реакцией. Да, в этом имелась некая толика самолюбия, но в данный момент мне просто нужна была уверенность, что я все сделала правильно, что я выгляжу так, как надо. И он дал ее мне.

Мужской взгляд жадно скользил по телу снизу вверх, надолго задерживался на провокационном вырезе, поднимался все выше, мы, наконец, встретились взглядами в зеркале... и я утонула в ярко-синем пламени желания.

— Солнышко, — Дима подошел вплотную и властно провел рукой по моей пятой точке, а затем по бедру, слегка задев пальцами край чулка в разрезе. А я изо всех сил старалась подавить желание хлопнуть его по руке. Нет, нельзя, игра началась. — Скажи мне только одну вещь... У тебя под этим... очаровательным платьем есть хоть что-нибудь, кроме тебя?

— Есть.

— Слава богу, — прошептал он и слегка наклонился к моим волосам, вдыхая аромат... но тут же нехотя отодвинулся в сторону. Все тот же спокойный и невозмутимый колдун, словно не было этой ослепительной вспышки желания. Но его рука все еще лежала на моем бедре, и я чувствовала, какая она горячая. — Ты отлично справилась с заданием... Даже сверх меры.

Я повернулась к нему и наткнулась на смеющийся взгляд синих-синих глаз, в глубине которых все еще бушевало вождение.

— Ты сам сказал — удиви меня.

— Удивила... Знаешь, я не буду против, если ты станешь ходить в этом на работу.

— И не мечтай.

— А хотелось бы... Хотя нет, ты права, я тогда точно не смогу работать... Но мне интересно, что там за белье у тебя такое, потому что я чувствую только вот этот камушек, — Димка осторожно нажал пальцем как раз на то место, где находился стразик, и я невольно задержала дыхание. — И, кстати, флер у тебя прелестный.

— Спасибо.

— Ты готова?

Я кивнула и улыбнулась.

Вечер начался...

ГЛАВА 4

Улыбаемся... улыбаемся и машем.

Улыбка словно приклеилась к моему лицу, от нее уже сводило щеки, но я терпела. Улыбалась и терпела, пропади оно все пропадом.

Чувство опасности не покидало ни на минуту, ни на секунду. Каждый нерв напрягся, я ждала удара в любой момент... а удара все не было, защита молчала. И это напрягало больше всего. Особенно когда все кругом мне так же фальшиво улыбались. Высший магический свет во всем, чтоб его, великолепии.

Очередной бокал шампанского в руке, третий за сегодняшний вечер и последний. Я надеялась, что последний, потому что, если еще один колдун подойдет ко мне с интересным предложением, просто не знала, что сделаю.

Мне нестерпимо хотелось домой, принять душ и смыть сальные взгляды со своей кожи. Успех давно уже не льстил, а вечеринка все продолжалась.

Платье отработало себя на двести процентов, такого внимания к моей слабой персоне не было давно. И я бы очень хотела, чтобы не было больше никогда.

Пузырьки шампанского приятно щекотали горло, и я обвела взглядом сверкающий зал.

Где же Димка? Обещал ведь, что отойдет ненадолго. Колдун, чтоб его... еще пять минут, и поеду домой. А он пусть сам выкручивается.

Хотя... это я виновата в том, что сейчас стою здесь одна, но мне просто не удалось удержаться.

...К нам подошло чудо с огромными восторженными глазищами и кудряшками и с придыханием прошептало:

— Вы же Дмитрий Соколов? Колдун?

Шеф сразу задрал нос еще выше и снисходительно улыбнулся:

— Вы абсолютно правы.

Следующая фраза заставила его вытянуть лицо, а меня противно захихикать:

— О, а покажите что-нибудь необычное, магическое, — и чудо захлопало ресничками.

— Э...

— Конечно, покажет. Дмитрий Александрович, вы же не откажете такой очаровательной девушке? — Я слегка подтолкнула его к Кудряшке и тихо шепнула на ухо: — Тут пруда нет, так что поищи огнетушители. И держись подальше от столика с напитками. Если что — гори.

— Ведьма, — ответил Димка обиженно и позволил себя утащить.

Это было двадцать две минуты назад. Он за это время мог уже раз десять спалить особняк. Неужели перешли к более горячительным процедурам?

— Танечка, я так рада тебя видеть, — ко мне подошла очередная ведьма — платиновая блондинка в изумрудном мини.

Да что ты говоришь! В последний раз, когда мы с тобой пересекались, ты запустила в меня вазу с цветами. Дорогая, кстати, ваза была великолепная, жалко, и в интерьер так чудно вписывалась, я потом пробовала найти похожую, но не получилось — ручная работа, единственный экземпляр. Кто же знал, что ведьма окажется такой ревливой и мое обычное утреннее появление в квартире шефа воспримет как сигнал к атаке? Но тут скорее Димкина вина, зачем было говорить про секс втроем, я-то мимо ушей пропустила, а она обиделась.

— Виктория, давно не виделись. Ты очаровательно выглядишь.

— Спасибо, дорогая. — Улыбка на совершенном лице совсем не тронула холодных и цепких зеленых глаз. — А где же Дима?

— Сейчас подойдет. Ты же знаешь этих мужчин с их важными делами.

— Скукота смертная, — поддержала она меня и скользнула оценивающим взглядом по моему платью.

А я еще больше напряглась. Эта заклятиями швырять не будет, знает, что защита у меня сильная, а вот каким-нибудь предметом запросто может запустить. Остается надеяться, что чувство собственного достоинства и нежелание оказаться в скандальной хронике ее остановят.

— Не надоело тебе работать на этого бабника?

— У всего есть свои плюсы и минусы. — Я немного расслабилась, но бдительности не потеряла. Настроение у ведьмы так переменчиво!

— О да, у Димочки очень и очень большой плюс, и это не говоря о его поразительной выносливости.

Я тут же сделала понимающее лицо и закивала. Да, да, это самое впечатляющее достоинство видели, и не раз, и о его выносливости тоже знаем не понаслышке... еще бы, столько приходилось ждать за дверью, пока он имел очередную дамочку.

— А я собираюсь заключить контракт, он уже на стадии рассмотрения, — продолжала вещать Вика, переходя к самому главному, для чего я ей, собственно, и понадобилась. — Очень сильный колдун с прекрасной родословной.

— Поздравляю.

— Спасибо. Но ты же знаешь, пока не подписано, все может измениться. Он передумает... или я.... получу более выгодное предложение... ну, ты понимаешь...

Конечно, понимаю.

— Я сообщу Диме и передам свои соображения.

— Я рада, что мы друг друга поняли.

Блондинка больше не улыбалась, а в зеленых глазах мерцали опасные огоньки.

— Я тоже.

Вновь оценивающий взгляд и легкое покалывание по коже. Бесполезно, дорогая, моя защита никуда не делась.

Так и не попрощавшись, Виктория отошла от меня. Разговаривать нам больше не о чем, свою мысль она уже до меня донесла.

Приближение Максима Леонидовича я почувствовала задолго до того момента, когда его увидела, и гораздо раньше, чем он подошел и заговорил со мной.

— Ведьма, — безразличный голос и пустые светло-серые глаза.

А в сердце боль от того, что папа, доживи он до этого возраста, был бы таким же.

— Максим Леонидович, — этому улыбаться не обязательно, и я ответила колдуну равнодушным взглядом.

— Пользуешься всеми привилегиями шлюхи Соколова?

— Почему бы и нет.

— Отдай мне Дениса.

— Вы же с ним сами разговаривали сегодня и знаете ответ.

— Ты запудрила ему мозги так же, как и твоя мать когда-то. Мальчику будет лучше со мной, в клане.

Он прав, но...

— Денису уже почти двенадцать, он может самостоятельно принимать решение, с кем ему жить.

— Тебе нужны деньги? Скажи, сколько?

— Мы обсуждали этот вопрос пять лет назад. Деньги меня не интересуют.

Терпение закончилось, он больно схватил меня за локоть.

— Я не позволю ломать моему внуку жизнь, поняла, тварь? Я заберу Дениса, чего бы мне это ни стоило!

— Пустите, Максим Леонидович, вы привлекаете слишком много внимания к нашей встрече, — процедила я в ответ, пытаясь вырвать руку из захвата.

— Надо было убить тебя еще в роддоме, когда имелась такая возможность.

Мне наконец удалось освободиться.

— А разве вы этой возможностью не воспользовались? Продолжать разговор бессмысленно. Всего доброго, Максим Леонидович. Если вы еще раз попытаетесь мне угрожать, я обращусь в Совет и потребую запретить вам встречаться с Денисом.

— Ты...

— До свидания. — Я отставила бокал в сторону и ушла, чувствуя спиной полный ненависти взгляд колдуна.

Мне нужен был воздух. Срочно.

На негнувшихся ногах я брела в сторону балкона, изо всех сил стараясь не ускорять шага, не терять лица, вести себя спокойно и выглядеть величественно. А пальцы до боли сжимали клатч, казалось, приложи я еще хоть немного усилий, и тот просто рассыплется у меня в руках.

Спокойно, спокойно... спокойно.

Еще чуть-чуть... последний шаг...

На балконе было холодно, даже остекление не могло справиться с морозом на улице. Кожа тут же покрылась мурашками, меня затрясло. Хотя, может, трясло меня уже давно и совсем по другой причине?

Черт, как же я устала от всего! Как же мне все надоело!

В груди вновь колыхнулась обида на родителей, на отца. Как они могли оставить нас? Как они могли все бросить на меня и уйти? Заварили всю эту кашу, а я... Я же просто не могу так... мне не хватает сил...

...После выяснения отношений мама быстро смирилась со своей участью, с контрактом, с тем, как ее ловко провели. Они встречались каждый день в ее маленькой квартирке и на целую ночь выпадали из реальности. Были только он, она и наслаждение. Два тела, сплетающихся в страстных объятиях, две души, стремившихся друг к другу, два человека, которые желали изменить мир.

Ведьма была счастлива, хотя понимала, что это счастье недолговечно, что стоит ей забеременеть, и все...

Об этом Марина старалась не думать, потому что при мысли о беременности ее начинало трясти, но мысли вновь и вновь возвращались к этому.

Нет, ведьма хотела ребенка, очень хотела малыша, похожего на ее колдуна. Но была одна большая проблема: она хотела девочку, маленькую такую девочку с серыми глазками и темными волосиками. При мысли о том, что у нее родится сын, на сирену накатывал такой приступ паники, что она не могла нормально дышать. Родить сына, чтобы больше никогда его не увидеть, чтобы отдать его Толе и забыть обо всем, что было... Что может быть ужаснее? Она не понимала, как это возможно? Как ведьма может отдать своего ребенка, как они все могут спокойно жить дальше? Не понимала и ненавидела контракт, закон, людей, свою участь...

Ночами, после страстных мгновений с Толей, она просыпалась от кошмаров, в которых у нее

забирали ее малыша. Просыпалась и не могла прийти в себя.

Колдун все пытался выяснить, что происходит, но девушка еще больше замыкалась и пыталась забыть страх в объятиях своего мужчины.

О своей беременности Марина узнала через три месяца после начала их отношений. Нет, ее не тошнило, ее ни на что не тянуло, голова не кружилась. Даже задержки как таковой еще не было. Она просто, поняла. Тайно сходила в подруге-целительнице, и там ее страхи подтвердились. Ведьма была беременна.

Марина сидела на скамейке в парке, сжимая бумажку с результатами анализов, и отчетливо осознавала, что это конец. Не важно, кого она сейчас носит под сердцем, это все равно конец — цель контракта достигнута.

На работу она не пошла, вернулась в свою квартиру, свернулась калачиком на кровати и просто лежала, прижав руки к животу, где уже жил ее ребенок.

Телефон звонил не переставая, раздражая, вызывая слезы вперемешку со злостью. Она отлично знала, кто звонит.

Через час непрекращающихся звонков раздался настойчивый стук в дверь.

— Марин, открой! Я знаю, что ты дома. Открой дверь, иначе я ее вышибу!

Ведь действительно вышибет.

Девушка с трудом заставила себя встать и пошла открывать дверь.

Толя быстро вошел внутрь и застыл, быстро осматривая ее, пытаясь понять, что случилось.

— Мариш...

— Я беременна. — Она протянула бумагу, которую все это время продолжала сжимать в руке. — Условие выполнено... Уходи. Через восемь месяцев тебе сообщат, кого я родила.

Некромант застыл на мгновение, осторожно забрал у нее результаты анализов, но читать не стал. Просто стоял и смотрел в глаза. А ей хотелось закричать на него, ударить, расплакаться... а еще больше хотелось, чтобы Толя сказал, что это ничего не изменит, что он будет рядом...

Но, так ничего и не сказав, мужчина развернулся и молча вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Наверное, я сейчас себя чувствовала так же, как и мама тогда, когда стояла в коридоре и глядела на закрытую дверь, — безысходность, апатия и принятие реальности... Успокоиться и отдать Дениса, ведь ему действительно лучше жить с дедом (какой бы скотиной он ни был, Максим Леонидович любил внука), а Лизу отправить к Марианне, та сделает из нее настоящую ведьму, какой так и не смогла стать я. А самой...

Нет!!! НЕТ!!!

Хотя бы ради их памяти — нет!!! Не для того они страдали, не для того лишились столь многого.

Мне необходимо вернуться и найти Диму, если понадобится, выдернуть его из постели с куколкой. Ничего, он себе потом новую найдет.

Я привела в порядок волосы, глубоко вздохнула и шагнула в зал.

Наверное, глаза закрывать все-таки не стоило, потому что я тут же встретила препятствие в виде чьего-то тела и услышала весьма крепкое ругательство в свой адрес.

Распахнув глаза, увидела перед собой высокого широкоплечего колдуна. Черные прямые волосы, чуть более длинные, чем диктует мода, яркие зеленые глаза и знакомый жуткий рваный шрам, пересекающий нос и правую щеку. Красавцем я бы точно его не назвала, но этот шрам делал его еще страшнее и опаснее. Чем же он был нанесен, если даже целители не смогли убрать, или мужчина не захотел его сводить? Хотя какая мне разница.

— Прошу прощения, — пролепетала я, совершенно утратив весь свой боевой пыл.

— Надо смотреть, куда идешь, ведьма, — презрительно процедил неизвестный и, резко

повернувшись, продолжил свой путь.

До чего неприятная личность. Я смотрела вслед колдуну и даже думала прицепить ему на рубашку какое-нибудь маленькое проклятие (мелочь, а приятно), а потом вспомнила, почему он показался мне знакомым.

...Глубокий вечер, почти ночь, на улице все равно жара. В квартире тоже стояла жара, даже кондиционер не спасал. Я уже давно уложила спать и Дэна, и Лизу, а родителей все не было, и телефон почему-то не отвечал.

Мне стало страшно, я всеми силами старалась прогнать этот страх, но не могла. Словно какое-то предчувствие не давало мне пойти в свою комнату и лечь спать. Поэтому я продолжала кружить по гостиной, сжимая в руках телефон.

И вот долгожданный звонок в дверь.

Наконец-то.

Я даже не сразу поняла, что это не родители, у них же есть ключи. Точно помнила, что папа брал их.

Открыла дверь и увидела Стража — сурового, мрачного, с пронзительными зелеными глазами и страшным шрамом.

Увидела и поняла, что он хочет мне сказать...

...Черт, мне сейчас не мешает выпить, а потом отправиться на поиски шефа.

Сказано — сделано. Я уже подошла к столику, то и дело оглядывая зал, когда увидела Димку. Тот стоял почти у самого входа и что-то обсуждал с тем самым неприятным Стражем.

Странно, какие у них могут быть дела?

Мы сторонимся Стражей... и боимся.

Высшие колдуны и ведьмы, наделенные властью и Законом. Единственные, кто может нас остановить, когда сила выходит из-под контроля, когда жажда власти затмевает все... Когда мы выходим убивать.

...Слуги совета, исполнители закона и самый страшный кошмар для любого из нас...

— Таня? Это ты?

Резко повернулась, чуть не сбросила поднос с напитками, прижала руки к груди, туда, где сильно-сильно билось сердце. Нет, не может быть...

Что же за ночь-то такая...

— Леша...

Колдун, почти не изменившийся за эти семь лет, стоял всего в трех шагах от меня и просто смотрел. Все те же мягкие, словно шоколад, карие глаза, затягивающие в свой омут, та же непокорная темно-каштановая прядь, вечно падающая на глаза. Вот только небольшой ожог на шее портил всю картину. Раньше он был еще больше и еще страшнее, значит, со временем целители смогли его залечить... Метка самой сущности, магия смерти... моя вина и моя ошибка.

— Здравствуй, — он неловко улыбнулся и отвел взгляд.

Это мне надо чувствовать себя виноватой, а не ему. Это я не отследила сущность, это я его чуть не убила.

— Здравствуй, — я старалась говорить, как можно бодрее и веселее, но улыбка получилась искусственной, блеклой. Я все еще не могла отойти от шока, привыкнуть к тому, что он здесь, рядом. Протяну руку и смогу коснуться, почувствовать, как бьется его сердце...

— Ты... ты отлично выглядишь. Так похожа на отца. Я даже не сразу тебя узнал... Выросла... Похорошела. Стала настоящей ведьмой.

— Это комплимент или оскорбление?

Теперь он улыбнулся по-настоящему, а в уголках глаз появились мелкие морщинки.

Раньше их не было.

— Все такая же дерзкая и острая на язычок. Как ты? Как Дэн и Лиза?

— Нормально.

— Хорошо... Прости, я не смог приехать на похороны.

— Мы получили твое письмо.

— Да. — Он осмотрел меня очень внимательно и наткнулся на блок. Тот его не заинтересовал, все, что хотел, Леша уже увидел. — Ты...

— Нет. — Мне не хотелось слышать его вопрос. Не хотелось вспоминать.

— Ясно...

— Не хочу повторения, — зачем-то добавила я и отвела взгляд. Но успела заметить искорку боли, мелькнувшую в его глазах.

Я все еще отлично его понимала, чувствовала и знала, о чем он думает. Хотя... чего еще ожидать, мы же росли вместе, дружили. Ровно до моего семнадцатого дня рождения.

...Затемненная комната, несколько свечей на подоконниках и на столе, приятный аромат масел. Я так готовилась к этому дню, так его ждала...

Мужчина подходил ко мне, а я с удовольствием смотрела на его великолепную обнаженную фигуру. Внутри все дрожало от нетерпения и желания... Я до сих пор помнила жар его кожи, нежность рук, мягкость прикосновений, тяжесть тела... а потом — крик боли и запах обгоревшей плоти... Боль, ужас, отчаяние...

— Тань...

Я слегка тряхнула головой, отгоняя прочь непрошенные воспоминания.

— Как ты жил все это время? Я слышала, ты долгое время провел в Швейцарии, затем был в Лондоне, Париже, Нью-Йорке.

— Я сейчас живу в Чикаго, здесь проездом.

Я кивнула и бессознательно провела пальцами по вырезу платья. Шоколадные глаза внимательно следили за моими движениями, а тело тут же отреагировало — грудь налилась, соски затвердели, стали такими чувствительными, что даже прикосновение к легкому шелку вызывало сладкую боль. В воздухе замерцали первые вполыхи желания... взаимного желания.

Я все это время смотрела в его глаза и сразу заметила, как вожделение резко сменил страх... потаенный... старый. Он мелькнул и пропал, а вместе с ним пропало и желание... Мы оба слишком хорошо помнили, что было тогда.

— Добрый вечер. — Димка неслышно подошел сзади и обнял меня за талию, прижимая к себе.

— Добрый. — Лешка слегка подался назад, словно отступал. — Алексей Инеев.

— Дмитрий Соколов... Танюш, ты тут не заскучала без меня? Прости, что заставил ждать. — Димка наклонился ко мне и нежно чмокнул в макушку.

Чмокнул?!! Дима?!! Что я пропустила?!!

А Леша продолжил внимательно нас разглядывать, словно ожидал моей реакции.

— Все нормально, Дим, — фальшиво улыбнулась я и вздрогнула, когда горячая ладонь колдуна переместилась на открытую спину и пальцы начали медленно выводить на коже какие-то непонятные узоры-завитушки.

— Может, поедem домой? В кроватку? — промурлыкал Соколов мне на ушко, но я все равно чувствовала, как он напряжен и продолжает мериться взглядами с Лешкой.

Но про кровать он сказал зря. Алексей, если до этого еще сомневался, то после последней фразы окончательно понял, что это фарс. Дима его больше не интересовал, он смотрел на меня.

— Я рад, что мы встретились... Ты не возражаешь, если я навещу вас в выходные?

Зачем? Что же тебе нужно, старый друг?

— Нет, мы будем рады.

— Хорошо. Приятно было познакомиться, Дмитрий.

Как только Лешка отошел от нас, Димка наконец смог расслабиться.

— Кто это такой?

— Друг семьи... один из учеников отца.

— Некромант, — кивнул Димка и вновь взъерошил волосы рукой, а потом вновь посмотрел на меня. На лице появилась лукавая ухмылка. — Потанцуем?

Вот только танцев мне не хватало для полного счастья. Сейчас я больше всего на свете хотела вернуться к себе домой, запереться в комнате и просто разобраться, что происходит.

Лешка не мог знать, что я буду здесь. Все семь лет он старательно избегал встречи со мной, даже от отца отдалился, а потом и вовсе уехал из страны. И причины у него имелись. Но сейчас он подошел сам... ко мне. Что же изменилось? Что ему нужно? И чем это грозит нам?

— Хорошо. — Я кивнула и позволила вывести себя на середину зала. В этом весь Димка, ему обязательно надо быть в центре внимания. — А ты где пропадал?

— Встретил одного старого друга.

— С каких это пор Страж является твоим другом?

— Не все Стражи одинаковы.

Мне вдруг начало казаться, что голоса вокруг стихают, свечи сверкают ярче, а на нас смотрят все. Но это ощущение взглядов сотен глаз прошло, стоило нам только встать друг против друга.

Взмах рукой музыкантам... Позер...

Его глаза смеялись, и я никак не могла понять причины, пока не услышала музыку.

Танго...

— Дима, — зарычала я.

— Это всего лишь танец, колючка, расслабься и получай удовольствие. — Он еле заметно пожал плечами. Равнодушен, спокоен, сосредоточен.

Еще одна часть сегодняшней игры, правила которой я уже не успевала понять.

Дима притянул меня к себе близко-близко, его ладонь на моей спине, моя рука на его плече, смотрим глаза в глаза, больше нет улыбок. Есть только танец, в который надо вложить все.

Классическое танго.

Здесь нет ничего лишнего, каких-то акробатических пируэтов и прыжков, мне даже не надо закидывать ногу ему на бедро, здесь это не требуется. Лишь плавное движение бедер из стороны в сторону, длинные шаги, резкие повороты, плавное скольжение по центру и моя ножка, которая то и дело появляется в длинном разрезе платья.

Все в пределах допустимого, я бы даже сказала, что по магическим меркам очень скромно. Но отчего так сгущается воздух вокруг нас, отчего сбивается дыхание и горят щеки? Сущность мурлычет внутри, с наслаждением впитывая окружающее нас возбуждение. Димка серьезен, улыбка давно уже ушла из его глаз, остались лишь сияние силы, всполохи страсти. Где-то на краешке сознания мелькает мысль: когда все успело поменяться, когда я упустила из вида, что игра перестала быть просто игрой?... Или мне все кажется... это все музыка... и танец...

Последний аккорд, и мы замираем, переводя дыхание, и наконец-то отводим взгляды.

Слишком много испытаний для сегодняшнего вечера.

— Дим, я хочу домой, — убрала руку с его плеча и отошла в сторону.

Я права, на нас действительно смотрели все. Опять в центре внимания. Интересно, что напишут завтра в желтой прессе? «Служебный роман»? «Все тайное становится явным»?

Надоело... все надоело...

Кто я? Игрушка?.. Марионетка в чужих руках?.. Как получилось, что свободная ведьма, не принадлежащая клану и имеющая возможность выбирать свою судьбу, стала заложницей?

Как и когда?

Может, дело в том, что эта свобода всегда была лишь фикцией? Что ее просто нет? Ни для кого из нас...

— Хорошо.

Но уйти нам не дали.

— Танечка, милая, я так рада тебя видеть. — Путь преградила эффектная невысокая блондинка с огромными голубыми глазами. Про таких принято говорить «женщина без возраста». Ей с легкостью можно было дать и двадцать, и сорок. На самом деле ей было еще больше. Красивая, воздушная, с необыкновенным голосом.

— Марианна, привет. — Я искренне улыбнулась в ответ и попыталась понять, что же нового появилось в ее внешности с нашей последней встречи.

Вроде нос... да, точно, она поправила нос... опять. И чем ее тот не устраивал?

— Очаровательно выглядишь. Мне нужно с тобой поговорить. Ты не против, если я завтра вечером заеду к вам?

— Буду только рада.

— Мне вчера звонила Лиза. — Она красноречиво замолчала.

Вот мелкая... опять успела пожаловаться.

— У нас все нормально.

— Такая же упертая, как твоя мать. — Марианна покачала головой, вздохнула, перевела взгляд на моего спутника, и ее поведение тут же кардинально изменилось. — Ой, Димочка...

— Марианна, ты все хорошеешь, — промурлыкал тот, склоняясь к ее ручке и целуя внутреннюю сторону запястья.

— Спасибо, милый... Мы так давно не виделись. Совсем забыл старую знакомую? Может, навестишь?

— Какая же ты старая, милая, ты само очарование. И я тоже очень соскучился.

— Я позвоню, зайчик.

Ведьма легко помахала ручкой, и мы продолжили путь.

Вот только...

— Дим?

— Тань, ты не хочешь этого знать, — ответил тот, не поворачивая ко мне головы.

Нет, конечно, он прав, я действительно не хочу этого знать, ибо на фантазию я никогда не жаловалась, но...

— Она же моя бабушка.

— Во-первых, она просто красивая женщина. Во-вторых, я ее знаю дольше, чем тебя. В-третьих, ты же в курсе, сирены долго не стареют.

— Она больше тридцати раз навещалась к пластикам.

— Разина, не будь язвой, ты говоришь о своей прародительнице.

— Ты вообще знаешь, сколько ей лет?

— Спрашивать о возрасте женщину — сродни самоубийству. А в постели меня совершенно не интересует ее возраст... и на ковре тоже... и еще в ложе театра. Да, такого адреналина я никогда не получал. Ты знаешь, что Марианна крайне рискованная особа?

Меня передернуло.

— Дим...

— Ты же сама начала этот разговор.

Через пять минут мы уже сидели в машине.

И вновь тишина, только на этот раз словно что-то изменилось. Но думать об этом не хотелось. Адреналин схлынул, ушло и напряжение, остались только невероятная усталость и апатия. Хочу домой.

Часы показывали половину четвертого. Спать мне осталось три с половиной часа. А завтра еще встреча у мэра.

Дима остановил машину у моего подъезда.

— Утром за тобой заедет Владимир и привезет ко мне. Оттуда сразу поедem к мэру.

— Хорошо. — Мне не хотелось на него смотреть, и я просто открыла дверцу и поспешила домой.

Только войдя в подъезд, поняла, что опять не почувствовала холода — шеф вновь поделился со мной теплом. Размышлять на тему его удивительной щедрости у меня не осталось сил.

А ночью мне вновь приснился старый-старый сон... мой персональный кошмар, не приходивший ко мне уже больше года. Нет, я знала, что встреча с Лешкой просто так не закончится. Но одно дело знать, а другое — вновь видеть все во сне, переживать каждое мгновение заново...

...Я в комнате. Напряжение вперемешку с предвкушением и ожиданием не позволяют мне сидеть на месте. Я все время в движении, хожу, трогаю вещи, провожу пальчиком по расставленным артефактам. Древние, могущественные, но пустые. Сегодня они наполнятся силой и энергией. Моего предполагаемого уровня должно хватить, чтобы напитать их... Подошла к зеркалу, в очередной раз пытаюсь найти хоть один недочет, но нет, все прекрасно. Юная милая ведьмочка.

Мама ушла уже полчаса назад, и Леша давно должен был появиться. Заставляет ждать? Негодник... я отомщу... и пусть не думает, что не смогу, — смогу. Мама мне сказала, как... Конечно, мне неловко от мысли, что придется это делать, но...

Я все-таки села на кровать и расправила складки легкого, почти прозрачного одеяния, назвать которое ночнушкой можно было только с большой натяжкой. Под ней ничего, совсем ничего.

Вскочила и вновь подошла к зеркалу, всматриваясь в отражение, — хороша... как же я хороша. Глазки горят, на щеках румянец... Лешке понравится, я знаю. При мысли о нем щеки вспыхнули с новой силой, и я вновь села на кровать. Ну где же он, где?

Шаги... медленно открывается дверь.

В полумраке комнаты, освещенной только свечами, я увидела Алексея, он не спеша зашел и закрыл за собой дверь на замок.

Глупый... нам никто не помешает этой ночью...

На нем лишь темный мягкий халат.

Я с трудом перевела дыхание, отчетливо осознавая, что под халатом ничего нет.

— Ведьмочка, — Алексей улыбнулся и, совершенно не стесняясь, развязал пояс. Халат упал вниз, под ним действительно ничего не было.

Колдун дал мне время полюбоваться им, оценить, запомнить, насладиться мгновением.

И я смотрела.

Мой взгляд медленно спускался по его телу сверху вниз, на мгновение застыл на восставшей плоти... и опустился ниже. Из последних сил старалась не облизнуться. Этой ночью он принадлежит мне.

Осмотр закончен.

Я встала с кровати, медленно сняла через голову свою рубашку и откинула в сторону.

Его очередь смотреть, оценивать... восхищаться.

Я словно чувствовала его взгляд на себе, как невесомое прикосновение. Чувствовала, как он осматривает меня, миллиметр за миллиметром, и ждала. Мурашки бегали по телу, соски превратились в маленькие горошинки, а дыхание невольно участилось.

— Ведьма, — тихо произнес он, и его голос стал совсем хриплым от желания. Это возбуждало еще больше.

Быстрое движение, и колдун уже рядом со мной, он прижал меня к себе до такой степени, что трудно дышать, впился в губы страстным, голодным поцелуем. Мы целовались как ненормальные, лихорадочно гладили и ласкали друг друга руками. Как же это здорово — знать, что между нами больше нет запретов, что теперь можно все.

Леша уложил меня на мягкие простыни и застыл на мгновение на вытянутых руках, жадно глядя в лицо. Карие глаза стали совсем черными, опасными.

Страстный поцелуй в губы лишил мыслей и заставил выгнуться от желания.

А потом его губы опустились ниже и начали покрывать поцелуями грудь, слегка прикусили горошинку соска, затем втянули его в рот. В это время его вторая рука сжимала другую грудь, перекатывая вершинку между пальцами. И каждое прикосновение лишало разума и заставляло жалобно постанывать, сжав простыни в руках.

Между ног стало влажно и горячо, я рефлекторно попыталась сжать бедра, но не получилось. А жар с каждой секундой становился все ощутимее, и я стала тереться о Лешино бедро, чтобы хоть как-то унять его.

Лешка смеялся... тихо, едва слышно... и каждый звук его голоса набатом бился в моей голове.

Его губы оставили в покое мою грудь и опустились ниже, опалили дыханием живот, а потом скользнули еще ниже. Я знала, что должно произойти, но знать — это одно, а чувствовать — совсем другое.

Резким рывком он стянул меня на край кровати, сам опустился на колени прямо на пол, закинул мои ноги себе на плечи, и... Сначала я почувствовала его горячее дыхание, затем быстрый поцелуй в бедро, влажный язык медленно скользил к самому средоточию бушующего во мне пожара. Легкий невесомый поцелуй туда, и он вновь отстранился, покрыл поцелуями внутреннюю сторону бедер, намеренно игнорируя лоно. Мне хотелось рычать от разочарования, и я пыталась хоть как-то взять контроль над ситуацией, заставить его коснуться... Но Лешка не дает, его руки крепко прижали меня к матрасу.

Когда я уже не могла сдерживаться, когда желание ощутить его прикосновения стало

болезненным, он, наконец, внял моим мольбам. О да, я давно растеряла весь пыл, всю воинственность, я могла только просить, молить коснуться меня там...

От первого прикосновения горячего и влажного языка к клитору у меня перехватывает дыхание, от второго — я выгнулась, со всей силой вцепилась в его волосы, третье вызвало судорожный вздох и слабый сон.

К языку присоединились губы и пальцы, и я совсем потерялась в охватившем меня наслаждении.

Мужчина пробовал меня на вкус, смаковал и целовал...

Бедра двигались сами собой, навстречу его движениям, и я уже не думала о том, что он делает и как он делает. Внутри меня росла буря, маленькое цунами или шторм. Буря все срывала на своем пути, оставляя лишь неприкрытое наслаждение и сладкое предвкушение, ожидание чего-то невероятного. Внезапно все резко сосредоточилось в одном месте — и наступил взрыв.

Мое тело содрогалось в конвульсиях, и я кричала от восторга. Энергия кипела и бурлила вокруг, я чувствовала, как дрожат внутри меня скрепы, еще удерживающие магию. Последнее препятствие к моей свободе, к моей силе.

Сейчас... сейчас... все произойдет именно сейчас...

Лешка навис надо мной и провокационно облизнул губы.

— Сладкая, — прошептали мне они.

И я почувствовала его плоть, что дерзко упиралась мне в живот. Большую, горячую и твердую. Не могла отказать себе в желании коснуться ее. Пальцы шаловливо пробежали по всей длине.

Алексей рвано дышал, тихий стон с трудом пробивался сквозь сжатые губы.

Мне хотелось коснуться его губами, попробовать так же, как и он только что пробовал меня. Заставить колдуна стонать от желания и наслаждения. Почувствовать власть. Но это потом... у нас вся ночь впереди.

Я сильнее обхватила его плоть ладонью и направила прямо к влагалищу.

Весь мир замер вместе с нами — последнее мгновение...

Я провела ладонью по мужской шее, притянула его голову для поцелуя, уловила свой аромат на его губах... и пропустила момент, когда все изменилось.

Лишь почувствовала, как он вздрагивает и пытается отодвинуться от меня.

Непонимающе распахнула глаза... и закричала.

С этим криком я и проснулась, дрожа и глотая слезы...

Черт... Черт... Черт!!!!

ГЛАВА 5

«Место то же, лица те же, даже декорации неизменны, просто дежавю какое-то», — с тоской подумала я, глядя на уже знакомый красный бюстик, что все так же красиво и весьма эффектно висел на люстре. Похоже, они его вообще не снимали, потому что вновь закинуть его на ту же самую бронзовую загогулину — это верх мастерства снайперского искусства, будь ты хоть самым могучим колдуном в мире.

Хм... я уснула, едва только моя голова коснулась подушки, и, несмотря на две чашки крепкого кофе и бодрящее заклинание, которое высосало у меня половину резерва, чувствовала я себя на редкость погано. Но в этом, скорее всего, виноват ночной кошмар. А шеф, похоже, вообще не ложился спать. Хотя это его дело, пусть развлекается, к мэру мы все равно успеваем.

Бросив шубку и кейс с документами на диван, я направилась в сторону кухни — хочу кофе.

Блонди готовила завтрак...

В очаровательном таком розовеньком платице в рюшечку, в фартучке (где только отыскала?) стояла у плиты и что-то напевала.

— Ой, доброе утро, Татьяна. Вы вовремя. Кофе? — Девчонка радостно улыбнулась, увидев меня, и указала на кофейник.

Могла и не показывать, запах я уже давно почувствовала. Покосилась на девушку, но не нашла, что сказать. И почему я чувствую себя так неловко? Странное чувство, неприятное.

— Доброе, — подошла, налила кофе и осторожно глотнула, пробуя на вкус. Неплохо.

— Завтрак почти готов. Дима в душе, скоро будет.

— Угу.

Ничего себе новости...

Нет, я, конечно, рада, и за кофе благодарна, и за то, что не придется лицеизреть голого шефа, и вообще. Но как-то все... не так. Непривычно.

— Я тут блинчики пеку, — продолжала болтать блондинка. — Вы с чем любите? С вареньем, сметаной, медом, сиропом? Знаете, я только у Димы впервые в жизни попробовала кленовый сироп.

Она поставила передо мной тарелку с блинчиками и села напротив... улыбающаяся, румяная... живая, искренняя. Девочка-праздник, просто классическая блондинка. Хотя Лизка вон тоже блондинка, но мягкой и пушистой ее точно не назовешь.

Я некоторое время рассматривала тарелку. В последний раз так за мной ухаживала мама.

— Пробуйте.

— Спасибо. — Я кивнула, но есть не хотелось.

Вообще ничего не хотелось. Хорошо, что сегодня пятница, а завтра выходной. И если Димка будет хорошим мальчиком, я смогу провести его дома, правда, Лешка собирался приехать...

На секунду задумалась, что страшнее — провести вечер с Димкой или с Лешкой?

— Знаете, я хотела... вас попросить.

Замкнулась, отвела взгляд.

Интересно...

— Вы не могли бы мне поставить блок?

И надо было мне именно в этот момент сделать глоток. Вздрогнула и закашлялась, пытаюсь сделать вдох.

— Что?

— Вы же можете, я знаю.

Нет, чисто теоретически я могу, дело, конечно, очень затратное и нужны накопители... но зачем? Почему я?

— Я заплачу, у меня есть деньги.

— Почему его не попросишь?

Девчонка совсем растерялась, замялась...

— Боюсь.

Надо же, у кого-то мозги включились. Поняла, что колдун не только сексуальный мужчина и отличный любовник, но и опасный хищник, который при желании может тебя уничтожить. Правда страх какой-то странный, его боится, а помощи просит у меня. Хотя, по идее, должно быть наоборот.

— Чего?

— Я ведь родилась и выросла не здесь. В небольшом поселке на берегу Волги, у нас и колдунов там не было никогда. Только одна старая ведьма, совсем старая, дряхлая, от нее даже клан отвернулся. Мы бегали к ней, просили погадать... отдавали все свои сбережения.

Ой, деревня...

То, что в нас есть магия и сущности, в плане обязательного обладания даром предвидения еще ни о чем не говорит. Нет, те же оракулы, конечно, видят будущее, точнее — варианты развития этого будущего. Но они столь же малочисленны, как и некроманты, и столь же ценны. Будь та старая ведьма оракулом, ее бы никогда не бросил клан, она жила бы очень долго благодаря целителям и пластикам. А так... старуха просто тянула из них деньги. Предприимчивая тварь. А с другой стороны, обвинить ее не в чем, Закон она не нарушала, и деньги ей приносили добровольно.

— У нас и про блоки ничего не слышали. Хотя нет, что-то такое слышали, но не ставили. А тут в Москве... Я приехала сюда с подружкой, мы выросли вместе.

Вот черт, она что, мне всю свою жизнь рассказывать собирается? Нет, спасибо, мне такого счастья не надо. Она же не сегодня завтра исчезнет из Димкиного дома, так зачем засорять собственный мозг лишней информацией?

Но остановить ее не могла... наверное, просто устала, вымоталась и хотела спать.

— Она... она влюбилась. Ей казалось, что навсегда... в колдуна-менталиста. — Голос девчонки сорвался, и она отвела взгляд, пряча слезы. — Вы же слышали о деле Кукловода?

Борис Морозов...

Милый такой, очаровательный паренек. Колдун-менталист, который был на хорошем счету и дома, и на работе. И работал он не абы где, а в элитной клинике «Возрождение». Да, в той самой клинике на Воробьевых горах, где за большие деньги богачам дарят спокойствие и умиротворение, где избавляют от страхов и фобий, влезают в мозг и чистят память. Белые стены, белые потолки, зелененькие цветочки, вечные улыбочки и доброжелательность, от которой начинает тошнить и сводить зубы уже через час.

Я пробыла там две недели после неудачной инициации.

Знаю, что родители хотели, как лучше. Хотели помочь мне справиться с последствиями провала ритуала Вхождения в силу, принять действительность, но лучше не стало... наоборот, еще больше замкнулась в себе...

Но что-то я опять отвлеклась.

Жил Морозов один в небольшом домике, всегда был вежлив с соседями, не грубил, принимал участие в благотворительных акциях, пару раз мелькал в известных ток-шоу, давал консультации героям, его даже собирались повысить в должности. Кто же знал, что в подвале его милого домика находятся под замком тридцать две куклы... юные послушные рабыни, которым он просто выжиг память.

Да, пресса тогда гудела больше месяца. Такие акции по стране проходили, закачаешься. Вознесенский тогда чуть ли не пищал от радости, выкрикивая с трибун свои призывные антимагические лозунги.

— Женья была двадцать девятой. Сначала она стала скрытной, а потом просто исчезла, ушла и не вернулась. Я написала заявление в полицию, но сколько их пропадает в огромной Москве, наивных провинциалок...

Много... И Кукловода тогда нашли случайно. Если бы потенциальная тридцать третья жертва оказалась такой же наивной дурочкой, как и все остальные, колдун и дальше пополнял бы свою коллекцию. Но девочка попалась подозрительная и сообразительная, это и спасло ей жизнь. Остальным повезло меньше.

«Возрождение» тогда оплатило реабилитацию каждой. Лучшие колдуны пытались вытащить куколок, сделать их нормальными, говорят, даже Стражей привлекали. Но Морозов знал свое дело, девочки думали только о сексе и своем господине, и ни одна из них так и не смогла вернуться к нормальной полноценной жизни. Две перерезали себе вены, а одна повесилась — не вынесла разлуки с Кукловодом.

— Я знаю, что надо поставить блок, но... Дима, конечно, не будет прочищать мне мозги.

Конечно, не будет. На него и без всякого промывания дамочки прыгают.

— Я поняла, боишься. — Кофе уже остыл, и пить его не хотелось, а вот спать — хотелось. — Но почему я?

— У тебя глаза добрые.

Тут я уже не выдержала и расхохоталась. Вышло слишком громко, злорадно, но, как мне показалось, неестественно. М-да, артистка из меня сегодня просто аховая...

Добрые... Я могу сделать их любыми, стоит только захотеть. Могу поменять цвет, разрез, выражение глаз. Пусть это безумно затратно (лучше использовать для такого дела специальные артефакты) и на недолгий срок, но я это могу, и она ничего не поймет и даже не догадается. Нет, зря я про мозги подумала — нечему тут включаться.

— Послушай, Ника. Никогда не говори ведьме, что она добрая, хорошая и так далее. Не будь столь наивной, мы зло... всегда. И действуем сначала только в своих интересах, а потом уже в интересах других.

— Да... я знаю историю.

История... Сказка или миф? Правда или ложь?

Кто же ее не знает.

Шаманы, волшебники, колдуны и ведьмы существовали всегда, или люди думали, что они существуют. Но такие, как мы... Мы появились значительно позже.

Когда возникло это общество, трудно сказать, понятия «секта» тогда не существовало. Просто на заре двенадцатого века в Восточной Европе появилось некое собрание для избранных из числа местной феодальной знати, мечтающей о власти, о силе и богатстве.

Сначала все было достаточно безобидно и мило (темные подвалы старого замка, вызов духов, наркотический дурман, песнопения на латыни). Все изменилось после первого жертвоприношения. Сначала были животные, но этого показалось мало, все чаще на алтаре стали появляться мужчины, женщины, девственницы... дети. Что значит жизнь какого-то подкидыша без роду без племени, если благодаря тайному ритуалу ты можешь получить власть?

Страшно? Жестоко? Мерзко?.. Да, но мы и есть зло, по крайней мере, были когда-то.

И однажды мечта сбылась, их услышали... Трудно теперь сказать, что явилось причиной «хорошего слуха» Высших сил — принесенные в жертву дети, особые песнопения на мертвом языке или, может, луна, взошедшая в нужное место в нужное время. Мы этого так никогда и не узнаем. Хотя ходят слухи, что какая-то информация об обряде есть у Стражей. Даже если это и так, то правду нам никто не поведаст, да и не нужна она миру.

Сама Тьма явила им свой облик — алчная, жестокая, коварная, играющая на человеческих

слабостях. Она знала, что им предложить, чего они хотят больше всего на свете — силы, магии, могущества, которые будут переходить из поколения в поколение.

А что попросила взамен? Нет, не душу — Тьма не демон, ей это не нужно. В обмен на всевластие и всемогущество она потребовала от них чувства... любовь.

Ведь это такой пустяк, отдать любовь, саму возможность любить и быть любимыми. Без нее же намного легче жить в этом мире. Нет любви — нет и боли.

И они согласились. Ведь власть и сила лучше, чем какая-то любовь.

Согласились... и в тот миг отречения от любви они проклинали и себя и нас, своих потомков.

И Тьма подселила каждому из них частичку себя — сущность, что дает силы... тварь, что питается страстью... ту, что всегда необходимо подпитывать, но это же такая малость за такой большой подарок...

Казалось бы, есть магия — бери и властвуй, но власть они тогда так и не получили. Произошел банальный раскол между ведьмами и колдунами, все-таки беспорядочный секс друг с другом и на стороне не способствует укреплению отношений — ушла любовь, пришла ненависть. Они разделились, а потом разделялись еще и еще, предпочитая одиночество и свой путь к власти, создавая свои собственные кланы.

...Плодитесь и размножайтесь... особенно когда дар и сущность переходит от родителей к детям. Этим они и занимались: укрепляли позиции на своих территориях, долгие столетия растили собственные армии.

...А потом нас сгубила самоуверенность...

Пока мы наращивали мощь своих армий, люди, поддерживаемые Богом и верой, готовили своих воинов. Так началась длительная эпоха Охоты, с инквизиторами, кострами и сотнями смертей и с той, и с другой стороны. Кровавые годы общей истории, о которых трудно вспоминать. Хроники, которые без ужаса не прочитаешь.

Итогом стали Закон (огромный трактат на три сотни страниц, полностью регламентирующий нашу жизнь с рождения до самой смерти), хрупкий мир и появление первых Стражей.

— Но вы же сделались другими.

Мы-то, может, и стали, но сущность, та пресловутая черная клякса Тьмы внутри нас, осталась прежней.

— Ника, обратись ты к нормальной ведьме, которая делает все лучшим образом.

— Я хотела бы, чтобы это была ты, — прошептала девушка и закусил губу, отводя взгляд.

Вот только не хватало мне телячьих нежностей и соплей по всему лицу. И почему я на это реагирую? Ведь ведьма должна просто послать ее куда подальше или промыть мозги... так, совсем чуть-чуть...

Хотя обычная ведьма уже четыре года должна кувыраться в постели с колдуном, а не быть его личным помощником.

— Слушай, давай я найду тебе нормальную ведьму, хорошо? — быстро достала визитку из кармашка и протянула ей. — Позвони мне завтра?

— Спасибо... ты...

— Ведьма, злая и коварная, которая еще хочет кофе. — Я выразительно подняла свою кружку.

— Я сейчас еще налью...

— Я бы тоже не отказался. — На кухню вошел Димка в темно-сером костюме, белоснежной рубашке, с серо-голубым галстуком в руке и тяжело вздохнул. — Тань, завяжи, а? У тебя лучше получается.

— Виндзор или пратт?

— Виндзор.

Равнодушно кивнула и подошла ближе.

Пахло от него приятно, даже захотелось вдохнуть поглубже этот аромат... и потереться носом о подбородок... попробовать на вкус его кожу... Сущность слегка затрепетала внутри. После сегодняшнего сна она вела себя крайне тихо. Знала, что я не в том настроении. Но эта реакция удивила, даже странно.

— Все нормально? — Димка слегка наклонил голову и заглянул мне в глаза.

Если бы в них мелькнули хоть какой-нибудь огонек, хоть какая-нибудь эмоция, я бы заподозрила его в использовании флера. Но нет, шеф был сосредоточен и спокоен. Наверное, я просто не вспалась и поэтому несколько неадекватно и с предубеждением реагировала на обычное поведение шефа.

— Да, — кивнула, продолжая завязывать узел, — забыла тебе вчера сказать. Ко мне подходила Виктория Ларина.

— Ларина... Ларина... Ларина... Эта которая в тебя вазами кидалась?

— Вазой. Она самая. Просила передать, что у нее выгодный контракт намечается, но она может передумать, если ты предложишь ей более выгодный.

— Будем считать, что ты передала, а я услышал. Какие планы на выходные?

— Получить эти выходные.

— Ты их и получишь, — серьезно ответил мне колдун и отступил на шаг, стоило мне подтянуть готовый узел. — Ты, самое главное, отдохни хорошо.

— Это предупреждение?

— Это совет.

— Пятница еще не закончилась.

— Закончится, сегодня сюрпризов быть не должно.

И самое интересное, что он оказался прав, на работе обошлось без сюрпризов.

А вот дома...

— А вот и наша работница пришла, — радостно пропела Марианна, стоило мне войти в квартиру и разуться.

А я так надеялась, что она передумает и не приедет, а если и приедет, то гораздо позже, когда успею подготовиться и занять оборону.

— Привет.

У нас с ней странные отношения. Нет, Лиза ее боготворит, для нее Марианна — пример идеальной ведьмы — сильной, страстной, настоящей сирены, что своим чарующим голосом привлекает в сети мужчин. Дениса бабуля показательно игнорировала, а вот со мной...

На следующий день после смерти родителей, пытаясь одновременно присмотреть за младшими, устроить нормальные похороны и не сойти с ума, я получила повестку из Совета, где должно было решаться дело о передаче права опеки над Дэном Максиму Леонидовичу.

До сих пор помню, как сидела на кухне и смотрела на эту бумажку, совершенно не зная, что мне делать. Ведь отца с мамой еще не предали огню, еще не были отданы последние почести, а он уже требовал внука. Именно там меня и нашла Марианна, прочитала повестку и удовлетворенно кивнула:

— Вот и отлично. Мальчишке будет лучше с ним. А ты с Лизой сегодня же переедешь в наш клан. Хотя что-то твоя мать смогла сделать нормально — родила целых двух ведьм. Ты, конечно, подпорчена, но, может, Стражи разберутся когда-нибудь с этим досадным недоразумением. А вот из Лизоньки я сделаю настоящую ведьму. За ее инициацию еще будут драться, поверь мне, такой потенциал...

У меня просто не было сил все это выслушивать:

— Что?

— Ничего, милая, я сама соберу ваши вещи, позвоню Разину — чем быстрее мальчишка окажется у него, тем лучше, а ты иди, отдохни. Квартиру, конечно, придется продать в пользу клана...

Надо ли говорить, что маленькая ведьма внутри меня взбунтовалась? Никто не ожидал такого. Ни один из наших многоуважаемых прародителей даже не мог представить себе, что я могу пойти против их воли, что решусь на противостояние. Да и я сама не знала, что смогу, что выстою.

Глупо, конечно, я все равно надеялась тогда на ее поддержку, думала, что она поможет мне пережить гибель родителей, выстоять, а Марианна поступила как истинная ведьма...

За это я ее не могу простить до сих пор.

— Ты такая бледненькая... синяки под глазами просто ужасные, делают тебя старше лет на десять. Ты что, совсем не пользуешься бытовой магией?.. Ах да, не с твоим резервом. Но все равно, тебе необходимо отдохнуть, расслабиться, полежать на белоснежном песочке, я вот недавно летала в Дубай...

Ага, на метле...

Я прошла в гостиную и села в кресло, вытянула уставшие ноги.

Лиза сидела на диване, поджав ноги под себя, и демонстративно от меня отворачивалась. Нет, ну и что опять случилось? Мы же дня два не виделись и расстались-то вполне мирно. Черт, когда же закончится этот переходный возраст или ее перед совершеннолетием так колбасит? Я что, тоже была такой?.. Хм... не помню.

— Здравствуй, Лиза. — Мне не трудно, я не гордая, могу первой начать разговор. Эта способна сутками не разговаривать. Сама себя накрутит, сама с собой поругается, а виновата в конечном счете буду я.

— Привет, — пробормотала в ответ, но головы не повернула.

Ну, хотя бы отвечает, и то хорошо, значит, еще есть шанс разойтись по-мирному, если Марианна не влезет. Слишком довольный у тебя вид, ведьма, что ты опять задумала?

— Как дела в магиише?

— Нормально.

— Хорошо.

О чем еще говорить с агрессивно настроенным подростком? Хотя какая разница, любой, даже самый безобидный вопрос может привести к взрыву — знаем, проходили уже.

Я перевела взгляд на Марианну... попробуем подобраться к проблеме с другого бока.

— А как у тебя дела?

— У меня все замечательно, скоро сольный концерт в Париже. Но сейчас нас вот что интересует: сколько ты будешь бездействовать, дорогая? Лизе через месяц исполнится семнадцать.

— Я в курсе.

— И? Ты вообще собираешься решать вопрос с инициацией? Надо же найти хорошего колдуна, необходимо столько всего обсудить, оформить столько бумаг, сделать запрос в банк данных. И если ты не можешь, если у тебя не хватает времени на собственную сестру, то это сделаю я.

Ага, так же, как и с мамой, когда подсунула ей старика.

— Она хочет меня превратить в такую же, как она сама. Думает, если у нее не получилось, то и со мной так же будет, — подала голос сестренка.

Как же болит голова.

А еще больнее слышать эти обвинения, смотреть в разгневанные голубые глаза младшей

сестры. Столь похожие на мамины и в то же время совсем другие, чужие, холодные...

— С тобой такого не будет, — ответила спокойно и уверенно. Сейчас самое главное держать лицо.

— Танечка, я понимаю, у тебя работа, Димочка требует внимания, но надо же что-то делать. Я тут принесла Лизоньке резюме кое-каких претендентов, ты бы тоже посмотрела. Так как вы из-за твоего упрямства все еще вне клана, решать придется тебе.

Надо же, она принесла кого-то на выбор... какая щедрость.

— С удовольствием посмотрю. Лиз, тебе кто-то понравился?

Сестра пожала плечами, и воинственный настрой куда-то исчез с ее хорошенького личика, остались тревога, растерянность и толика предвкушения. А ведь когда-то я была такой же, вот только у меня за спиной стояли мама с папой и Лешка...

— Я... я не знаю. — Она неуверенно и беспомощно взглянула на Марианну.

Ну, понятно, откуда ветер дует.

— Мы можем посмотреть вместе, если ты хочешь, конечно... Просто знай, что я одобрю любой твой выбор.

Лиза кивнула, и в гостиной сразу стало спокойнее, даже как-то светлее.

Уф, скандала удалось избежать.

— Я очень благодарна тебе, Марианна. Не знаю, что бы мы без тебя делали!

Меньше ссорились — это точно.

— Я так рада, что смогла хоть чем-то помочь. Я же вас так люблю!

Как интересно... особенно если учесть, что любви мы испытывать не умеем.

Недовольна? Без сомнения... вон как губки поджала.

— Это же так замечательно, что мы все выяснили... Лизонька, может, ты пока пойдешь, подогреешь ужин своей сестре? Она голодная, уставшая. А мы посидим, поговорим... по-семейному.

Удивительно, но Лизка возражать не стала, тихо вышла, плотно закрыв за собой дверь. Видимо, только мне нервы треплет.

— Итак? — Я свободно откинулась в кресле и слегка приподняла бровь, ожидая продолжения.

— Мне сообщили, что два месяца назад Стражи дали тебе какое-то новое блокирующее зелье. — Марианна села напротив, утратив свое напускное дружелюбие, остался лишь цепкий взгляд холодных голубых глаз.

— Дали.

Мое лицо все еще непроницаемо, и, как ни старается, она ничего не сможет прочесть на нем.

— И почему ты еще не инициирована?

— А ты уверена, что оно сработает, что я опять кого-нибудь не подожгу?

— Но Стражи...

— Не всесильны и не знают, как все может пройти, опыты — это одно, реальность — совсем другое. И потом, если все пройдет нормально, что тогда? Подыхать от голода или каждый раз для подпитки принимать это зелье? А где гарантия, что на него не выработается иммунитет? Что оно подействует во второй, в третий раз? Или вновь ждать следующего зелья? Да Стражам легче сжечь меня на костре, чем так мучиться... А ты знаешь, что со мной будет, если я не смогу вовремя подпитывать сущность после инициации? Она сожрет меня изнутри, станет медленно вытягивать силы, пока не превратит в мумию... или ты нашла кого-то, кто захочет рискнуть всем ради подзарядки артефактов?

— Инеев вернулся.

— Я в курсе. Думаешь, он решится на повторение? Не решится, уж я-то точно знаю...

Сирена тяжело вздохнула:

— Такой дар, такие возможности...

И такие деньги...

Но попыток уговорить меня Марианна не оставила:

— А ты с Димой этот вопрос не обсуждала?

— С Соколовым? — теперь я по-настоящему удивилась. — Нет, а зачем?

— Но он же феникс.

— Ты действительно думаешь, что он сможет воскреснуть после «мертвого пламени»? Сомневаюсь, даже фениксам это не под силу.

— Он сильный маг.

Ответить я не успела. В коридоре громко зазвонил домашний телефон, а через мгновение появилась Лизка:

— Тань, там тебя спрашивают... мужчина, — и глаза большие, удивленные.

Недоуменно нахмурилась, пытаюсь понять, кто это может быть. Точно не Димка, не его уровень. Соколов на домашний не звонит, для этого есть сотовый. Но тогда кто?

Быстро подошла к тумбочке и взяла трубку.

— Да, слушаю.

— Здравствуй, Татьяна.

Сердце пропустило удар, и я прикрыла глаза, вслушиваясь в его голос.

— Здравствуй.

— Я не помешал? — В голосе Леши слышалось участие или мне хотелось его услышать?

Скорее всего, последнее, но я не буду об этом думать, пока... просто послушаю...

— Нет.

— Скажи, я могу завтра приехать к вам?

— Можешь.

— Мне надо обсудить кое-что важное.

— Я поняла.

Ты бы просто так не звонил сейчас. И для возвращения на родину тоже нужны веские причины, а не банальная встреча бывших друзей, одна из которых чуть тебя не убила.

— В двенадцать будет нормально?

— Да.

— Тогда до встречи...

— Пока.

Я положила трубку на место и некоторое время просто стояла, не двигаясь и закрыв глаза.

Все слишком... не так. Я не могла понять, что меня напрягает, но что-то не давало покоя. Словно что-то упустила из вида...

Или просто стала слишком мнительной и подозрительной?

Жизнь научила, что своей интуиции надо верить. А сейчас она мне говорила, что игра уже началась, а правил ее я не знаю.

— Кто звонил? — Марианна вышла в коридор и стала рядом.

— Алексей Инеев.

— Да? — многозначительно улыбнулась она.

— Да, будет завтра в двенадцать.

— Это тот самый Инеев? — встряла Лизка.

— Да, тот самый. Вас надо оставить одних? Что я спрашиваю? Конечно, надо, и зелье держи наготове, милая. Такой шанс нельзя упускать.

Шанс?

Мне захотелось рассмеяться...

Нет никакого шанса. Леше нужна не я... я практически уверена, что приехал он ради другой ведьмочки.

ГЛАВА 6

Мне вот интересно, как мама вообще жила с Марианной?

Ведь как только она узнала о беременности, собрала вещи и переехала в клан. Конечно, можно было этого не делать, но как только за некромантом закрылась дверь, мама поняла, что больше и минуты не сможет находиться в квартире, где каждый уголок напоминает о колдуне, о тех страстных мгновениях, что они провели вместе.

Мы не знаем пол ребенка до самых родов. И это не зависит от нашего желания заглянуть вперед, это просто невозможно предвидеть или просчитать. Остаются только чисто ведьминские приметы, к которым все и всегда прибегают, чтобы распознать, чей гендер стал доминирующим — колдуна или ведьмы. Но процент правильных предсказаний всегда пятьдесят на пятьдесят. Конечно, все ведьмы мечтают о девочке, кому хочется повторно вынашивать ребенка?

Марина боялась загадывать, боялась даже думать, кого носит под сердцем. Для нее это был просто ребенок, которого она уже любила.

Это было странно и так непривычно для нее. Ведь, по легенде, мы прокляты, мы не можем любить, даже к собственным детям у нас несколько прохладное отношение, особенно если они противоположного пола. Но тем не менее Марина знала, что ребенка она любит, и совершенно не готова была с ним расстаться.

В клане ее приняли на редкость радушно, ласково и очень трепетно, что еще больше испортило и без того поганое настроение. Понятно, что им нужна была не она, а ребенок — девочка. Конечно, ей перепала немаленькая такая порция дифирамбов от клана, еще бы — удалось заключить контракт с некромантом и забеременеть за такой короткий срок. Имелась большая вероятность того, что родится девочка, и она вполне может быть некромантом, а это такой дар для клана, такая удача!

Ведьмочку разговоры злили жутко, пару раз она даже чуть не сорвалась, но в последний момент сдержалась. Не ради себя — ради ребенка. Ведь волнение чревато.

В клане имелась еще одна беременная ведьма — Настя. Это была ее вторая беременность, первая благополучно завершилась рождением сына, который тут же перешел в клан отца — техномага.

— И что ты почувствовала, когда узнала, что у тебя родился сын? — спросила ее как-то Марина.

Они гуляли по саду, любуясь золотисто-желтой листвой, наслаждаясь последним теплым деньком.

— Разочарование и злость, — пожала плечами Настя, срок у нее был большой. Целители планировали роды на конец сентября — начало октября. — Беременность — это же так ужасно — огромное, неповоротливое тело, отеки, непомерный аппетит и полное отсутствие секса, только накопители сдерживают сущность и как-то облегчают жизнь. Тебе еще предстоит пройти через это. Мучаешься восемь месяцев, страдаешь, а тут на тебе — сын, и, значит, через пять лет придется вновь проходить через этот кошмар. В этот раз, я надеюсь, будет девочка...

— А ты его видела после этого?

— Кого? — Настя недоуменно нахмурилась, отчего ее кукольное личико скривилось.

— Сына?

— Нет. А зачем? Он же принадлежит отцу.

— Да, конечно, — кивнула Марина, кутаясь в шаль. Вроде на улице тепло, но ее внезапно стало трясти... или дело было совсем не в погоде, а в холоде и страхе, что сковал ее сердце.

Мечта Насти сбылась, через две недели после этого разговора ведьма родила здоровую девочку. Марина была за нее искренне рада, но поддерживать знакомство не хотела.

Давно уже кончилось лето, пролетела осень с ее промозглыми дождями и пасмурной погодой, в начале декабря выпал первый снег.

Марина медленно гуляла по парку, наслаждаясь легким морозом, ярким солнцем и белоснежными пейзажами. Стоило ей сделать шаг, и снег мягко и приятно хрустел под ногами. Щеки уже слегка пощипывало от мороза, но это было совсем не больно, а даже приятно. А воздух казался таким удивительно чистым, что девушка просто не могла насытиться. То и дело останавливалась, улыбалась и вдыхала морозную свежесть полной грудью. Впервые за долгое время Марина находилась в ладу с собой, даже жизнь заиграла для нее новыми красками. Оказывается, для счастья так мало надо. Она почти месяц не выходила из квартиры, редко бывала на улице, все продукты для нее привозили клан или мать, а тут решила выйти, подышать свежим воздухом.

Она медленно брела по тропинкам, то и дело поглаживая живот. Нет, беременность была еще не столь заметна, когда она надевала свой пуховик, но небольшой округлый животик уже виднелся. Как же ей нравилось каждый день подходить к зеркалу, задирая майку и любоваться увеличивающимися формами, с трудом веря, что внутри ее уже есть жизнь. Она не понимала Настю, да и остальных, подобных ей, — как можно не любить это состояние, как можно не радоваться этому? А еще малыш начал шевелиться. В первый раз Марина даже не поняла, что это он, — словно маленький червячок чуть зашевелился у нее внутри, а потом еще раз и еще. Теперь это было не просто какое-то гипотетическое существо, малыш стал реальностью.

— Марина.

Девушка замерла и зажмурилась.

Нет, нет, это просто сон... просто показалось, он не может появиться здесь.

Но скрип снега под ногами и тонкий аромат туалетной воды, будоражащий воспоминания, пришли к ней не во сне.

— Здравствуй.

Она распахнула глаза и пристально посмотрела на Разина. Нисколько не изменился за эти три с половиной месяца — все тот же прямой взгляд серых глаз, легкая щетина на подбородке. Все так же свеж, красив и силен.

«А чего ты хотела? Чтобы он мучился без тебя? Чтобы не мог ни спать, ни есть? Чтобы так же страдал одинокими холодными ночами, как и ты? Думал о тебе?»

Не страдал...

— Здравствуй.

Он внимательно осмотрел ее с ног до головы, на мгновение задержался на животе, скрытом под толстым слоем пуховика. Ей захотелось прикрыть ребенка рукой, спрятать, не отдавать...

— Как ты себя чувствуешь?

— Разве Глава клана тебе не докладывает? Она должна присылать еженедельные отчеты о нашем состоянии.

Он нахмурился и, кажется, начал злиться. Но на что? На правду? Жалеет, что выбрал именно ее для контракта? Так она не навязывалась...

— Я хочу это услышать от тебя.

— Все хорошо, анализы в норме, ребенок развивается согласно сроку.

Некромант кивнул и замолчал.

Молчал и смотрел неотрывно, сосредоточенно, жутко... это еще больше злило.

Вот зачем он пришел сюда? Что ему надо? Желает убедиться, все ли в порядке с его возможным сыном? Или просто хочет помучить ее?

— Рада была повидаться, но мне пора. — Она сделала шаг в сторону, собираясь обойти его.

— Подожди. Я доведу тебя.

— Спасибо, сама дойду, тут недалеко.

— Я довезу тебя, — твердо ответил он, взял ее за руку и отвел к машине, припаркованной совсем недалеко.

Девушка пожала плечами и согласилась. Не устраивать же истерику на пустом месте? Это же не страшно — просто проехать с ним в одной машине? Он все равно ничего ей не сделает, в его же интересах, чтобы с ней и ребенком все было нормально, а большее, чем сейчас, уже не будет...

Машина у него дорогая, премиум-класса. Она особо не разбиралась в автомобилях, но, увидев этого представителя западного автопрома, сразу оценила его ранг. Ну не может стоять дешево машина с кожаным салоном, со звуконепроницаемой перегородкой, мини-баром и телефоном.

Девушка села в угол и отвернулась к окну.

Молчание давалось трудно.

Эта тишина давила со всех сторон, угнетала. И мужчина, что сидел рядом, пусть не близко, но все равно рядом, тоже подавлял. А еще это нестерпимое желание коснуться его, запустить пальцы в его волосы, почувствовать мягкость губ, твердость крепкого тела... окунуться в его запах, стать его частью.

— Погода хорошая, — произнесла она тихо и повернулась к нему.

В следующее мгновение некромант резко схватил ее за руку и притянул к себе, сорвав шапку, зарылся носом в волосы. Марина замерла в его объятиях и не нашла сил вырваться, оттолкнуть его.

— Ведьма, — глухо шепнул он куда-то в макушку, вдыхая аромат ее волос и кожи, — как же я соскучился...

И она оттаяла.

Дело даже не в том, как он прижимал ее к себе, не в словах, таких желанных, ласковых... дело в голосе... словно ему было нестерпимо больно... смертельно тоскливо вдали от нее.

Марина жалобно всхлипнула и прижалась к нему еще сильнее.

А через мгновение их губы встретились в сладком, сводящем с ума поцелуе.

Словно не было этой разлуки. Будто они не расставались ни на минуту, ни на мгновение. Всполохи желания, искры разгорающейся страсти, вспыхивающие вокруг и внутри. И время, остановившееся ради них.

Марина растворилась в чувствах, эмоциях, ощущениях и пришла в себя, только когда машина затормозила и некромант бережно взял ее на руки.

— Толя?

— Тшш, — шепнул он и внес ее в высокое здание с огромными стеклянными окнами.

— Но?..

— Ты мне веришь? — Серые глаза пытливо, серьезно всматривались в ее лицо.

— Да.

Напряжение спало, вырвался предвкушающий рваный вздох, мгновение — и Разин с некромантской невозмутимостью продолжил идти дальше.

Легкое покалывание во всем теле, когда охранка считывала ауру, и они у него в квартире.

Входная дверь еще не успела закрыться, а любовники уже принялись лихорадочно стягивать друг с друга одежду — пальто, куртка, шарф, ее свитер, его пиджак, рубашка, ее футболка...

И все это, не прекращая страстно целоваться, трогать друг друга, гладить, стискивать в объятиях.

Спальня и двое... полностью раздетые, сгорающие от желания, вздрагивающие и предвкушающие.

Некромант бережно уложил ее на кровать и замер, любуясь обнаженным, немного раздавшимся телом. Нежно провел указательным пальцем по лицу, очертил линию скул, коснулся полных губ, провел прямую линию по подбородку, шее, груди, спустился к животу, где внезапно замер. Застыла и Марина, впервые испугавшись, что выглядит некрасиво, что слишком толстая, слишком беременная.

А Толя осторожно положил ладонь на ее живот и посмотрел ей в глаза:

— Я осторожно... и очень нежно, — хрипло шепнул Разин и, приподнимая, обхватил ее ягодицы руками, слегка толкаясь вперед, неглубоко проникая в лоно. Следующее движение бедер и рук — и его плоть уже глубже... Новое плавное скольжение — и мужчина опять отстраняется.

Марина судорожно глотала воздух. Все ее тело словно пронзили сотни тысяч маленьких иголочек. Каждое движение было мучительно медленным. Оно не давало освобождения, а больше и больше распяляло жар внутри.

Девушка уже стонала и слабо вскрикивала, зачарованно глядя в потемневшие глаза мужчины, возвышающегося над ней. Его красивое лицо исказилось от сдерживаемого желания, мускулистое тело покрылось капельками пота, дыхание было тяжелым, а он все не ускорялся, все еще сдерживал себя, боясь навредить.

Разрядка оказалась невыносимо тягучей, яркой, мощной и обоюдоострой.

Толя упал рядом с ней на кровать и притянул к себе, зарывшись лицом в ее волосы и положив большую ладонь на ее округлый живот.

— Мы не повредим малышу?

— Нет... если маме хорошо, то и ему тоже, — улыбнулась Марина, нежась в объятиях, купаясь в последних отголосках страсти.

Как же все-таки хорошо просто так лежать, чувствовать его рядом с собой, слышать гулкое биение сердца любимого мужчины.

— Тебе ведь не передавали моих просьб о встрече, — внезапно произнес Анатолий.

— Каких просьб?

— Значит, не передавали... И почему я не удивлен?

Марина слегка отстранилась, всмотрелась в его лицо.

— Ты хотел встретиться?

— Да, два месяца пытался добиться этого от твоей Главы... упертая ведьма... Еще и ты целый месяц никуда из своей каморки не выходила, а если и выходила, обязательно с кем-то. Я с трудом успел тебя сегодня поймать.

— Ты правда искал со мной встречи? — все еще не могла поверить девушка.

Некромант кивнул и нежно поцеловал ее в нос:

— Ты слишком много для меня значишь, Мариш... ты и наш ребенок.

Наш ребенок... не ее дочь или его сын, а их общий ребенок.

Мужчина бережно обхватил ее лицо руками, не давая возможности отвести взгляд, наклонился ближе:

— Скажи, ты чувствуешь это? Ты любишь нашего ребенка?

— Мы не умеем любить, — пролепетала она.

— К черту эти предрассудки и легенды. Я хочу знать, что чувствуешь именно ты. Ты любишь нашего ребенка?

— Да, люблю... и не могу представить, что ты можешь забрать его у меня.

Он сразу расслабился и удовлетворенно кивнул, отпуская ее лицо и вновь ложась рядом,

скользя ладонями по ее телу от талии до бедра и обратно:

— То, что нам всегда внушали и рассказывали, — неправда. Точнее, не совсем правда. Тьма не забрала у нас чувства, любовь, она их просто заблокировала... Не смотри на меня так, Мариш, я говорю правду. Я — некромант, я могу подчинять сущности, могу управлять ими. Тьма и любовь не способны сосуществовать рядом, поэтому чувства заперты внутри нас.

— Но тогда почему никто об этом не знает?

— А ты уверена, что не знают? Все они в глубине души знают и чувствуют, что способны любить, но вот надо ли им это знание? Посмотри на них — на свою мать, на Главу клана, на остальных?. Разве им нужна любовь? Они выросли в другом мире, с другими моральными устоями и правилами. Любовь не для них, всех их интересуют только страсть и подпитка. Ты же росла среди людей и переняла от них трепетное отношение друг к другу и к своему потомству, поэтому ты мечтаешь о другом... поэтому любишь нашего ребенка и меня.

Марина вздрогнула и отвернулась, попыталась отодвинуться, спрятаться. Ведь одно дело — чувствовать, а совсем другое — признаться, причем не только себе, но и ему. Но колдун не дал — еще сильнее прижал к себе и горячо зашептал:

— А я люблю тебя. Для меня три месяца без тебя были самыми жуткими в моей жизни.

— Толь... я не понимаю...

— В ресторан, где ты работала, я в тот день забрел случайно. Утром провел ритуал вызова духа, позже отправился на старое кладбище, чтобы упокоить жертвы, поднятые бестолковыми старшекурсниками, и как только сил хватило? Тяжелое утро, еще более кошмарный день, а вечером — бутылка дорогого коньяка в первом попавшемся ресторане... А тут ты — юная сирена с чарующим голосом в свете софитов, как лучик света в темном царстве... Мой лучезарный лучик и моя сладкозвучная девочка. Я стал приходить на твои выступления, нет, не каждый день, но все равно часто. Сначала просто послушать, а чуть позже это желание переросло в потребность видеть тебя постоянно. Однажды поймал себя на мысли о своей зависимости и подумал, что ты с помощью своего флера воздействуешь на меня, я даже проверку устроил...

— Что?

— А ты думала... не злишь, цунами, не злишь, подумай... Я — некромант, сильный некромант, и меня как магнитом тянет к юной сирене. Конечно, я проверил тебя на приворот и на флер. Но ты даже средний уровень воздействия не применяла... И тут я понял, что хочу тебя так... что пока не получу — не успокоюсь...

— Ну и как, успокоился? — ехидно поинтересовалась Марина, хотя внутри все дрожало. Он же сейчас изливал свою душу, открывался ей.

— Нет. Тогда, в твоей гримерной... черт, да у меня просто крышу снесло в тот вечер! Я ведь планировал отвезти тебя в отель, цветы там... музыка. А получилось — на столе, второпях... да и второй раз тогда, в переулке, — мужчина хмыкнул и улыбнулся воспоминаниям. — В общем, секс не помог избавиться от влечения, наоборот, стало только хуже. И я подумал про контракт. Кстати, пришлось долго ждать, пока клан пришлет твою анкету.

— Но почему ты ничего не сказал мне?

— Что сказать? Что схожу с ума от маленькой сирены? Что каждую минуту мечтаю раздеть ее и залюбить до смерти всеми известными способами? — Он щелкнул пальцем по носику и поцеловал в лоб. — Ты даже не представляешь, какую власть имеешь надо мной.

— Тогда почему? Почему ты отпустил меня, почему исчез почти на четыре месяца?

— Ты знаешь, когда я заключал контракт, думал только о том, что ты будешь рядом со мной, а о том, что будет ребенок... это уже потом пришло осмысление. А ты стала отдаляться, замкнулась в себе, и эта новость... Я решил, что ты такая же, как все ведьмы, а потом твой клан перекрыл все доступы к тебе, мне даже во встречах отказывали.

— Так ты...

— Люблю. Тебя люблю и нашего ребенка люблю. И мне совершенно все равно, кто родится, потому что нашей проблемы это не решит.

— Какой проблемы?

— Если будет дочь, больше заключать контракт я не буду, мне никто не нужен, кроме тебя. Если будет сын, то, прости, солнышко, но я не подпущу к тебе ни одного колдуна, придется тебе только от меня подпитываться. Именно этого кланы нам и не позволят.

— И что теперь? Мы не можем что-то сделать без их согласия, это же противоречит Закону.

— Есть вариант.

— Какой?

Толя привстал на локте и, тяжело вздохнув, ответил:

— Брак.

— Что? — Марина в ужасе вскрикнула и отшатнулась. — Ты понимаешь, что предлагаешь? Чего можешь лишиться?

Некромант кивнул.

— Да. Но вы для меня важнее всего на свете... А я для тебя?

...В одиннадцать часов дня дома уже никого не было.

И если исчезновение Лизки я могла понять (тут Марианна подсуежилась, утащила ее в магазин), то почему ушел Денис, так и осталось загадкой. Нет, конечно, причину он нашел очень вескую — доклад надо делать по литературе. Но верилось с трудом. Не был Дэн фанатом литературы, совсем не был.

Ушли и ушли, чего переживать? С Лешкой я сама поговорю.

Но сердце все равно было не на месте.

Бесцельно походила по комнатам, то и дело переставляя сувениры с места на место. Перемыла после завтрака всю посуду.

Затем некоторое время повалилась на диване с книжкой, которую нашла в шкафу. Но история могущественного колдуна, который ради семнадцатилетней блондинистой человеческой девственницы с каплей мозгов и большой грудью пятого размера отказался от магии, просто не укладывалась у меня в голове. Нет, я честно попыталась прочитать и вникнуть в суть трагедии. Но после десятого обморока малахольной героини, а падала она аккуратно на мускулистого героя, поняла — это не для моего мозга. Автор вообще хоть одного колдуна в жизни видел?

Потом был телевизор, по одному из каналов которого показывали очередной исторический фильм про эпоху Охоты. Это когда brutальный мускулистый инквизитор с огромными мечами наперевес крушит направо и налево колдунов и соблазняет ведьм. Хотя их и соблазнять особо не приходилось — они сами так и падали ему под ноги, стоило только обнажить накачанный торс.

А обнажил он его за пятнадцать минут три раза. Я специально посчитала. В первый раз — когда купался. Во второй — когда раздевался на сеновале. В третий — когда на огороде репу сажал... Хозяйственный инквизитор попался — и колдуна победит, и травку посадит, и юную деву в хлеву удовлетворит. И это я еще не с начала смотрела.

Нет, конечно, фигура у него ничего так — кубики присутствуют, мышцы бугрятся, лицо такое мужественное, только интеллект в глазах не хватает... Вот какой нормальный инквизитор пойдет против водной ведьмы с сетью для рыбалки?

Противно...

Раздраженно отбросила пульт в сторону и потерла виски. И что теперь делать?

Вновь встала, бесцельно походила по квартире и как-то само собой оказалась в своей спальне у запертого на замок шкафчика. Там оно и лежало, то самое зелье, что дали мне Стражи.

Рука уже потянулась снять охранное заклинание, открыть замок, но... я ее тут же отдернула.

Нет. Не так... не сейчас... и не с ним.

И опять гостиная, диван, я одна.

Документы, что ли, посмотреть, которые с работы захватила?

Не хочется. У меня выходной или как?

Вчера мне все-таки удалось поговорить с Лизой. Успела поймать мелочь до того, как она заперлась в комнате.

— Лиз, мы можем поговорить?

Девчонка поджала губы, но все-таки кивнула.

— Ты просматривала анкеты?

— Просматривала, — отвела взгляд, нервно потеревила серебряное колечко на пальце.

— Хорошо. У меня к тебе только один вопрос. Тебе для инициации что важнее — деньги или симпатичный колдун? Потому что если важнее деньги, то в понедельник мы можем выставить тебя на торги.

Сестренка вздрогнула и побелела. Какой же ты еще ребенок!

— Как мама!

— Как мама. Марианна и клан получили тогда хорошие деньги. Ты получишь намного больше, у тебя потенциал выше... тогда придется мириться с любым колдуном — безобразным, толстым, старым, лысым и так далее. Выбора у нас не будет... или можем обойтись без торгов. Решать тебе.

— Я знаю.

— Мнение родителей ты знаешь. Мама не хотела, чтобы мы повторили ее судьбу, поэтому для меня и выбрали Алексея. Так же мы можем подобрать колдуна и тебе, у меня тут тоже есть несколько анкет, специально для тебя подготовила, только не было времени отдать. — Я протянула ей небольшую папочку и едва удержалась от того, чтобы потрепать ее по золотистым локонам.

И когда маленький голубоглазый ангелочек успел вырасти?

Лизка обещала подумать. И то хорошо.

...Ровно в двенадцать раздался звонок в дверь.

И хотя я его ждала, все равно вздрогнула и прижала руку к груди, где заполошно забилось сердце. От волнения закружилась голова, а во рту все пересохло.

Пришлось даже сделать несколько глубоких вдохов, чтобы прийти в себя.

— Привет.

— Привет. — Леша улыбнулся и протянул мне два огромных букета — белоснежные лилии и ярко-красные розы, которые так любила мама. Лилии я не люблю, значит, они для Лизки.

— Спасибо.

— Ты одна? — Колдун повесил пальто на крючок и внимательно огляделся.

Мне показалось или в голосе мелькнуло разочарование?

— Да, Лиза уехала с Марианной по магазинам, Дэн ушел к другу, готовить доклад по литературе. — Я скупой улыбнулась и направилась на кухню. Надо поставить в вазу цветы.

Лешка направился следом. Неловко потоптался в проеме двери, в конце концов, сел за стол и внимательно осмотрелся.

— Странно, а тут совсем ничего не изменилось... так и кажется, что сейчас Марина войдет. Прости, я не хотел...

— Все нормально. Пять лет прошло, боль уже притупилась. А тут действительно ничего не изменилось, — я тоже обвела взглядом кухню. — А зачем менять? Нас и так все устраивает.

— Да. Я не ожидал, что мы встретимся, но я даже рад, что так получилось. — Он замолчал и нервно провел рукой по волосам.

И вновь тишина... вязкая... липкая... неловкая.

— Чай, кофе?

— Кофе.

— Черный без сахара и капля сливок?

— Ты помнишь. — Мягкая улыбка и мелкие морщинки вокруг глаз.

Я улыбнулась в ответ, не могла не улыбнуться.

И все вроде как раньше, когда он точно так же приходил в гости — ко мне или к отцу.

Словно это было вчера. Худощавый молодой колдун, от одного взгляда которого у меня все дрожало внутри. Обаятельный некромант, что флиртывал со мной, отпускал остроумные забавные шутки и смотрел так, что у меня начинали гореть щеки...

Этого мне никогда не забыть, да и не хочу я забывать.

Помню, как готова была прыгать от счастья, когда папа принял его предложение по инициации.

Помню наш первый поцелуй...

Ранняя весна, лужи и первые подснежники — букетик ярко-синих хрупких цветов в дрожащей руке... Осторожное прикосновение ладони к пылающей щеке, пальцы, что перебирали волосы на затылке... стремительно темнеющие глаза и мягкие, теплые губы, с нежностью коснувшиеся моих губ. Сначала невесомо и осторожно, затем все требовательнее и горячее.

Казалось, что счастливее меня нет ведьмы на свете.

— Леш, что тебе нужно? — Я поставила перед ним чашку с кофе и села напротив. — Ты же не просто так сюда приехал.

— Твой отец очень дорог мне, он был великим некромантом и много сделал для меня, многому научил, — ответил мне Леша, но в глаза не смотрел. Вообще смотрел куда угодно, но только не на меня.

— Я не сомневаюсь в сказанном, но это не повод являться сюда.

— А ты действительно изменилась, куда делась та юная ведьмочка...

— Что бегала за тобой по пятам, стгорая от страсти и желания? — закончила я за него и грустно улыбнулась. — Сгорела в день своего совершеннолетия.

Вновь эта тишина... только появилось чувство вины.

— Прости.

— Все нормально, я давно смирилась.

— Ты не искала способов избавиться от проклятия?

— Нет. Ты же знаешь, что в моем случае даже к Стражам обращаться бесполезно: артефакт уничтожен, отец полностью поменял структуру... Тогда у него просто не было времени задумываться, надо было действовать, и он сделал все, что мог, даже больше — я же жива...

— Но все еще проклята.

— Все мы в какой-то степени прокляты, Леш, уже давно. Своими собственными предками, которые жаждали власти и силы и лишили нас нормальной жизни.

— А Стражи?

— «Запрос получен, над вашей проблемой работают» — так всегда отвечает мне официальный представитель Стражей. Периодически они зовут меня к себе, дают новые блокирующие зелья, проводят опыты... как над лабораторной мышью. — Я больше не хотела обсуждать это, потому как перед глазами вновь и вновь вставали белые коридоры лабораторий и хмурые Стражи, которые никак не могли найти нужное решение.

— Я пришел к тебе как к Главе клана.

— Мы вне клана, Леш, и ты отлично это знаешь.

— Но ты как самая старшая отвечаешь за Лизу и Дэна.

Вот не нравилось мне, в какую сторону пошел наш разговор. И мне совсем не хотелось слышать то, что мне сейчас скажут. А ведь он все равно скажет. И от этого в груди возникло неприятное тянущее чувство. Нет, не боль... грусть.

— Инеев, не тяни.

— Я хочу предложить свою кандидатуру для инициации Лизы.

Собственно, чего-то подобного я и ожидала.

— Ты для этого сюда приехал?

Ему даже хватило совести чуть-чуть покраснеть и смутиться.

И с этим человеком я собиралась стать полноценной женщиной.... Немного противно и грустно. Единственное, что меня оправдывает, — мне было всего семнадцать, бурлили гормоны, сносило голову, и я никого не слушала. Слава богу, хватило ума не привязаться к нему слишком сильно.

— Я обещал твоему отцу, что не брошу вас.

Надо же, он и родителей сюда приплел...

— Интересное у тебя представление о долге. Ты исчез на семь лет и, даже узнав о гибели отца, не появился, отделался письмом.

— Ты имеешь право злиться, но для Лизы я — лучший вариант.

— Интересно, почему? Приведи хотя бы один аргумент в свою пользу.

— Ты же помнишь, как нам было хорошо. Я знаю, что помнишь. — Голос его начал вибрировать, сделался интимнее, проникновеннее, глаза потемнели. И чем больше они темнели, тем сильнее мне хотелось ему врезать. Сдержалась. Я слишком себя уважаю, чтобы марать руки... — Я часто вспоминаю ту ночь. Какой страстной, раскованной, желанной ты была. Как извивалась в моих объятиях, как стонала от моих прикосновений...

— Пока чуть не убила тебя. Или ты хочешь повторения? Тут нет отца, чтобы потушить и ослабить «мертвое пламя».

Соблазнительное выражение тут же исчезло с его лица.

— Я тогда растерялся. Ты все-таки подумай. Через месяц Лиза станет совершеннолетней, и ей нужен человек, которому ты можешь доверять, который не обидит ее, не испугает, будет нежным...

— А я могу тебе доверять?

— Ты же знаешь, что да. Прошло семь лет, но я все еще тот Леша, которого ты знала.

— Да? А я уже не та Таня, которую знал ты. — Я резко встала и отошла к раковине.

— Твоя сестра выросла, и ты ничего не можешь с этим поделать. Ты просто подумай над моим предложением. Вот моя анкета, визитка... я буду ждать твоего звонка...

Я услышала звук отодвигающегося стула и ощутила, насколько близко он ко мне подошел, но все равно вздрогнула, когда он положил руку мне на плечо.

— Я всегда буду рядом, всегда помогу...

Нет, все ложь.

Тебя не было рядом, когда я пришла в себя после той ночи, когда отец рассказал мне о том, что произошло, когда я так отчаянно искала встречи с тобой, когда меня отправили в клинику, когда я хоронила родителей... когда отбивалась от стервятников, которые хотели отнять у меня Дэна и Лизу... и теперь тебя тоже нет.

Хлопнула дверь, но я этого не заметила.

Силы покинули меня, и я села на стул.

И он мне будет рассказывать о том, что пришел ради нас, ради памяти отца! Обещал быть рядом и помогать... Ага, как же. Ему просто нужна Лизкина сила, и все...

А чего я, собственно, ожидала от этого жалкого трусливого ничтожества?

Какая же я дура, ведь на что-то надеялась... Думала, что он пришел ко мне. Нет, не ради инициации, а просто как друг...

Дура.

Если у него не хватило смелости поговорить со мной семь лет назад, откуда ждать благородства сейчас?

Артефакты...

Все дело в артефактах.

Уровень силы у каждого разный — у кого-то больше, у кого-то меньше.

Так и появились первые накопители-браслеты, а потом и первые артефакты. Если накопители нужны для подпитки, восстановления силы, то артефакты — это нечто другое.

Одни из них — могут вернуть молодость, другие — наслать могущественное проклятие, третьи — дать новую способность, четвертые — излечить от всех болезней и так далее. Но проблема заключается в следующем. Чтобы зарядить артефакт, необходимо ежедневно в течение огромного количества лет вливать в него силу. Иногда на зарядку одного мощного артефакта может уйти около сотни лет.

Во время инициации происходит такой выброс энергии, что хватает на подзарядку нескольких артефактов, опять-таки, все зависит от уровня ведьмы, который определяется на ее десятый год рождения. Эти данные потом вносятся в метрику и базу данных. Наш с Лизой уровень выброса по стобалльной системе отсчета равен восьмидесяти девяти.

Мама рассказывала, что во время ее инициации артефакт тритона не получил должной зарядки не только потому, что уровень выброса был маленький, но и потому, что большая часть силы ушла в артефакт молодости Марианны. Тритон стал мумией, а Марианна даже через столько лет выглядит моей ровесницей.

Наша магия появляется не с рождения. Представьте себе младенца, который может плевать огнем или превращаться в ящерицу. Жутко? Да, ничего хорошего. Магия для всеобщей безопасности заперта в нас и проявляется только в шесть-семь лет. Не сразу, а постепенно.

В десять лет рост силы останавливается, и у ведьм проводится замер предполагаемого уровня выброса энергии при инициации.

С колдунами все сложнее. Всю свою силу и мощь они получают не во время первого секса, который может случиться и в пятнадцать, и в двадцать лет, а во время консервации.

Обычно это происходит в пятнадцать-семнадцать. Сначала появляются слабость, головокружение, затем озноб, резко поднимается температура — выше тридцати девяти градусов. Колдуна немедленно укладывают в кровать и замыкают защитный контур, консервируя его и его магию. В этом куполе подросток должен провести от трех до пяти часов, мучаясь от боли, пытаясь не сойти с ума, когда магия, ломая стены, пробивается наружу.

С ужасом думаю, что теперь, когда отца нет рядом, мне придется пройти через это вместе с Денисом.

Когда через час пришла Лиза, я молча передала ей документы.

— Что это? — Сестренка недоуменно посмотрела на папку.

— Анкета Алексея Инеева.

— Зачем?

— Он предлагает свою кандидатуру для проведения инициации.

— Моей?

— Твоей.

...И Лизка так на меня посмотрела...

Черт, такой жалкой я себя еще никогда не чувствовала.

— Он хорошая кандидатура. Отец ему доверял. Так что подумай.

— Хорошо.

Вечером позвонила Ника. Но разговаривать с ней мне не хотелось, я продиктовала номер знакомой менталистки и отключилась. Мне своих проблем хватает, и нет сил, чтобы думать еще и о человеческой девчонке.

Сейчас самым большим моим желанием было, чтобы выходные быстрее закончились.

Так что в понедельник я с радостью спешила на работу. Поднимало настроение и то, что за Димой заезжать не пришлось.

ГЛАВА 7

Ровно в десять часов в приемную вошла ведьма. Сильная, уверенная в себе и такая красивая, что даже я впечатлилась (а меня, повидавшую не одну сотню любовниц шефа, трудно удивить) — ярко-рыжие волосы, бирюзовые, с поволокой, глаза, бледная кожа и тело, облаченное в черную кожу обтягивающего комбинезона. Небрежно бросила мне в руки свое белоснежное манто и без всяких слов приветствия отправилась прямо в кабинет к Соколову. Я даже не успела сказать, что шефа еще нет, как следом, запыхавшись, вбежал Димка.

— Доброе утро, колючка. Сделай нам два кофе, хорошо? — произнес он и так же быстро исчез в кабинете.

Наверное, одна из протеже Александра Ивановича.

Да, хорошо понедельник начинается...

Отработанными движениями аккуратно выставила на поднос кофейные чашечки, поправила корзинку, в которой красиво лежало ореховое печенье с кусочками шоколада. Еще раз тщательно осмотрела импровизированную сервировку в поисках скрытых дефектов и довольно кивнула — какая же я молодец!

Взяла поднос в руки, нацепила на лицо вежливую улыбку и сделала шаг в сторону кабинета. Второй сделать не получилось...

Дверь с треском распахнулась, мимо меня в бешенстве пролетела ведьма, а все то великолепие, которое я так тщательно сервировала, полетело на меня — в лицо, на блузку и даже юбке досталось.

Громко щелкнула дверь, извещая о том, что гостя удалилась, а я все продолжала стоять, вытянув вперед руки в защитном жесте. Вокруг меня царил кофейно-кулинарный хаос, дополненный противным ощущением мокрой и грязной одежды и четким осознанием того, что рефлекторно вбухала весь свой оставшийся резерв в охлаждение летящего на меня кофе, так что на просушку не осталось даже толики силы.

Понимал это и Соколов, потому что улыбка, возникшая на его лице, просто кричала об этом.

— Раздевайся, — ласково-ласково пропел он и, скрестив руки, оперся плечом о косяк двери.

Медленно опустила руки и попыталась стряхнуть ледяные капли с одежды.

— Может, тебе еще стриптиз станцевать?

Быстрый щелчок пальцами, и офис наполнила соблазнительная музыка.

— Свет приглушить? — Дима был сама любезность.

— А наличные есть?

— В смысле?

— В трусы мне что будешь запихивать? — Я все-таки злилась.

Колдун выразительно приподнял бровь и улыбнулся еще более многообещающе.

— Ну, если ты так настаиваешь, могу засунуть и...

— А просто высушить меня ты не можешь?

— Колдун, помогающий ведьме? Солнышко, тебе же все равно придется раздеться, не будешь же ты ходить по офису в грязной блузке, это неприлично.

— А полуголая ведьма, разгуливающая по офису, это нормально? Хотя, что это я... для тебя это действительно нормально.

— В тебе говорит воздержание.

Я отмахнулась от него и вновь осмотрела блузку.

— Мне надо переодеться.

— Одолжить тебе свою рубашку? — промурлыкал он.

— Нет, спасибо. Я сейчас схожу в магазин и куплю себе что-нибудь. Я быстро.

— Давай, — разрешил шеф и вновь скрылся в кабинете.

Как будто милостыней одарил.

Я, быть может, и обиделась, но лукавый огонек, промелькнувший в синих глазах шефа, уловила. И что бы это могло значить? Очередная проверка на прочность? Или просто игра? А может, он просто развлекался за мой счет?

Нет, не понять мне мужской логики.

Хорошо, что весь первый и второй этаж здания занимают магазины, на улицу выходить не надо. Можно быстренько сбегать и купить то, что нужно. Поэтому схватила сумочку и быстро пошла в сторону лифта. Все-таки ледяная блузка очень способствует увеличению скорости.

И тут мне навстречу опять пролетела уже знакомая рыжая ведьма. Я едва смогла отскочить в сторону, пропуская ее. Но она меня как будто и не заметила. Рыжая — от нее даже искры летели — побежала дальше.

Решила добить Диму? Да, я только «за»!

Но моим мечтаниям не суждено было сбыться. Стоило только войти в лифт и нажать на кнопку второго этажа, как ведьма появилась вновь, неся в руках свое роскошное манто. Пришлось подождать, хотя находиться в замкнутом пространстве со злой ведьмой было страшно.

Дверь лифта плавно закрылась, зазвучала классическая музыка, которая сейчас казалась какой-то зловещей...

Рыжая поправила волосы и повернулась ко мне, окинула внимательным взглядом:

— Ты его секретарша.

Черт, надеюсь, она мне сейчас смертный приговор не подписала? Я-то со своим нулевым резервом с ней никак не справлюсь, тем более что места для маневра нет. Блок, конечно, удары выдержит, но вот мое лицо — нет, а свое лицо я люблю...

— Да...

— Это я тебя так? — Рыжая задержала взгляд сине-зеленых глаз на огромном коричневом пятне.

— Э-э...

— И этот урод тебя даже не высушил! — зарычала она и резко вскинула руку.

Блок зазвенел от напряжения. А я даже зажмурилась и руки начала поднимать в защитном жесте... а потом почувствовала мягкое тепло, которое моментально просушило вещи.

Я от удивления распахнула глаза и заморгала.

— Все колдуны одинаковы. Пятно вывести не могу, проблемы у меня с бытовой магией. Вот врезать кому-нибудь или током ударить — это да, а остальное, — девица нервно вздохнула и неожиданно улыбнулась. — Как ты вообще с этим придурком работаешь? Нет, мордашка у него, конечно, смазливая, фигура тоже ничего. Но остальное... Я, кстати, Николь.

— Татьяна, — совершенно сбита с толку, ответила я.

— У тебя хоть имя нормальное. А моя мать была фанаткой Франции, даже какого-то французского колдуна нашла для контракта, поэтому и имя такое идиотское. Ты в магазин за новой блузкой?

— Да.

Черт, что же так лифт медленно едет? Что-то напрягать меня стали ее дружелюбность и заинтересованность.

— А потом?

— На работу.

— А давай в кафе посидим?

— Зачем? — подозрительно сощурилась я. Вот не нравилось мне все это.

— Ты мне расскажешь о своем шефе! Кто знает его лучше тебя!

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Ты понимаешь, Татьяна, моя Глава клана вроде как договорилась с отцом этого хлыща на контракт. Я, если честно, совсем не в восторге от этого, но если Глава сказала, я должна подчиниться. Хотя надежда на отказ оставалась, поэтому и пришла с ним поговорить. Подбить его на отказ. А он даже слова не дал сказать, сразу спросил, как я отношусь к нетрадиционной любви, — Николь заскрежетала зубами. — И предложил мне партнершу для игр... на выбор... целых двух... урод.

Я с трудом удержалась от смешка. Соколов может и не такое сказать.

— Может, ты мне поможешь избавиться от этого контракта?

Лифт остановился, и двери плавно раскрылись.

— Я не вмешиваюсь в личную жизнь своего начальника.

— И правильно, крепче спать будешь. Испорченную блузку я тебе оплачу.

— Не стоит, вы же это не намеренно сделали.

— А мне хочется. И отказа я не приму. Дело совсем не в твоём шефе. Ты же не виновата, что он такой кретин. Пошли, тут магазинчик есть хороший. — Она неожиданно крепко схватила меня за локоть и потащила куда-то в сторону. — Поражаюсь твоей выдержке, я бы давно этого блондина изжарила! А ты держишься. — Вновь заинтересованный взгляд в мою сторону и легкая дрожь по спине. — Интересно... Блок у тебя хороший, для такого низкого резерва даже слишком хороший и очень прочный.

В магазине рыжая вручила мне свое манто, сумочку и сама принялась рыться в вещах, аккуратно развешанных на вешалках.

Нет, по идее, давно стоило что-нибудь сделать — возразить, убежать, послать (без риска для жизни, конечно) и так далее, но мне просто стало интересно, чем в конце концов все закончится.

— Так, вот эта тебе должна подойти. — Ведьма протянула мне белоснежную блузку с глубоким треугольным вырезом. — Давай, примеряй.

— Спасибо, но не надо.

— Надо. Пошли в примерочную, — и подтолкнула меня вперед. — Мне приятно сделать для тебя доброе дело.

Приятно? Ведьме?

В примерочную я все-таки пошла и блузку надела, несмотря на начинавший душить истерический хохот — меня одевает пассия Димки, точнее, будущая пассия... или возможная пассия! Запуталась. Это и не важно, главное, что она меня одевает!

Блузка и правда была моего размера и довольно симпатичная, но вот вырез несколько глубоковат и абсолютно не отвечал моим понятиям дресс-кода.

— Класс, ты в ней такая секси!

Вот это мне и не нравилось.

— Спасибо, но...

— Я оплатила. — Рыжая помахала у меня перед носом кредитной карточкой. — А твою старую уже выкинула. Так что выхода у тебя нет. Я так понимаю, сейчас время на разговоры у тебя отсутствует, еще встретимся...

И ушла.

Нет, правда, вручила мне сумку и ушла, оставив меня стоять с открытым ртом посреди торгового зала в полном шоке.

Я знала, что настроение у ведьм очень изменчиво и всего можно ожидать, но чтобы вот так? И что это было? С каких это пор ведьма делает что-то без выгоды, по доброте душевной?

Нет, об этом, конечно, надо подумать, но не сейчас.

— Дим, я пришла, — с неизменной улыбкой на губах вошла в кабинет шефа. — Прости, задержалась, представляешь...

— Сядь!

От неожиданности недоуменно моргнула и автоматически села на стул.

Шеф был зол, нет, он был в бешенстве. Синие глаза ярко светились неоновым светом сущности, губы плотно сжаты, а на скулах перекатывались желваки. Теперь я ни секунды не сомневалась, что передо мной колдун, причем с колоссальным ресурсом силы, которого я каким-то образом чем-то рассердила. А что случилось? Ну встретила я с его Николь, ну купила она мне блузку, и что? Я ведь ничего ей не рассказала. Да и какая разница, с кем я общаюсь?! Но удивляло другое — шеф за все четыре года моей работы у него никогда не реагировал с таким раздражением на мои, пусть даже самые смелые, эскапады.

— Дим, что случилось? — прошептала я испуганно.

Так, самое главное — не делать резких движений.

Таким взбешенным вечно улыбчивого Соколова я еще никогда не видела, и это было страшно.

— Татьяна Анатольевна, сколько я в последний раз предлагал тебе за инициацию? — вдруг резко спросил он.

— Э-э-э... не помню, — а я ведь действительно не помнила. — Дим, а что происходит?

— Сколько. Я. Тебе. Предлагал. За. Инициацию?

С каждым словом глаза колдуна начинали светиться все ярче, черты лица заострились, а кожа становилась все бледнее и бледнее. Небольшие всполохи пламени замерцали на кончиках пальцев.

Вот черт!!!

— Дим, но я правда не помню, — прошептала чуть слышно и едва сдержалась, чтобы не выскочить из кабинета.

Соколов явно почувствовал исходящий от меня запах страха.

Я отлично видела, как он втягивает запах, как в глазах мелькает довольное хищное выражение, и он постепенно принимает человеческий облик.

— Отлично, просто замечательно. Три миллиона, Тань, я предлагал тебе три миллиона. Если эта сумма тебя не устраивала, назвала бы свою, мы смогли бы договориться. Я что, тебе так противен, что все равно с кем, лишь бы не со мной?

— Дим, я не понимаю, — совсем растерялась я и недоуменно заморгала.

Теперь, когда шеф практически стал самим собой, я смогла наконец нормально дышать.

— Или ты думала, я не узнаю, не пойму, что это ты? Моя дорогая, ты единственная в Москве с таким уровнем выброса и потенциалом — от брака некроманта и ведьмы.

— Ты можешь нормально объяснить, что происходит?

— Нет, это, конечно, твое право, твоя жизнь, но зачем так? Втихую? — игнорируя мои вопросы, продолжал бушевать мужчина. — Ты зачем выставила себя на торги?

— Что? — ахнула, вцепившись в подлокотники. — Что ты сказал?

Дима внимательно всмотрелся в мое лицо.

— Ты не выставляла?

— Конечно нет. С чего ты вообще взял?

Дима молча развернул монитор в мою сторону.

— Читай. Инициация ведьмы, уровень силы, предполагаемый уровень выброса энергии, риски и так далее. Похожие данные могут быть только у таких, как ты. Только непонятна дата, почему девятнадцатого января?

— Девятнадцатое января, — прошептала, невидяще глядя в монитор. Буквы и цифры у меня перед глазами замелькали в жутком хороводе. Я просто никак не могла поверить в происходящее. — Но... этого просто не может быть.

— Так это не ты? Но тогда я не понимаю, больше в Москве никого такого нет. А ты не в том возрасте, чтобы без твоего согласия тебя выставляли на торги, тем более что ты вне какого-либо клана.

Димка говорил, а я его практически не слушала.

— Лиза...

— А при чем здесь твоя малявка?

— Девятнадцатого января ей исполняется семнадцать. Возраст, позволяющий провести инициацию... Дим, мне надо домой.

Перед глазами все поплыло, а паника накатила стремительной волной и хлестнула по нервам с такой силой, что меня начало трясти.

Я ринулась к выходу, ничего не замечая, игнорируя голос разума, но у двери меня поймали, крепко прижали к себе, лишая возможности двигаться.

— Тань, успокойся, подожди. — Голос Димки был тихим и глухим.

Или мне он показался тихим и глухим, потому что весь мир вдруг стал серым, а звуки пропали?

— Пусти, мне надо к Лизе.

— Тише, тише, колючка... успокойся и замри на секундочку. Лизе еще нет семнадцати, на торги она себя выставить не могла. Понимаешь, что это значит?

— Что это сделал кто-то из ближайших родственников, имеющих на руках ее документы, — тихо прошептала я. — Но я этого не делала.

— Конечно нет. Ты со своей-то инициацией разобраться не можешь. — Димка рассеянно взъерошил волосы, все еще продолжая прижимать меня к себе. И сердце его у меня под ладонью билось так ровно и гулко.

— Но... тогда кто? Больше никто не имел права. Мы вне клана.

— Знаю. Не нравится мне все это. Поехали вместе.

— Дим, я сама.

— Что сама? Таня, без обид, тебе только двадцать четыре, ты еще не иницирована, так что сил у тебя кот наплакал. А нам надо съездить на торги, разобраться там.

— Сначала к Лизе.

— Она сейчас где?

— В школе.

— Ты уверена?

— Уже нет, — пришлось мне признаться. — В преддверии совершеннолетия у нее совсем

крышу сносит.

— Телефон школы есть? Тогда звони, пусть за ней присмотрят. Хотя... в какой школе она учится?

— Семьдесят девятой.

— Я вышлю туда Владимира.

— Дим, может, не надо. Может, это какая-то ошибка...

— Ты еще скажи — шутка. Нет, Разина, все очень серьезно. И если торги состоятся, а они назначены на сегодняшний вечер, мы окажемся в глубокой заднице. Просто так документы на торги не принимают, организаторы должны были убедиться в правах того, кто их подал. Ауру подделать невозможно. Обмануть систему очень трудно, но возможно. Человеческая жадность — лучший способ давления и манипуляции. А вот доказать, что это сделала не ты, намного сложнее. Так что нам необходимо успеть снять твою сестру с торгов.

— Господи.

— Нет, он нам вряд ли поможет. Забыла речь Вознесенского, мы — исчадия ада, порождения Тьмы и ночи, так что молись сразу Люциферу или напрямую Сатане. Так больше шансов получить помощь.

Димка подтолкнул меня к выходу, а сам взял свое пальто и мою сумку, накинул ее мне на плечи и вручил сумку.

А остальное было как в тумане. Более-менее я пришла в себя в машине, когда Дмитрий развернул меня к себе и схватил за подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза.

— Тань, успокойся и слушай меня. Я буду говорить с представителями торгов, а ты — молчать.

— Но...

— Разина, слушай и запоминай!!! — Колдун незначительно продал мой блок. Его целью было не смять, разрушить или изменить. Его целью было — показать, кто из нас главный, сильный и могучий, а кто — слабая неиницированная ведьмочка. — Послушай. Я знаю, как себя вести с категорией таких людей, и что говорить им, я тоже знаю. А ты только все испортишь, особенно в таком состоянии.

— Но... — сдаваться я не привыкла и все еще делала слабые попытки возразить.

— Тань, так будет лучше. — Мужчина отпустил мое лицо и вновь откинулся на сиденье.

— Дим, а в скольких торгах ты участвовал?

Нет, зря я задала этот вопрос. Мне ведь даже ни капельки не интересно, и ответ мне совершенно не нужен. Но вопрос как-то сам сорвался с губ.

Соколов замер на мгновение, и в синих глазах полыхнуло пламя.

— Ты действительно хочешь знать?

— Нет.

— Инициация крайне быстрый и эффективный способ зарядить даже самые мощные и опасные артефакты. А неопытные, еще зеленые ведьмочки... это так мило... кроме тебя, конечно. И почему бы не совместить приятное с полезным?

— Извини, я не должна была спрашивать...

— Ты слишком переживаешь за малявку. Еще пока не случилось ничего, что нельзя было бы изменить. Когда ты в последний раз проверяла ее документы?

— Не помню.

— Кто мог их взять?

— Не знаю...

— Хорошо, поставим вопрос по-другому. Кто за последнюю неделю имел доступ в вашу квартиру?

Я задумалась на мгновение:

— Лизкина подруга... друзья Дэна. Марианна приходила в пятницу... Леша вчера, — совсем тихо закончила я и тут же покачала головой. — Он все время был у меня на виду. Он не мог этого сделать.

— Инеев?.. А зачем он приходил? — отстраненно спросил Димка. При чем как-то он был слишком показательно холоден и равнодушен.

— Предлагал себя для инициации Лизки.

— И сегодня ее выставили на торги.

Тишина была очень многозначительной.

— Он не мог этого сделать.

— Почему?

— Потому что не мог, — буркнула и отвернулась.

Шеф тяжело вздохнул:

— Ты мне еще начни про презумпцию невиновности бред нести. Ладно... Кто еще был?

Я задумалась, пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь...

— Максим Леонидович. Дэн говорил, что он заезжал... я, правда, не знаю, когда, но... Ты думаешь, это он? Но как? Ты сам сказал, что ауру подделать невозможно.

— Я пока ничего не думаю. Мы почти приехали. Ты помнишь, что я тебе сказал? Ты молчишь, я говорю, и никак иначе.

Машина остановилась, а я так и не могла заставить себя успокоиться.

— Разина, ты чего сидишь? Пошли. — Димка уже вышел из машины и теперь стоял у двери.

— Дим, скажи, что все будет хорошо.

Снисходительное выражение тут же исчезло с его лица. Колдун наклонился ко мне, внимательно посмотрел в глаза, нежно провел указательным пальцем по щеке и уверенно произнес:

— Я обещаю тебе — все будет хорошо.

Что такое торги?

А это банальная продажа невинности ведьмы — кто даст больше денег, тот и молодец.

Конечно, можно в заявке указать ряд критериев — не хочу лысого, рыжего, толстого или худого, старого, а хочу молодого, сексуального, с голубыми глазками и ямочкой на щеке и родинкой над губой. Но чем больше условий выдвигаешь, тем меньше денег, в конце концов, получаешь. Бывали случаи, когда ведьму выкупали не только на инициацию, но еще и на определенный срок — неделю, две, месяц, что стоило еще дороже.

Короче, это уже полностью твой выбор. Что важнее — каждая ведьма решает сама, точнее, решает ее представитель.

И как бы глупо это ни звучало, но все вопросы по торгам решали люди.

Я внимательно осмотрела огромную приемную, раскинувшуюся передо мной, — с сотней маленьких стеклянных кабинок, с невероятным количеством людей в форменных белоснежных костюмах. Они суетно сновали по всему помещению, носили какие-то бумаги, что-то говорили, обсуждали и выясняли.словно маленький муравейник.

Всеми силами старалась нормально дышать, но... я словно впала в ступор... хотелось, чтобы все это как можно быстрее закончилось, хотелось уйти отсюда...

И только Димкина рука на моей талии не давала убежать, даря мне иллюзию спокойствия.

Нет, так нельзя. Надо взять себя в руки! Надо собраться и начать думать головой.

Да, Дима сказал молчать и улыбаться, но это не значит, что надо отключить мозг и пассивно за всем наблюдать. Нет, надо начинать думать.

— А, Татьяна Анатольевна, здравствуйте, здравствуйте, — неожиданно мне навстречу выскочил низенький лысый и круглый мужичок с огромными очками на носу. — Я рад снова вас видеть.

И облобызал мою руку.

Именно облобызал, потому что у меня тут же возникло желание вымыть ее с мылом.

— А когда вы видели Татьяну Анатольевну в прошлый раз? — вмешался Димка.

— Ну как же. Вчера вы приносили документы, касающиеся вашей младшей сестры.

Я судорожно вздохнула, пытаюсь удержать на лице вежливую улыбку.

Метаморфы... только они могут так легко принимать чужой облик.

Значит, кто-то из метаморфов принял мой облик, взял документы и пришел сюда. Да, самих людей несложно обмануть — у них нет магического зрения. Но здесь имеются специальные считывающие устройства, проверяющие ауру и так далее. Как их удалось провести?

— Да? — продолжал спрашивать шеф, мертвой хваткой вцепившись в мою руку.

«Молчи, Разина, молчи... ни звука...»

А я и молчала. Молчала и думала, что кто-то очень богатый и могущественный решился на подобную авантюру... и что причины этого нам только предстоит узнать.

— Да, — толстячок внимательно нас разглядывал, постепенно утрачивая благодушие, — мы сделали все как полагается. Все, как вы просили.

— А что же просила Татьяна Анатольевна?

— Максимально большую выгоду.

— Надо же... а кто принимал документы от Татьяны Анатольевны?

— Наш сотрудник Юрий Довлатов.

— А мы можем с ним поговорить?

— У него сегодня выходной. Но в чем, собственно, дело? — А глазки-бусинки бегают, и пот мелкими капельками противно выступает на круглой прыщавой физиономии...

— Мы передумали. Татьяна Анатольевна хочет забрать документы сестры.

— Вас что-то не устраивает?

— Нет, все нормально, да, Татьяна Анатольевна?

Кивнула, как болванчик, и улынулась. Да, я сейчас готова была согласиться на все, что угодно, лишь бы убрать Лизку с торгов. И как можно быстрее.

Мужчина поджал губы и неодобрительно кивнул:

— Тогда пройдемте.

Мы зашли в одну из кабинок, и человек что-то быстро набрал на компьютере, нахмурился... стал снова и снова печатать. И каждый его стук по клавиатуре заставлял мои нервы сплетаться в тугие канаты...

Что же здесь происходит? Злоумышленники ведь понимали, что есть вероятность того, что я могу все узнать, что приеду и вытащу Лизку отсюда. Мало того, смогу доказать, что это была не я, может, не сразу, но все равно докажу. Но тогда зачем все это? В чем их конечная цель?

Или меня должны были нейтрализовать на время, чтобы проверить аферу? Непонятно.

— У меня для вас потрясающая новость! Торгов не будет, ваша сестра уже выкуплена, деньги переведены на ваш счет! — радостно провозгласил сотрудник. — Вам необходимо срочно собрать ее вещи, за ней сегодня приедут.

— Как? — прохрипела я, но Димка вновь меня прервал:

— Торги должны были состояться только сегодня вечером.

— Да, но это такое уникальное предложение. Вашей сестрой заинтересовался сам шах Саид, он выкупил два месяца проживания вашей сестры у себя в замке, месяц до инициации, месяц после... и такие деньги... такая сумма. — Человек что-то написал на бумажке и протянул ее мне.

От количества нулей у меня похолодело внутри. Такие деньги... и два месяца сексуального рабства. Как там говорил когда-то Дима: «Можно пользоваться телом, доставляя удовольствие, не проникая глубже, не иницируя»... Целый месяц в руках какого-то извращенца.

— Нет.

— Что, простите?

— Вызывайте своего Довлатова, — тихо произнес Димка. — У нас есть все основания считать, что данная ведьма была незаконно выставлена на торги. Сейчас сюда приедут Стражи.

— Что вы такое говорите! У нас серьезная и солидная организация. — Толстяк возмущенно вскочил. — Мы все проверяем. И с каких это пор ведьма отказывается от инициации и денег? Они же все одинаковые похотливые су...

Договорить он не успел, колдун резко вскочил с кресла и припечатал человечка к стенке. Стеклопанная перегородка зазвенела, но не треснула. Однако внимание к своей персоне мы привлекли.

— Дима! — Я тоже вскочила.

— Выбирайте выражения, уважаемый! С таким пренебрежением говорить о девушке, даже если она ведьма, я вам не позволю!

Справившись со вполне оправданной яростью, Соколов все-таки отпустил мужчину, и тот вновь сел за стол, судорожно глотая ртом воздух, весь красный, покрытый липким потом страха.

— Я буду жаловаться... это произвол... беспредел... Вы думаете, если вы колдун, то вам все сойдет с рук... еще посмели обвинять нас в обмане. Довлатов проверял все документы, считывал ауру. Я сейчас вам все покажу, сами увидите, сейчас вы все поймете... — Он вновь начал что-то набирать на клавиатуре.

— Дим, ты знаешь, кто такой Саид? — тихо спросила я, повернувшись к шефу.

Тот отвел взгляд, и мне совершенно не понравилось выражение его лица.

— Саид — это колдун-оборотень... тигр. Занимает пост одного из главных советников шейха в Арабских Эмиратах.

— И теперь Лизка должна на два месяца поехать к нему... то есть сейчас, имея на руках документы с торгов, он может приехать к школе и забрать ее? И я ничего не сумею сделать, потому что на разбирательство во всей этой ерунде уйдет не один день!

— Владимир уже забрал их и везет домой.

— Ее могут ждать возле дома.

— Я знаю. Поэтому сейчас они соберут вещи и поедут ко мне.

И тут вновь ожил человечек. Он все сильнее хмурился, стирал пот, ручейками стекающий по его лицу.

— Странно... но я почему-то их не вижу... все пропало... все данные исчезли.

Он загнанно посмотрел на нас и побледнел, цветом лица слившись со своей белоснежной рубашкой.

— Вызывайте Довлатова.

И в этот момент прибыли Стражи.

Стражи вообще уникальные создания. Гениальный и непревзойденный эталонный продукт магии и человеческих экспериментов.

Я уже говорила, что мы — представители магического мира, были крайне эгоистичны и самоуверенны, считали, что нет ничего, что может нас уничтожить и остановить. А люди нашли. Не знаю, что им помогло, — вера, удача или сам Бог, но они на основе молитв смогли разработать особые заклинания и зелья, которые неподвластны нам, детям Тьмы.

Когда писался Закон и шли переговоры между нами и людьми, встал вопрос о сдерживающем и карающем органе, который должен следить за порядком, обеспечить безопасность и мирное сосуществование. Также он должен был стать беспристрастным и сильным. Инквизиторы отпадали сразу — какими бы зельями их ни пичкали, они все равно оставались людьми.

Тогда среди колдунов и ведьм были отобраны лучшие, не только сильные, но и самые человеческие, способные чувствовать магии. В главных храмах они принесли клятву, которую подкрепили мощнейшие людские заклания и зелья. Любого, кто нарушит Закон, кто посмеет пойти против людей, ждала мучительная смерть. Конечно, нашлась парочка, которая не поверила в божественную силу людской магии и решила проверить действие запрета. Говорят, смерть их была поистине ужасна...

Так и получилось, что теперь Стражи находились между двух миров — нашим и людским, принадлежали обоим, но оставались чужими и в том, и в другом. Зато в их беспристрастности можно было не сомневаться, как и в силе. Каждое десятилетие храмовники придумывали что-то новое, наделяли Стражей все более изощренными умениями, тем самым еще крепче затягивая петлю на их шее. Шаг влево, шаг вправо, и ты труп.

Стражем нельзя родиться, это решение каждый из нас принимает сам.

Мама не любила Стражей.

И дело совсем не в том, что они такие могущественные, страшные. Нет... У нее с ними были свои счета.

...Они жили с отцом в его квартире уже две недели, он даже уговорил ее на брак. Да и уговаривать-то особо не пришлось. Марина чувствовала себя такой счастливой, что ради своего Анатолия и ребенка готова была на любые условия. Любовь невероятное чувство, ослепительное и прекрасное, особенно когда она взаимна. И только полюбив, понимаешь, чего ты лишился все эти годы, как был неполноценен. Ведь страсть — это огонь, что сжигает все на своем пути, а вот любовь — это тепло, которое вечно греет душу и сердце.

За семь дней до Нового года в квартире раздался звонок.

Марина быстро вытерла руки о полотенце и побежала открывать.

Ее сердце буквально остановилось, когда она увидела на пороге двух Стражей, сурово и мрачно изучавших ее.

— Толя, — тихо прошептала она и зажала рот рукой, чтобы сдержать крик.

— Марина Орлова? — произнес один из Стражей. — Вы арестованы по обвинению в незаконном использовании флера и приворота против Разина Анатолия Максимовича. Собирайтесь, мы отвезем вас в Совет.

ГЛАВА 8

Мы стояли в гостиной Димы — я, Дэн, Лизка, сам хозяин — и держали в руках небольшие сумки с вещами, когда шеф достал из кармана небольшую светящуюся сферу, резко сжал ее в руке, тихо произнеся при этом:

— Надеюсь, он меня прежде выслушает, а потом побьет.

Яркая вспышка, света, от которой мгновенно выступили слезы.

И что-то изменилось, не смогла понять что, но изменилось. Будто воздух стал другим — более чистым, свежим.

Потерла глаза, успокаивая резь, огляделась.

Просторный холл, высокие потолки, широкая лестница на второй этаж и очень много света. Деревянная мебель, развевающаяся на окнах прозрачная невесомая органза... словно картинка из модного журнала. Огромные панорамные окна во всю стену, за которыми... пальмы, белоснежный песок и океан? Не может быть.

Я сделала шаг, второй, третий и загляделась на безграничную лазурную водную гладь и солнце, которое медленно клонилось к закату. Почувствовала соленый запах воды, услышала крики чаек.

Как же красиво.

Сфера портала.

Так, значит, вот что это было. Очень редкая вещь, настроенная на определенное место и на конкретного человека. И с помощью ее Дима перенес нас сюда... только интересно куда? Надеюсь, это не Эмираты.

Нам пришлось бежать из Москвы, из России и, как оказалось, даже с континента.

После экстренного вызова Стражей и масштабной тотальной проверки, устроенной в здании, где проходили торги, выяснилось, что вместе с анкетными данными Лизки пропали еще некоторые документы, за компанию. Ничего не поделаешь, сбои иногда случаются, это же машины. Подумаешь, программа полетела и уничтожила весь архив за последний год. Это же такой пустяк. Затем пришло сообщение о трагической гибели Юрия Довлатова. Бедный клерк попал под машину вчера вечером и скончался в больнице от полученных ран (здесь виновата погода — гололед, снежные заносы). Так трагично и так вовремя.

Но самым смешным было другое.

Когда мы с Димой проверили счет, на который должны были поступить деньги от сделки, оказалось, что там нулевой баланс. Точнее, еще утром они были, а сейчас исчезли. То есть вернуть деньги чертовому советнику чертового шейха чертовых Эмиратов я не смогу по причине их отсутствия. Я даже если продам квартиру, столько не наберу. А времени на объяснения с могущественным оборотнем у меня не было, и, сдается мне, что слушать он не собирался. Оборотни — хищники и жуткие собственники, и если он захотел Лизку, то остановить его могли только Стражи и их прямой запрет.

Так что пока Стражи разбирались, нам оставалось только одно — скрыться в неизвестном направлении и надеяться, что здесь нас не найдут...

Где бы это «здесь» ни находилось.

— Это же океан, настоящий океан, — восторженно прошептала Лизка и ринулась к берегу.

— Дима, где это мы?

Ответить он не успел.

— Дим?

По лестнице спустился паренек лет пятнадцати. Длинные шорты, боксерка, загорелое стройное тело, короткие черные волосы и длинная челка, падающая на серо-голубые глаза.

— Игорек, принимай гостей, — радостно улыбнулся Димка и упал на белоснежный диван. —

Покажи им комнаты, будь другом.

Парень не двигался и внимательно нас осматривал. Знакомый цепкий взгляд. Где я видела такой? С этим пареньком я никогда не сталкивалась, память у меня фотографическая, я бы запомнила.

— Отец не знает, — паренек не спрашивал, а утверждал.

— Не будь занудой.

— Точно не знает. Он тебя убьет...

— Он уже столько раз грозился это сделать, — отмахнулся колдун.

— На этот раз отец выполнит свое обещание. Ты привел в его дом сразу двух ведьм.

— Не будь расистом. Лучше покажи им комнаты.

— Которая из этих двух будет спать с тобой — или обе сразу?

Лизка приглушенно зашипела и двинулась в мою сторону, а я лишь слегка приподняла бровь и скрестила руки на груди. Помолчу пока, послушаю. В конце концов, мы тут в гостях.

— Ни одна, — трагически вздохнул Димка. — И мою комнату не занимать.

Парень кивнул и повернулся к нам.

— Я — Игорь.

— Татьяна, — я выступила вперед и привычно улыбнулась. — А это моя сестра Лиза и брат Денис.

Игорь удивленно осмотрел нас, вскользя пробежался по ауре и еще больше нахмурился.

— Интересно... брак... очень интересно, — затем вновь повернулся к Диме: — С отцом сам разберешься.

— Не в первый раз. Когда он будет? Я целый день пытаюсь с ним связаться. — Димка закинул руки за голову и прикрыл глаза.

— Он не докладывает, сказал, ближайшие два дня точно не ждать.

— Ох уж эти Стражи с их великими делами.

— Здесь не так много комнат, так что придется потесниться. — Парень подошел ближе и забрал сумки у меня и у Лизы. — Вы с сестрой займете одну комнату на двоих, а Денису достанется отдельная.

— Вы идите, а я сейчас догоню. — Я ободряюще улыбнулась мелким и повернулась к Диме, он, кажется, задремал на диване.

Пытается уйти от разговора?

Не получится.

Аккуратно села рядом и сложила руки на коленях.

Хм... жарко, даже в легкой блузке, что купила мне эта рыжая, и в тонких колготках здесь очень жарко. Я надеюсь, Лизка, собирая сумки, положила хоть что-нибудь летнее. Хотя, что это я, конечно, положила. Ведь для ее же блага и для вселенского спокойствия всех, и моей души в частности, Владимир, забирая их из школы, сообщил потрясающую новость — у нас, благодаря щедрости господина Соколова, каникулы, которые мы проведем на курорте за его счет.

— Где мы?

— Сейшелы.

Ничего себе. Это сколько же Стражи зарабатывают, если могут себе позволить собственную виллу на Сейшелах? Может, тоже в Стражи пойти? Все равно храмовники уже провели на мне

десяток своих опытов, хуже не будет.

Подумала и передернула плечами.

Нет, чтобы пойти в Стражи, надо иметь веские причины и понимать последствия содеянного. Бывших Стражей не бывает, а тянуть на себе эту лямку у меня не имеется никакого желания.

— Что?

— Мы на одном из Сейшельских островов, а точнее, это Маэ — самый большой остров архипелага.

— Ты перенес нас в дом какого-то Стража?

— Не какого-то Стража, а моего знакомого Стража.

— Который будет совсем не рад этому, не так ли?

— Он еще не в курсе. Что поделаешь, работа у него такая — следить за порядком, охотиться на взбесившихся ведьм и колдунов. Из-за этого и характер вредный.

— Ты думаешь, нас здесь не найдут?

— Найдут. Когда-нибудь обязательно найдут, у Саида большие связи. Но я надеюсь, что к этому времени все вопросы мы уже решим. И связываться со Стражем ему тоже не с руки, тем более с этим. Видишь ли, в чем дело, колючка, — Дима открыл глаза и сел нормально, потирая затекшую шею. — У Сергея сложилась весьма... серьезная репутация в нашем мире.

— Насколько серьезная?

— Круче только яйца. Я иногда сам его боюсь. Он — Охотник, Тань, очень хороший Охотник. И если он пошел по следу ведьмы или колдуна, то означает это только одно — виновнику конец... да, кстати, забыл сказать — мне очень нравится твоя блузка.

Я опустила глаза и вновь посмотрела на низкий вырез, который чуть ли не до бюстгалтера открывал грудь.

— Горбатого могила исправит, — фыркнула и решительно встала с дивана. — Пойду разбирать вещи, да и переодеться надо.

— Поесть бы тоже не помешало. Игорек, наверное, на одной пицце существует. А я бы от чего-нибудь домашнего не отказался.

— Хорошо, что-нибудь придумаю... и... спасибо, Дим.

— За что? — Он недоуменно нахмурился.

— За помощь.

— Я — колдун, а мы всегда ищем выгоду для себя.

— И в чем сейчас твоя выгода?

— Незапланированные каникулы и возможность вырваться из заснеженной Москвы, поваляться на теплом песочке в компании очаровательных ведьмочек в бикини... У тебя же есть бикини?

— Есть. — Я не смогла сдержать ответную улыбку.

— Вот и отлично.

Колдун вновь откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

Комната, которую нам выделил гостеприимный сын хозяина дома, была небольшой, но очень уютной. А самое главное — ее огромное панорамное окно выходило прямо на океан.

— Здесь так хорошо. — Лизка уже переоделась в коротенькие шорты и топ и теперь любовалась закатом.

— Хорошо, — кивнула я и расстегнула сумку.

— Спасибо.

— За что?

— Дмитрий Александрович пригласил нас сюда благодаря тебе?

Да нет, дорогая, как раз из-за тебя.

— Он знает? О тебе? О проклятии?

— Нет. — Я продолжала рыться в сумке. Не могла смотреть ей в глаза.

— Почему? Ты ему явно небезразлична.

— Он — колдун, Лиз. Мы не умеем любить, не умеем чувствовать. Так что то, что ты приняла за симпатию, просто сексуальный интерес.

— А мама с папой?

Я все-таки повернулась к ней.

Высокая, стройная, с тонкой талией, золотистыми волосами, собранными в высокий хвост, и огромными голубыми глазами. Юная, невинная и красивая...

— А они исключение, которое еще больше подтверждает правила.

Как Димка и говорил, из еды в этом доме водилась только пицца. В морозилке я нашла стратегический месячный запас — десять различных видов этой итальянской лепешки. Но, полазив в кладовке, мне удалось наскрести продуктов (на удивление много здесь оказалось риса). Также радовало большое количество разных овощей и фруктов. А вот рыбки не было. Пришлось взять с Димы клятвенное обещание, что завтра он съездит в магазин и привезет морепродукты. А то даже странно, живем у океана, а дома ни одной морской твари нет. А я бы не отказалась от креветок, запеченных с овощами на гриле.

Голодный шеф, пуская слюни на томящийся в сотейнике рис, который я щедро приправила самыми различными специями, казался, способен был выполнить любое мое желание. Надо было прибавку к зарплате попросить.

Даже Игорь оттаял. Видимо, жизнь на одной пицце ему весьма поднадоела.

Так что ужин у нас прошел в душевной дружеской атмосфере — все ели и были счастливы.

В десять часов дружно отправились спать.

Я уснула довольно быстро, только голова коснулась подушки. Спала здоровым крепким сном без сновидений. По крайней мере, мне казалось, что без сновидений.

А потом вдруг все резко изменилось.

Такое странное ощущение, что ты вроде еще спишь и в то же время уже проснулся. И то, что происходит, — это не явь, но и не сон. Пограничное состояние.

И это уже не я, а другая ведьма.... Или все-таки я?

Рядом со мной кто-то был, и в то же время если открою глаза, то никого не увижу. Но я чувствовала чужое присутствие, знала, что на меня смотрят, и мне нравилось это внимание. Нестерпимо хотелось кокетливо извернуться... прогнуть спину... потянуться всем телом, закинуть руки за голову, томно и призывно провести пальчиками по изгибу шеи.

Смотри, я же знаю, что ты здесь... Что ты смотришь на меня, любишь меня, хочешь меня...

Тебе нравится то, что ты видишь?

Нравится, я не могу не нравиться...

Смотри же...

А потом последовало прикосновение, которого на самом деле и не было. Невесомое скольжение по ноге, бедру, затем животу, круг вокруг пупка, и я дрожала от щемотки и желания, сводила бедра вместе, чтобы хоть как-то унять бушующий пожар.

Вверх по шее к лицу... нежное прикосновение к щеке. И я едва сдерживалась, чтобы не замурлыкать от предвкушения.

Коснись меня... ну же, чего ты медлишь?.. Возьми же... ты хочешь, я знаю.

...И проснулась. Просто вдруг резко села на кровати, с трудом перевела дыхание, сжимая в руках простыню и чувствуя, как горит все тело, а от желания сводит живот.

Какой, однако, интересный и насыщенный сон.

Сущность протестующе ворчала внутри меня, ей сон тоже нравился гораздо больше реальности. Что поделаешь, милая, мы с тобой по жизни неудовлетворенные.

Рядом, на второй половине большой кровати, сопела Лизка, как всегда, свернувшись в комочек и обхватив себя руками. Она стала так спать после гибели родителей.

Стараясь не шуметь, осторожно встала с кровати и решила спуститься вниз, может, стакан воды поможет охладиться и уснуть.

В доме было тихо и так спокойно, что даже дух захватывало, лишь луна светила через распахнутые окна. Давно я не чувствовала себя такой защищенной.

Медленно спустилась по лестнице, даже прошла половину гостиной, когда была остановлена:

— Что, не спится?

Я чуть на месте не подскочила, прижала руку к сердцу и попыталась восстановить дыхание.

— Черт, Дим, ты меня напугал.

— Что-то ты стала слишком пугливой. — Димка темной тенью появился в арке, ведущей на террасу. Луна освещала его широкоплечую фигуру, облаченную в легкие шорты.

— Скажешь, у меня нет оснований для этого?

— Есть.

Мы замолчали. Наверное, надо было что-то сказать, но я не знала что, тем более сейчас, когда не видела выражения его лица.

А сердце замирало от непонятной тревоги и предвкушения.

— Слушай, Разина, а пойдем выпьем.

— С чего вдруг?

— А просто так. — Дима подошел ко мне и взял за руку. — В конце концов, у нас незапланированный отпуск. А разве это не повод выпить в хорошей компании?

Наверное, я пожала плечами и пошла следом за ним. Все равно уже не уснуть.

— Это ты про меня или про себя?

— Про нас.

Нас... Мне, наверное, стоило уйти, вернуться в свою комнату, но я не хотела. Будь что будет.

На террасе, на плетеном столике из ротанга, освещаемом небольшим фонариком, стоящим рядом с бутылкой дорогого белого вина и двумя бокалами...

А почему бокала два? Он же не мог знать, что я спущусь вниз. Или мог?..

Или, может, это все-таки был не сон?

— Кого-то ждешь?

— Тебя.

Я села в кресло и посмотрела на океан, в спокойной глади которого отражался огромный диск луны. Сколько звезд! Живя в Москве, я уже и забыла, насколько великолепными в своей игре света могут быть эти небесные алмазы.

Ночь, звезды, шум прибоя, вино и сексуальный мужчина напротив.

— Выпьем? — Дима протянул мне бокал, и его лицо в слабом свечении фонарика показалось невероятно притягательным, таинственным и волшебным. И взгляд такой медленный, пристальный и горячий.

— Давай. — Я приняла бокал и отвела глаза, но все равно чувствовала, как он на меня смотрит. И это ощущение вызывало мурашки по всему телу и сладкую боль внутри. — За что будем пить?

— За чудесный вечер и чудесную девушку.

— Дмитрий Александрович, осторожно, еще немного, и я решу, что вы пытаетесь меня соблазнить, — попыталась отшутиться, потому что совершенно не знала, что делать и как себя вести с этим новым Димой.

— А если это и так?

Я вновь была собрана, спокойна и холодна, поэтому могла без замирания сердца смотреть в его совершенное лицо, в полыхающие желанием глаза.

— Брось, Дим, мы слишком хорошо друг друга знаем.

— Разве это плохо, когда мужчина и женщина хорошо друг друга знают?

— В нашем случае, да.

— Давай выпьем за тебя.

Звон бокалов и терпкий вкус вина на губах.

— Как давно ты знаком со Стражем?

— Лет пятнадцать. Я... познакомился с ним практически сразу после консервации, тогда он еще не был Стражем, а был просто молодым колдуном.

— Я не знала, что у тебя есть такие друзья.

— Он больше чем друг. Сергей мой брат.

Я удивленно наклонилась вперед:

— В смысле?

— А что ты удивляешься, колючка? Думаешь, у одной тебя есть родственники? Нашей дорогой матушке крайне не повезло, она смогла родить долгожданную дочь только с третьей попытки. Сначала появился Сергей, а потом через пять лет я.

— Я не знала.

— А никто не знает. Мы из разных кланов, выбрали разный путь, мы по характеру и внешне совсем разные. Просто нас выносила в своей утробе одна и та же ведьма. — Димка отсалютовал мне бокалом и выпил все до дна.

Ни одна умная мысль не пришла мне в голову, поэтому взяла бокал и пошла к перилам смотреть на океан. И держаться подальше от Димы. Нельзя допускать лишнего.

И вновь тишина и шум прибоя.

— Он так сильно не любит ведьм?

— Знаешь, солнце, мне совершенно не хочется сейчас обсуждать Сергея.

Его голос внезапно раздался совсем рядом, и я быстро повернула голову, чтобы тут же испуганно замереть.

Дима оказался неожиданно близко. Его лицо с темно-синими глазами находилось всего в десятке сантиметров от моего. И взгляд такой... в нем давно уже не осталось лукавого огонька, мальчишеского задора. Нет, Дима был предельно серьезен и сосредоточен... на мне.

— Дима, — пропищала я, когда он встал за моей спиной и внезапно наклонился ближе, отнимая у меня бокал и отставляя его куда-то в сторону.

— Таня... Танечка, — легкий шепот у самого уха, вызывающий дрожь во всем теле. В ответ мне захотелось прижаться к его телу, ощутить тепло прикосновений.

— Дим, не надо, — прошептала, из последних сил пытаюсь отодвинуться от него. Но впереди были только перила, а сзади он — большой и горячий.

— Почему? — Вопрос колдун сопровождал невесомым поцелуем в шею, а его ладони накрыли мою грудь.

Предательское тело тут же отреагировало на прикосновения — внизу живота заныло, а соски напряглись в ожидании ласки.

— Не надо.

Сопротивляться не получалось, даже мой голос прозвучал жалко, неуверенно.

И Соколов это тоже услышал, почувствовал.

— Ты же хочешь этого... Танечка...

Ладони нежно сжали грудь, заставив меня со стоном прижаться спиной к его груди. Бедами я почувствовала его напряженную плоть и задрожала еще сильнее.

Тем временем Димины ласки становились все смелее, горячее, желаннее... требовательнее.

— Ты такая сладкая... вкусная... сводишь меня с ума... Танечка...

Тут уже не выдержала я, подхлестнутая голодной сущностью, резко повернулась, обхватила руками лицо и поцеловала, так страстно, как только умела.

Не могу так больше... Я же тоже живая. Мне хочется вновь почувствовать этот пожар, ощутить жадное прикосновение сильных рук на своем теле.

Мне хочется, чтобы меня просто любили.

Димка глухо рыкнул и прижал меня к себе еще крепче, сжал бедра так сильно, что я едва не вскрикнула.

— Ведьма...

Быстрым движением, не прерывая поцелуя, он разодрал топ, стягивая его с плеч.

— Моя ведьма.

Поцелуи быстро спустились от шеи вниз к ключице, а затем еще ниже к груди. Он слегка дунул и обхватил напряженную бусинку губами.

— Ах. — Тело само дернулось от острого разряда наслаждения, и я провокационно шевельнула бедрами, скользнув по возбужденной плоти.

Наказание за это последовало тут же.

Мгновение, и его ладонь соскользнула вниз и по-хозяйски устроилась между моих бедер.

— Д-дима...

— Мм, уже влажная...

Желание и истома сразу пропали, стоило мне почувствовать, как он отодвигает в сторону белье, и внутрь меня проникает... палец...

Все зашло слишком далеко.

«бледно-зеленое пламя... запах горелой плоти... и крик»

Резко шарахнулась в сторону, лихорадочно пытаюсь одновременно поправить шортики, прикрыть грудь и навести порядок на голове. Более-менее нормально мне удалось выполнить

только первую часть задачи.

Следующей моей ошибкой было то, что я посмотрела на Соколова.

Посмотрела и застыла, не в силах пошевелиться.

Колдун все еще не двигался, замер на месте — напряженные руки, опирающиеся о перила, тяжелый немигающий взгляд ярко-синих глаз.

— Ты думаешь, я железный?

Голос хриплый, сдавленно-глухой.

— Дим...

Я даже успела сделать шаг в его сторону и так и замерла, прижимая разорванный топ к груди. Его глаза не предвещали ничего хорошего.

— Так вот, ни хрена я не железный. Я живой... и, блин, так не делают. Ты уж определись, чего хочешь, потому что меня вся эта ситуация достала. Пора уже становиться взрослой девочкой и принимать серьезные решения.

— Я...

Он вдруг сделал резкое движение в мою сторону, и мир исчез...

Исчезли и мы...

Страсть — огонь, бушующий в ночи. И мы двое, в самом его сердце, в самом пекле, сгорающие, умирающие и возрождающиеся вновь. И не было никого, кроме нас, только он и я, и наши тела, стремившиеся соединиться.

Я уже отпустила себя и не контролировала ситуацию. Могла только наблюдать со стороны за тем, что происходит, словно через призму затуманенного сознания.

Черт, какое же это классное ощущение — расслабиться и просто плыть по течению, позволить кому-то принимать за тебя решения.

Димкина комната была на первом этаже и как раз выходила на веранду.

Так что, подхватив меня на руки и не прекращая целовать (видимо, чтобы у меня даже мысли больше не возникло сопротивляться), колдун занес меня внутрь и бережно поставил на ноги у огромной кровати, хорошо хоть сразу не уложил...

Конечно, я сама во всем виновата. Отлично знала, что ночные посиделки с таким мужчиной и бокал вина просто так не проходят, знала, что должна была бежать в свою комнату сразу, не должна была отвечать на поцелуй, поощрять его... Да я много чего не должна была делать.

А самое главное, я должна была рассказать ему, какой опасности он сейчас подвергается.

Должна... могла...

Но не буду.

Достало!

Все проблемы вдруг становятся такими мелкими, такими далекими и пустяковыми, когда рядом с тобой находится такой мужчина (нет, не любимый, но желанный), когда его руки скользят по телу, избавляя от остатков одежды. Сначала кусочки несчастного топа, затем шорты, а следом и кружевные трусики. Я нетерпеливо переступала ногами, чтобы сбросить кусочки ткани.

Быстрее... быстрее... надо успеть...

От соприкосновения наших обнаженных тел перехватывало дыхание, исчезли остатки совести и сомнений. А вдруг на этот раз все получится? Вдруг Диму проклятие не тронет? Он же феникс!

А я так устала быть одна.

И эти губы... требовательные, страстные, мучительно-сладкие и в то же время опьяняюще горькие. Их прикосновения заставляли гореть кожу, стонать от нетерпения, молить о пощаде, просить об избавлении...

Тяжелое дыхание, бешеный стук сердца, слабые стоны, вздохи — это самая лучшая музыка для нас. И я гнала прочь все мысли — в этот раз все будет хорошо. По-другому просто не может быть. Разве я не достойна, разве не заслужила?

Димка не спешил, изучал каждый сантиметр тела, ласкал каждую клеточку кожи. И я не отставала от него — впивалась ногтями в его спину и ягодицы (все-таки задница у него очень сексуальная и упругая), слизывала соленые капельки пота с шеи и ключицы и отвечала на поцелуи со всей страстью, на которую способна.

Не могла стоять, тело, словно воск, плавилось в его умелых руках. Колени подогнулись, и колдун уложил меня на кровать, навис сверху, вглядываясь в мое лицо, а его рука тем временем уже была между моих бедер, и пальцы уверенно ласкали горящее от желания лоно.

Сквозь яркие всполохи наслаждения, пронзающие сладкой болью все тело, я смотрела в его глаза...

...Тревожно замерло сердце. Ведь это уже было когда-то... все то же самое — постель, возбужденный мужчина надо мной, и...

В следующее мгновение я почувствовала, как внутри ОНО, словно ошестинившись, медленно встало на дыбы, почувствовала его гнев, его злость и ненависть...

Уничтожить...

— Нет!!! — Я резко оттолкнула Димку в сторону, столкнула с кровати, и в следующее мгновение на моих пальцах появилось знакомое светло-зеленое пламя.

— Черт!! — Димка замер, ошарашенно глядя на меня.

Пламя быстро окутало все тело, я чувствовала, как оно прохладно щекает влажную от пота кожу.

Он сделал шаг ко мне, и я испуганно отползла в сторону.

— Не подходи!!!

— Успокойся, я не буду касаться. Тань, ты только успокойся, — он был серьезен и сосредоточен как никогда. — Ты его не контролируешь?

— Н-нет.

Черт, нет, нет, пожалуйста!!! Оно не должно выйти, не должно... только не здесь... пожалуйста... Дэн, Лизка... они же совсем рядом... оно не должно коснуться их!!!

— Разина, прекрати панику. Дыши глубже, вдох-выдох... вдох-выдох. Я попробую тебе помочь.

— Это «мертвый огонь», как ты его успокоишь? Тут нужен некромант.

— Я — феникс, колючка, пламя моя стихия, даже если оно мертвое. А ты дыши и думай о чем-нибудь хорошем, о птичках там, цветочках... только успокойся.

Я закрыла глаза и попыталась успокоиться. Все нормально... все живы, я успела. Оно не вышло и не тронет больше никого.

Вдох-выдох... вдох-выдох... вдох-выдох...

Вдох-выдох... вдох-выдох... вдох-выдох...

— Все, открывай глаза, я закончил.

Открыла и посмотрела прямо на него. Дима уже надел шорты и протягивал мне цветное покрывало.

Пламени больше не было.

— Прикройся.

— Спасибо. — Я осторожно взяла покрывало, стараясь не прикасаться к колдуну и вообще держаться как можно дальше. Набросила его на плечи и полностью закуталась в тонкую ткань.

Колдун молчал некоторое время, внимательно изучал меня, словно видел в первый раз, а потом выдал:

— А теперь, Разина, у меня к тебе только два вопроса. Каким образом тебя наградили таким древним проклятием? И благодаря каким богам ты еще жива? Оно должно было убить тебя за пару минут...

— Это долгая история.

— А я никуда не спешу... Это что — типа пояс целомудрия? И кого ты уже успела поджарить?

— Дим, не смешно.

— Не смешно, — он согласно кивнул. — Колючка, не заставляй меня вытягивать из тебя все клещами. Рассказывай давай.

Да, теперь рассказать придется.

— В первый раз оно появилось в день моего рождения.

— Дай угадаю, тебе исполнилось семнадцать?

Кивнула.

— Ночь — свечи — мужчина и инициация?

Еще один кивок.

— Он-то хоть живым остался?

— Да... он некромант... успел погасить, правда, не сразу... отец помог.

...Ожоги... много ожогов, страшных, красных... болезненных. Особенно яркий на шее, в месте, где я касалась его рукой...

— И как далеко вы продвинулись?

— Далеко, — я уже рычала.

— Прямо совсем-совсем далеко?

— Прямо уже почти все.

— Бедный мужик, сгоревший и неудовлетворенный.

— По себе судишь? — огрызнулась я.

— В яблочко. — Он вновь взъерошил волосы. Красивый, сексуальный, обнаженный, хорошо хоть в шортах. — Больше прорывов не было?

— Нет.

— Я так понимаю, ты больше и не пробовала до этого момента?

— Дим, мне было семнадцать. Самая обычная молоденькая ведьма, которая так ждала своего дня рождения, инициации, мечтала получить силу. И провести инициацию должен был не просто какой-то незнакомый мужик, а мой друг. Мы же вне кланов, мы свободны, мне казалось, что мы свободны.

— Инеев...

— Да, Лешка. Мы же дружили, мы знали друг друга, он мне нравился... Самый лучший день в моей жизни стал кошмаром. Я же даже не поняла, что произошло и как произошло. Просто почувствовала, что что-то изменилось. Открыла глаза, а он весь в зеленом пламени и я тоже... Черт, я тогда подумала, что он решил меня убить, я даже не понимала, что это я... что это я его сжигаю. Я кричала, вырывалась, а он медленно сгорал на моих глазах.

— Прости. — Димка отвел взгляд.

— Все нормально. — Я тоже отвернулась. — Никто не думал, что так получится. А потом они мне рассказали.

— Кто они?

— Родители. Папа был очень сильным некромантом, и его решение уйти из клана, заключить брак, многие — да что там многие, все — восприняли с суровым нескрываемым осуждением. Его считали предателем. Маму даже заключили под стражу по обвинению в привороте. Максим Леонидович подсуетился. Провел с ней весьма серьезную беседу. Угрожал, предлагал деньги, артефакты и много чего еще. — Я зябко повела плечами. Тяжело вспоминать все это. — Папа спас ее тогда, вытащил и спрятал от всех до самых родов, но они нашли нас. Через три часа после моего рождения меня прокляли.

— «Мертвое пламя»?

— Да. Старый друг отца не смог простить его уход, взял один из мощных артефактов клана и проклял меня... Мертвый огонь — это одно из высших проклятий некромантов, отцу удалось тогда погасить его и спасти меня, для этого даже пришлось раньше времени разбудить мою сущность. Только отец не знал, что все получилось совсем не так, как планировалось.

— Но я все равно не понимаю. Есть столько способов избавиться от этого. Ты же обращалась к Стражам? Почему они не сняли с тебя проклятие?

Я усмехнулась. Горько до слез. И слезы бежали по лицу, оставляя мокрые дорожки, щекоча кожу.

— А потому что я не проклята, Дим. На мне нет проклятия. Я сама им стала, я стала сосудом для этой гадости. Артефактом, в котором оно хранится. Меня нельзя излечить, потому что я не больна. Я и есть болезнь.

Дима потрясенно молчал.

Молчал, когда я тихо встала с кровати, все еще кутаясь в покрывало, молчал, когда я прошла мимо него, молчал, когда, собрав свои вещи с пола, ушла.

Я не винила его и ничего не ждала.

Во всем виновата только я одна, и расплачиваться только мне. Я уже расплачиваюсь.

Зашла в ванную, включила воду и села прямо на поддон душевой, обхватив колени руками. Теплые капли лились на спину, затылок, лицо и быстрыми ручейками стекали по всему телу. Если бы они так же легко смогли смыть то, что я чувствовала.

А вода все текла и текла по моему лицу, и уже нельзя было понять, где просто вода, а где мои слезы.

Я ведь действительно давно никого уже не винила в том, что произошло. Сначала, конечно, было трудно смириться, просто невозможно. Мне не хотелось жить. Я кричала, плакала, умоляла, просила и снова ругалась. Но две недели с мозгоправами в «Возрождении» дали свои плоды. Я смирилась и всех простила. Тем более что колдуна, проклявшего меня, уже семнадцать лет не было в живых. А вину Максима Леонидовича так и не удалось доказать, хотя мама всегда была уверена, что он — самый главный подстрекатель и заказчик.

И я теперь ее отлично понимала. Верить этому колдуну — сродни самоубийству.

...Тогда в Совете у Стражей Марине было страшно. Очень страшно. Конечно, помещение, в которое ее поместили, не походило на камеру — светло-серые стены, темный пол, мягкий уголок, низкий журнальный столик, заваленный периодикой, цветочки по углам. Но ей все равно было страшно.

Нет, девушка ни на секунду не усомнилась, что ее невиновность будет доказана. Как бы предвзято она ни относилась к Стражам, какой бы страх и панику они ни вызывали, Марина прекрасно помнила, что Стражи всегда добиваются правды и не приемлют лжи. Поэтому ей оставалось сидеть на диване, на самом краешке, готовясь в любой момент, при малейшей опасности, вскочить и убежать, гладить округлый живот и, тупо уставившись в стену, тихо

шептать:

— Толя придет, непременно придет и вытащит нас отсюда, все будет хорошо, маленький... Папа нас не бросит.

Тик-так... тик-так... тик-так...

И когда она уже собралась мерить шагами комнату, щелкнула дверь.

Ему даже не надо было представляться. Марина сразу поняла, кто нанес ей визит. Уж слишком знакомыми были черты его лица и темно-серые глаза, в которых сейчас ярким огнем горели презрение и снисходительность.

— Марина Орлова. Сирена.

— Здравствуйте. — Девушка нерешительно встала, не зная, как себя вести и что делать.

— Это не визит вежливости. — Мужчина обошел ее и устроился в кресле напротив, положив ногу на ногу.

Кто бы сомневался.

— Чего вы хотите? — Марина вновь села на диван.

— Чтобы ты исчезла из жизни моего сына. Как можно быстрее. — Максим Леонидович протянул ей чек. Точнее, швырнул через стол. — Этих денег тебе хватит на долгую и безбедную жизнь где-нибудь на краю света. Если родится сын, ты отдашь ребенка нам. Если девочка, можешь делать что хочешь. Самое главное, чтобы вас не было в жизни Анатолия.

— Он знает?

— Забудь моего сына, дрянь, или ты действительно думаешь, что своим жалким флером и невинными глазками сможешь затуманить голову сильнейшему некроманту?

— Я не использовала против него флера.

— Это решат Стражи. Для меня самое главное, чтобы ты исчезла навсегда.

— А если я откажусь?

Колдун медленно поднялся, лениво поправил часы на запястье.

— Я бы не советовал, поверь, мне хватит сил, возможностей и связей, чтобы убедить тебя в этом.

У нее все похолодело в груди от явной угрозы, которая читалась в холодном взгляде серых глаз.

— Вы не посмеете...

— Правда? И кто меня остановит? Ты? Или твоя мать?

— Я.

В комнату решительно вошел Анатолий. Быстро преодолел расстояние от двери до дивана, привычно обнял девушку, положил ладонь на живот и взглянул на отца:

— Что ты задумал?

— Здравствуй, сын.

— Я же просил тебя не вмешиваться.

— Ты серьезно думаешь, что я позволю своему наследнику ломать жизнь ради какой-то дешевой шлюхи с минимальным резервом?

— Осторожно, отец, — процедил Разин-младший. — Ты сейчас говоришь о моей будущей жене, женщине, которую я люблю.

— Она околдовала тебя, свела с ума...

— Мариш, нам пора. Со Стражами я разобрался.

— До свидания, — пробормотала девушка и ушла, увлекаемая любимым.

Весь путь от комнаты до машины они молчали. Толя заговорил, только когда отъехали на достаточно большое расстояние от Совета:

— Я собрал твои вещи. Мы уезжаем.

— Куда? — тихо прошептала она.

— Брак нельзя заключать, пока ты не родишь, значит, еще пять месяцев вы в опасности.

— Он не остановится, да?

— Не знаю. — Анатолий оторвал взгляд от дороги и мельком взглянул на нее. — Я почти уверен, что не остановится. Поэтому нам необходимо спрятаться до рождения ребенка. У меня есть такое место, про него никто не знает...

— Толь... может...

— Даже не думай, Мариш. Я не откажусь от вас. Никогда.

Никогда...

Папа сдержал свое слово и стал настоящей неприступной и нерушимой стеной, загораживающей нас от всего враждебного мира.

...Сиди не сиди, а проблемы это не решит.

Я выключила воду, выбралась из душевой и принялась методично вытираться огромным белоснежным полотенцем. Когда на теле не осталось ни капельки влаги, быстро завернулась в другое полотенце и решительно открыла дверь.

Димка стоял у самого порога.

— Знаешь, я уже думал, что ты там утонула.

— Что ты здесь делаешь?

— Тебя жду.

— Зачем?

Димка шагнул ко мне и протянул руку, собираясь коснуться ладонью моего лица, но я резко шарахнулась в сторону, при этом умудрилась сильно стукнуться локтем о косяк двери.

— Черт.

— Надо быть осторожнее. — Колдун больше не делал попыток дотронуться до меня, стоял, скрестив руки на груди.

— Спасибо, учту.

— Тань, то, что произошло...

— Ты собираешься меня уволить?

— Чего? Совсем обалдела? Почему ты так решила?

Потому что у меня возникло стойкое ощущение, что все возможные неприятности, которые только могут быть на свете, свалились на мою голову.

— Так что ты хотел?

— Я должен сказать, что хочу тебе помочь. И то, что произошло, никак не отразится на наших отношениях, я имею в виду в худшую сторону, а сейчас нам лучше пойти и хоть немного поспать, это был трудный день. Спокойной ночи, колючка. — Он улыбнулся и скрылся в темноте.

А может, все не так плохо?

Утром следующего дня мне захотелось сделать хоть что-нибудь полезное.

Нервы были на пределе, случившееся с Димкой тоже хорошего настроения не прибавило. Да и вообще, окружающий мир вдруг перестал быть ярким и солнечным, на меня навалилась депрессия. А этого в данный момент я допустить просто не могла.

Так что для успокоения выбрала самый быстрый и полезный способ борьбы — решила испечь блинчики, а точнее, американские панкейки. И приведу мысли в порядок, и ребят накормлю вкусным завтраком.

Так как Игорек как хозяин дома дал мне полный карт-бланш, я спокойно достала продукты и начала готовить. Слава богу, все необходимое нашлось.

Быстро разделила яйца на белки и желтки. Белки отправила в холодильник. Желтки взбила с сахаром и ароматными специями. Конечно, сразу же исключила корицу. Не хватало мне еще для полного счастья успокаивать взбудораженного феникса. По кухне тут же поплыл приятный аромат. Улыбка сама собой возникла на лице, а в голове уже стояла картинка, как я вечером приготовлю себе какой-нибудь коктейль, сяду на террасе и посижу в тишине за приятной книжечкой. До этого, конечно, накупаюсь и наплаваюсь вволю.

Но это вечером, а сейчас медленно влила молоко, не переставая осторожно помешивать, всыпала просеянную муку и сама не заметила, как начала мурлыкать мелодию себе под нос. Все-таки кулинарная возня — отличный антидепрессант.

В миске погасила лаймом соду и отставила в сторону. Мурлыканье сменилось тихим пением — все равно все еще спят и меня не слышат.

Затем достала белки из холодильника, чуть-чуть посолила и уже приготовилась взбивать блендером, когда внезапно почувствовала, что нахожусь на кухне не одна. И кто-то чужой, обладающий высоким магическим уровнем, явно был настроен агрессивно.

Медленно повернулась и застыла.

Первое, что бросилось в глаза, — уже знакомый мне рваный шрам на лице и гипнотические зеленые глаза, словно глаза огромной хищной кошки, светящиеся в темноте.

Удушающая волна силы и власти, которая просто сбивала дыхание и заставляла сжаться. Сущность забилась вглубь сознания, где начала жалобно скулить и трястись, ей такое соседство совершенно не нравилось.

Страж...

Мужчина оказался еще выше, чем я помнила, и был явно чем-то недоволен.

— Ведьма, — он словно выплюнул обвинение мне в лицо и еще больше нахмурился.

А мне и возразить было нечего, ведь действительно ведьма.

— Здравствуйте, — пролепетала я, медленно отодвигая в сторону миску с белками, так же аккуратно положила венчик. И все это под немигающим взглядом зеленых глаз.

— Убирайся!

От его громкого рычания я подскочила и осторожно, бочком, попятилась к выходу.

Да с превеликой радостью!

Но не успела я сделать и шага, как передо мной мелькнула тень, и стеной встал Дениска, невольно отпихнув меня к себе за спину. Но так как я все-таки была выше, спрятать меня ему все равно не удалось.

— Вы кто такой? — Голос братишки немного дрожал.

— Мелкий колдун, защищающий ведьму, — медленно произнес незнакомец и слегка расслабился. — Вас Димка притащил?

— Что за шум? — На пороге возник сам виновник торжества, заспанный, в одних мятых серых штанах и с голым торсом. — Такая рань, а вы шумите... О, ты уже приехал? А мы тебя не

ждали так скоро.

— Это я уже понял. — Страж наконец оторвал взгляд от меня и повернулся к Соколову. — Что она тут делает?

Димка так же не спеша подошел ко мне, сунул нос в миску и пожал плечами:

— Я думаю, что блинчики, да, Танюш?

Я автоматически кивнула и тут же вновь сжалась под взглядом зеленых глаз.

— Дима, какого черта? Ты знаешь, как я отношусь к чужакам в своем доме, особенно к ведьмам!!! Ты что, другого места, где ее отыметь, не нашел?

Мне, наверное, надо было возмутиться, но я не успела.

— Вы чего так шумите? — На кухню розовым облачком в розовой коротенькой пижамке с кроликами вплыла Лизка. Вошла, увидела хозяина дома и, жалобно пискнув, спряталась за Димку. — Это кто?

— Еще одна ведьма... Дим, ей хоть семнадцать-то есть? — устало спросил мужчина и осторожно сел на стул.

— Через месяц будет, — ответил тот, явно наслаждаясь ролью защитника.

— Где Игорь?

— Спит еще, — подал голос Дениска.

Хозяин дома, а в том, что это был он, я ни на секунду не усомнилась, медленно обвел нас взглядом, причем на мне его взгляд задержался немного дольше, чем на остальных, и произнес:

— Кто-нибудь может мне объяснить, что здесь происходит?

— Я... — Димка все-таки отлепил от себя Лизку и улыбнулся. — Серега, знакомься, мой личный помощник Татьяна Разина.

— Разина? Это...

— Да, дети Анатолия Разина.

Взгляд зеленых глаз немного потеплел, даже стал дружелюбным. Или мне хотелось так думать?

— Я помню вас.

— Я вас тоже.

И я потерялась от его взгляда.

Говорят, что, принося клятву, Стражи, вдобавок к новой силе и возможностям, получают особое зрение, которое позволяет им видеть сущности. Именно поэтому они так нас не любят. Тяжело общаться с ведьмой или колдуном, когда, глядя на них, видишь темную душу — сущность, что оплела своими нитями сердце. Поэтому для подпитки и просто для жизни они всегда выбирают людей.

И я готова была поспорить — Страж сейчас смотрел на меня именно этим зрением.

Страх? Нет, мне не было страшно, даже сущность перестала прятаться, ей стало интересно, так же как и мне.

Тепло... я чувствовала мягкое тепло и легкое покалывание, вызывающее мурашки по всему телу.

Что ты видишь, Страж? Насколько темно мое сердце? Насколько я опасна для других?.. А для тебя?.. Ты видишь во мне угрозу?

Между нами было довольно большое расстояние, но я почему-то очень отчетливо видела его глаза, гипнотические, ярко-изумрудные всполохи в зеленой радужке, расширяющийся зрачок.

И они приближались все ближе и ближе, пока не закрыли собой все.

— Серый, — недовольно подал голос Димка, и волшебство исчезло, — ты что творишь?

Вновь светлая кухня, аромат специй, и мы — друг напротив друга. Я каким-то невероятным образом, сама не помню как, подошла совсем близко к Сергею, всего какой-то метр остался между нами, и застыла, словно ожидала приказа. А Денис крепко схватил меня за руку, пытаюсь удержать. Эх, наверное, синяки останутся на коже.

Аттракцион «Почувствуй себя марионеткой»...

— Что привело ко мне таких гостей? — Страж больше не смотрел на меня, и я, увлекаемая братом, смогла отойти в сторону.

Но страха почему-то все еще не было. Как и гнева... лишь тепло и любопытство. Что же ты там увидел внутри?

— Отпуск. Вот решили отдохнуть от Москвы, снега. Ты же знаешь, там опять стихийники чудят.

Сергей кивнул, не веря ни единому слову. Но мне хотелось надеяться, что вопросы он оставит на потом, когда Лизы и Дэна не будет рядом.

— Что ж, располагайтесь, гости дорогие. — Страж тяжело встал со стула. Устал? Ранен? Разве меня это касается? Но я все равно смотрела на него. — Я бы не отказался от кофе... с блинчиками.

Отвела взгляд от его фигуры и вернулась к столу. Хотите блинчики, значит, будут вам блинчики.

ГЛАВА 9

Океанский бриз лениво трепал занавески. Они красивыми белыми парусами врывались в кабинет, а затем возвращались на террасу. Я смотрела в окно на лазурную гладь, там, в океане плескались Дэн и Лизка. Конечно, Димка сказал, что вся территория находится под защитой и им ничего не угрожает, но я все равно посматривала в их сторону — меня это успокаивало.

Мы сидели в кабинете Стража вот уже пятнадцать минут, я засекла. Просто часы стояли на тумбочке у окна, и я нет-нет да бросала взгляд на размеренно движущиеся стрелки на циферблате.

Игорек, получив от меня список продуктов, отправился в магазин, мелкие ушли на пляж, а я сидела здесь в качестве группы поддержки Димки. Не очень-то обрадовался Страж нашествию семейства Разиных, хоть и чувствовался некий пиетет перед папой, с которым он якобы был хорошо знаком.

Димка все рассказывал, а я молчала и временами кивала. Первые пять минут еще пыталась что-то сказать, как-то поучаствовать в разговоре, высказать свое мнение. Но меня тупо проигнорировали, вежливо сказали: «Посиди, я сам все расскажу». Ну, хоть радовало, что в открытую не было сказано: «Молчи, женщина!» Великие и могущественные колдуны сами решают все проблемы без участия какой-то мелкой неинициированной ведьмы. Обидно? Да, но я готова была наступить на горло собственному эго, лишь бы это дало результат. Если надо, могла весьма профессионально слиться с мебелью.

— Доказать, что это не Татьяна подавала документы, не так сложно, на это уйдет не более пяти дней, — произнес Страж, и я перевела взгляд на него. — А вот на поиски денег понадобится гораздо больше времени.

Я смотрела на Сергея, и у меня с трудом укладывалось в голове, что этот смуглый мужчина, одетый в легкие светлые брюки и кремовую рубашку с коротким рукавом, является Стражем. Как-то не вписывались Стражи в рамки моих понятий о семейном уюте, не верилось, что они могут быть такими домашними и мирными. А где же черный костюм, развевающийся плащ и карающий меч или какие там еще атрибуты положены Стражам? Хотя, наверное, современным Стражам полагается двустволка... или автомат, а еще лучше базука. Точно, большая такая базука на плечо.

Мысленно нарядила Стража в черный костюм, больше похожий на пиратский, — рубаха, жилет и кожаные брюки, заправленные в высокие сапоги-ботфорты. Нет, не так. Надо что-то такое в обличку, чтобы не стеснять движений. Образ Стража поменял экипировку на что-то похожее на скафандр или водолазный костюм...

Ладно, сойдет и так. Значит, на голову надо повязку или бандану... да, лучше черную бандану с черепом. На пояс прицепим мачете и базуку на плечо... чего-то не хватает... Точно, на лице надо сделать маскировочную боевую раскраску...

Да, вот так-то лучше. Вот это я понимаю, настоящий Страж, гроза ведьм и колдунов.

Что жизненно необходимо герою? Правильно — напарник. Поэтому Димку я в воображении тоже нарядила в костюм, а в руки вложила гранатомет. Теперь обоих на пьедестал — и красный флаг на задний план...

— Саид просто так на торгах не крутится, — сказал Сергей, когда Димка закончил рассказ. — Его кто-то специально навел на вашу сестру, а показав Лизу, вызвал интерес к ней. Вы знаете, чем грозит подобная заинтересованность со стороны оборотня?

От меня сейчас ждали не только кивка, но и ответа.

— Представляю.

— Саиду не нужны деньги. Даже если вы их ему вернете, даже если уплатите неустойку. Теперь у него появилась цель. Он хищник, и ему нужна его жертва, которую вы умыкнули у него из-под самого носа.

— Я знаю, — сказала, а внутри сердце зашлось от страха. Ведь понимала, что он прав, давно об этом думала. Но так надеялась, что ошиблась.

— Ты можешь что-нибудь сделать? — это снова Дима.

Страж устало потер виски и помолчал, а потом произнес:

— Ты привел их сюда в надежде, что ко мне Саид не сунется?

— Я оказался не прав? — Соколов невозмутимо пожал плечами. — Меня-то он точно не испугается.

— Поверь мне, он уже давно ничего и никого не боится. А дразнить зверя тоже не стоит. Но ты прав, Саид не сунется сюда внаглую... Он слишком умен для этого. А девчонка ему нужна.

— Я ее не отдам, — притворяться мебелью больше не получалось. — Он ее не получит. Лиза же совсем ребенок.

Вновь внимательный взгляд зеленых глаз. Но меня он уже не трогал. Проверку я уже прошла, так что бояться мне было нечего.

— Вашей сестре меньше чем через месяц исполнится семнадцать. И она не ребенок, по меркам нашего мира. Я так понимаю, вы ей ничего не рассказали?

— Нет.

— Почему? А вы уверены, что предложение от Саида ей не понравится? Что она не захочет провести два месяца в компании красивого мужчины, который сделает ее настоящей ведьмой?

Я вздрогнула и представила Лизку, мою мелкую Лизку, в образе этой самой «настоящей ведьмы» — роковой взгляд, откровенный наряд и призывная улыбка.

— Не захочет.

— Это вы так думаете. Вам надо с ней поговорить. Перестать считать ее маленьким ребенком и поговорить.

Наверное, Страж прав, но...

— А Саида придется сбить со следа. — Он повернулся к Димке, тот нахмурился и кивнул:

— Я тоже об этом думал.

— Но не сейчас. Думаю, через пару дней тебе надо будет засветиться в нескольких местах.

— А что делать мне? — это уже я.

— Наслаждаться отдыхом, — равнодушно пожал плечами Страж. — Но сначала поговорить с сестрой. А вдруг она знает то, чего мы не знаем? Вы об этом не думали?

Не думала.

— Мне светиться тоже не стоит, это вызовет лишние вопросы.

Я уже собиралась встать с кресла, когда Димка меня остановил:

— Подожди, — и уже брату: — Скажи, что делать, если на человека наслали проклятие, но при этом его удалось спасти, запечатав это проклятие внутри проклятого?

Мне хотелось взвыть от досады.

Ну зачем? Уж с этим Стражем я точно не желаю это обсуждать!

Но Сергей, выслушав брата, вновь посмотрел на меня тем самым взглядом, от которого зуд шел по коже и хотелось чесаться. Сильно хотелось, приходилось сидеть, сцепив руки на коленях.

— Я думал, что с вас давно сняли это проклятие, — удивленно произнес он, слегка склонив голову набок.

— Что?

Этого я точно не ожидала услышать.

— Ваш отец рассказывал о вашей... проблеме. Даже странно. — Сергей встал из-за стола и

двинулся ко мне.

А вот этого мне совсем не хотелось, не надо подходить ко мне так близко. Но кто меня спрашивал? Мужчина сел на корточки прямо передо мной и начал изучать.

— Сильный блок, я почти ничего не вижу. Почему они его из вас просто не вытащили, не пересадили назад в артефакт?

— А это возможно? — подал голос Димка, он тоже не хотел сидеть на месте и теперь стоял за спиной брата.

— Да, — ответила я. — Но не в моем случае.

— Почему? — продолжал допрос шеф, а Страж молчал, аккуратно сканируя.

— Потому что, во-первых, выплеснуть я его могу только в одном случае, — отчаянно постаралась не краснеть.

Я же ведьма, а не девочка-школьница, которая первый раз говорит о сексе. Но под непроницаемым взглядом Стража все равно покраснела. Одно дело говорить об этом с Димкой, которого знаешь как облупленного, и совсем другое — обсуждать с малознакомым колдуном. Черт, у меня возникло такое ощущение, что мы сейчас обсуждали не снятие проклятия, а способы самоудовлетворения.

Иногда мне хотелось, чтобы той попытки с Лешей не было. Тогда бы я не узнала, что такое страсть, не испытала оргазм... И сейчас мне не снились бы столь яркие эротические сны. Я бы не просыпалась, задыхаясь от желания, дрожа от неудовлетворенности... Мне бы не приходилось пользоваться артефактами, чтобы хоть как-то получить разрядку, да и просто не сойти с ума от сущности, которая периодически начинала скулить от голода.

Но артефакты... они как фальшивка, пусть и качественная, они никогда не смогут заменить ощущения от прикосновения мужских рук, сладость губ, жар кожи, тяжесть крепкого тела. Это как сахарозаменитель для любителей шоколада.

— Во-вторых, размеры этого проклятия неизвестны, — продолжила я. — А вдруг артефакт, который для этого изготовят, не сможет все впитать, и оно перейдет на постороннего невинного человека? А если их будут десятки, сотни? А если я полквартала уничтожу? Артефакт, в котором раньше сидела эта зараза, был ликвидирован почти двадцать пять лет назад.

— Перестраховываются, — кивнул Сергей и поднялся. — В чем-то они правы, риск очень велик. «Мертвый огонь» — весьма сильное проклятие... Мне надо подумать. Вам же давали блокирующее зелье?

— Да... только оно дома осталось.

— Сделают еще. — Страж задумчиво потер подбородок. — Есть один вариант, но... мне надо подумать, кое-что проверить и подготовить. А пока поговорите с сестрой.

«Поговорите с сестрой».

Как будто это так легко.

У самой двери я остановилась, но повернуться не решилась.

— Скажите, а есть новости о деле отца?

— К сожалению, пока все без изменений.

Кивнула и вышла.

...Глубокий вечер, почти ночь, духота... или мне трудно дышать от слез, что льются и льются из глаз сплошным неиссякаемым потоком?

— Вы никому не должны говорить о том, чем занимался ваш отец. — Страж стоял надо мной со стаканом воды и все говорил и говорил, пытаясь достучаться до моего сознания. — Если будут спрашивать, отвечайте, что ничего не знаете. Совсем ничего. Поверьте, это может спасти

ваши жизни...

— Я понимаю.

— О том, что я приходил, тоже никому ни слова.

— Да... Скажите, их найдут?

— Мы сделаем все, что в наших силах. Но ваш отец перешел дорогу слишком многим высшим магам. Ему почти удалось изменить мир.

Я подняла голову, чтобы внимательно посмотреть в зеленые глаза Стража, которого видела всего второй раз в жизни, и я надеялась, что в последний.

— Мир нельзя изменить. А вот он может уничтожить любого из нас.

Страж первым отвел взгляд.

— Помните о том, что я вам сказал. Помочь я вам не смогу, мы больше не увидимся. Лишний раз привлекать к вам внимание не стоит.

...А я ведь была практически уверена, что больше его не встречу никогда. Кто бы мог подумать, что так все обернется и наши дороги опять пересекутся.

— Сергей занимался делом твоего отца? — Димка ждал меня в коридоре.

— Нет. Он просто был с ним знаком когда-то. Вот я и подумала, вдруг есть какие-то новости.

— Ясно. — Шеф окинул меня долгим взглядом.

Такое ощущение, что у него возникли какие-то подозрения, сомнения в правдивости моих слов. Но я ведь действительно не соврала. Сергей не занимался и не занимается расследованием гибели родителей. И знаком он был именно с отцом. Я видела его всего однажды до того дня, и то совершенно случайно. А после смерти родителей мы больше никогда не пересекались.

Я вообще выбросила все воспоминания о Страже из головы, слишком опасны они были, поднимали слишком серьезные пласты вопросов, ответы на которые лучше не знать.

Быстро переоделась в купальник, нацепила сверху легкий сарафан и пошла на пляж.

Дэн все еще плескался, а Лизка лежала на животе и загорала. Передо мной встала дилемма — искупаться и потом поговорить или сначала поговорить. Конечно, правильное было бы пойти по первому варианту, но... я же могла потом струсить и вновь отложить разговор на неопределенное время. Как бы противно ни было это признавать, но Сергей прав. Мне пора прекращать вести себя как озабоченная клуша-наседка. Лиза уже большая девочка и заслуживает соответствующего отношения.

— Как же здесь хорошо. — Она повернулась и слегка приподнялась, опираясь на руку, когда я подошла ближе и села рядом с ней.

— Смотри не обгори.

— А я кремом намазалась. Ты чего так долго?

— Да так, кое-что надо было решить.

— Он же нас не выгонит? Страж?

— Не выгонит. — Я поправила влажный золотистый локон, что падал на ее лоб.

— Он такой странный... такой шрам... Почему он не обратился к пластикам?

Я пожала плечами, как-то не задумываясь над этим вопросом. Шрам и шрам. Нас это не касается.

— Наверное, он для него что-то значит.

— Слушай, а это правда, что Стражам разрешено заключать браки без каких-либо последствий для себя, что они не лишаются сил?

— Правда. Но они если и заключают браки, то только с людьми.

— Из-за того, что видят наши сущности, да?

— Да. Сложно любить кого-то, когда видишь его отравленную сущностью душу. — Я даже обрадовалась, что разговор ушел в другую сторону, возникла небольшая передышка.

— А в торгах они участвуют?

— Не знаю, не интересовалась, а что?

— Просто спросила. — Лизка безмятежно улыбалась.

— Ты бы еще Димку вспомнила...

И тут она покраснела. Если бы я так хорошо не знала свою сестренку, то никогда бы не заметила этого и даже ничего не подумала. Но Лиза действительно покраснела. Легкий румянец окрасил щеки, она резко села и отвернулась, слишком пристально и нарочито равнодушно изучая океан.

Да ладно...

— Лиз, тебе что, нравится Дима?

— Нет! — возмущенно ответила она и фыркнула.

Еще бы глаза закатила для большей правдивости. Значит, нравится. И когда только успел, белобрысый поганец? Нет, я понимаю, что устоять против бездны обаяния феникса очень трудно, но... это «но» не давало мне покоя.

— А о чем вы разговаривали?

— С кем? — Я недоуменно нахмурилась, прогоняя из взбесившегося воображения яркие картинки с участием Димы и Лизы. Нервировали они меня сильно, так сильно, что я даже забыла, о чем хотела сказать.

— Со Стражем.

Ну что ж, была не была. Тянуть больше не имело смысла.

— Лиз, мне надо с тобой серьезно поговорить.

— Это по поводу инициации? — Она подтянула ноги к себе, обхватила колени руками. — Ты кого-то нашла, да?

— Дело в другом. Мы не случайно сюда приехали. Не просто для отдыха. — Я замолчала, пытаюсь найти слова, чтобы рассказать ей, объяснить. И не могла. Как объяснить ребенку, что его продали?

— Тань, что-то случилось? Это из-за папы?

— А при чем здесь папа? — Я подозрительно посмотрела на нее. Ведь слишком мала была, чтобы что-то запомнить, что-то понять... и опять повела себя как клуша-наседка, отказывающаяся понять, что дети выросли.

— Их же убили из-за чего-то, может, и на нас тоже охоту начали.

Да не дай бог. Мне и так хватает проблем.

— Нет, отец тут ни при чем. Видишь ли, в чем дело, — глубоко вдохнула и быстро произнесла:

— Кто-то выкрал твои документы и от моего имени подал заявку на торги.

— В каком смысле? — Она нахмурилась, пытаюсь понять. — Подожди-подожди. Ты хочешь сказать, что меня кто-то купил?

— Мы решаем вопрос о признании торгов недействительными.

— Но кто? Как? Зачем?

— Я не знаю, но обязательно это выясним, я тебе обещаю. Я не отдам тебя ему. — Я подвинулась ближе и крепко обняла ее.

Лизка меня не оттолкнула. Наверное, была слишком удивлена и потрясена услышанным, уткнулась лицом мне в шею, и я почувствовала, как горячие слезы текут по моей коже.

— Кто он такой? — глухо спросила она, и я не сразу поняла, о ком она говорит.

— Кто?

— Колдун, что выкупил меня. Кто он такой? Ты же знаешь.

— Лиз, — я слегка отклонилась в сторону и обхватила ее личико руками, заставила смотреть прямо мне в глаза, — я не отдам тебя никому, слышишь? Пока ты сама этого не захочешь.

Наверное, я что-то говорила не так, неправильно, потому что она еще больше испугалась.

— Тань, кто он?

Пришлось признаваться:

— Саид, он...

— Оборотень... тигр, — шепотом закончила Лизка и с ужасом вздрогнула.

— Откуда знаешь?

— Бабушка говорила, рассказывала...

— Марианна?

Убью стерву.

И плевать на Закон. Если узнаю, что эта ведьма имеет хоть какое-то отношение к этому, убью. Вырву ее грязное сердце и заставлю сожрать. Значит, это все-таки она? Но зачем? Денег хотела получить как можно больше?

— Лиз, когда она тебе говорила о нем?

— В пятницу... Она просто упоминала, между делом.

Ага, чисто случайно.

Точно убью.

— Она могла забрать документы?

— Нет, мы все время были вместе.

— Ты в этом уверена?

Лизка задумалась на мгновение и кивнула:

— Да, она не могла их взять... Тань, бабушка же не могла так поступить...

А вот с этим я готова поспорить, но не сейчас.

— Вспоминай дословно, о чем вы говорили тогда. Хотя нет, подожди. Пошли, расскажешь все Стражу и Диме. — Я схватила ее за руку, собираясь отвести в дом. Но резко остановилась и повернулась к океану: — Дэн! Вылезай из воды сейчас же. Мы уходим.

— А что случилось-то? — Братишка недовольно заворчал, но подчинился и подошел ближе.

— Ничего. Много купаться вредно. — Я протянула ему полотенце. — И на солнце вредно столько находиться. Идемте в дом.

— Ты еще не купалась. Лиз, ты чего такая бледная?

— На солнце пересидела, голова болит. — Сестренка вымученно улыбнулась.

Через пару минут мы уже входили в дом.

Денис, снабженный мороженым, остался в гостиной у телевизора, а Лизку я повела в кабинет.

— Посиди здесь, хорошо? А я найду Диму и Стража.

Димки в комнате не было. Может, он наверху, у брата? Комната Стража, насколько я знала, находилась на втором этаже, рядом с комнатой Игоря.

Надо было, конечно, постучать, но дверь оказалась открыта, а я была слишком взвинчена, чтобы соблюдать приличия, поэтому просто заглянула внутрь.

Он стоял у небольшого стола в профиль ко мне, тяжело сгорбившись, и упирался левой рукой о столешницу. Правая рука, от которой исходило невероятно яркое золотисто-желтое сияние, была прижата к груди, к самому сердцу.

Подзарядка. Так вот как он восстанавливает силы, не через секс с человечками, а через артефакты, созданные специально для него.

Мне нельзя на это смотреть. Это по крайней мере неприлично, а еще очень опасно. Чистая энергия опасна для любого, а для неинициированной ведьмы тем более (запросто может снести крышу), но я не могла отвести взгляда.

Так вот какая она... исконная сырая энергия страсти и силы.

Постепенно сияние переходило от руки выше и обволакивало все его тело мягкой золотистой дымкой. Я слышала, как учащается его дыхание, с трудом пробивающееся сквозь стиснутые зубы. Как на лбу выступают мелкие капельки пота, а пальцы бледнеют, со всей силой сжимая край столешницы.

Нет, мне нельзя здесь находиться, надо уйти, развернуться и уйти, пока не поздно.

Надо, но я не могла.

Как же это красиво. Всполохи энергии кружатся вокруг него в каком-то чарующем танце, от которого перехватывает дыхание.

Часть искр все-таки выбивалась из общего хоровода, и я тут же жадно поймала частичку этого света, этой обжигающей энергии, протянув ладошку к удивительному фейерверку...

Чисто рефлекторно.

Ведь нельзя же позволять такой красоте падать на пол, тем более когда она сама летит в руки.

Совсем чуть-чуть. Мне и надо лишь капельку этой силы, этого тепла, а Страж не обеднеет. А я узнаю, каково это.

Искорки, более десятка, с радостью прыгнули на мою ладонь, заставив ее светиться так же ярко, как светился сам Страж.

Мягкий удар прямо в сердце вышиб дыхание из легких.

Я не могла сдержать счастливый полувздых-полустон, когда желание ярко вспыхнуло в животе и стремительным огнем расплозлось по всему телу. Почувствовала невероятный сладко-острый вкус чужой энергии на своих губах. Хотелось облизнуться и поймать еще чуть-чуть...

Надо же распробовать, что это такое... Такой необычный вкус. Вот что мама имела в виду, когда говорила, что страсть каждого мужчины уникальна и неповторима?

Сергей резко поднял голову и посмотрел прямо на меня. А я забыла, как дышать. В его зеленых глазах яркими золотистыми всполохами бушевало такое пламя страсти, что я чувствовала себя не то что мотыльком — жалкой букашкой, которой просто жизненно необходимо сгореть в этом огне. Этот взгляд манил, затягивал, обещал...

Согласна. На все согласна.

Ему стоило сделать только один шаг, только коснуться. От этой предвкушающей мысли начала кружиться голова.

Но он продолжал упорно молчать и пристально смотреть.

Магия Стража, которую я так нагло умыкнула, уже давно заполнила мой маленький резерв. Сейчас должно было последовать неминуемое наказание, но его все не было. А вот для меня мир вокруг стал таким очаровательно милым и прекрасным, что просто — ах!

Постепенно свечение вокруг Стража слабело, потом исчезло полностью, в последний раз ярко полыхнув в его руке, все еще прижатой к сердцу. И чем слабее оно становилось, тем осмысленнее делался взгляд Сергея. А вот мой мозг совершенно отказывался включаться и все сильнее походил на стаю взбесившихся бабочек. Мне даже танцевать хотелось.

— Татьяна Анатольевна, — тихо и почему-то осторожно произнес он, аккуратно откладывая в сторону пустой артефакт и скрешивая руки на груди. Я завороженно смотрела, как бугрятся его мышцы, как натягивается ткань рубашки. Даже рот приоткрыла. Вот это мускулатура. Интересно, а он даст их пощупать? — Вам не говорили, что не стоит подходить к колдуну во время искусственной подзарядки?

Говорили, но какая разница? Такие глупости. Разве это сейчас важно?

Интересно, а вот ему кто-нибудь говорил, какие у него красивые глазки и ушки... и губки... тоже. Его магию я уже попробовала, теперь не отказалась бы попробовать и самого Стража.

— Тем более не стоит подпитываться за чужой счет чуждой для вас чистой магией.

А голос-то какой... мурашки не то что бегают — галопом скачут по коже... Я даже похихикала от этой мысли, представив этих самых мурашек.

А где вообще моя сущность? Тут вот такой мужчина вкусный ходит, а она молчит, затаилась чего-то...

Объелась, что ли, обжора черная? Ну вот, когда самое время действовать, ее не дождешься. Его же надо брать, пока он тепленький и такой сияющий.

Страж подошел ближе, внимательно вгляделся в мое лицо, а я чуть ли не пищала от счастья. Наконец-то хоть какое-то движение с его стороны! Он же меня сейчас поцелует, пусть только попробует не поцеловать! И я снова почувствую терпкий вкус его магии и силы.

Я все-таки облизнулась и задрала подбородок, выставив губки бантиком.

— Как ребенок, честное слово, — произнес он тихо и вдруг резко щелкнул пальцами.

Яркие золотистые искорки вылетели из меня, чтобы тут же пропасть в его раскрытой ладони.

Меня резко начало штормить, даже в ушах зазвенело. Я едва не упала на пол от слабости, но вовремя успела схватиться за дверной косяк. Зато мозг тут же включился... и стало так стыдно, что лучше бы он не включался еще минут пять. Мне этого времени как раз хватило бы, чтобы дойти до комнаты и спрятаться под кровать.

— Простите, — прошептала тихо-тихо, рассматривая яркий ковер на полу.

Это же надо так попасть.

Идиотка.

— Мне не стоило...

— Не стоило, — спокойно согласился Страж. Хорошо хоть не орал. — Чистая энергия очень опасна, тем более чужая. А вы к тому же не иницированы. Впитай вы больше...

Страж выразительно замолчал. Да и не надо ему было говорить, я и так знала, точнее, представляла, что будет, если принять чужую страсть неподготовленной.

Подняла голову, но смотрела куда угодно, только не на Сергея.

— Это было крайне глупо и безответственно с моей стороны.

Колдун молчал и изучал меня некоторое время. Я чувствовала его взгляд на своем лице.

— В этом есть и моя вина, я не должен был оставлять дверь открытой. Не могу привыкнуть к тому, что у нас гости. Так зачем вы меня искали?

Искала? Да, я ведь действительно его искала...

— Вы были правы, мне давно надо было поговорить с Лизой. Она призналась, что Марианна в пятницу рассказывала ей о Саиде.

— Значит, Марианна... Что ж, пойдёмте. Лиза в кабинете?

— Да.

— Идёмте. — Он пропустил меня вперед.

Удивительно, но слабость прошла, меня даже больше не штормило.

Но все равно было стыдно, особенно от того, что мои губы все еще горели от пряного вкуса чужой магии. И я все еще помнила, насколько она мне понравилась — амброзия в чистом виде.

В кабинете была не только Лиза, но и Дима. При взгляде на них, мирно о чем-то беседующих, в груди непривычно кольнуло. Ревность? Нет, не ревность. Я столько раз видела шефа в более компрометирующих ситуациях, и ничего. Может, зависть? Зависть от того, что Лизка может с ним разговаривать, флиртовать, улыбаться и не думать о последствиях? Ей ведь не надо запира́ть чувства на замок, не надо думать о том, что интимная сторона жизни, возможно, навсегда скрыта для тебя, а ты всего лишь жалкая, неполноценная ведьма.

Не знаю, я уже запуталась в своих эмоциях. А сейчас не время и не место их распутывать.

Села на диван, поближе к взволнованной сестренке, и только тогда заметила, что Димка как-то странно на меня смотрит.

— Ты чего?

— Да так, — феникс задумчиво склонил голову и прищурился. — В тебе что-то изменилось. Но я не могу понять что... и запах словно изменился. Странно.

Не краснеть!!! Только не краснеть.

Неужели действительно прикосновение к чужой силе могло как-то изменить меня? Но Страж же все забрал!

Равнодушно пожала плечами:

— Не знаю, Дим. Тебе просто кажется, — и повернулась к Лизе. — Рассказывай, как все было.

Она кивнула, а я попыталась успокоиться, потому что к внимательному взгляду Димы присоединился не менее внимательный взгляд Стража. Вместо того чтобы глядеть на Лизу, слушать ее рассказ, они пялились на меня. Что вы хотите увидеть? Что найти?

Нет. У меня точно паранойя, всюду мерещатся заговоры и тайны.

Потом, конечно, надо будет поискать информацию о том, что происходит, если коснуться чуждой сырой силы. Нет, о самых пагубных последствиях, о сумасшествии при заборе большого количества силы, я знала. Но было ли там что-то помимо этого, вспомнить не могла.

Но это все потом, сейчас самое главное выслушать Лизку.

Сестренка начала свой рассказ. Сначала сбивалась, путалась и краснела, пытаясь сформулировать мысль. Но с каждым произнесенным словом, с каждой новой фразой она становилась все более уверенной и собранной.

Тот приход Марианны ничем не отличался от остальных. Дениска был отправлен в свою комнату, чтобы не расшатывать хрупкую психику ведьмы в возрасте. Видите ли, общение с колдуном, пусть и совсем молодым, для нее очень волнительно... надо было давно уже привыкнуть к такому ее отношению, но все не получалось.

Марианна усадила Лизку рядом с собой, взяла за руку и стала красиво рассказывать о жизни в клане, о своем концерте в Париже, о планах на будущее, о последнем любовнике. Речь эта затянулась минут на десять. Затем ведьма начала расспрашивать о Лизкиной жизни. И слова такие убедительные подбирала, белобрысая тварь. Вроде ничего особенного, но они выставляли меня в совершенно неприглядном свете.

«...А Татьяна уже показывала тебе анкеты? Нет? Ты же понимаешь, у нее работа...

...Странно, Марина за полгода начала собирать информацию, искать кандидатов для нее... Ты же не помнишь, совсем маленькая была. Но Марина же мама, а Таня просто сестра...

...Ты знаешь, я думаю, она хотела как лучше, но те две недели в „Возрождении“... мне кажется, ее там сломали. Она вернулась совсем другой...

...Конечно же она тебе не завидует. Ты же не виновата в том, что она теперь неполноценная...

...Но думать, что она тебе мстит за свою неудачную жизнь, крайне глупо и жестоко. Да, Таня не похожа на нас, но она твоя сестра.

...Хотя она немного эгоистичная, отказывается вступить в клан из-за своих меркантильных соображений, из-за страха остаться одной... ведь она должна понимать, что тебе будет лучше со мной. Я многому могу тебя обучить, многое рассказать и показать...

...Нет, не думаю, что она это специально. Таня просто заблуждается. В наших же интересах указать ей верный путь...»

Чем дальше Лизка рассказывала, тем сильнее мне хотелось добраться до бабки и поговорить с ней наедине. И пусть сил у меня кот наплакал, личико я бы ей подправила. Я, конечно, знала, что она настраивает Лизку против меня, но чтобы так изощренно и планомерно!

Внезапно Страж поднялся с кресла, в котором сидел, и сделал шаг в нашу сторону. Взял сестренку за руку и, подняв с дивана, подвел к окну.

Я хотела тут же пойти следом за ней, но Димка меня удержал:

— Не мешай. Так надо.

Подчинилась, вцепилась в его руку, словно ища поддержки и успокоения. И он дал их мне, мягко приобняв за плечи свободной рукой и аккуратно прижав к себе.

— Все будет хорошо, колючка. Он знает, что делает. — Горячее дыхание щекоотало ухо и вызывало приятную дрожь в теле.

Где-то там, на краешке сознания, мелькнула мысль: «Интересно, а Димка каков на вкус?» — мелькнула и тут же исчезла. Не до этого сейчас.

— Тише, не бойся, обещаю, я не причиню тебе вреда. — Сергей тем временем внимательно вглядывался в глаза Лизы и как-то нежно и даже ласково касался указательным пальцем кончика ее носа. — Ты мне веришь?

— Да, — Лизка смущалась и еще больше краснела, но взгляда не отводила.

— Просто слушай мой голос и отвечай на вопросы. Они несложные. Хорошо? Как часто ты видишься с Марианной?

— Несколько раз в месяц.

— А как часто разговариваешь по телефону?

— Не знаю... наверное, два-три раза в неделю, может, чаще.

— Умница. Смотри на меня, прямо в глаза. Внимательно смотри, вспомни тот вечер, Марианну. Помнишь?

— Да. — Глаза сестры затуманились, лицо стало расслабленным и даже каким-то умиротворенным.

Он вводил ее в транс. Но зачем?

— Ты помнишь ее голос?

— Да...

Взгляд Стража сделался хищным, пронзительным и предвкушающим.

— Ты знаешь, чего она от тебя хочет?

— Да...

И вдруг он резко вскинул руку и аккуратно прислонил ладонь к ее лбу. И вновь это золотисто-желтое свечение, которое мягко мерцало на его руках. А в следующее мгновение новое быстрое движение, словно он что-то поймал или вытащил из Лизкиной головы. И это нечто, мелкое и черное, похожее на маленького червячка, извивалось в его руке, затем ярко вспыхнуло и с противным писком сгорело.

— Какая прелесть, — улыбнулся Сергей, и мне стало страшно. Да тут и базука не нужна, одной такой улыбкой убить можно.

Лизка хлопала глазами, словно только что проснулась, и недоуменно оглядывалась. Страж придерживал ее за плечи и внимательно осматривал.

— Ты как?

— Нормально.

— Умница, садись к сестре.

А сам возвратился на место. Я отпустила Димкину руку и пересела поближе к Лизе. То, что произошло, просто не укладывалось у меня в голове. Потому что этого просто не могло быть.

— Марианна подсадила к ней пиявку? Но почему я ничего не увидела? Я, конечно, не суперведьма, но пиявку я бы точно не пропустила. Да и любая элементарная проверка в магише ее увидела бы.

— Какую пиявку? — ахнула сестренка, и мне пришлось успокаивающе приобнять ее за плечи.

— А это не просто пиявка, я прав? — вмешался Димка.

И я невольно заметила, как они похожи с братом. По крайней мере, улыбка — хищная и жесткая — у них одинаковая.

— Прав, интересная вещичка. Я бы тоже не нашел, если бы не знал, что искать.

— А откуда вы знали?

— Догадался, уж слишком интересные мысли Марианна вкладывала в голову вашей сестры, и они там не только остались, но и прижились. И оказался прав. Дорогая вещичка. Ее практически невозможно найти, если не знать, где и что искать. И это не обычная пиявка, скорее, ее усовершенствованная слабая копия. Она не воздействует на сознание прямо, не внушает, она помогает сделать правильные, нужные выводы. Я же не зря спросил, как часто вы общаетесь с бабушкой. Для пиявки такого уровня нужны подпитка, постоянный контроль и давление. Его и обеспечивала Марианна, звоня чуть ли не через день и приходя в гости. Закрепляла результат. А сегодня звонка не было, поэтому и отношение поменялось. Не так ли?

Так. Мы же сегодня ни разу не поругались, даже нормально поговорили, впервые за долгое время.

— Бабушка, — тихо шепнула Лиза.

— Помогала вам осознать, как сильно вам завидует ваша сестра, а поэтому доверять ей не стоит. — Страж перевел взгляд на меня. Ничего особенного в нем не было, но я все равно вздрогнула.

— И как давно Марианна подсадила это?

— Чуть больше месяца назад. Для того чтобы подсадить пиявку, необходимо создать благодатную почву, а для этого нужно время. Так что там Марианна рассказывала про Саида?

— Немного. Его анкеты не было среди тех, что она привезла. Она просто рассказывала о том, какой он сильный, что он — оборотень. — Лизка нахмурилась, пытаясь вспомнить. — Какие-то обтекаемые фразы... я плохо помню.

— Успокойся и попытайся сосредоточиться. — Сергей мягко улыбнулся, даже глаза

потеплели. — Я понимаю, сейчас тебе трудно, но просто попробуй.

— Она рассказывала о подруге или знакомой, а та делилась своими впечатлениями. Что он хороший любовник, красивый, сильный... да, она много раз повторила, какой он сильный. Рассказывала о колоссальной удаче получить его в покровители. О том, какой у него красивый замок...

Сестренка замолчала и устало потерла виски.

— Это она выставила меня на торги?

— Сомневаюсь, что у нее хватило бы на это сил и возможностей, — ответил Димка. — Я знаю ее. Нет, она не инициатор и не вдохновитель. Марианна слишком труслива для этого. А вот оказать посильную помощь она может. Особенно когда видит выгоду для себя.

Он мог не продолжать дальше, и так понятно, кто являлся тем самым вдохновителем и организатором. И что теперь делать с этим знанием?

— Остается пережить эти четыре-пять дней. Как только доказательства вашей непричастности будут найдены, мы сможем делать ответные шаги, — подытожил Страж. — Дим, график загулов составил?

— Обижаешь, — хмыкнул тот и достал из кармана потрепанный листок бумаги. — Завтра вечером Париж, утро встречу в Милане в компании десятка обворожительных моделей. Небольшой обеденный сон, а потом буду здесь — засвечусь на вечеринке одного местного миллиардера, давно зовет к себе в гости. Закатом планирую любоваться в Лас-Вегасе — давно не играл в покер. Как ты думаешь, сто тысяч — нормальная сумма для проигрыша и желания удариться во все тяжкие?

— Много не пей.

— Обижаешь. Затем Лондон... Нью-Йорк и снова Париж, хочу грустить о пропавшей секретарше, любясь сквозь слезы Эйфелевой башней.

— Охранки не забудь, не дай бог, на тебя маяки повесят.

— Дим, ты что, уезжаешь? — вмешалась я, недоверчиво глядя на шефа.

Как-то мне не стало не по себе от мысли, что он куда-то уедет.

— Надо хоть немного сбить Саида со следа. Не переживай, колючка, вы здесь в безопасности.

Мне осталось только кивнуть.

Теперь, когда все выяснили, можно и разойтись.

Страж остался в кабинете. Лизка отправилась в свою комнату, ей необходимо было полежать, отдохнуть, все обдумать и принять непростые для себя решения. А меня Димка схватил за руку и затащил в первую попавшуюся комнату, которой так удачно оказалась его спальня, быстро закрыл дверь (хорошо хоть просто закрыл, а не запер на замок) и плавно повернулся ко мне.

— Что-то случилось? — невинно хлопнула глазками.

Колдун слегка наклонил голову вперед, еще более внимательно меня осмотрел и осторожно обошел по кругу. Как хищник, честное слово. А чувствовать себя жертвой мне не нравилось.

В этом сарафане, с волосами, собранными в хвост, рядом с ним я чувствовала себя странно и непривычно. Так и хотелось вернуться в свою комнату, надеть блузку, юбку, шпильки, стянуть волосы в тугий узел. Так намного легче и привычнее.

Потому что тогда мы были просто шеф и его секретарша, а сейчас... все стало слишком сложно.

От попыток считать ауру тело неприятно покалывало. И с каждым мгновением это покалывание все больше раздражало.

— Дим?

Вздрогнул, взгляд стал более осмысленным, но все равно непривычным. Он кивнул сам себе и

произнес:

— Странно, очень странно... не вини себя, ты не смогла бы найти пиявку, никто не смог бы.

Думала, что он заговорит не об этом, но так даже лучше.

— Я должна была понять, что с ней что-то не так. А я списывала все Лизкины выпады в мою сторону на гормоны и на мандраж перед инициацией... вместо того, чтобы поговорить с ней, понять ее...

— Скажи мне, Разина, что у тебя было по технике безопасности в магии? — перебил меня Димка, и выражение его лица вдруг резко изменилось.

Углядел все-таки. Хотя чему я удивляюсь. Чтобы Дима и не понял, что со мной случилось, этого же просто быть не может. Но я очень надеялась, что он не станет об этом говорить. Зря, как оказалось...

— Пять. — Я скрестила руки на груди и нацепила на лицо холодную, бесчувственную маску.

Хочешь меня отчитать, как нерадивого ребенка? Попробуй.

Колдун продолжал смотреть мне прямо в глаза и потихоньку начинал злиться. Да, знаю, дорогой, тебя такое выражение снисходительности и безразличия бесит, особенно когда ты сам не в состоянии изобразить что-то похожее. Мне так и хотелось помахать рукой рядом с его ушами, чтобы разогнать пар, который, кажется, вот-вот должен был из них пойти. Но, думаю, сейчас Дима шутку не оценит.

— Тогда объясни мне, зачем ты трогаешь руками чужую сырую силу?

— Я случайно.

Идиотка. Ты бы еще сказала — не виноватая я, оно само на меня прыгнуло. Почти так и было, но кто ж мне теперь поверит. Хорошо хоть колдун не акцентировал внимания на моей фразе.

— Сколько успела отхватить?

— Не знаю. — Маску удержать не получалось. И она сползла, обнажив досаду и стыд. — Не больше десятка искр.

— Он все забрал назад?

— До последней искорки. — Главное — сдержать вздох разочарования.

Димка кивнул, задумался на мгновение, а потом...

— Ты вообще соображаешь, что могло произойти? Мало того что это была сырая чистая страсть, так это еще энергия Стража!!! Причем не самого слабого Стража. Да тебе вообще запросто могло мозги выжечь! Как? Вот объясни мне, как можно быть такой безответственной? Ты же никогда отсутствием мозгов не страдала? Что в этот раз на тебя нашло?!!

Шеф начал мерить шагами комнату, а я просто стояла с широко распахнутыми глазами и следила за ним. Чего это он так разошелся? Я понимаю, что дура, что так делать нельзя, но чего орать-то?

Ладно, пусть наорется, успокоится, выплеснет весь негатив, а потом поговорим. А я постою и подожду, к чему он этот разговор начал.

Димка еще некоторое время прохаживается по моим умственным способностям, а потом выдал:

— Или ты решила привлечь его внимание?

— Чье? — Я недоуменно нахмурилась, пытаюсь понять, о чем он вообще говорит. А точнее, о ком?

— Сергея. — Мужчина остановился и вновь прожег взглядом синих глаз. — Не шути с ним, Тань.

— В каком смысле?

— В прямом.

— Дим, ты что, ревнуешь?

Спросила и сама удивилась сказанному. Этого же просто не может быть.

Во-первых, потому, что для того, чтобы ревновать, надо испытывать как минимум привязанность. А феникс... а феникс — это феникс. Яркий, обжигающий колдун, что быстро загорается и так же быстро гаснет. Может, дело как раз в этом? Что он загорелся получить меня и не успокоится, пока не получит?.. Не знаю, глупости все это. Четыре года ничего — и тут такая любовь неземная?

Во-вторых, сама мысль о том, что я пыталась привлечь внимание Стража, казалась не то что невероятной, а просто абсурдной. Вспомнила Сергея — высокого, хмурого, с этим жутким шрамом на лице, с гипнотическими зелеными глазами — и покачала головой. Глупость и беспочвенная чушь...

Но воображение почему-то подсовывало следом совсем другой образ мужчины — с растрепанными черными волосами, с искаженными от страсти чертами лица, с горящими желанием глазами... нет, слишком опасен и непредсказуем. Уж лучше Дима, от него, по крайней мере, знаешь, чего ожидать.

В-третьих, какие, к черту, выяснения отношений, когда вокруг творится такое? А я вдобавок ко всему еще и проклята?

Но Димка почему-то мое утверждение не опровергал, а просто стоял и смотрел на меня, пока не спросил:

— Вкусно было?

Черт, я все-таки покраснела.

Не только потому, что подобные вопросы не принято задавать даже среди детей Тьмы — это слишком личное. Настолько личное, что этим не делятся ни с кем и никогда. А еще потому, что мне действительно было «вкусно».

Самая лучшая защита — это нападение или игнорирование и недоумение. Поэтому, раз он проигнорировал мой вопрос (и слава богу), то я проигнорирую его.

— Дим, ты чего взъелся, а? Да, я знаю, что поступила глупо, но такое больше не повторится. Слушай, я правда не собираюсь играть с ним ни в какие игры, и внимание его мне не нужно. Он — Страж, в конце концов. А мне жить хочется, но проклятие снять тоже хочется. Да на один его шрам без страха не взглянешь. Кстати, почему он его не свел?

Шеф вздохнул и словно нехотя ответил:

— Напоминание о первой ведьме, которую он выследил и предал суду.

— Серьезная ведьма была?

Не то чтобы меня это интересовало, но необходимо же увести разговор в другую, менее опасную сторону.

— Весьма, она могла управлять растениями, более трех лет скрывалась от него в дебрях Амазонки. Никто не верил, что он ее найдет, а он смог. И не только выследил, но и поймал.

Я кивнула, не зная, что сказать, но молчать было просто невыносимо.

— Ты когда уезжаешь?

— Завтра днем. Будешь скучать? — Димка криво усмехнулся, становясь тем самым колдуном, которого я знала и к поведению которого привыкла.

— А ты? Хотя я более чем уверена, что найдется не один десяток девушек, которые помогут тебе скрасить вечер, ночь и утро.

— С тобой не сравнится никто.

— Конечно, кто еще сможет тебя так долго терпеть. Слушай, обедать уже скоро пора, а я так и не поплавала в океане. — Я обошла его и направилась к выходу. — Сейчас Игорь продукты

привезет, надо их разобрать.

— Тань... — Его тихий голос остановил меня уже на пороге. Я так и стояла, не поворачиваясь, ожидая продолжения разговора и держась за ручку двери. — Та ведьма, что оставила шрам Сергею, его первая жертва... это была... мать Игоря.

ГЛАВА 10

В доме было тихо и темно, часы показывали половину третьего ночи, а я все еще не спала. Осторожно, стараясь как можно меньше шуметь, вытащила плетеное кресло на балкон и села в него, обхватив колени руками, любовалась океаном и вдыхала морской воздух.

Как-то все слишком сложно стало в моей жизни. Нет, конечно, оно и раньше шло не особо легко, но что-то сейчас совсем все запуталось. Если от Максима Леонидовича можно было ожидать чего угодно, то Марианна... Какого черта она с ним связалась? Так сильно хотела заработать на внучке и загнать Лизку в клан? Страшно подумать, что у этой старой беспринципной мошенницы все могло получиться, если бы не господин случай в лице Димки, который вмешался в правовой беспредел.

Наверное, только сейчас до меня наконец дошло, как сильно я должна быть ему благодарна. Со всеми этими нервами, ненонятками и страхами совсем забыла о том, что он для меня сделал. Не для Лизки, не для Дэна, а лично для меня. А ведь он не то что не обязан это делать, он вообще не должен мне помогать. Он — колдун, а я — ведьма, и этим все сказано. Получается, из-за меня Соколов пошел против системы.

Запуталась. Я совсем запуталась.

А может, не запуталась, а просто отказываюсь принимать действительность? Ведь гораздо спокойнее не замечать, что наши отношения с шефом уже давно перестали быть просто деловыми, а стали... Какими они стали для него? Просто игра? Просто забава с ведьмочкой, пусть неопытной, но с большим потенциалом? Может, он не просто так полгода предлагает мне заключить контракт? Правда, тогда он не знал о проклятии.

Глупо. Зря я так цепляюсь за проклятие, зря думаю, что оно что-то изменило бы. Нет, метаморфозы произошли намного раньше, только я их проигнорировала. И опять обманула себя, отказалась смотреть в лицо действительности. Если Страж... нет, не так, как только Страж снимет его с меня, я нисколько не сомневаюсь, что Дима вновь заведет разговор о контракте. Правда, после того, как проведет инициацию. И что тогда?

За эти семь лет я уже отвыкла быть обычной ведьмой, думающей только о собственной выгоде, о подзарядке, о власти и успехе. Мне хотелось другой жизни, мне хотелось иметь семью, которая хоть чуть-чуть была бы похожа на нашу. Мне хотелось, чтобы меня любили, не просто хотели, а именно любили. Мало ли чего мне хотелось... но... не слишком ли много я прошу у жизни?

Что ж, может быть, если Стражу удастся вывести из меня «мертвое пламя», я приму предложение Димы на инициацию. Не из-за денег, не из-за благодарности, хотя, видит бог, я очень ему признательна. Уже потому, что он не чужой человек для меня, и уж точно сможет доставить удовольствие уже не слишком юной ведьме.

Смотрела прямо перед собой и все отчетливее осознавала, что действительно приму Димино предложение на инициацию. В конце концов, мы уже начали ее. Значит, с ним и закончим. Да и не могу я представить кого-то другого в этой роли.

А когда-нибудь потом смогу смириться с мыслью, что после рождения сына мне придется его отдать и, быть может, больше никогда не увидеть, и тогда заключу с Димой контракт, если к тому времени он еще будет свободен.

Но в данный момент я старалась отодвинуть свои мысли как можно дальше, на задворки сознания. Пусть глупая мечта о любви еще поживет в глубине сердца. Ведь не зря же папа говорил, что мы сами творцы своего счастья и никакая сущность никогда не сможет заставить нас что-то сделать против нашей воли.

Да, а вместо того, чтобы думать о своей инициации, надо думать о Лизке. Меньше чем через месяц ей будет семнадцать, а мы так никого и не выбрали. Со Стражем, что ли, поговорить о кандидатуре? А то я в свете последних событий уже никому не доверяю.

В комнате завожилась сестренка, вздохнула пару раз, но так и не проснулась.

Эх, Лиза, Лиза. Я так виновата перед тобой.

Если бы я была более внимательна, если бы уделяла тебе больше времени, этого всего не произошло бы. Как много этих «если».

Вновь вспомнила наш последний разговор, произошедший, когда мы ложились спать.

— Тань, — Лизка, уже принявшая душ, с влажными волосами, в своей любимой пижамке, быстро подошла ко мне и замерла, рассматривая пол под ногами.

— Да?

— Прости меня.

— За что?

— Я ведь действительно считала, что ты мне завидуешь. Что хочешь отомстить за то, что с тобой произошло, я верила ей...

Как же больно было слышать это от родной сестры! Но лучше, чем прятаться от разговора и молчать. Теперь пиявки, как и Марианны, между нами нет, и надо попробовать наладить отношения.

— Все нормально, Лиз. Ты тоже прости, мне давно надо было перестать считать тебя маленькой. Я тоже виновата, что мы так отдалились друг от друга, чем Марианна и воспользовалась.

— Не могу поверить, что она принимала в этом участие.

А я могла, еще как могла. Осталось только доказать это.

— Может, будет лучше, если инициация пройдет сейчас? Тогда все вопросы отпадут.

— Нельзя. Тебе еще нет семнадцати, и во время выброса ты можешь совсем лишиться магии. Торопиться не будем. Страж нам поможет и Дима тоже.

Ох, мамочка, как же сильно мне тебя не хватает, особенно сейчас. Вы же всегда были опорой для нас, всегда оберегали от этого несовершенного враждебного мира. А я не справилась, не смогла уберечь Лизу. Из-за своей безответственности и самоуверенности почти потеряла и сестру, и брата...

А я ведь еще могу их потерять, опасность никуда не ушла. И уйдет ли она когда-нибудь? Мне наглядно продемонстрировали, что со своей ролью защитницы и главы клана я совершенно не справляюсь.

...А ведь тогда, двадцать пять лет назад, как раз перед Новым годом, маме тоже казалось, что выхода нет, что им не позволят стать счастливыми. Ей пришлось бежать и прятаться, спасая свою и мою жизни. Только вот у мамы рядом был самый лучший мужчина на свете — папа. И спрятались они не в тропиках, а в небольшом, занесенном снегом поселке, где не было не то что магазинов, даже электричество отсутствовало, лишь небольшой дизельный генератор на тридцать квадратных метров. Но по тому, как мама рассказывала о том времени, по тому, как загорались ее глаза, я понимала — это самые счастливые деньки в ее жизни.

Домик был деревянным, совсем небольшим, каким-то скособоченным, по самую крышу занесенным снегом. Чтобы добраться до него, им пришлось сменить три машины и, в конце концов, пересечь на снегоход.

В начале второго ночи они вошли внутрь. В доме оказалось холодно и сыро, но на удивление уютно и так спокойно, что Марина не смогла сдержать счастливой улыбки.

— Посиди здесь, я принесу дров и разожгу печку. Сейчас станет тепло. — Толя быстро занес их вещи — две спортивные сумки, поставил у входа и, нежно чмокнув любимую в нос, вновь выбежал на улицу.

Девушка медленно прошла по домику, трогая запылившиеся вещи, оставленные кем-то безделушки. Прямо из кухни, где как раз и стояла печка, дверь вела в спальню, тоже небольшую и очень уютную. Тут с трудом помещались небольшой раздвижной диван, два аккуратных кресла с выцветшими покрывалами и старенькая стенка с огромным количеством книг.

Марина вновь вернулась на кухню и заметила небольшую дверь, которая вела в кладовку, доверху забитую различными соленьями, вареньями и консервами. Глядя на баночку с

солеными огурцами, девушка с трудом сдержала набежавшую слюну. Впервые за все время беременности ей захотелось чего-то до такой степени, что терпеть не было сил.

Когда через десять минут некромант вошел в дом с огромной охапкой поленьев, застал любимую у открытой банки, в которую она лезла за очередным огурцом.

— Вкусно? — ласково спросил он.

Девушка только кивнула головой и захрустела огурчиком.

— Ты себе даже не представляешь как! — пробормотала, как только прожевала. Зато жгучая потребность в солёном немного поутихла. Видимо, ребенку хватило.

Толя только мягко улыбнулся и присел рядом с ней:

— Тебе надо поправить кокон. — Мужчина осторожно сделал пассы рукой вокруг ее головы, окружая теплом. — Он уже почти истощился. Почему ты мне не сказала?

— Я сама его питала.

— Лишние нагрузки вам сейчас не нужны. Через десять минут здесь будет тепло.

Марина скептически посмотрела на печку, которая не внушала доверия, но промолчала — надо доверять своему мужчине.

Буквально через десять минут в домике стало жарко, и она смогла убрать кокон и снять пуховик. Пока Толя занимался печкой, девушка тоже времени не теряла — разобрала диван и расстелила постель.

Анатолий подбросил еще дров, скрепил их специальным заклинанием, чтобы хватило до утра, и повернулся к девушке, которая из последних сил боролась со сном — старательно моргала и сдерживала зевоту.

— Устала, котенок. — Он быстро поднял ее на руки и понес в спальню, поставил у дивана и принялся аккуратно раздевать.

— Не надо, я сама, — попыталась сопротивляться Марина, но некромант ей не позволил.

— Мне нравится за тобой ухаживать.

Девушке осталось подчиниться. Она уснула, как только голова коснулась подушки. А Толя еще раз проверил охранный круг и замки и, раздевшись, лег рядом. Привычно притянул любимую к себе, вдохнул знакомый и такой родной запах и осторожно положил руку на живот. словно почувствовав, ребенок слабо толкнулся в его ладонь и тоже затих.

— Я не дам вас в обиду, — шепнул Анатолий и закрыл глаза.

Да, это было самое лучшее, спокойное время в их жизни. Время, когда они остались вдвоем, когда не было проблем. Точнее, проблемы были, но так далеко, что не омрачали жизнь.

Влюбленные могли все дни напролет валяться на диване, читать книги или до хрипоты спорить из-за какого-то пустяка. Могли вместе готовить завтрак, обед и ужин, а могли играть в снежки и валяться в сугробах. Они много чего могли...

Я уже собралась встать с кресла и вернуться в комнату, но замерла, привлеченная движением внизу. Резко обернулась и, держа наготове парочку парализующих заклинаний, всмотрелась в освещенный луной пляж... и в одинокую мужскую фигуру, босиком стоящую у самой кромки воды. Страж задумчиво смотрел вдаль, засунув руки в карманы брюк и слегка ссутулившись, словно ему на плечи что-то давило и мешало встать прямо.

Мне не стоило за ним наблюдать, не стоило смотреть, но я смотрела. И все еще не отводила взгляда, когда он медленно освобождался от рубашки, устало поводил затекшими плечами, разминая шею. Дом находился всего в сотне метров от пляжа, и в свете луны я отлично видела его силуэт. Затем на песок упали брюки вместе с боксерами, и он, полностью обнаженный, не спеша вошел в воду, а у меня появилась замечательная возможность рассмотреть его спину, ягодицы и икры.

Да, хорош, могуч и силен, ничего не скажешь. Но от увиденного я в экстазе не забила и в иступление не впала. Да что уж там, ничего не кольнуло внутри, и бабочки не затрепыхались в животе. Голые мужчины уже давно не вызывали у меня эмоций, спасибо шефу. Сущность, еще до конца не отошедшая от чистой силы, вяло трепыхнулась внутри меня и вновь затихла. Только губы слегка загорелись, восстанавливая в памяти вкус магии этого мужчины и острую пряность его страсти. Осторожно коснулась их пальцами, словно стараясь стереть сладость воспоминания, и тут же опустила руку.

Кто же ты, Страж? Ты же неспроста три года искал ту ведьму. Что же произошло между вами? Екнуло ли у тебя что-нибудь в груди, когда ты предавал ее огню? И знает ли Игорь о том, что ты убил его мать? Конечно, меня это не касается, и Дима не должен был мне об этом говорить, но... что-то в моей жизни много этих «но».

А Страж все дальше и дальше отплывал от берега, я уже почти не видела его. Но тревоги не возникало.

Игорь похож на отца, не сильно, но похож. Правда, глаза у него другие — светло-серые, в обрамлении длинных черных ресниц. Красивый парень, и улыбка у него обаятельная, наверное, уже сейчас девочки не дают ему прохода.

Видно, что с отцом у него хорошие доверительные отношения. Неужели Игорь никогда не спрашивал у него, откуда этот жуткий шрам? Готова спорить, что спрашивал, но вот что ответил ему Страж? Солгал или сказал правду?.. Слишком много мыслей и переживаний для человека, которому должна быть безразлична история этой семьи.

В последний раз посмотрела в сторону океана и отправилась спать.

А ночью пришел сон-воспоминание.

...В кабинете отца темно и тихо. И самое главное, меня тут никто не беспокоит.

А мне так хочется побыть одной. Хоть несколько минут тишины и покоя наедине с собой, когда не надо улыбаться и выглядеть беззаботно счастливой.

Последнее зелье Стражей не сработало, так же как и дюжина до этого. Нет, я, конечно, знала, что шансов мало, но продолжала тешить себя несбыточными иллюзиями.

Два года прошло, а я все еще на что-то надеялась. Мне захотелось расхохотаться, но я сдержалась, отчетливо понимая, что стоит только начать смеяться, и смех перейдет в рыдания. А плакать нельзя. Те, что сотворили со мной такое, не достойны моих слез.

Если честно, больно было уже не за себя. Тяжело было смотреть в глаза мамы, когда она поняла, что в очередной раз ничего не получилось. Нет, она ничего не говорила. Даже попыталась улыбнуться и утешить, но я видела ее взгляд.

Не хочу больше!

Устала каждый раз надеяться на чудо, а потом с глухой безнадегой возвращаться на землю. Хватит! Следующего раза не будет. Надоело служить подопытным кроликом для храмовников и Стражей. Будь что будет. Если мне суждено навсегда остаться проклятой, так и случится.

Я подошла к окну, всмотрелась в огни ночного города и пропустила момент, когда совсем рядом раздался голос, и ручка двери начала поворачиваться. Резко дернулась в сторону и спряталась за плотной гардиной.

Кто-то зашел, включил торшер у двери, и на мгновение у меня заложило уши, как бывает, когда накладывают полог неслышимости.

Вот, черт! Кажется, это отец. Надо выйти, признаться, что я здесь. Но то, что в следующее мгновение произнес совершенно незнакомый мужской голос, заставило меня замереть на месте и задержать дыхание:

— Взрывчатка была в вашей машине, как мы и предполагали.

— Значит, они перешли к активным действиям.

— Теперь, когда Сидорин мертв, а заседание Совета назначено на послезавтра, им необходимо

как можно быстрее устранить вас. Вы не передумали, Анатолий Максимович?

— Я не могу пойти на попятную после того, что было сделано, — устало произнес отец. — За эти полгода столько раз пытались меня убить, что я сбился со счета.

Я украдкой выглянула из своего укрытия и увидела папу, который, сгорбившись, сидел за столом, а рядом с ним, спиной ко мне, высился незнакомый мне темноволосый Страж.

— А ваша семья? Может, лучше до заседания спрятать их у храмовников?

— Марина все знает и поддерживает меня. Она не будет прятаться. Дети... они защищены. Их блоки не пробьет никто, а действовать против них открыто... Они понимают, что, если хоть что-то случится с моими детьми, я не остановлюсь, пока не уничтожу их — всех до единого. И никто меня не остановит, даже ты.

— Они сделают все, чтобы не допустить вашего членства в Совете.

Папа откинулся в кресле, и я увидела, как презрительная улыбка исказила его красивое лицо, когда он повернулся к Стражу.

— Такой, как я... тот, кто осмелился бросить свой клан и заключить брак с ведьмой? Тот, кто, несмотря ни на что, все еще остается достаточно сильным, чтобы его продолжали бояться и уважать? Тот, кто хочет изменить к лучшему этот мир для своих детей? А вам не страшно следовать за таким, как я?

— У меня тоже есть сын, — ответил Страж. — И я тоже хочу для него другой жизни.

— Даже после того, что произошло с вами?

Страж замер на мгновение, но взгляда не отвел.

— Именно из-за того, что произошло. Мой сын должен быть свободен от гнета сущности.

Я не смогла сдержать судорожного вздоха и была услышана.

Стремительное движение рук — и штора отъехала в сторону. А я попала под прицельный взгляд внимательных зеленых глаз.

— Здрассте, — прошептала едва слышно и зябко повела плечами. Таким взглядом можно заморозить даже без соответствующего заклинания.

Уж слишком грозно и страшно выглядел этот колдун с сурово поджатыми губами и жутким шрамом на пол-лица. Я даже мурашками покрылась.

— Таня, — потрясенно выдохнул отец и вскочил с кресла.

— Привет, пап. — Я осторожно выглянула из-за Стража и помахала рукой.

— Что ты тут делаешь?

— От мамы прячусь. Прости, я не думала, что...

— Она все слышала, — вмешался Страж и скрестил руки на груди, взгляд ни на градус не потеплел, наоборот, стал еще более пронзительным.

— Таня, ты не должна была... — начал папа, но я его перебила:

— Папа, на тебя покушались? Почему ты ничего нам не рассказал? Во что ты ввязался? — Лучшая защита — это нападение. Но я действительно волновалась, потому что, насколько я поняла, все зашло слишком далеко. — Ты собираешься войти в Совет?

Он отвел взгляд и тяжело вздохнул. И мне уже не требовался ответ, я и так все поняла.

— Папа, не надо. Они не позволят, они убьют тебя... папа.

Мне не хватало слов, я начала задыхаться от паники и от осознания того, что он не отступит, как бы сильно я его ни просила. Папа быстро подошел ко мне и крепко обнял:

— Я не могу иначе, пойми. Так должно быть. Пообещай мне, что, если со мной или мамой что-нибудь случится, ты не опустишь руки. Ты защитишь Дениса и Лизу.

— Папа...

Отец обхватил мое лицо руками и посмотрел прямо в глаза:

— Пообещай, что будешь с ними всегда.

...Пообещай...

Медленно села в кровати и потерла лицо руками, пытаясь отогнать остатки сна и просто успокоиться. Что-то в последнее время мне слишком часто стали сниться тяжелые сны-воспоминания.

Ведь я выполнила твоё желание, папа. Не оставила Дэна и Лизку, не позволила Марианне и Разину-старшему забрать их. Все, как ты хотел, как ты просил... Хотя что-то я смогла сделать правильно.

Часы показывали половину девятого.

Что-то я заспалась, хотя и немудрено, учитывая, во сколько легла спать. Лизки рядом уже не было, значит, меня будить не стала, проснулась и сразу ушла.

Быстро переоделась и спустилась вниз.

Никого нет. Я осмотрела кристально чистую столовую и схватила с блюда банан.

Наверное, все на пляже или просто отдыхают на веранде. И точно, стоило мне сделать шаг к выходу, как я услышала спокойный голос Стража:

— Успокойся и дыши... вдох-выдох... Магия вокруг тебя, не только в каждом предмете, она везде. И только ждет того момента, когда ты сможешь повелевать ею. Но запомни, ты ею управляешь, ты — ведущий, она — ведомая.

Дэн сидел на песке в позе лотоса, его расслабленное лицо было обращено в сторону Стража, который расположился напротив и не отрывал от мальчика внимательного взгляда.

Я не сразу заметила серебристые всполохи магии смерти, окружающие тело брата.

— Что происходит? — сделала шаг вперед, но меня вовремя поймал Димка, который стоял неподалеку от них.

Лизка с Игорем в тех же самых позах сидели чуть дальше, вокруг них струилось светло-голубое и нежно-зеленое свечение. Но Денису же всего двенадцать. Он еще слишком мал для подобных тренировок!

— Не мешай.

— Это же некромантия. Что он делает? — громко шепнула я, с ужасом глядя, как всполохи вокруг Дэна становятся все ярче и интенсивнее.

— Ну же, колючка, включай мозг, ты не должна отвлекать их сейчас. Погружение — опасная штука. Это может стоить жизни обоим, — прошептал Димка и сильнее прижал меня к себе.

Дыхание Дэна стало тяжелым и прерывистым, а на лбу выступила испарина.

— Денис, ты меня слышишь? — Страж осторожно сделал пасс рукой рядом с лицом братишки, как раз в том месте, где свечение было наиболее сильным, словно стирал его.

— Да, — прохрипел брат, и я вновь дернулась в руках шефа.

Что же он делает? Дэн же так перегорит!

— Вдох-выдох, Денис. Помни о дыхании. Соберись, — голос Сергея стал жестче. — Ты должен закрепиться и вернуться назад.

— Трудно... ее слишком много...

— Я знаю, но ты должен... соберись...

— Так много нитей...

— Вернись, ты пугаешь свою сестру...

— Таня, — тихо прошептал Дэн, нахмурился, стиснул зубы до скрежета и распахнул глаза.

Полностью серебристо-серые, лишенные зрачков, они внимательно осматривали все вокруг, пока не нашли меня. Денис улыбнулся так радостно, что у меня перехватило дыхание:

— Тань, я ее вижу! Твою сущность! Она такая... удивительная... другая...

— Денис, тебе пора возвращаться, — неожиданно резко перебил его Страж и щелкнул пальцами, привлекая внимание брата к себе. — Ты слышишь меня? Считай вместе со мной в обратном направлении и постепенно отпускай магию... пять... четыре... три... два...

Хриплое проговаривание цифр в обратном порядке — и свечение вокруг брата потускнело и окончательно померкло.

— Один...

Резкий хлопок в ладоши.

Денис вздрогнул и открыл глаза.

Сергей наклонился ближе, внимательно всмотрелся в его лицо, проверил пульс, считал ауру.

— Молодец, отлично справился.

Дима меня больше не держал, и я бросилась к ним, упала перед Дэном на колени и схватила его за плечи.

— Ты как?

— Хорошо. Это было так здорово! — восторженно улыбнулся тот. — Я видел сущности, как папа рассказывал.

Теперь, убедившись, что с ним все нормально, я могла выпустить пар.

— Вы что творите? — резко повернулась к Стражу, которого умудрилась оттолкнуть при приземлении. И едва не забыла, что хотела сказать. Он был слишком близко ко мне. Лицо всего в нескольких сантиметрах от моего, и наши бедра слегка соприкоснулись. — Вы хоть представляете, что могло произойти, если бы он не удержал силу?

Выпалила и задержала дыхание, почувствовав знакомый запах, исходящий от Сергея и огнем загоревшийся на губах.

Интересно, как долго я буду помнить его вкус? Это уже, если честно, начинало раздражать.

Сергей, начисто проигнорировав мое раздражение, быстро поднялся с песка, отряхнул светлые брюки и невозмутимо произнес:

— У Дениса очень большой потенциал. Он будет сильным некромантом, как и его отец. Для развития ему нужны постоянные тренировки. Раз вашего деда здесь нет, обязанности по обучению Дениса я взял на себя.

А я вот совершенно не хотела, чтобы Дэн был похож на отца. Чтобы он повторил его судьбу и участвовал в экспериментах. Меня даже затрясло от мысли, что Дениска, мой маленький братик, может пойти по стопам папы. А ведь Страж наверняка попытается направить его на этот «великий» путь. Если уже не попытался.

Нет, я не хотела этого. Не хотела, чтобы брат стремился закончить дело отца, каким бы правильным и благим оно ни было. Мир не изменить, как ни старайся. А умереть за одну попытку сделать это — легко.

— Он же еще ребенок, — прошептала тихо и прижала Дэна к себе еще сильнее.

— Я не ребенок, — возмутился тот и обиженно засопел, но я его не слышала, я неотрывно смотрела на Стража.

Тот еще больше нахмурился, впился в меня все тем же немигающим взглядом, словно пытался

прочитать мои мысли, и наконец тихо произнес:

— Я не делаю ничего сверх меры. Денис сильный колдун, и погружение в магию ему уже доступно. Поверьте, я никогда бы не стал рисковать, если бы хоть на мгновение усомнился в том, что он сможет с этой нагрузкой справиться... и еще. Не беспокойтесь, Татьяна Анатольевна, Денис умный мальчик и сам выберет свой жизненный путь... без моего участия.

Значит, все-таки понял, что меня взволновало. Но извиняться за свои подозрения я не собиралась. У меня были весьма веские основания не доверять ему.

Мы с Дэном тоже встали и начали отряхиваться от песка.

А Страж тем временем подошел к Диме, все так же стоявшему у входа на веранду, скрестив руки на груди, и смотревшему на нас:

— Ты когда отправляешься?

— Через три часа.

— Отлично. Сфера перенесет тебя прямо в аэропорт Шарля де Голля. Выводи ребят из погружения, — он сдержанно кивнул в сторону Лизы и Игоря. — Мне надо к храмовникам за зельями, но к твоему отправлению вернусь.

Димка почему-то нахмурился:

— Опять эксперименты? Тебе не надоело быть их подопытным кроликом?

— Это моя жизнь и моя обязанность.

— Эти зелья опасны.

Страж слегка пожал плечами:

— Выводи ребят. Я скоро вернусь, — и быстро поднялся по ступенькам.

— Тань, ты злишься? — Дэн виновато посмотрел мне в глаза.

— Нет, я на тебя не злюсь, — улыбнулась в ответ и потрепала лохматую шевелюру, краем глаза наблюдая, как Дима весьма профессионально выводит Лизу из погружения. Сестренка, увидев феникса совсем рядом, очень мило покраснела и захлопала глазками. Как бы ее увлечение не зашло слишком далеко. — Пожалуйста, будь осторожен. Погружение очень опасно.

— Я знаю, но Сергей отличный учитель. А сущности... я действительно видел их.

Да, кстати.

— А что не так с моей сущностью?

— О, она такая, такая... — Братишка восторженно взмахнул руками. — Светлая.

— В каком смысле — светлая? Все сущности черные по своей природе. Они же часть Тьмы.

— Да, вот у Стража она черная, но запечатана у самого сердца. Я видел ее искусственную клетку. У Дмитрия она обычная. Но твоя... она словно светится изнутри.

— Что значит — светится? — еще больше нахмурилась я, совершенно не понимая, о чем говорит брат.

— Не знаю. Но она просто завораживает.

— Ты перегрелся. — Я обняла его за плечи и повела к Лизке, которая что-то мило рассказывала Димке, накручивая золотистый локон на палец.

Чушь какая! Не может моя сущность светиться, она же не радиоактивная, а самая обычная — мелкая, пакостная и голодная. А Денис мал еще, чтобы разобраться в том, что видит.

— Тань! Тань, ты видела? — Лизка наконец оторвала восторженный взгляд от Димки и кинулась ко мне, сверкая, как начищенная монета на солнце. Я улыбнулась в ответ. Точнее, постаралась улыбнуться, но почему-то получилось это с трудом. Может, нервы, а может, что-

то другое. Но уж точно не ревность и зависть к собственной сестре. Просто жалость к самой себе. Ведь когда-то и я погружалась в магию, строила щиты, мечтала о будущем. — Это же просто невероятно. Я никогда не думала, что смогу почувствовать столько силы до инициации... Сергей, он — волшебник. — Смущенный взгляд сквозь ресницы в сторону стоящего рядом феникса. — Вы тоже, Дмитрий Александрович, очень мне помогли.

— Рад стараться. — Шеф церемонно поклонился и вновь выпрямился, скользнув взглядом по обнаженным ногам сестренки, длину которых отлично подчеркивали коротенькие джинсовые шорты. Я такими ногами похвастаться не могу. Нет, мои, конечно, тоже ничего, но не дотягивают до статуса «от ушей». Как же противно чувствовать себя старой в двадцать четыре года. — С вами легко работать, Лиза. Вы все впитываете, как губка.

Та зарделась еще больше. Игорь, стоявший за ее спиной, скривился и, сдержанно фыркнув, закатил глаза. Тоже понял, куда ветер дует. Значит, мне не показалось — Лизка со всем пылом и всерьез увлеклась Соколовым. А тот вместо того, чтобы вести себя как взрослый мужчина и прекратить откровенный флирт, наоборот все больше и больше подогревал интерес к собственной персоне.

— Вы как хотите, а после таких тренировок моему растущему юному организму требуется еда. Много еды, — Игорь выразительно похлопал себя по животу и подвинулся ближе к Денису. — Ну что, Дэн, как все прошло?

— Это было невероятно, и от перекуса я бы тоже не отказался. Очень есть хочется.

— И мне, — улыбнулась Лиза, вновь принялась накручивать локон на палец и красиво отставила в сторону ножку, которую тут же удостоил своим вниманием феникс.

И вот что мне теперь делать? Как объяснить Лизке, что Дима не лучший вариант для симпатии. Она конечно же сразу решит, что я просто ревную (а это глупость), и не послушается моего совета, наши отношения вновь станут напряженными, и тогда все опять будет слишком сложно. А я ведь о ней забочусь. Но кто мне поверит?

— А где отец? — прервал мои размышления Игорь.

— Перенесся к храмовникам, скоро будет, — ответил Соколов.

Парень поджал губы и отвернулся, сдержанно кивнув. Его хорошее настроение куда-то испарилось.

— Елизавета, а не приготовите ли вы нам что-нибудь вкусное? — Димка подкрепил свой вопрос самой что ни на есть лучезарной улыбкой. От такого тоннажа обаяния даже у меня забегали мурашки. Правда, после их быстрого забега мне почти сразу захотелось его чем-нибудь стукнуть, но это мелочи жизни.

— Конечно. Я с удовольствием.

— Вот и отлично, вы идите, а я сейчас буду. Татьяна Анатольевна, задержитесь, пожалуйста. Мне необходимо обсудить с вами один рабочий момент. — И Димка схватил меня за руку, стоило только сделать шаг в сторону дома.

— Ну и? — С тоской проводив ребят, я осторожно высвободила кисть из его цепкого захвата и демонстративно сложила руки на груди.

Но начинать разговор феникс не спешил. Колдун быстро огляделся и потащил меня куда-то в сторону пляжа:

— Мы здесь у всех на виду.

Ушли недалеко. Совсем рядом росла большая пальма, к ней-то Димка меня и приволок. Прислонил к жесткому шершавому стволу и, опершись о него одной рукой над моей головой, а другой у талии, навис стеной.

— О чем ты хотел со мной поговорить? — Я внимательно рассматривала белоснежный воротничок его рубашки и пыталась подавить растущее внутри раздражение.

— Знаешь, колючка, а мне очень приятно, что ты меня ревнуешь!

— Чего? — От неожиданности я даже забыла, что не хочу смотреть в эти ярко-синие глаза. Быстро подняла взгляд и застыла на мгновение, уж слишком ехидно-понимающим было

выражение его лица.

— Думала, я не замечу, как ты смотрела на нас с Лизой?

— У тебя паранойя...

— Ты ревнуешь...

— И мания величия...

— Точно ревнуешь...

— Корона не жмет?..

— А я тебя поймал с поличным...

— Самомнение выше крыши...

— А теперь ты еще и злишься...

Нет, спорить с ним совершенно бесполезно, а кричать тем более. Димка любит выводить людей из себя, а потом наблюдать за реакцией с гаденькой улыбочкой на лице. Вот вроде той, что сейчас медленно расцветала, подобно цветку, на его физиономии. Не на ту напал!

Поэтому я благоразумно закрыла рот и просто пожала плечами.

Колдун только хмыкнул, слегка подавшись вперед, подхватил выбившийся из хвоста локон и пропустил его сквозь пальцы.

— Знаешь, Танюш, ты зря так переживаешь. Лиза, конечно, само очарование. Милая и красивая девочка с огромным потенциалом, кучей бонусов и так далее. Но в данный момент меня интересует ее серьезная и неприступная старшая сестра, которая сейчас так замечательно покраснела. Вот только не пойму, от жары или от смущения?

С трудом подавила желание коснуться щек, которые и правда нестерпимо горели.

— Ты же сам говорил, что молоденькие ведьмочки — это так мило.

— Говорил, — кивнул тот и наклонился еще ближе, обжигая горячим дыханием ухо и пылающую щеку. — Но поверь мне, в данный момент меня интересует инициация только одной очаровательной ведьмы. И, кстати, тоже далеко не старой.

Слава богу, а то мысль о двойной инициации как-то действовала на нервы. Нет, я понимала, что Дима никогда такого не предложит, но все-таки.

— Тогда не включай с ней свою самцовость. — Я слегка отодвинулась, уж слишком сильно он напирал и подавлял. — Она не такая, как обычные ведьмы... Ты легко можешь разбить ей сердце.

— Я знаю. Сестры Разины опасны тем, что сами могут любить, а могут и влюблять в себя...

Я уже собиралась возразить ему, опровергнуть его слова, но так и не смогла. Ведь колдун, по сути, в чем-то был прав.

— Пообещай, что не будешь играть с ней.

— Обещаю.

— И будь осторожен, пожалуйста, во время своего турне.

— Переживаешь за меня, колючка. — Его ладонь передвинулась и осторожно легла мне на талию, словно удерживала на месте. От обаятельной улыбки феникса у меня потеплело в груди, и губы сами собой сложились в ответную улыбку.

— Конечно. Если с тобой что-нибудь случится, мне придется искать нового работодателя. А это в наше время такая проблема. Так что береги себя и будь хорошим мальчиком.

— Обещать не могу, ты же меня знаешь.

— Знаю.

Все вроде как всегда — те же шуточки и те же улыбки. Но его рука, что лежала на талии и мешала сосредоточиться, давала понять, что как раньше уже не будет.

— У меня к тебе небольшая просьба. — Шеф неожиданно утратил всю свою веселость и серьезно заглянул в глаза. Его явно что-то тревожило.

— Что-то случилось?

— Присмотри за Сергеем.

— В каком смысле? — опешила я.

— Я практически полностью уверен, что к храмовникам он отправился не просто так, а за очередным экспериментальным зельем. А это значит, что он опять участвует в опытах.

— Каких опытах?

Как-то не могла я представить Стража подопытной мышкой. Комплекция у него не та. Хотя, может, у храмовников есть клетки его размера.

— А кто знает, что придет в голову этим чокнутым святошам? Но Сергей всегда вызывается добровольцем. Я не прошу тебя следить за ним. Просто будь начеку.

— А что мне делать, если опыт вдруг выйдет из-под контроля?

— Его личная лаборатория находится под специальной защитой. Степень ее консервации достаточно высока, щит не пропустит вовне даже искры заклятий.

— Стоп! Стоп! Стоп!! — Я слегка тряхнула головой, восстанавливая работу мозга. — У него здесь лаборатория?

— Да, под домом, — равнодушно и совершенно спокойно ответил Димка.

— И там он проводит какие-то эксперименты с зельями храмовников?

Он наконец понял, к чему я веду; и ободряюще произнес:

— Успокойся, колючка. Я тебе еще раз повторяю — из лаборатории никогда ничего не выйдет. Там стоит такая мощная защита, что опасного она просто не пропустит. Вам ничто не угрожает.

Что-то я не была в этом уверена. Мысль о том, что у нас под ногами Страж экспериментирует с опасными зельями, совершенно не радовала и не внушала оптимизма. А с другой стороны, я сомневалась, что он будет рисковать жизнью сына.

— Хорошо, я присмотрю за ним.

Просто невероятно, я теперь еще и нянька Сергея.

— Вот и умница. — Дима выдохнул и улыбнулся. — Колючка, а поцелуй на удачу?

— Это не ко мне. Я удачей не делюсь — самой мало.

— Не будь букой, солнце мое. Всего лишь один скромный поцелуй. — И, не дождавсь соответствующей реакции, тяжело вздохнув, резко притянул меня к себе со словами: — Опять приходится все делать самому!

Поцелуй был на удивление невесомым и чувственным. Колдун не напирал на меня, не прижимался обжигающе и страстно, не впивался до боли в губы. Нет, все было нежно и мило. Но тем не менее эффект налицо — у меня перехватило дыхание, затуманилось сознание, и руки сами собой поднялись, цепляясь за его плечи, как за спасательный круг.

— Я буду скучать, колючка, — прошептал Димка тихо, как только смог восстановить дыхание. — А теперь пошли пробовать, что там твоя сестра приготовила.

Дальше все пошло как по плану — мы всей нашей дружной компанией перекусили в столовой, то и дело сотрясая ее взрывами громкого смеха. Через два часа вернулся Страж — как всегда, хмурый и немногословный, мельком глянул на нас и заперся на час в кабинете. Потом были проводы Димки, во время которых Лиза даже всплакнула, а я как заведенная все время просила его быть осторожнее и ни во что не ввязываться. Остаток этого суматошного дня мы с

ребятами провели на пляже, наслаждаясь ленивым океанским прибоем и ярким солнышком.

После сытного ужина, состоящего из паэлы с креветками и легкого овощного салата, мальчишки засели за компьютер с очередной игрушкой, а мы с сестренкой устроились у телевизора смотреть новый фильм с сексуальным Заком Шервудом.

— Контур я обновил, — проходя мимо нас вечером, произнес Страж, прежде чем скрыться за неприметной коричневой дверью, которая, как оказалось, вела в ту самую лабораторию. — Меня не беспокоить. Буду утром.

Лизка лишь кивнула и вновь уставилась в телевизор, там герой Шервуда как раз признавался в любви героине — свечи, луна и балкон, все как прописал доктор. А я еще некоторое время смотрела вслед Стражу. Надеюсь, что его эксперименты закончатся хорошо.

Но наступило утро, а Сергей так и не появился.

Не пришел он и через час... и через два...

А это могло означать только одно — мои молитвы не были услышаны, и с ним что-то случилось. А что именно — предстояло узнать именно мне.

ГЛАВА 11

Мы вчетвером сидели за столом, то и дело бросая друг на друга напряженные задумчивые взгляды. Если честно, то в большей степени все смотрели на меня, ожидая, что именно я, как самая старшая, приму решение.

— А может, он просто спит, — первым не выдержал Денис.

— До одиннадцати? — Игорек красноречиво кивнул на часы, которые показывали без двадцати минут одиннадцать.

— Надо Дмитрию Александровичу позвонить, — вмешалась Лизка.

— Нет, Соколову мы звонить не будем, — покачала я головой и забарабанила пальцами по столешнице. — Во-первых, он сейчас наверняка спит, во-вторых, у него есть дела поважней... в-третьих, я понятия не имею, как с ним связаться. Все координаты у Сергея.

— И что теперь делать? С отцом что-то случилось... все эти храмовники с их экспериментами! — Парень со злостью стукнул кулаком по столу, от чего жалобно зазвенели блюдца. — Три года назад они чуть его не угробили, если бы Дима вовремя не вмешался...

— Успокойся. Мы сейчас пойдем с тобой туда. У тебя же есть доступ в лабораторию?

— Есть.

— Меня провести сможешь?

Он кивнул.

— Вот и отлично. Веди, и так столько времени зря потеряли, — несколько нервно бросила ему. Так, надо собраться и ни в коем случае не показывать ребятам свой мандраж. Надеюсь, что со Стражем ничего непоправимого не случилось. В лаборатории не может быть ничего опасного, ведь так? Страж никогда не стал бы рисковать своим сыном. Ладно, нами, но не сыном. — Я узнаю, почему твой отец еще не поднялся.

— А нам что делать? — встряла Лизка.

— А вам сидеть тихо и не отвечивать. И пожалуйста, без самодеятельности. Из дома не выходить, на звонки не отвечать. И прекратить панику, ничего страшного не случилось. Мы со всем разберемся. Пойдем? — вновь взглянула на встревоженного Игоря.

— Да.

Первая дверь, деревянная, резная, оказалась не заперта. Сразу за ней находилась другая — хромированная, с кодовым замком и высшей магической охранкой. Причем охранный контур был такой силы, что я подобной мощи еще никогда не встречала, если только в Совете.

Идентификация наших с Игорем аур произошла в странном режиме, хоть и довольно быстро. Сканирование прошло не только по биополю, но затронуло даже блок. В ушах загудело, и я схватилась рукой за косяк двери, пытаюсь восстановить дыхание и прогнать мушки, мельтешившие перед глазами.

— Что это было? — хриплым шепотом спросила, как только Игорек открыл дверь. А сама подумала, что неплохо занять такой охранный интерфейс у себя дома. Никакие Марианны и Максимумы Леонидовичи не проскользнут в жилище.

— Папина последняя разработка.

— В каком смысле? — Я шагнула следом за пареньком и попала на небольшую, освещенную тусклой лампочкой площадку. Вниз вела хромированная винтовая лестница.

Игорек недоуменно взглянул на меня:

— Вы что-нибудь про Туманова слышали?

— Это который усовершенствовал сферу перехода, уменьшив ее в несколько раз? — уточнила я. — Да, слышала, но лично никогда не встречалась. Он разрабатывал последнюю охранку Димы.

Кто же у нас не знал таинственного техномага Туманова! Он уже лет двадцать входил в десятку ведущих изобретателей России. Правда, жил отшельником, носу не казал из своей лаборатории и редко выходил в свет. А при чем здесь?..

Я ахнула, ошарашенно глянула на парня. Быть этого не может...

— Туманов Сергей? А ты Туманов Игорь?

— Я думал, вы знаете, — улыбнулся парень и направился в сторону лестницы.

— Нет, Дима, видимо, посчитал, что данная информация не представляет ценности.

Вот тебе и Страж. Он, оказывается, техномаг, причем весьма сильный техномаг. Нет, я знала, что Сергей до того, как стал Стражем, был не просто колдуном, но чтобы таким! Надо же — Сергей Туманов. Собственно, чему я удивляюсь, Димка тоже неслабый колдун, а они как-никак братья, хоть и сводные.

Но теперь вопрос в другом. Почему он решил стать Стражем? Имея такой уровень силы, такие уникальные возможности и незаурядные способности, Сергей мог жить припеваючи, ни о чем не думая. Ему совсем не обязательно ежедневно рисковать жизнью в погоне за отступниками.

И вновь тишина, которую нарушали лишь звуки наших шагов. Лестница заканчивалась еще меньшей площадкой с новой дверью. На этот раз это была просто дверь, без замков.

Ступив на последнюю ступеньку, я вздрогнула от очередной магической охраны, которая так же внимательно считывала ауру, но уже иначе — мягче, деликатнее и в то же время гораздо глубже. Легкий толчок в сердце, и я почувствовала, как потревоженная сущность слегка заворчала, но не стала сопротивляться, когда ее осторожно прощупывали.

Охранка, которая может считывать сущности... пусть на поверхностном уровне... но это же невероятно. Я такого Цербера (как всегда называла про себя охранку) только в Совете видела, но там это обусловлено высоким уровнем безопасности и особым статусом.

— Папа ее только тестирует, — ответил Игорь на мой невысказанный вопрос. — Говорит, что через пару лет, если все будет нормально, может быть, запустит в производство.

У меня просто не было слов, одни восклицательные знаки. Автограф у него взять, что ли? Но об этом позже. Мы стояли у двери, не решаясь сделать последний шаг.

— Может, постучать? — предложила я.

Парень кивнул и осторожно постучал:

— Па, это я. У тебя все нормально?

Тишина.

— Может, он не слышит?

Игорек постучал громче.

Результат все тот же.

— Открывай.

Парень осторожно повернул ручку, и дверь тихо открылась.

Я быстро схватила его за руку, не давая сделать шага внутрь.

— Нет, сейчас я пойду первой. Жди здесь и не смей заходить, пока не скажу, — и вошла в лабораторию. — Сергей, это Татьяна. С вами все в порядке?

Комната была самой обычной. Ни тебе хромированных столов с химическим оборудованием, ни колб и пробирок с растворами и зельями — по Димкиным рассказам именно так и должна была выглядеть лаборатория. Кто же знал, что это не химическая лаборатория, а техническая. Комната полностью соответствовала этому направлению — два стола у стены: один — рабочий, с компьютером и бумагами, другой — полностью завален какими-то жестянками и шестеренками, приборами и инструментами. Пара стульев, большой шкаф с книгами и документами, низкий журнальный столик с журналами и мягкий диван, на котором лежал Сергей, не подавая признаков жизни.

— Сергей... Сергей, вы меня слышите?

Я нерешительно замерла у двери, не зная, что делать. А вдруг он просто спит, а я потревожу его покой...

А если от неожиданности он в меня каким-нибудь заклинанием запустит?

— Сергей, — позвала громче и закусила губу.

Мужчина слегка дернулся, мотнул головой и глухо застонал.

Нет, точно не спит. Но хотя бы жив.

Подошла ближе, чувствуя, как гулко бьется сердце в груди. Лихорадочно прислушиваясь к каждому звуку, вглядывалась в бледное лицо мужчины, приготовившись в любой момент выставить щит или просто сбежать.

Но Страж молчал и вообще не двигался.

— Сергей, — и вот я уже стояла перед ним. Медленно протянула руку, чтобы коснуться его плеча, и краем глаза заметила что-то странное.

Сознание еще не успело понять до конца то, что я увидела, а рефлексy сработали автоматически — в следующее мгновение я отскочила от дивана.

— Игорь, не смей сюда заходить!

Парень дернулся в мою сторону, но не двигался. А я неотрывно смотрела на вновь блеснувший бледно-зеленый всполох огня. На этот раз он появился на запястье левой руки Стража. Вспыхнул и погас, не оставив на коже и следа. Это изумрудное свечение я не могла не узнать.

«Мертвое пламя».

Этот идиот проклял себя «мертвым пламенем»!

Я быстро огляделась, подмечая детали, которые не замечала раньше, — разряженный артефакт на столике, совсем небольшой с виду (в нем наверняка и было проклятие), рядом с ним — глиняный кувшин. Заглянув в него, увидела знакомую настойку серо-синего цвета. В свое время я приготовила много таких отваров для Алексея, стремясь хоть как-то загладить свою вину.

Вот только настойки в кувшине осталось слишком много, непозволительно много. Он должен был выпить практически все.

— Тань, что происходит? — взволнованно произнес Игорек, привлекая мое внимание.

Да, сейчас не время стоять. Надо что-то делать и действовать.

Быстро схватила со стола ручку и листок бумаги. Этот рецепт я помнила наизусть. И через сто лет не смогу забыть, даже если захочу. В нем нет ничего сложного, и ингредиенты самые простые, но эффект потрясающий. А очистить организм после интоксикации проклятием необходимо как можно быстрее.

— Зелья когда-нибудь варил? — быстро подошла к двери и протянула листок парню. — Хотя, это не важно, Лизка варила. Вот вам рецепт настойки. Бери и быстро дуй наверх. Сделайте все в точности, как я написала. Потом ты принесешь зелье сюда. Понял меня?

— Да, но что с отцом?

Ну и как мне было ему сказать, что его отец сам себя проклял? Не абы чем, а «мертвым пламенем», одним из самых сильных проклятий некромантов. И в этом, скорее всего, виновата именно я. Хотя почему — скорее всего? В этом определенно лишь моя вина.

— Все будет хорошо. Твой отец просто не принял настойку полностью, и мне теперь необходима большая доза, чтобы привести его в чувство.

— Он не... С ним все будет хорошо?

— Я тебе обещаю.

Игорь судорожно кивнул, хорошо хоть спорить не стал, и убежал.

А я повернулась к Сергею. Меня-то проклятие точно не тронет.

Быстро переставила стул к дивану, затем схватила кувшин, налила в стакан немного настойки, села рядом с ним, пытаюсь понять, что же делать дальше.

То, что ожогов нет, — большой плюс. Значит, либо само проклятие минимальное и слабенькое (насколько это возможно), либо сработал пресловутый иммунитет Стражей. Но я, если честно, больше ставила на второе. Каким бы слабеньким ни было проклятие, оно априори опасное и сильное.

Идиот. Черт, какой же он самонадеянный болван.

Когда-то давно, примерно через неделю после нашего обращения к Стражам, один из них решил попробовать выработать иммунитет к «мертвому пламени». Спасти его удалось, даже ожоги залечили, но больше подобных попыток никто не предпринимал. А этот сумасшедший — в одиночку, без контроля храмовников, не допив до конца зелье — решил погеройствовать!

Конечно, мы же самые могучие могуны, мы почти боги. Вместо того чтобы проконсультироваться с теми, кто уже пытался бороться с этой заразой, решил взять ее наскоком. А то вот никто до него не мог додуматься за семь лет, а он — пожалуйста. И лавровый венок ему, как победителю. Ух, я бы его сейчас этим гипотетическим венком по буйной голове... Вот помрет на моих руках, а виновата буду я.

Черт! Надо успокоиться и действовать.

Осторожно приподняла его голову и поднесла стакан к губам. Сергей хмурился, капельки пота ручейками стекали по лицу.

Горячий... какой же он горячий.

— Сергей, сделайте глоток. Прошу вас.

Страж молчал и никак не реагировал. Пришлось вливать настойку по капле. Слишком мало, он выпил слишком мало настойки. А время шло. Я вообще удивляюсь, как ему удалось так долго продержаться. Выходит, силен, действительно очень силен.

Я чувствовала, как пылает огнем его кожа, как пламя пытается сжечь его изнутри.

Из-за меня... это все ради меня, чтобы найти панацею от проклятия. Он же не мог не знать, на что идет и чем это может обернуться, а все равно решился. В глубине души вспыхнула искра благодарности, с каждой секундой она разгоралась все ярче и теплой волной распространилась по всему телу.

Побежала к умывальнику, что располагался в небольшой нише в углу, схватила по дороге круглую неглубокую вазу для фруктов. Два яблока и банан глухо упали на пол, но мне сейчас было не до них. Налила в вазу воды и вновь поспешила к Стражу.

Только сейчас поняла, что зеленых всполохов больше нет. Он выберется. В этом уже не оставалось никаких сомнений. С трудом сдержала истерический смешок — у этого психа все-таки получилось. Я-то сначала думала, что он не выпил настойку по глупости, забывчивости или дурости. Но нет, Сергей это сделал специально, заставив собственное тело бороться с проклятием с минимальной поддержкой извне.

Черт возьми, ему это удалось!

Но теперь необходимо было убрать жар и хоть как-то облегчить его возвращение.

А дальше одна сплошная карусель. Аккуратно стерла пот с его лица, шеи, рук. Поменяла воду и вновь вытерла... и опять поменяла. А в промежутках старалась влить в него как можно больше воды. Обезвоживание для него сейчас опасно. Настойку отставила за ненадобностью. В ней все равно уже не было нужды.

Минут через десять Страж открыл глаза и затуманенным взором всмотрелся в мое лицо.

— Нет, — пробормотал он и, слегка поморщившись, вновь закрыл глаза. — Это не можешь быть ты... девочка с глазами цвета грозы... дождливых облаков... да, ее глаза полны дождя... непролитых слез... еще ребенок... она совсем ребенок, который слишком много пережил...

Ага, двадцати четырех лет от роду.

— Сергей, вам надо выпить воды. — Я осторожно приподняла его голову и поднесла стакан к губам. — Пожалуйста, сделайте хоть один глоток.

Он все-таки внял моей просьбе и потом снова откинулся на подушки.

— Это ты... я знаю, что это ты... Ты опять пришла мучить меня, Ольга?

Кто такая Ольга? Наверное, сейчас не стоит с ним спорить, лучше просто согласиться.

— Соскучилась, — тихо ответила я и вновь намочила тряпку, чтобы стереть новые капельки пота с его лица.

— Ты солгала, опять солгала... не все такие, как ты... Таня другая... чистая... светлая.

Ну вот, у него начался бред. Ольгой какой-то меня назвал. А что за Ольга и чем я на нее похожа, непонятно. Но это не важно. Светлая... опять светлая. Гхм, ведь то же самое я только недавно слышала от Дениса. Просто совпадение? Не верю. Значит, не ошибся братик.

А если попытаться узнать у Стража, что это значит? Просто попытаться. Может, сквозь горячку я услышу что-то новое и важное.

— Что значит светлая?

— Чистая... смелая и решительная... храбрая... — Его шепот становился все тише, но я слышала. И каждое произнесенное слово эхом звенело в голове. — Спрятать и защитить от всего мира, от себя... нет... не девочка... девушка... глаза цвета грозových туч... нельзя... не для меня... — в конце он уже не шептал, а угрожающе рычал.

Вот этого мне точно не стоило слышать.

Спрятать и защитить — для меня это непозволительная роскошь.

Никогда бы не подумала, что Сергей, такой неприступный и мрачный, может думать обо мне не просто как о ведьме, а как о девушке. Это так невероятно и в то же время приятно. Я же все-таки девушка. А какой девушке не понравится, что о ней думает такой мужчина.

Но вот только как теперь смотреть ему в глаза?

Жарко запылали щеки.

Все-таки я неправильная ведьма. Ибо, почуяв интерес со стороны мужчины, должна была вцепиться в него ручками, ножками, коготками и зубками. А я вместо этого сидела и краснела как дурочка.

А сущность, почувствовав мое смятение, лениво потянулась внутри и, кажется, довольно заурчала. Странно. Что с ней происходит? Сама не своя после той дозы сырой силы. Словно кошка, налакавшаяся сливок, ластится к хозяину, требуя еще ласки. Мне совсем не понравилось это сравнение. Что за мысли? Какой хозяин? А она подсунула следом тот самый, спрятанный в укромном уголке сердца, образ Стража — взлохмаченного, с горящим взглядом зеленых глаз. Таким взглядом, что у меня даже сейчас пересохло во рту.

Взгляд сам собой опустился на его губы. Я ведь так тогда и не попробовала их вкус. Страсти отведала, а его нет. Интересно, каково это — целоваться со Стражем?

Черт! О чем только думаю! Вместо того чтобы помочь ему выкарабкаться, я...

— Все ведьмы одинаковы, — произнесла быстро и осторожно вытерла его лоб тряпочкой.

Может, хоть это избавит от наваждения, от странных и непрошенных мыслей. От волны тепла, что возникает в сердце.

Но я точно не была готова к тому, что услышала:

— Не она... я не верил Разину... не до конца верил, что такое возможно... поддерживал, но не верил... глупец...

Все смущение разом пропало.

Папа? Выходит, отец все-таки имел какое-то отношение к сущности?

Не спорю, где-то в глубине души я знала, что он ставил какие-то эксперименты на нас. Но не думала, что такие глобальные. Ведь и мелких это тоже наверняка коснулось. Хорошо хоть наши сущности могли видеть только некроманты и Стражи, иначе не миновать проблем.

А самое главное, что теперь с этим со всем делать? Как «чистота» сущности отразится на нашей жизни? Какие бонусы подарит?.. И не придут ли когда-нибудь за нами, как за жертвами неудавшегося эксперимента, причислив к опасным тварям? Ведь если придут, остановить их не получится.

Но если подумать, то ничего особенного я за собой или мелкими не замечала. Никаких потрясающих способностей и талантов. Да и не могло их быть, тут дело в другом.

Родители запрещали мне даже думать об этом. После того памятного вечера, когда я случайно стала свидетельницей разговора отца с Сергеем, пыталась расспросить маму, во что папа ввязался. Но она категорически отказалась что-либо прояснить. Отделалась высокопарной фразой — он хочет изменить мир. Так что, когда Сергей велел мне делать вид, что я ничего не знаю о работе отца, мне особо не пришлось притворяться. Я на самом деле ничего не знала, только догадывалась. А потом уже и про догадки свои постаралась забыть, для всеобщей безопасности.

— Ольга... почему... зачем ты это сделала?.. — вновь зашептал Сергей в бреду, так и не открыв глаз. — Я ведь любил тебя...

Что?!!

И надо было мне в этот момент повернуться, чтобы поставить вазу на столик. От неожиданности рука дернулась, и вода оказалась на мне.

Вот черт!

Резко вскочила и поморщилась от противного ощущения стекающей по ногам ледяной воды. Освежает, конечно, но до чего же неприятно! Быстро подошла к раковине и, задрав сарафан до самой талии, принялась отжимать воду. Меня несколько не волновало, что моя обнаженная филейная часть сейчас обращена прямо на Стража, все равно он без сознания. Затем аккуратно промокнула ноги вафельным полотенцем. Надо не забыть его постирать.

Чувствовала необходимость отвлечь себя хоть чем-то, чтобы прийти в себя после услышанного.

Выходит, он тоже любил когда-то. И Ольга, получается, мать Игоря? Или нет? Если так, то тогда он выслеживал и предавал огню не просто мать своего сына, а еще и женщину, которую любил? Тут два варианта — либо он законченный псих, либо она сделала что-то по-настоящему страшное. Даже не представляю, что это было. Я бы не смогла. Убить человека, которого любил когда-то, — это выше моего понимания и сил.

Обернулась и вновь внимательно посмотрела на Стража.

А ведь действительно любил, если до сих пор не смог забыть. Но меня это не касается и мне совершенно неинтересно. Почти.

Расправив сарафан, вернулась и села на место. Нервно заправила за ухо выбившийся из хвоста локон.

Ему уже заметно лучше. Жар спадает. Значит, скоро придет в себя.

Но как ни старалась, не могла сдержать рвущийся из самого сердца вопрос, что мучил меня уже без малого пять лет:

— Что за опыты проводил Разин?

Сергей вздрогнул и замотал головой:

— Нет...

Не получилось.

Собственно, а чего я ожидала? Что матерый Страж в бреду выложит мне все свои секреты и

тайны? Нет, такое бывает только в сказках.

— Сергей, вам надо выпить воды, — поднесла стакан к губам и помогла ему сделать небольшой глоток, после которого мужчина вновь отключился.

Вот и хорошо. Ему надо восстановить силы, чтобы на полную мощность запустить регенерацию всего организма. А сон для этого — самое лучшее средство.

Вновь встала и медленно прошла по комнате, рассматривая приборы. Подняла фрукты с пола и положила на столик. Коснулась пальчиком парочки металлических деталей, провела ладонью по столешнице и подошла к шкафу. Книги, журналы, бумаги и парочка фотографий в деревянных рамках.

На одной — Игорек, которому от силы лет пять. Щекастый мальчуган с растрепанными черными волосами и искренней улыбкой обнимал огромного лохматого пса. На другой — пожилой мужчина со знакомыми зелеными глазами. Отец Сергея, наверное, так как некоторое сходство прослеживалось.

А на третьей Димка — в темном лыжном костюме, с вязаной шапкой на голове. Он сидел в сугробе и смеялся, смотря прямо в объектив. Я не сразу поняла, что это не Дима. Осторожно взяла рамку со снимком и всмотрелась в лицо мужчины.

Страж... никогда бы не подумала, но это действительно оказался он.

Снимок старый, на нем мужчина был без шрама, такой беззаботно счастливый и похожий на Димку (или тот на него), что перехватывало дыхание. Отличия, конечно, имелись, но они действительно были очень похожи друг на друга — тот же овал лица, форма носа, обаятельная улыбка.

Я все смотрела на фото и в который раз задавалась вопросом: что это за удар судьбы, который мог настолько искалечить такого сильного колдуна и внешне, и внутренне?

Страж тяжело вздохнул, дернулся, слабо застонал.

Быстро поставила снимок на место, подошла к нему и, сама до конца не осознавая, что делаю, аккуратно убрала мокрые от пота пряди со лба, нежно коснулась страшного шрама... и едва не подпрыгнула, когда услышала тихое:

— Что вы здесь делаете, Татьяна?

В следующее мгновение я попала под прицельный и ясный (насколько это возможно в данной ситуации) взгляд зеленых глаз.

— Здравствуйте, — пролепетала и стремительно убрала руки за спину.

— Что вы здесь делаете, Татьяна? — вновь повторил он вопрос.

— Помогаю вам побороть «мертвое пламя».

Сергей еще больше нахмурился.

— Сейчас уже полдень, — затараторила я, не давая ему и слова вставить. — Вы же обещали вчера, что вернетесь к утру. Время шло, а вас все не было. Игорь очень волновался... мы все волновались. Вы не переживайте, настойки я влила в вас совсем немного. Большею частью поила водой и протирала лицо, стараясь сбить жар.

Его взгляд медленно опустился вниз и замер на мокром подоле сарафана, который так и не успел просохнуть и весьма провокационно облепил бедра и ноги. А я никак не могла сориентироваться, чего хочу больше — спрятаться и прикрыться или красиво изогнуться, чтобы ему удобнее было меня рассматривать. В конечном счете решила просто оставить все как есть.

— Случайно пролила воду.

Сергей тяжело вздохнул и медленно приподнялся, опираясь рукой о спинку дивана.

Вот это выдержка и сила! Это как же храмовники над ним поработали, если он смог так быстро прийти в себя? Невероятно! Может, у него действительно получится снять проклятие?

— Где Игорь?

— Они с Лизкой готовят для вас зелье.

— Вы сказали ему?

— Нет, — покачала головой. — Я не стала рассказывать, что вы в одиночку, пренебрегая элементарной техникой безопасности, вырабатываете иммунитет к одному из сильнейших проклятий.

Но рассердить или даже зацепить Сергея у меня не получилось.

— Дайте, пожалуйста, воды.

— Пожалуйста.

Страж залпом опорожнил целый стакан и замер на мгновение, прикрыв глаза.

— Вы очень сильно рисковали.

Равнодушное пожатие плечами в ответ.

— Вы настолько уверены в своей силе и возможностях? А если бы с вами что-то случилось?

— Это моя работа.

— А ваша работа сможет заменить Игорю отца? Сможет воспитать его, защитить от опасности и невзгод?.. В этом вы так похожи на моего отца. Он тоже беспокоился о мире, стремился сделать его лучше, а в итоге, — проглотив подступивший к горлу ком, я отвела взгляд и тихо закончила: — А в итоге мы остались одни в этом неблагодарном мире, который ни капли не изменился и которому глубоко наплевать, что будет с каждым из нас.

— Вы выбрали весьма интересный способ меня отблагодарить.

На языке так и вертелся вопрос: за что?

— А вам нужна моя благодарность?

— Нет. — Мужчина медленно опустил ноги на пол и сел. — Ваша благодарность мне не нужна. Я должен защищать невинных.

— А с чего вы взяли, что я невинна?

Нет, в каком-то смысле очень даже невинна. Но тут шла речь явно не о девственности.

— Это тоже входит в мои обязанности — определять, кто прав, а кто виноват.

— И на это никак не влияет чистота сущности? — Я вновь внимательно посмотрела на него.

Сергей поднял голову и ответил не менее пристальным взглядом.

— Вам надо меньше слушать своего брата. Денис, конечно, когда-нибудь станет сильным колдуном, но пока он ребенок, и осознанность действительности у него еще не полная, а частичная.

— То есть вы хотите сказать, что моя сущность не чистая и не светлая, как сказал Дэн?

— Я хочу сказать, что вам нужно как можно меньше об этом думать.

Вот и поговорили.

— Пап? — На пороге возник Игорек и неуверенно застыл, не решаясь сделать ни шага.

— Ну, что стоишь, заходи.

— Я принес настойку, как вы просили. — Парень вручил мне кувшин и устремился к отцу. — С тобой все нормально?

Я не хотела мешать их общению, поэтому, поставив кувшин на стол, быстро вышла.

У самого входа на первый этаж меня перехватила Лизка:

— Тань, он жив?

— Кто?

— Сергей. Тань, я же знаю, что это за настойка, — взволнованно зашептала сестренка и нервно огляделась. — Каким образом он получил это проклятие?

— Ты Игорю сказала? — перебила ее.

— Нет, не стала. Тань, а вдруг на него напали те, кто выставил меня на торги? Вдруг они совсем рядом?

— Лиз, Лиз, стоп! Стоп! Он сам.

— Что сам?

— Он сам себя проклял.

Сестренка впала в ступор и растерянно захлопала глазами:

— Тань, кто сам себя проклинает? Ты в своем уме?

— Страж. — Я обняла сестру за плечи, и мы направились в сторону кухни. — Стражи сами себя проклинают. Хобби у них такое.

Казалось бы, стоит обо всем этом забыть, но любопытство не давало покоя.

Интернет — великое изобретение всех времен и народов. И как мы раньше жили без него? Собственно, жили-то, по сути, неплохо, ибо не знали о том, что теряли. Но что-то я вновь отвлеклась.

В наше время для того, чтобы добыть нужные сведения, не надо часами просиживать в библиотеках, пролистывая кучу газетных вырезок, выискивая хоть какую-нибудь информацию. В моем случае требовалось лишь забить в строку поиска браузера следующие фразы: «Ведьма Ольга, преступление пятнадцатилетней давности, побег, леса Амазонки».

Конечно, меня это не касалось, мне вообще не стоило копаться в чужом грязном белье. Но пересилить любопытство не получалось.

Через каких-то двадцать минут я уже знала всю историю Ольги Самойловой.

Это была весьма сильная ведьма, потомственная травница, которая легко могла управлять растениями. В двенадцать лет она чудом пережила последствия страшной аварии, которая, однако, унесла жизни матери и бабушки, оставив ее единственной наследницей. Целителям тогда с трудом удалось вытащить ее с того света. Ноги были перебиты, сильно повреждены тазовые кости, и целители предупредили, что родить она, скорее всего, никогда не сможет. Для любой ведьмы это удар, особенно для той, которая является последней и единственной представительницей некогда большой семьи. Но Ольга не сдавалась и долгое время экспериментировала, пробуя на себе различные методики, чтобы восстановить детородные функции. И казалось, что у нее получилось. В возрасте двадцати восьми лет, через шестнадцать лет после той трагедии, перетерпев множество испытаний, потратив невероятное количество сил, денег и труда, ей наконец-то удалось заключить контракт.

К поиску кандидата ведьма подошла очень ответственно, ведь у нее была только одна попытка, и родиться должна была именно дочь. Поэтому свой выбор Ольга остановила на молодом талантливым колдуне Сергее Туманове, который уже в двадцать лет считался одним из самых перспективных техномагов своего поколения. Но ее выбор был обусловлен не только его силой и потенциалом. Отец Туманова — Иван Туманов — в свое время получил прозвище Производитель ведьм, потому как долгожданного сына он получил только в возрасте пятидесяти пяти лет после пятого контракта, когда уже никто в это не верил. По всей видимости, Ольга решила, что Сергей окажется таким же «ювелиром». Как ей удалось уговорить двадцатилетнего парня на контракт, остается тайной. Но факт есть факт, он не только заключил его, но и полюбил травницу. Конечно, в газетах этого написано не было. Да и кто в здравом уме напишет о любви колдуна к ведьме? Мир тогда только начал отходить от истории Разиных, зачем вновь беречь умы?

Но Ольге не повезло, через девять месяцев трудной беременности — ей практически запретили вставать — на свет появился Игорек, а ведьма окончательно лишилась возможности когда-нибудь забеременеть. Целителям пришлось удалить все детородные органы, чтобы

спасти ее жизнь.

Молодая женщина молча выслушала приговор и не сказала ни слова. Восстановившись после сложнейшей операции и обратившись к истощенному резерву сил, что остались после регенерации, она вышла из больницы и пошла мстить.

В ночь на тридцатое августа Самойлова, обвешанная сильнейшими артефактами силы, явилась в дом Тумановых с одной только целью — убить любого, кто встанет на ее пути. А на пути встали — Сергей и Иван Тумановы, старая нянечка, молодой колдун, которому только недавно исполнилось десять (любимый ученик Сергея), и Страж, что вовремя приехал по тревоге и смог остановить ведьму, когда она уже добивала техномага, стремясь добраться до Игорька. Нет, не с целью забрать, сын ей был не нужен, а уничтожить и стереть с лица земли.

Когда через несколько дней Сергей пришел в себя, ему сообщили о гибели отца и близких людей и о том, что Ольге удалось скрыться, но ее ищут. Как только молодого человека выписали из больницы, тот сразу подал прошение храмовникам.

Через три года Страж действительно смог найти Ольгу в лесах Амазонки. Не только найти, но и доставить в Совет, после чего сам лично предал ее огню.

Вот и вся история.

Точнее, ее официальная часть. Никто ведь не пишет, что на самом деле произошло между Сергеем и Ольгой за время их непродолжительных отношений.

Я еще некоторое время смотрела на снимок красивой русоволосой девушки с голубыми глазами. И вдруг подумала, что нисколько мы с ней не похожи, вот совсем ничего общего. И с чего он принял меня за нее? Слишком много вопросов, на которые не было ответа. Но я, по крайней мере, знала ответы на некоторые вопросы. Помогло ли это понять Стража, узнать его лучше? Трудно сказать.

Выключив компьютер, направилась к мелким, которые уже ждали меня на улице — у нас по плану были масштабные водные процедуры и солнечные ванны.

Вернувшись с пляжа ближе к ужину, мы увидели Стража, который преспокойно сидел за столом и пил кофе. Вид у него был такой умиротворенный, свежий и отдохнувший, словно это не он утром находился на грани жизни и смерти, наедине со своим проклятием.

— Здравствуйте, — нарушила молчание Лизка.

— Добрый вечер. Как искупались? — Мужчина мягко улыбнулся ей и сделал новый глоток из маленькой чашечки.

— Отлично... А как вы себя чувствуете?

— Хорошо, спасибо. И кстати, прими мою благодарность за столь качественную настойку... и за молчание.

Сестренка покраснела (что-то она в последнее время часто краснеет) и промямлила:

— Я просто по бумажке делала все, что Таня написала.

Теперь взгляд ярко-зеленых глаз переместился на меня.

— Спасибо и вам, Татьяна. У вас есть для меня пара минут?

— Да. — Я пожала плечами и передала молчаливому Дэну полотенце и шляпку.

— Вот и отлично. — Сергей отставил кружку в сторону и встал. — Пойдемте?

Сказал паук мухе...

— В кабинет?

— Зачем же. На улицу. — И сделал шаг ко мне.

А я непроизвольно сделала шаг назад и замерла. Уж слишком громко забухало сердце и что-то сладко заныло в груди. От Стража мое движение не укрылось, он тоже застыл и недоуменно нахмурился, но комментировать не стал. И на том спасибо.

Я неловко улыбнулась и пошла в сторону двери, спиной чувствуя его взгляд.

ГЛАВА 12

— Скажите мне, пожалуйста, Татьяна, когда вы в последний раз погружались в магию? — спросил Сергей, как только мы спустились с террасы.

— Что, простите?

— Насколько я знаю, вы — аспин.

— Да, а что? — равнодушно пожала плечами. Тайны из этого я никогда не делала, я действительно им была.

Вот она, насмешка судьбы.

Первенец некроманта и сирены не унаследовал дара и способностей своих родителей, а родился аспинком. То есть ведьмой, способной создавать силовые щиты, защищающие от любых видов физического и магического воздействия, и не только вокруг себя, но и вокруг любого объекта и на любой срок (все зависит от уровня силы и способностей).

А что самое смешное, этот дар я получила не от давнего предка, а от Максима Леонидовича. Он тоже аспин и занимает пост одного из защитников Главы клана.

— Так когда вы в последний раз погружались в магию? — повторил вопрос мужчины.

— Давно, не помню уже. — Я вновь пожала плечами.

Очень давно. Наверное, сразу после того, как в полной мере осознала, что шансов победить проклятие у меня нет и инициацию мне не пройти никогда, что всю оставшуюся жизнь мне придется жить с минимальным резервом. А построение щитов, особенно антимагических, весьма затратное дело, требующее не только обладания умениями и навыками, но и огромной силы. В моем нынешнем состоянии даже самый слабый щит сожрет весь резерв и даже не подавится.

Конечно, при погружении я могу создавать щиты, но что дальше? Нельзя же каждый раз делать для этого нырок. Даже если захочу, не получится. Слишком частое погружение может лишить рассудка — ты просто растворишься в магии, потеряв саму себя.

— Как только будет снято проклятие, вам сразу необходимо приступить к тренировкам.

— Вы так уверены в успешном исходе? — перебила Стража. — Думаете, что если сами выжили после небольшой дозы в лаборатории, то сможете снять мощное древнее проклятие с меня?

— Нет, одной дозы мало. Именно поэтому у меня впереди еще две.

— Что, простите?

— У меня еще два приема, и каждая из последующих доз больше предыдущей. В третий раз настойкой я пользоваться не буду.

— Вы — мазохист, — совершенно искренне выдохнула я. Однако ни шока, ни удивления не испытала. Привыкла, наверное.

А точнее — он самоубийца. Одного раза ему не хватило, мало огреб страданий, собирается еще и дальше себя травить. И ведь отказывается подпитываться настойкой! А это единственное, что может его спасти, если вдруг все пойдет не по плану.

— Я — Страж. — Сергей равнодушно смотрел на меня, и взгляд зеленых глаз не выражал ничего, кроме уверенного спокойствия. Неужели именно его шепот я слышала всего несколько часов назад в лаборатории? Мне уже казалось, что все лишь сон. Что не было слов, признаний, все это лишь плод моей фантазии. — Так что через два дня мы приступим к нейтрализации вашего проклятия. Но сейчас не об этом. Как только оно будет снято, боюсь, Таня, вы не сможете совладать с открывшейся мощью своей силы. Поэтому предлагаю начать тренировки прямо сейчас. Присаживайтесь.

И сам подал мне пример, аккуратно приземлившись на песок.

Делать нечего, я села рядом с ним, так близко, что наши колени соприкасались.

— Вы же помните основные принципы погружения? Или уже забыли?

Издевается.

Нельзя забыть то, что вбивали в голову чуть ли не с рождения.

Но спокойствие — наше все, особенно перед погружением. Поэтому лишь кивнула, закрыла глаза и настроилась. Сейчас мне необходимо расслабиться, выбросить из головы все тревоги, переживания, проблемы и неприятности. Надо просто дышать.

Вдох-выдох... вдох-выдох... вдох-выдох...

Сосредоточиться на дыхании.

Сущность внутри меня медленно поднимала мордочку и потягивалась. Да, сейчас ее время.

Вдох-выдох... вдох-выдох... вдох-выдох...

Магия вокруг, всюду... Похожа на нити, что оплетают этот мир и меня в том числе. Мы, как мухи в паутине, барахтаемся, пытаемся выжить, что-то сделать, не понимая, что все тщетно. Мы лишь марионетки, которых дергают за ниточки.

— Отлично, дышите ровнее, — раздался мужской голос совсем рядом со мной, и я быстро подняла голову, слепо щуря глаза. Сейчас смотрела не я, сейчас смотрела сущность.

С трудом сдержалась, чтобы не отвернуться. Он слишком яркий.

Его щит просто слепил, переливаясь всеми оттенками желтого, золотого и белоснежного. Никогда не смотрела так на Стража.

Надо же...

Я знала, что щиты им ставят храмовники, но не думала, что они всегда при них. Хотя этот и не активирован, но так красив. Я видела Сложные плетения магии, яркие вспышки защитных заклинаний. Да, он искусственный, созданный людьми, но такой красивый!

— Нельзя долго смотреть, можно ослепнуть. Дышите, Татьяна, дышите.

Да, он прав. Если бы его щит был активирован, я давно потеряла бы зрение.

Отвела взгляд в сторону и попыталась создать свой собственный. Пусть не такой мощный, не такой яркий, но мой.

Столько времени прошло, а память не подвела хозяйку, потому как навыки в этом деле были отработаны до автоматизма. Привычные движения пальцев, и я вычертила первый символ — основу щита. Затем еще пять символов по бокам — пентаграмма силы и мощи. И вот уже осторожно взяла нити силы, вытянула их из окружающего мира. В реальной жизни меня давно бы уже прикончили, но сейчас спешить некуда, и я как будто сматывала большой клубок нитей в руках, плела кружево заклинания.

— Не стоит брать слишком много, — терпеливо заметил Сергей где-то на краешке сознания, и я недовольно нахмурилась. Прав, конечно, но силы такой избыток, так хочется жадно хапнуть и не только удержать, но и использовать.

Но Туманов говорил дело.

Достаточно.

Медленно и сосредоточенно я начала выплетать щит вокруг себя.

Это не искусственная подделка Стража (крепкая, красивая, но искусственная), он живой, настоящий, пропитанный самой Тьмой и моей сущностью. Пусть не такой яркий и ослепительно прекрасный. Но он притягивает взгляд и манит своей темной, сумрачной красотой.

Даже жаль, что сразу после выхода из погружения он исчезнет — нет у меня сил и возможностей его поддерживать.

Провела последнюю линию, замкнула контур и не смогла сдержать счастливого вздоха.

Как же я скучала без этого!

Неожиданно все оборвалось, меня схватили и силой вывели из погружения. Последнее, что я увидела, это лишенный подпитки, рассыпающийся на части щит.

Какого черта тут происходит? Все шло гладко!

Но я уже сидела на песке, растерянно хлопала глазами и пыталась сфокусироваться на хмурым Страже.

— Что? — просипела чуть слышно, но меня бесцеремонно перебили:

— Дима вернулся... и... он не один.

Первая мысль: почему так рано? Он же должен был вернуться только через два дня. Что-то случилось? Его выследили? Нас обнаружили?

Вторая: как не один? С кем он?

— Где Лиза? — продолжила хрипеть я и попыталась подняться. Но тело мне не подчинилось.

Уж чересчур быстро Страж вырвал меня из погружения.

От одного резкого движения (а я только повернула голову) повело в сторону, перед глазами замельтешили мушки, затошнило с такой силой, что с трудом удалось сдержать рвотные позывы.

Быстро задышала ртом, ощущая, как мелко дрожит тело, а из пор выступает противный, липкий пот. Черт, как же плохо. И о чем он только думал, так грубо выдергивая меня из погружения?

Дурнота отступила, но легче не стало. Тело, мое бедное многострадальное тело, начало медленно заваливаться набок, и я никак не могла остановить это падение. В ушах резко загудело.

От падения меня спас Сергей, ловко схватив за плечи и вернув в вертикальное положение. Весьма своевременно, потому что я тут же обмякла. Словно все мои кости и внутренние органы превратились в желе. Черт, я чувствовала себя огромной медузой.

— С вашей сестрой все нормально. Дышите, Татьяна, дышите, — донесся сквозь гул голос Стража.

Нет, а я чем занимаюсь? Довел до такого состояния и еще рекомендации бессмысленные дает. Помог бы лучше прийти в себя.

Отослала ему весьма красноречивый взгляд и закрыла глаза, призывая живительную магию. Резерв, конечно, сожрет, но я, по крайней мере, почувствую себя лучше.

Мгновение, и по всему телу прошла теплая волна магии — стих шум в ушах, голова перестала кружиться, постепенно начала восстанавливаться координация движений.

— Умница, — кивнул Страж и одним резким движением подхватил меня на руки.

— Что вы творите? — прошептала я (голос до конца еще не вернулся). — Поставьте меня немедленно на землю.

— Вы на ногах не стоите.

— Вашими стараниями.

— Нам срочно надо вернуться в дом. Не дергайтесь.

Пришлось смириться с фактом — меня несли на руках. Но хотя бы без всяких поползновений. Потому как к себе Сергей меня сильно не прижимал, руками не лапал, на ушко хрипло не дышал... Да и вообще никакой реакции, которая подтверждала бы, что сказанное им в бреду мне не приснилось. С той же безэмоциональностью он мог нести мешок с картошкой.

Наверное, надо выбросить свои надуманные фантазии из головы и вести себя с ним как раньше. А не шарахаться, боясь сделать неловкое движение или сказать лишнее слово.

— Какого?.. — воскликнул Димка, вскочил с дивана и бросился в нашу сторону, стоило нам только войти в гостиную.

— Быстрый выход из погружения, — ответил Страж и аккуратно посадил меня в кресло.

— Ты с ума сошел? Себя не бережешь, хоть других пожалей!

Но я их уже не слушала.

Димка немного отошел в сторону, и я наконец смогла увидеть, кто же пожаловал с ним в нашу скромную обитель.

Честно говоря, я ожидала встречи с кем угодно — с Максимом Леонидовичем, с Марианной, Саидом, его приспешниками... даже очередную пассию шефа готова была лицезреть.

Но кого я точно никак не ожидала увидеть, так это Николь. Да еще в таком виде.

Связанная по рукам и ногам толстой магической плетью ведьма возлежала на диване. Даже кляп во рту был. Коротенькое платье цвета морской волны немного задралось, открыв красивые стройные ноги. Ее ярко-рыжие волосы живописной волной падали на лоб и плечи. А сине-зеленые глаза не то что метали молнии, они просто кричали, что стоит ей только освободиться, и всех нас ждут жуткая месть и беспощадная расправа.

— Дим, что она тут делает? — прохрипела я, прерывая его пламенную речь о технике безопасности.

— Мне бы тоже хотелось это знать, — сухо заметил Страж и подошел ближе к девушке, остановившись в паре шагов от дивана. — Энерговедьма, довольно сильная. Сейчас, кстати, находится в опасной близости от критической точки выброса, после которого твоя плоть просто испарится, а нам всем придется несладко.

— Ну, так поставь блок на сущность! — рявкнул Дима и присел на подлокотник моего кресла. — Ты как?

— Отхожу, — ответила я и осторожно повела плечами.

— Дима, я не могу ставить блок совершенно незнакомым ведьмам только потому, что ты меня об этом просишь. Это незаконно. Объясни лучше, что происходит? Ты не должен был возвращаться еще как минимум два дня.

— Я знаю. Ты же помнишь, что сегодня я планировал посетить вечеринку одного местного миллиардера. Так вот, все шло по сценарию, я отдыхал, общался. Пока не появилась она и не запустила в меня энергетическим зарядом.

— И что? Я знаю еще десяток ведьм, которые мечтают подправить твою физиономию, — заметил Страж и аккуратно извлек кляп изо рта Николь. — С вами все нормально, девушка?

— Убью! — прохрипела Николь и дернулась.

— Все дело в том, что она приходила ко мне в офис в день нашего побега, — игнорируя вопль ведьмы, ответил феникс.

— И купила мне блузку, — вставила я.

И тут же в меня впились три внимательных взгляда — яростный синий, возмущенный сине-зеленый и внимательный зеленый.

— И ты молчала? — выругался Димка.

— А что я должна была сказать? Мы столкнулись в лифте, когда я спускалась в магазин. Она высушила мою блузку и купила новую взамен той, которую, кстати, она же и испортила.

— А теперь я ее как бы случайно встретил здесь, на Сейшелах, и она с ходу запустила в меня зарядом. Серег, тебе не кажется, что слишком много случайностей?

— Жаль, не попала. Но ничего, дай мне только до тебя добраться! — зарычала Николь и тяжело закашлялась. — Отдыхаю я тут!!! Слышишь, придурок, отдыхаю!!! И блузку новую я купила ей, потому что из-за тебя, кобелина ты недоделанная, испортила ее старую. А ты, вместо того чтобы банально высушить, отправил свою секретаршу в магазин в таком непотребном виде. Козел!

— Надо же, какие мы добрые и щедрые! Просто так помогаем первой попавшейся девушке!

— Да, ей и так не повезло работать на такого морального урода, как ты.

— Успокойтесь! — резко произнес Сергей. Страж сидел на корточках перед рыжей и внимательно вглядывался в нее. Сканирует, наверное, вон как ее глазки потемнели, и лицо расслабилось. Значит, точно считывает. Заглядывает в глубину сущности, в самую Тьму ее сердца. Я невольно вздрогнула. Нет, страшно это. Страшно так погружаться в чужую Тьму, бродить по незнакомым закоулкам чужого сознания. А вдруг не вернешься? Если не сможешь найти пути назад? Останется там твое сознание навсегда, и поглотит его жадная, голодная сущность. Нет, не завидовала я Стражам с их работой, очень не завидовала. — Как вас зовут?

— Николь. Петрова Николь, — глухо ответила ведьма, уняв воинственный пыл.

Димка фыркнул, сдерживая издевательский смех. А я вспомнила — у ее матери был своеобразный фетиш насчет Франции, любила она все французское и даже умудрилась заключить контракт с неким Шарлем или Луи. А ей теперь жить с этим дисгармоничным сочетанием имени и фамилии.

— Тебе знакомо имя Татьяна Разина?

— Секретарша Соколова. Брюнетка с серыми глазами. Я случайно испортила ей блузку.

— Лиза Разина?

— Не знаю, наверное, ее сестра.

Страж кивнул и задал следующий вопрос:

— Зачем ты запустила в Соколова зарядом?

— Клань договариваются о контракте. Я — против. Хотела с ним поговорить, а он, — Николь напряглась. Даже в таком состоянии, находясь под властью магии Стража, она злилась. — Он предлагал мне поучаствовать в его групповых играх, и чтобы я сама выбрала девочек... чтобы я... с ними... убью... — последнее слово она буквально прорычала.

— Успокойтесь, Николь. Почему вы пустили в него энергозарядом?

— Я прилетела сюда по приглашению... отдохнуть. А тут он... снова... окучивает мою подругу! Скотина козлорогая, а не феникс.

Я бросила взгляд на Димку.

— Что? — Шеф лишь пожал плечами. — Я же не знал, что она ее подруга. Просто общался с симпатичной ведьмой, поддерживал легенду.

Если бы у меня были силы, я бы отвесила ему подзатыльник. Хорошую такую увесистую оплеуху, чтобы он с кресла слетел и на пол шмякнулся тем самым местом, на которое вечно находил приключения. Честное слово, руки так и чесались. Даже то, что он мой непосредственный начальник, нисколько не уменьшало этой чесотки.

Но сил не было. Состояние желеобразной морской твари еще до конца не прошло, так что я ограничилась закатыванием глаз к потолку и раздраженным:

— Что же тебя вечно на неприятности тянет!

— Кто бы говорил, — парировал тот, озорно и обворожительно улыбнувшись.

Вот только на эту улыбку никто из присутствующих уже давно не велся.

А я бы поспорила и повторила сказанное еще раз... и еще. Потому как Димку, сколько я его знала, вечно тянуло на экзотику и новые ощущения. Наверное, это часть его непостоянного огненного характера — безумная тяга к экстриму, да такая, что адреналин даже из ушей прет.

Да я таких примеров могла сотню привести. У него каждая вторая любовница с каким-нибудь прибабахом. Темпераментная Вика, швыряющая в меня вазами. Две огненные сестрички-саламандры, которые постоянно до крови расцарапывали ему спину. А до этого у него был кратковременный роман с женой мэра. Я за те два дня, что они тайно встречались, раз десять посидела, потому как встречались они прямо в доме градоначальника, а прикрывать их приходилось мне. Он даже как-то (это было в первый год моей работы) Стража в постель затащил. Честно говоря, когда я застала ее в квартире, первой моей реакцией была паника —

Диму все-таки загребли и надо срочно связываться с адвокатами. Но тут же на место испуга пришло недоумение — почему на ней его рубашка (кстати, опять-таки последняя коллекция Gucci), небрежно заправленная в стандартные темно-серые форменные штаны. Это я еще не вспомнила Марианну и их почти принародное совокупление в ложе театра прямо во время спектакля.

Тем временем Сергей уже перестал допрашивать ведьму и, быстро поднявшись, взглянул на Диму:

— Я ничего не нашел. Так что поджарить она тебя хотела чисто из-за личной неприязни. И ты совершенно зря притащил ее сюда. Совсем теряешь хватку.

— Не совсем. — Димка поднялся и достал телефон из кармана льняных брюк. — Мне пришло сообщение от Стражей. Они напали на след исчезнувших денег. Самое позднее завтра утром обнаружат. И еще, они до тебя целый день дозвониться не могли. И отчего-то страшно волновались, как ты провел эту ночь. — Дмитрий выразительно взглянул на брата. — Просили как можно быстрее выйти с ними на связь и грозились в противном случае вечером прибыть сюда всем своим священным отрядом.

Значит, они знали о том, что он тут творил. Нет, не могли они знать. Потому что не позволили бы ему ставить такие эксперименты в одиночку... Или знали? А может, просто догадывались? Все равно. Странные какие-то у них там правила и условия труда.

— Я сейчас с ними свяжусь. — Мой взгляд Страж проигнорировал.

Одним быстрым движением убрал путы с рыжей, которая никак не могла прийти в себя от столь глубокого проникновения в сознание. Девушка растерянно моргала, пыталась хоть что-то осознать и то и дело слабо потряхивала головой. Дима, глядя на это, сделал осторожный шаг назад. Все-таки инстинкт самосохранения у него развит.

— Не переживай, в ближайшие три часа она в тебя ничем не запустит. Блокировку я не ставил, это незаконно. Но выброс остановил. Пойдем в кабинет.

— А, — подала я голос, возмущенно наблюдая, как мужчины совершенно спокойно шагают в сторону двери.

Они что, про меня забыли?

Я так не согласна!

Для начала я бы тоже очень хотела узнать, что там удалось выяснить по Лизиному делу. Чует мое сердце, феникс не все рассказал. А во-вторых, они что, собираются оставить меня наедине с разозленной ведьмой? Она, может, зарядом и не запустит, но физическую силу никто не отменял. Ей ведь все равно, кого бить — Димку или меня. А я еще не отошла от погружения, чтобы в случае чего дать ей хоть какой-то отпор.

— Я позову Лизу, — понял мои невысказанные опасения Димка и, нет, не пошел, а громко заорал: — Лизонька!!! Где же вы?!! Я вернулся!!!

От крика я вздрогнула, а рыжая более-менее пришла в себя. По крайней мере, села, нашла в себе силы придать телу вертикальное положение. Голову она не поднимала, склонила ее к коленям. Сейчас продышится и поднимет.

А вот у меня во второй раз сильно зачесались руки.

Дима же обещал! Обещал не флиртовать с Лизой!

Не прошло и минуты, как в гостиную, запыхавшись и сияя улыбкой в тридцать два зуба, вбежала сестренка.

— Ой, вы вернулись! А мы вас так рано не ждали!

— Я тоже скучал, — обаятельно улыбнулся белобрысый. — Лиза, вы не могли бы присмотреть за Таней и вот этой очаровательной ведьмой?

Нет, Дима точно сдурел. Он бы еще Дэна сюда позвал.

Свои мысли по этому поводу я тут же и озвучила:

— Ты с ума сошел! Лиза, она же...

— Справится, — быстро перебил меня шеф, мгновенно утратив всю свою игривость и сделавшись невероятно серьезным. — Колючка, пора уже отпустить птенцов из гнезда... Лиза, эти две сударыни сейчас на тебе. Если что — зови. Только водную магию не применяй, эта рыжая дама — энергосведьма. Ее может просто замкнуть.

Николь промолчала и головы не подняла. Лишь медленно вскинула руку и показала колдуну весьма красноречивый жест.

Соколов хмыкнул и, больше не произнеся ни слова, вышел, оставив нас втроем.

Наверное, прав. Надо выпустить птенцов, но не могу... А Лиза, серьезная, хмурая и такая взрослая, подошла ближе, всмотрелась в мое лицо. Ведь действительно совсем большая. А меньше чем через месяц станет ведьмой, настоящей, полноценной и сильной. А я до сих пор вижу в ней маленькую девочку. Каждый раз наступаю на одни и те же грабли, не понимая, что делаю только хуже и им, и себе. А говорят еще, что на ошибках учатся. Видно, безалаберная я ученица.

— Тань, а ты чего такая зеленая?

— Страж из погружения выдернул, — произнесла я и попыталась встать с кресла.

Не получилось. Ноги задрожали, коленки затряслись, мушки перед глазами опять захороводили, а сердце чуть не выпрыгнуло от натуги. Эх, мне бы большой резерв, тогда таких проблем точно не возникло бы.

— Что? — ахнула Лиза. — Ведь нельзя же так, это опасно. Зачем?

Хороший вопрос. Очень хороший. Мне с трудом верилось, что даже такое эффектное и неожиданное появление Димки с рыжей ведьмой было достаточным основанием для столь жесткого рывка из погружения. Ох, неспроста все это. Вон как быстро убежали из комнаты, как лоси при гоне в брачный период. Нутром чую, что-то случилось. А от меня это пытаются скрыть.

— Не знаю.

— Послушай, как тебя, Лиза, да? — глухо произнесла Николь, поднимая голову. — Ты не могла бы принести чего-нибудь холодного попить — воды или сока?

Сестренка кивнула и быстро убежала.

Ведьма разогнулась и с трудом выпрямилась. Огромные аквамариновые глаза с темными кругами под ними лихорадочно и болезненно блестели на бледном, осунувшемся лице.

— Ну, привет.

— Добрый вечер.

И тишина.

Сидим чинно, каждая на своем месте, ручки на коленях сложены, всеми силами стараемся держать спину ровно и не завалиться.

Две калеки.

— Тут симпатично, — наконец произнесла она, обводя взглядом гостиную. — Дом Стража, да?

— Да.

Вернулась Лиза. Протянула Николь сок в запотевшем стеклянном стакане, мне — стакан воды и таблетку.

— Это что? — Я подозрительно рассматривала белую капсулу на своей ладонке.

— Дима сказал, что это поможет тебе быстрее прийти в себя, — ответила Лизка и присела в соседнее кресло. — Пей давай.

Ах, раз Дима сказал. Раздражение все накапливалось и накапливалось.

— Спасибо. — Николь быстро осушила стакан и осторожно поставила его на журнальный столик. Видно, координация к ней еще не вернулась до конца. — Что же мне так не везет? Сначала делаю, потом думаю. Я еще прошлое предписание не отработала и не погасила.

— Какое предписание? — осторожно спросила я. Чего-чего, а этого я точно не ожидала. Честно, думала, что она будет кричать, угрожать или, наоборот, сидеть с каменным лицом, демонстрируя презрение. А она и тут меня удивила. Необычная ведьма.

— Месяц назад запустила энергоснарядом в одного колдуна с похотливыми ручонками. Кто же знал, что он окажется важной шишкой, вхожей в Совет. Меня неделю у Стражей мурыжили. С трудом удалось выпросить предписание, а не реальное наказание. Глава клана после этого и заговорила о контракте, думала, что это меня немного стабилизирует и сделает более ответственной. Еще одна заявка о нападении, и меня ничто не спасет. А тот урод из Совета так и ждет любой возможности для блокировки моей магии. Черт, но когда я увидела этого бабника Соколова у Аськи... У меня просто крышу снесло... Хотя... Слушай, ведь то, что он притащил меня сюда, а не в Совет, тоже не совсем законно? Мы договоримся и разойдемся мирно. Соколов не будет заявлять о нападении, а я забуду об этом маленьком инциденте.

— Думаю, да.

— Отлично. — Рыжая внимательно нас рассматривала, переводила взгляд аквамариновых глаз с меня на Лизу и обратно. — Сестры? Интересно. Значит, дочери Анатолия и Марины Разиных?

Я моментально подобралась, даже силы откуда-то появились. Или живительная магия наконец смогла привести организм в порядок, или просто помог резкий выброс адреналина в кровь.

— Я несколько раз встречала твоего отца. Ты, кстати, очень на него похожа. Он приезжал в наш клан. О чем-то долго говорил с Главой.

...Она не может знать. Никто не может знать. Это просто разговор. Способ поддержать беседу, и точка. Ничего криминального. Сергей сказал, что она чиста, что он ничего не нашел...

А может, Страж не то искал?

Или у меня паранойя? Потому что, если (чисто гипотетически и фантастически) ведьма имеет хоть какое-то отношение к торгам, зачем ей выдавать себя сейчас? Особенно после так называемой «промывки мозгов», оставшись совсем без сил, в доме Стража и не очень дружелюбного феникса? По мне, так это самоубийство чистой воды.

— Знаешь, мне очень приятно с тобой познакомиться, — совершенно спокойно продолжила Николь и откинула назад волосы. Интересно, заметила ли она мое волнение и напряжение при упоминании отца? А если и засекала, то почему так индифферентно реагирует? — Давно хотела, а все возможности не было.

— С чего вдруг?

— Ты же была первой среди нас.

— Среди кого? — внутри все вопило об опасности. Или я себе выдумала проблему на пустом месте? Может, у нее бред начался? А может, Страж, копаясь в сущности, случайно задел мозги и ее слегка переклинило?

Николь замолчала и еще пристальнее в меня всмотрелась.

— Тань, что происходит? — Лизка вскочила и подошла ко мне ближе, не отрывая хмурого взгляда от рыжей.

Если бы я знала. Может, это у меня после погружения мозги переклинило?

— Невероятно. Ты не знаешь...

— Я за Димой, — уже не ожидая окончания разговора, бросилась к выходу сестренка, не забыв добавить: — И Стражем.

Надо же, она и про Сергея вспомнила.

— Чего именно я не знаю? — поудобнее уселась в кресле, закинув ногу на ногу, и слегка приподняла бровь.

— Что ты была первой, кого он изменил.

Мое сердце пропустило удар, и я с трудом заставила себя нормально дышать.

— Вот черт! — только и смогла выдохнуть.

...Весна того года была теплой. Не жаркой, а именно теплой. Как раз такой, чтобы девушка на девятом месяце беременности чувствовала себя великолепно.

Марина, искренне наслаждаясь своим состоянием, медленно прогуливалась по уютному садику, вдыхала ароматы цветов, подставляла фарфоровое личико солнышку. Ее совершенно не беспокоили те ужасы, сопровождающие течение беременности, о которых с таким жаром рассказывали ведьмы из ее бывшего клана. В том числе и мать. Не появилось отеков, огромных слоноподобных ног, жуткой боли в пояснице. Ей просто было хорошо. Даже четырехразовое посещение туалета ночью не раздражало. Под сердцем рос любимый ребенок, а рядом находился самый лучший и любимый мужчина.

Может, дело в том, что девушке не приходилось пользоваться подпиткой за счет артефактов, как остальным? Животик нисколько не мешал им наслаждаться и регулярно подзаряжать друг друга естественным и таким приятным путем. Щеки невольно вспыхнули розовым при воспоминании о прошлой ночи. Кто бы мог подумать, что некромант окажется таким изобретательным и искусственным в постели? Конечно, первое время Анатолий пытался сократить близость до минимума, боясь навредить ребенку, но Марине удалось его переубедить. Все-таки привязанный к кровати мужчина легче идет на контакт.

Словно почувствовав взгляд, Толя оторвался от работы и посмотрел в ее сторону. В последнее время мужчина запрещал отходить от него дальше чем на пять метров. А огромный, словно мячик, живот рассматривал как бомбу с часовым механизмом замедленного действия, которая может взорваться в любой момент. Марину такое отношение веселило, но спорить она не собиралась.

Боль появилась не сразу. Она была ненавязчивой, отдаленной и просто доставляла легкий дискомфорт. Сначала заныла поясница.

— Все-таки не стоило есть вчера так много мяса, — пробормотала девушка и осторожно приземлилась на лавочку. Рука привычно легла на живот. — Что ты сегодня затих, малыш?

— С тобой все нормально? — Колдун сел рядом с ней и слегка притянул к себе, привычно зарываясь носом в волосы любимой, вдыхая ее аромат. Волосы пахли солнцем, весной и счастьем.

— Да. Устала немного. — Девушка лучезарно улыбнулась и прикрыла глаза.

— Пойдем в кроватку?

— Что, прям сейчас?

— Полежим... просто полежим. Ты поспишь.

— Но я не хочу спать. Толь, я беременна, а не смертельно больна.

— У тебя срок рожать через неделю. Тебе надо набраться сил перед... родами.

— Ты почему-то даже больше меня боишься. Э-эх, а еще некромант, гроза умертвий, — фыркнула она.

— Ты знаешь, лучше иметь дело с сотней умертвий. С ними хотя бы знаешь, как справиться, как их контролировать. А тут, — бережное прикосновение к животу. — Тут я ничего не могу сделать.

— Конечно, все, что ты мог, уже сделал. Ладно, пошли полежим.

Марина быстро встала со скамейки... и замерла, чувствуя, как вдруг намокли трусики и вода быстро потекла по ногам вниз.

— Ты чего? — Некромант вскочил следом и схватил ее за плечи, пытливо вглядываясь в побледневшее лицо девушки.

— Толя, ты только не переживай, хорошо? Но у меня, кажется, воды отошли.

После этого побелел он.

— Болит?

Марина замерла, прислушиваясь к себе и своим ощущениям.

— Вроде нет.

— Стой здесь, хотя нет, сядь. Я сейчас возьму вещи, и мы поедем. — Мужчина бережно посадил ее на скамейку и бегом бросился в дом.

— Кажется, совсем скоро мы с тобой встретимся, кнопка, — прошептала Марина едва слышно и улыбнулась яркому солнышку.

Вернулся Разин, на руках отнес ее в машину, и они тронулись в путь. До больницы и целителей было несколько часов пути, посередине которого у девушки начались первые схватки — сразу болезненные и частые.

Марина, чтобы лишний раз не травмировать любимого, старательно сжимала зубы, прикусывала кончик платка и часто дышала.

В больнице ее быстро посадили на каталку и увезли, оставив мужчину ждать в коридоре.

Наверное, это были самые долгие часы в его жизни. Он сидел, ходил из угла в угол, снова сидел, растерянно глядя перед собой, подходил к дверям, надеясь услышать хоть звук... Но нет, все было тихо.

Время давно перевалило за полночь, а новостей все не было.

Наконец быстрые шаги по коридору, распахнутая дверь — и к нему, улыбаясь, поспешила молоденькая целительница. Если она улыбается, значит, все хорошо?

— Здравствуйте, Анатолий Максимович.

— Здравствуйте, — глухо ответил он.

— Поздравляю, у вас дочка, — ведьма знала о том, что они собираются заключать брак. — Роды прошли хорошо, и мама, и малышка чувствуют себя замечательно.

— Я могу их увидеть?

— Вы можете увидеть Марину. Девочку сейчас обмоют, спеленают и принесут к вам. Пройдемте, я провожу.

Его ведьмочка, бледная, осунувшаяся, с кругами под глазами и влажными от пота волосами, в больничной ночнушке в мелкий цветок, лежала на кровати и ждала его. Это была его девочка и в то же время не его. Что-то неуловимо изменилось в ней — взгляд голубых глаз вдруг, в одночасье, стал загадочно-мудрым.

— Мариш, — только и смог выдохнуть Анатолий и шагнул к ней.

Все его незаурядное красноречие куда-то исчезло. Больше слов у мужчины не было. Да и какие могут быть слова между людьми, которые так сильно любят друг друга? Это лишнее и совсем ненужное. Она и так все поняла по одному влюбленному взгляду.

Толя быстро схватил руку Марины и приник к ней губами.

— Переволновался? — прошептала она и нежно улыбнулась.

— Люблю тебя, — глухо ответил Толя и, оставив в покое руку, прислонился лбом к ее лбу. — Как же сильно я тебя люблю.

— Мы тоже очень тебя любим... — она замолчала на мгновение и тихо закончила: — Все-таки девочка.

Мужчина чуть отодвинулся от нее и сел рядом.

— Девочка... Принцесса. Мне так хочется ее увидеть. Расскажи, какая она?

— Смешная. Розовая, сморщенная, серьезная и злая.

— Почему злая? — Он упивался видом любимой девушки — горящими глазами, ласковой улыбкой. Это была его и в то же время не его Маринка. Невероятно, как материнство меняет. Интересно, а он сам тоже изменится? Или уже изменился?

— Не знаю. Просто бровки сдвинула домиком и получилась такой недовольной. А еще у нее темные волосики. Совсем небольшие, но точно темные, как у папы.

Он на мгновение прикрыл глаза, глотая подступивший к горлу ком. Может, только сейчас до него стало доходить, что у него есть дочка, маленькая принцесса с темными волосиками. Его солнышко. Его малышка.

К черту все правила. В бездну все сомнения и Закон. Он не отдаст своих девочек никому.

Через десять минут уже знакомая целительница принесла розовый кулечек. Совсем маленький и живой. Толя резко отскочил в сторону, пропуская ее к кровати, и не смог отвести взгляда от крохотного кулечка, который то появлялся, то вновь исчезал в ворохе пеленок.

— А вот и ваша девочка. Она стойко перенесла процедуры и почти не кричала. Сразу виден характер.

Марина быстро приподнялась и протянула руки.

— Не буду вас беспокоить. Я зайду за ней через час.

— Хорошо. Толь, ну что ты стоишь? Иди скорей знакомиться с принцессой.

Толя сделал шаг, второй и аккуратно присел рядом с ними — на самый краешек кровати.

Девочка была совсем крохотной и такой смешной — кругленькое розовенькое личико, носик кнопочкой, аккуратный подбородочек и длинные-длинные ресницы. Малышка завозилась, нахмурилась, сладко зевнула и так и не проснулась.

— Правда, она самая красивая?

— Я люблю вас, — просто ответил мужчина.

Казалось, что счастье бесконечно, что все тревоги и невзгоды обойдут стороной. И как не обойти, когда на свет появилось такое чудо? Разве для этого не стоит жить? Разве за это не стоит бороться?

Он расслабился.

Столько лет потом корил себя! Ведь мог же почувствовать, мог же понять, что не дадут им спокойно жить. Но нет, счастье тогда затмило все.

Когда целительница пришла за новорожденной и забрала ее, Толя еще некоторое время просидел с Мариной. Уговорил поспать и набраться сил. Уже была половина пятого утра, еще немного, и рассвет. После чего он решил сходить купить кофе, чтобы взбодриться. Ведь помнил, что видел внизу кофейный аппарат.

Улыбаясь и тихо насвистывая мелодию, вышел в коридор и огляделся.

Так переживал и волновался за Маринку, что совсем не запомнил дорогу в приемный покой, когда шел сюда с ведьмой. Может, спросить у кого?

Тишина.

Лишь сумрачный коридор, слабо освещенный потолочными светильниками.

Пожав плечами, Толя свернул направо и через пару минут наткнулся на дверь с надписью: «Детское отделение».

— Не туда, — пробормотал мужчина и уже собирался уходить, когда услышал непонятный шум.

Словно что-то большое упало на пол и, кажется, кто-то слабо застонал.

Показалось?

Но все инстинкты кричали об обратном. Даже сущность (с которой, надо сказать, он в последнее время не очень ладил) встала на дыбы и глухо зарычала.

Опасность...

...Дочь...

Разин неслышно проскользнул в открытую дверь, бесшумно преодолел небольшой коридорчик и подошел к еще одной открытой двери, из которой лился яркий свет. На пороге в луже крови лежала целительница.

Жалобно заплакал ребенок.

— Заткнись, тварь, — прошипел мужчина, голоса которого Толя просто не мог не узнать.

Наплевав на конспирацию, Разин быстро обошел девушку и вышел на свет.

— Макс, что ты делаешь?

Лучший друг, товарищ по играм и развлечениям и один из самых близких соратников, с которым некромант прошел огонь и воду, сейчас стоял над его плачущей дочерью и сжимал до боли знакомый черный пузырек с ярко-зеленым вензелем.

Внутри у него все похолодело и сжалось... «мертвое пламя».

— Помогаю тебе принять верное решение, — с жуткой улыбкой на губах ответил блондин и еще сильнее сжал артефакт. Светло-карие глаза горели фанатичным огнем.

— Отойди от нее, Макс. Не натвори глупостей! — Разин поднял руки вверх в предупреждающем жесте и сделал еще один осторожный шаг в их сторону.

— Ты предал всех нас. Ты предал отца, меня. И все ради чего? Ради слабой шлюхи, которая даже сына тебе родить не смогла? Скажи, она этого стоила?

— Макс, отойди от моей дочери.

— Не мешай мне, Толя. Это всего лишь младенец, ты даже не успел к нему привязаться.

А дальше все произошло за считанные секунды — колдун открыл крышку и выпустил зеленое пламя прямо на девочку, а Разин выбросил блокирующее заклинание, лишаящее Максима возможности двигаться. Блондин сразу же упал как подкошенный и глухо ударился о пол, а некромант бросился к плачущей дочке, вокруг которой уже полыхали первые бледно-зеленые всполохи проклятия.

— Нет... нет-нет-нет!.. Не позволю!!! НЕТ!!!

Как только колдун выпустил всю свою силу наружу, внутри радостно встрепенулась сущность. Ей в кои-то веки позволили захватить власть над телом.

Слава богу, Макс использовал именно то проклятие, которое подчиняется лишь некромантам, поэтому шанс спасти ребенка еще имелся. Крохотный, но был. И он должен был его использовать.

Мужчина схватил малышку на руки и прижал к себе, не обращая внимания на то, что пламя уже сжигает и его вместе с дочерью. Либо они вместе выберутся, либо вместе сгорят. Другого не дано.

Некромант положил ладонь девочке на грудь и сделал то, чего не делал никогда до этого момента, сделал то, что строжайше запрещалось Законом. Он разбудил сущность у младенца.

ГЛАВА 13

— Подождите, подождите. — Димка вскочил с дивана, на котором сидел уже минут десять, нервно запустил пальцы в лохматую шевелюру. Давненько мне не доводилось видеть своего шефа таким растерянно-непонимающим. Впервые за долгое время он не знал, что сказать и с какой стороны подойти к проблеме. — Это что получается? Анатолий Разин занимался незаконными экспериментами над детьми? Пробуждал сущности в младенчестве и наблюдал, что из этого получится? Причем измывался не только над чужими детьми, но и над своими?

В подобной интерпретации, да еще и с Димкиной подачей фактов, все на самом деле выглядело чудовищно и крайне жестоко.

— Это были не эксперименты, — отрезала Николь.

Она сидела в кресле прямо напротив меня. Все еще бледная, с кругами под глазами. Но решительная. И именно она сейчас встала на защиту моего отца, когда я... Я просто молчала.

— Да ты что!

Рыжая тихо что-то пробормотала сквозь зубы, но ругаться не стала.

— Для особо одаренных повторяю еще раз — это были не совсем эксперименты... В первый раз вообще все произошло случайно. Не так ли, Татьяна? Ваш отец хотел спасти вас от проклятия и поэтому пробудил сущность, стал подпитывать ее своей магией для того, чтобы вы изнутри очистили себя.

Я кивнула и продолжала молчать. Конечно, это неправильно, но разговаривать не хотелось. Наоборот, больше всего на свете мне необходимо было пойти в свою комнату, залезть под одеяло и все хорошенько обдумать. А думать мне имелось над чем.

Значит, отец не остановился на разговорах, а очень активно и успешно внедрял свою реформу магических практик в колдовские массы. Причем очень долго. А я ничего не знала. Вот эта рыжая ведьма знает об опытах отца намного больше, чем я. И Страж знает. Хорошо хоть Дима не в курсе, а то я почувствовала бы себя совсем уж ущербной.

Мучил меня и другой вопрос. Сколько же их? Таких, как мы — жертв эксперимента?

— И что вышло? Зачем такие риски? — не унимался Дима. — Это ведь не только запрещено Законом. Это опасно для ребенка.

— С чего ты вообще взял, что практика Разина по пробуждению сущностей была опасной? — парировала рыжая. — Только из того, что в древнем договоре с Тьмой (договора, кстати, уже лет триста никто не видел) сказано, что сущность проснется у ребенка сама после достижения им пяти лет? А мы все эти годы слепо подчинялись, даже не задумываясь, а почему пробуждать ее запрещено?

— И почему же? — Соколов вновь сел на диван, откинулся на спинку и закинул ногу на ногу. У него даже получилось выглядеть почти равнодушным, вальяжным и спокойным. — Просветите меня, уважаемая.

Николь замерла с открытым ртом и перевела взгляд на молчаливого Стража, который также не произнес ни слова с того самого момента, когда мы вошли в кабинет. Затем ее взгляд остановился на мне и снова перешел на Стража.

— Я не могу сказать, — произнесла она наконец.

— Отчего же?

— Я давала клятву.

— Отлично. Просто замечательно. Тань, ты знала обо всем этом? Хотя что я спрашиваю, конечно, знала. Это же твой отец проводил опыты.

— Я ничего не знала. — Мне жизненно необходимо было сказать это, и я сказала. — От нас всячески скрывали, над чем работал папа. Правда открылась незадолго до его смерти. Чисто случайно я... услышала один разговор, который слышать не должна была.

— У меня просто нет слов. Такие интересные подробности выясняются. Серый, а ты чего

молчишь? Ты что об этом думаешь? И вообще, как Стражи могли допустить такие опыты у себя под носом?

Страж вздохнул... потом еще раз.

Мне казалось, что больше потрясений сегодня не предвидится. Но как я ошиблась!

— Сущность Игоря разбудили, когда ему исполнилось восемь месяцев.

Николь нервно хихикнула в своем уголке и тут же прикусила губу, а Димка разразился такой тирадой, что у меня уши заалели. Даже не знала, что существуют такие словесные обороты. Причем приличными в его речи были только местоимения и предлоги.

Сергей, не дрогнув, с совершенно спокойным лицом все выслушал.

— Зачем?

— Я хочу для своего сына лучшей жизни.

— Скажи мне, пожалуйста, дорогой мой брат, когда Совет узнает обо всех измененных детях, что он сделает? Думаешь, у Игоря будет после этого жизнь?

— Ты собираешься им рассказать?

Димка замер и замолчал, внимательно глядя на брата. Мы с Николь даже дышать перестали.

— Ты за кого меня принимаешь? Чтобы я вас своими руками отправил на костер? — наконец произнес феникс, прикрыл глаза и уже спокойно закончил: — Рассказывайте давайте. И так понятно, что мы теперь все в одной лодке. И если из-за вас меня прилюдно сожгут, то я хотя бы буду знать за что.

Конечно, Дима утиривал.

Или нет? Как-то, размышляя о свалившихся на наши головы проблемах, я упустила из виду само правосудие. Может, пострадавшими нас и признают, возможно, даже пожалеют публично для видимости. Но мы знаем, что делают с жертвами опытов, когда необходимо скрыть следы незаконных экспериментов. Конечно, уничтожают. А мне как-то не хотелось быть уничтоженной. Вот совсем. Уж лучше прожить всю жизнь ущербной и неправильной ведьмой.

— Я не могу нарушить клятву, — упрямо произнесла Николь, всем своим видом показывая, что выпытать из нее какую-либо информацию против ее воли не удастся.

— А я могу, — вдруг произнес Сергей. — Разин действительно сначала не собирался идти против Закона, Совета и людей. Единственное, что тогда двигало некромантом, — желание спасти свою дочь, она была проклята. Анатолий даже не сразу понял, как пробуждение сущности повлияло на вас, Татьяна.

— И как же оно повлияло? Я ничего сверхъестественного в ней не заметил. А мы все-таки проработали бок о бок более четырех лет, так что я бы точно зафиксировал хотя бы одно отклонение от нормы. — Шеф увидел мою выразительно приподнятую бровь (кое-чего обо мне ты все-таки не знал!) и замолчал на мгновение, чтобы быстро продолжить: — «Мертвое пламя» не в счет.

— Как скажешь, — скептически улыбнулась я.

— Изменения видят только Стражи и некроманты, и то — особым зрением.

— И что же они видят?

— Светлую сущность, — ответила я.

— Сущность не может быть светлой по определению, — покачал головой феникс. — Она часть Тьмы, а Тьма сама по себе черная.

— Сущность Разиных светлая, — Страж повернулся к Николь. — А вот ваша, скорее, серая.

Девушка обаятельно улыбнулась, стрельнув в сторону Стража красивыми глазками:

— Мне было почти два года, когда Разин разбудил ее.

— Так-так-так, это все понятно. Допустим, она действительно светлая и так далее. Но что это дает? Умение быть верными и преданными, способность к сопереживанию и возможность испытать великую любовь? — Димка произнес последнюю фразу и, внезапно помрачнев, отвел взгляд от брата.

Вовремя вспомнил историю его жизни? Вспомнил, что Страж сам любил когда-то, будучи молодым колдуном?

— Любить мы можем и с темной сущностью, — если Сергей и заметил его поведение, то виду не подал. — Стоит лишь захотеть. Нас все эти столетия специально вводят в заблуждение, говоря, что маги не способны на сильные чувства, на страсть. А мы способны. Но хотим ли мы этого? Вот ты, Дим, хотел бы познать оборотную сторону любви? Ведь существуют еще тоска, боль, ревность, разочарование и безответность чувств. Слишком много эмоций, которые не дадут просто наслаждаться жизнью и подзаряжаться от любой особи противоположного пола.

Я, затаив дыхание, ждала ответа. Но Димка молчал, задумчиво барабанил длинными пальцами по подлокотнику кресла. И по его лицу не было понятно, какие мысли бушуют в его сейчас. О чем же он думал?

— Я понял... Но что происходит с сущностью? Почему она становится светлой, только если ее разбудят до пяти лет? Почему такие строгие временные рамки?

— Двух, — вмешалась Николь. — После двух лет смысла будить уже нет.

— Хорошо, после двух.

— Сущность просыпается у нас сама после достижения пятилетнего возраста. Это необходимо для того, чтобы, обладая магическими способностями, ребенок не покалечил себя. Но все не совсем так. Что мешает разбудить сущность и поставить блоки? Все мы рождаемся светлыми, настолько чистыми, что сущности приходится прятаться в непроницаемый кокон глубоко внутри нашего сознания.

— Подожди. — Соколов подался вперед и неверяще хмыкнул. — Ты хочешь сказать, что чистая душа ребенка меняет раньше времени разбужденную и активированную сущность? Делает ее чище и светлее? Ты серьезно?

— Вполне. Дима, я — Страж. Я повидал столько чудес, которые творят храмовники одной лишь силой веры. Не забывай, сущность нам подсадили, она не была с нами изначально. И до достижения двух лет она не может нас менять, лепя по своему образу и подобию.

— Какие еще бонусы дает раннее пробуждение сущности?

— Возможность вступать в брак без каких-либо последствий для себя.

Димка вздрогнул и напрягся.

Я его прекрасно понимала. Для всех нас брак — это не счастливая церемония, как у людей. Для нас брак — это адская, нестерпимая боль, которая проникает в каждую клеточку тела, меняя нас и нашу сущность, полностью или частично отнимая силу и магию. Но даря при этом свободу от кланов, возможность любить, жить и иметь детей.

За все приходится платить. В нашем случае за любовь приходится платить магией.

— Но почему об этом никто ничего не знает? Почему нигде нет даже малейших упоминаний о способах решения столь насущной проблемы?

— Совет знает и скрывает. Люди тоже. Ты представляешь, что будет, если все маги начнут вступать в брак, не боясь впоследствии лишиться магии?

— Больше не нужны кланы, — тихо ответил Соколов. — И контроль за рождаемостью потеряет свою актуальность. Люди лишатся серьезного рычага сдерживания магов... И дальше, как эффект домино, полное изменение сложившегося порядка... Твою мать, Разина, во что ты влезла?

Не только влезла, но еще и его затащила. Смотрела на Димку и понимала, что он действительно в шоке, собственно, как и я. Но мне легче, что-то подобное я давно подозревала.

— Сколько нас таких? — хрипло спросила у Стража, но ответила мне Николь:

— Немного, человек сто-сто пятьдесят. Разин старался не привлекать внимания к своей деятельности. Ждал вступления в Совет.

— Как ваша Глава решилась помогать отцу? Если об этом узнают наверху, она может лишиться статуса и власти!

— У них были своеобразные отношения, они, можно сказать, дружили. Более тридцати пяти лет назад Разин провел ее инициацию. У нас в клане двое измененных — я и еще одна девушка. Впрочем, я, можно сказать, не совсем удавшийся эксперимент, сущность у меня серая, — Николь хмыкнула и отвела взгляд.

— Офигеть, — подытожил Димка. — У меня остался только один вопрос: кто отправил чету Разиных на тот свет? Ведь это же не был несчастный случай, как писали в газетах?

Я моментально обернулась к Сергею. Мне тоже хотелось знать ответ на этот вопрос. Уже лет пять хотелось.

— Не влезай глубоко в это дело, Дима, — резко ответил тот.

— Да куда уж глубже? И так влез по самые уши. — Шеф очаровательно улыбнулся, игнорируя мрачный взгляд брата. — Значит, я прав и это была не простая автокатастрофа?

— Это была авария.

С трудом сдержала разочарованный вздох. Ничего узнать не получилось. Не то чтобы я рассчитывала на откровенность и раскрытие всех тайн. Хотя отчего же... Еще как рассчитывала. Но, видимо, у Стража имелись веские основания скрывать информацию о гибели родителей.

Даже Дима осознал это и смирился с тем, что никакой конкретики мы от Сергея больше не услышим.

— Еще тайны на сегодня есть? — Он быстро поднялся с дивана и сладко потянулся.

— Кончились, — хмыкнула Николь. — Я могу вернуться в свой номер в отеле? Или мне придется гостить у вас некоторое время?

— Дима тебя проводит, — чуть улыбнулся Страж, утратив мрачную угрюмость. Да, улыбка была чуть заметной и мимолетной. Но ведь он улыбнулся. Мне вот он, например, никогда не улыбался. И кстати, когда они успели перейти на «ты»?

Я как-то внезапно осознала, что являюсь единственной в этом доме, кому он говорит «вы». И чем я заслужила такие политесы?

— Да? — удивился тем временем Соколов.

— Да.

— Хорошо. Доставлю госпожу Петрову прямо по назначению и вернусь в Москву.

Сердце буквально ухнуло вниз.

— Зачем?

— Дела, — глубокомысленно ответил Дима и подмигнул. — Не переживай, колючка. Ничего серьезного.

А вот после его слов я действительно начала переживать. Зачем ему в Москву? Турне отменяется? Почему? Что такого они успели обсудить в кабинете вдвоем, если это заставило их так резко поменять планы? И почему мне ни о чем не говорят?

К сожалению, все мои вопросы так и остались без ответа. Думаю, если бы я рискнула их задать, меня просто погладили бы по головке и ласково улыбнулись, посоветовав отдохнуть и ни о чем не думать.

Димка галантно подхватил Николь под руку, и они быстро исчезли в сфере, которую открыл для них Страж. Потом был сытный ужин, который, помня о моем состоянии, приготовила Лизка. Остаток вечера прошел спокойно — Сергей опять просидел у себя в кабинете, разговаривал с кем-то по телефону, Лизка смотрела очередную мелодраму, Дэн и Игорь что-то

увлеченно обсуждали в комнате. Что именно, я не прислушивалась.

А я лежала в комнате и приходила в себя от погружения. Да и просто подумать не мешало.

Во-первых, непривычно осознавать тот факт, что мы не одни такие — аномальные маги со светлой сущностью, нас почти полторы сотни. Стало ли мне от этого легче? А вот и нет. Если трех светлых магов еще можно было по-тихому и незаметно ликвидировать, то устранение такого количества народа скрыть весьма проблематично.

Во-вторых, возможность вступать в брак без опасения потерять силу и магию:.. Это, конечно, хорошо. Я-то силу не потеряю. Но это же нисколько не защитит моего, так сказать, избранника от потери после брака собственной магии. На него же мои способности не распространяются. На того же Диму... Какой-то я странный пример привела. Ну и ладно. Все равно это ничего не меняет. Если для Дэна это не такая большая проблема, то нам с Лизкой не повезло. Какой мужчина потерпит, чтобы его жена была сильнее его в магическом плане?

В-третьих, чистота младенца меняет сущность, если ее разбудить до достижения ребенком двух лет. Никогда бы не подумала, что такое возможно. Но Страж прав, чего только в жизни не бывает. Выходит, что после двух лет это уже невозможно. А с пяти лет сущность начинает менять нас по своему образу и подобию, чему весьма способствует наше магическое окружение. У детей просто нет шансов вырасти полноценными в плане чувств.

И чего папа хотел добиться этим? Неужели верил, что сможет, вступив в Совет, легализовать пробуждение сущности?

Ближе к одиннадцати вернулась сестренка. Я быстро закрыла глаза, сделала вид, что сплю. Она приняла душ, переоделась и улеглась на кровать рядом со мной. Минут через десять Лиза начала сладко сопеть. Заснула.

Осторожно поднялась и вышла из комнаты. Надеюсь, успею. Если нет, Игорек уже показал мне, где находится тревожная кнопка. В любом случае в лабораторию я сегодня попаду.

Но я все-таки успела.

— Татьяна, что вы здесь делаете? — Сергей стоял у открытой двери, ведущей в подвал, и смотрел на меня.

— Я иду с вами.

Мужчина молчал, продолжая меня разглядывать. В этот момент я осознала, что в своем остром желании успеть помочь Стражу не обеспокоилась внешним видом, и теперь стояла перед ним в коротких хлопковых шортах и тоненькой маечке на бретельках. Все прилично, но... меня отчего-то обдало волной жара.

— В этом нет необходимости, — отводя взгляд, ответил он.

— Есть. Вы рискуете жизнью ради меня, травите себя проклятием.

— Это моя работа.

Меня злил этот ответ. Конечно, это его работа, и все. Я — лишь работа, без каких-либо замахов на исключительность. Все верно, но от этого стало обидно и горько. Но времени, чтобы разобраться в своих эмоциях, у меня не имелось.

— А это мое проклятие, и оно меня не затронет. Кто-то обязательно должен присутствовать с вами рядом. Хотя бы воды подать.

— Подать воды? — переспросил Сергей и неожиданно улыбнулся — мягко и открыто. Впервые за все время, что я его знала.

Мое сердце не вздрогнуло, ноги не подкосились. Но сущность сладко мурлыкнула внутри, а я улыбнулась в ответ.

— Подать воды, — кивнула и застыла, ожидая ответа.

— Хорошо, пойдемте.

Считывание охранкой в этот раз прошло менее болезненно. То ли я уже привыкла, то ли ее на меня настроили. Но спрашивать не решилась.

Мы вошли в комнату. Я замерла у дверей, не зная, что делать дальше, а Страж быстро подошел к столу и налил себе настойку в стакан. Одним махом выпил, даже не поморщившись, и перевел взгляд на меня.

— Не передумали?

— Нет.

— Настойку больше не давать, что бы ни случилось. Понятно? Воду можно.

Он сел на диван, достал из кармана небольшой артефакт и мгновенно, даже не задумываясь, открыл крышку.

Я заставила себя смотреть, хотя это было страшно.

Сердце тревожно замерло, а тело покрылось мурашками, как только светло-зеленое пламя выползло и змеей начало оплетать мужчину. Я не отвела взгляда даже тогда, когда проклятие хищным мощным броском стало проникать прямо в его сердце. Страж дергался, резко втягивал воздух... но молчал. А огонь мощными толчками все глубже проникал в его грудь. Да когда же оно иссякнет? Ведь это должно быть совсем небольшое проклятие, слабенькое. Но прошла уже минута, а оно все не утихало. А я вновь и вновь вспоминала, почему оно называется «мертвым». Не из-за специфического цвета, просто это проклятие сжигает не только тело, но и душу. И если тело целители еще могут восстановить, то душу — увы...

А Сергей продолжал молчать, стиснув зубы, даже почти не дергался, хотя, видит бог, ему сейчас было очень и очень больно. Лишь дыхание с хрипом вырвалось из легких.

Сглотнув ком, я перевела взгляд на его лицо и вздрогнула. Только сейчас осознала, что он все это время смотрит прямо мне в глаза. У него стало совершенно белое лицо, на котором ярким пламенем полыхали невероятно изумрудные глаза.

В его взгляде не было боли или злости. Он просто всматривался в мое лицо, словно пытался рассмотреть что-то важное и нужное.

Сущность жалобно скулила и скакала внутри меня, больно била по и без того натянутым нервам. Сначала мне казалось, что она боится. Но это не так. Она стремилась к Стражу, хотела ему помочь, облегчить его страдания. От осознания этого я впала в легкий ступор. Да что с ней такое? С чего вдруг такие эмоции?

Но глаз не отвела. Странно, но мне почему-то казалось, что мои глаза для него как якорь, который удерживает его на плаву, помогая перенести боль проклятия. Мы так и застыли, глядя друг на друга.

Не знаю, сколько прошло времени, но проклятие уже было полностью внутри его. Черты лица еще больше заострились, сделав его похожим на маску. Периодически на теле вспыхивали зеленые всполохи, но ожогов не оставляли.

Сергей первым разорвал зрительный контакт.

— Воды, — хрипло произнес он.

И я бросилась к графину.

— Вот и исполнилась ваша мечта, — сипло проговорил мужчина, как только залпом осушил стакан.

Я непонимающе нахмурилась.

— Поднести стакан воды, — неловко улыбнулся Страж.

Еще и шутим? Вот это бравада! Все еще бледен, и глаза полыхают зеленым пламенем, но, по крайней мере, стал походить на человека, а не на манекен.

— Как вы себя чувствуете?

Сергей выразительно приподнял бровь и улыбнулся более открыто.

А улыбка у него красивая... и соблазнительная ямочка на левой щеке... и сеть мелких морщинок в уголке глаз... а в этих самых глазах неожиданно разглядела искорки-смешинки. И

как-то не вязался его наигранно-легкомысленный вид с тем образом Стража, что я уже выстроила в своей голове.

Я неожиданно смутилась и, отвернувшись, поставила стакан на место.

Да что это такое? Он проклят «мертвым пламенем», а я думаю совсем не о том. Хотя, чего это он улыбается? Весело ему, что ли?

Села в кресло, что стояло рядом с диваном.

— Я имею в виду... может, стоит принять еще настойку?

— Нет, не стоит.

Краем глаза увидела новый всполох пламени.

— Больно?

Он слегка приподнял руку, внимательно ее осматривая.

— Нет. Просто жарко.

— Еще воды?

— Пока нет. Сейчас уже лучше, еще минут десять-двадцать, и я буду в норме. Думаю, третий прием зелья пройдет еще легче, даже без противоядия.

От этого заявления я пребывала, мягко говоря, в шоке. Я тут, понимаешь, семь лет мучилась от сильнейшего проклятия, от сексуальной неудовлетворенности и минимального резерва... Столько всего перепробовала... А оказалось, что надо было найти такого вот вредного и дотошного Стража, который готов рискнуть жизнью ради меня.

— Как вам это удается?

Наверное, стоило задать вопрос по-другому, но он меня понял.

— Врожденная способность и работа храмовников. Я их самая любимая игрушка.

— Как и я, — хмыкнула в ответ.

— Добро пожаловать в клуб экспериментальных игрушек. — Мужчина не сводил с меня внимательного взгляда. — Вам не стоило сюда приходить.

— А вам не стоит так собой рисковать из-за меня.

— Это моя работа.

— А это мой долг — быть здесь, — парировала я и скрестила руки на груди, упрямо вздернув подбородок.

А он не злился, наоборот, еще шире улыбался. Да что с ним такое? Может, проклятие на мозги как-то подействовало? Страж же сам на себя не похож. И я совсем не знаю, как себя с ним вести. Он своим поведением просто поставил меня в тупик.

— Вы очень упрямая девушка.

— Я — ведьма, а ведьмы все упрямые.

Хотела отбиться стандартной фразой, которая всегда срабатывала, по крайней мере, с Димой. И никак не ожидала от него ответной реплики.

— Ложь.

Теперь моя очередь красноречиво приподнимать бровь.

— То, что я ведьма?

— Ведьма, — кивнул он и равнодушно посмотрел на светло-зеленую тоненькую змейку из огоньков, что быстро обвила его запястье. Она пару раз сверкнула и также быстро исчезла. А Сергей перевел взгляд на меня. — Но именно для вас это не основополагающее. Вы прежде

всего девушка. Серьезная, целеустремленная и очень порядочная девушка, которая любит свою семью и ради близких готова на любые лишения и тяготы. Причем даже ценой собственного благополучия. А это противоречит самой природе сущности — думать о ком-то кроме себя и рисковать жизнью.

— Они мои брат и сестра.

— Ведьмы легко отказываются от собственных сыновей, которых вынашивают девять месяцев. Что им до братьев или сестер?

— Все дело в моей сущности. Она же вроде как белая.

Страж пожал плечами, явно не собираясь развивать эту тему:

— Если вы настаиваете.

И замолчал. Что ж, я не буду упорствовать.

Поджала ноги и откинулась на спинку кресла, устраиваясь как можно удобнее. Насколько это возможно в маленьком кресле.

На столике — часы.

Тик-так... тик-так... тик-так...

Странно, но я только сейчас услышала их тиканье. Видимо, дело в тишине, что накрыла лабораторию своим мягким пологом.

Скосила глаза в сторону Стража. Он тоже расслабленно расположился на диване и закрыл глаза. Вроде ухудшения нет.

Тик-так... так-так... тик-так...

Теперь тиканье не раздражало... С трудом сдерживая зевоту, прикрыла глаза... Всего лишь на секундочку, на мгновение.

...Облака. И небольшая деревянная лодка, на которой я стояла, широко раскинув руки, словно стремясь обнять весь мир. Мягкое покачивание из стороны в сторону еще больше убаюкивало.

Хорошо-то как. Давно мне не было так легко и спокойно. Подставила ветру лицо и почувствовала его мягкое прикосновение. Эх, мне бы крылья, большие такие, белые...

Я не сразу заметила, как ветер стал осязаемым. Просто в какой-то момент почувствовала крепкое объятие... но страха не было. Наоборот, появилось удивительное чувство защищенности... И этот аромат... Разве ветер может пахнуть? Не знаю. Да это и не важно.

Глубоко вдохнула запах и уткнулась носом в чью-то шею... Хм, у ветра есть шея? Но это ведь всего лишь сон. Значит, здесь все может быть. Все, что я захочу.

— Спи, — прошептал ветер и нежно коснулся губами виска.

Мало... я обиженно нахмурилась и потянулась к нему. Он же не может просто так исчезнуть!

Горячее дыхание опалило мои губы... пока это только дыхание, словно ветер еще раздумывал, целовать меня или нет... А я вместо того чтобы самой сделать шаг, податься ему навстречу, неожиданно испуганно замерла.

Чужие мягкие губы осторожно касались моих... Почти невесомо, дразняще... Раз... второй... третий... Зубы слегка прикусывали и оттягивали мою губу, и я с тихим вздохом раскрылась ему навстречу...

Мой ветер улыбался... Не видела, чувствовала... И я улыбалась в ответ.

В следующее мгновение его губы вернулись к моим уже с поцелуем, который сводил с ума, заставляя сердце бешено колотиться в груди. Мне не хватало кислорода, но и оторваться от ветра я не могла. Это выше моих сил. Уж лучше задохнуться, чем лишиться этого пьянящего, сводящего с ума вкуса чужих губ.

Но ветер отступил сам. Вновь поцелуй в висок и хриплое:

— Спи, ведьмочка...

Но я уже и так спала. И ты мне снился... как жаль, что ты только в моих грезах...

А дальше все исчезло в сонном тумане.

Резко села и протерла глаза, пытаюсь понять, что меня разбудило. Я не сразу поняла, что нахожусь не в своей спальне. Некоторое время недоуменно рассматривала клетчатое покрывало, которым кто-то заботливо меня укрыв.

Страж. И мало того, что укрыв, он еще перенес меня с неудобного кресла на диван.

Только где он сам?

Быстро огляделась.

Никого нет. В лаборатории я одна.

Вот тебе и помощница. Вместо того чтобы следить за его состоянием, взяла и вырубилась. Поморщилась от досады... ладно, потом себя поругаю, и взглянула на часы.

Шесть утра. Ну, здравствуй, новый день!

Через пару минут я уже была на первом этаже и собиралась идти в свою комнату, чтобы переодеться. Услышала легкий шум в гостиной, который заставил меня резко сменить направление.

Незнакомец со смуглой бронзовой кожей, небольшой щетиной на подбородке, прямым носом с горбинкой и невероятно красивыми глазами цвета горького шоколада монументально и очень экзотично смотрелся на фоне светлой комнаты. Белоснежная рубашка с коротким рукавом, классические темные брюки, волнистые волосы цвета воронова крыла, небрежно зачесанные назад и открывающие высокий лоб. Не сказала бы, что красивый, но точно притягательный мужчина.

Стоило только войти в гостиную, как он сразу же повернулся ко мне, быстро, удивительно мягко и плавно, как хищник.

Хищник?

Я резко шарахнулась в сторону и наткнулась спиной на Сергея, который входил в гостиную следом за мной.

А оборотень все смотрел на меня, я видела, как светлеют его глаза, становясь желто-оранжевыми, как вытягивается зрачок, становясь длинным, словно у кошки, как слегка подрагивают крылья носа, когда он втягивает воздух, улавливая и запоминая мой аромат.

— Мархаба, Саид, — невозмутимо произнес Сергей, ободряюще кладя руки мне на плечи.

Араб прекратил меня гипнотизировать и перевел взгляд на Стража.

— Здравствуй, Страж, — четко, на чистом русском языке произнес он. — Мне передали, что ты хочешь со мной встретиться.

— Ты оперативно. Присаживайся. — Сергей подтолкнул меня к диванчику, но ноги не слушались.

Не хочу! Ничего не хочу — садиться, разговаривать, даже просто находиться рядом. Что Страж задумал? Зачем он пригласил этого оборотня сюда? Лизка, моя маленькая сестренка, на которую этот похотливый, облезлый (хорошо, не облезлый, а довольно симпатичный) котяра решил наложить свои лапищи, а она, ничего не подозревая, спит сейчас в своей кровати прямо над нами.

— Если не ошибаюсь, Татьяна Разина. — Саид удобно расположился на диване и медленно и неотрывно скользил по мне оценивающим взглядом снизу вверх.

Взгляд не был похотливым, сальным или плотоядным, нет, он был цепким и внимательным. Но

это не значит, что мне он доставлял удовольствие. Ведь именно сейчас я осознала, что на мне все тот же хлопковый комплект, который не то что не скрывает, а очень даже красиво обрисовывает мои выпуклости, а на голове у меня черт знает что.

— Вы знаете... — Я аккуратно высвободилась из рук Стража и неуверенно улыбнулась. — Ваш визит для меня является небольшой, но, несомненно, приятной неожиданностью, — главное не расплакаться от счастья. — Вы не возражаете, если я переоденусь и сразу спущусь к вам?

— Меня ваш внешний вид несколько не смущает, — равнодушно пожал плечами мужчина.

Еще бы его смущал, не он же стоял передо мной в непристойном виде?

Хорошо, значит, сбежать для того, чтобы переодеться и хоть немного проанализировать ситуацию, не получится.

Я сухо улыбнулась и села в кресло, привычно закинув ногу на ногу. Без того короткие шорты задрались еще выше, привлекая внимание. Оборотень лишь скользнул по ним равнодушным взглядом.

Интересно.

— Деньги были переведены сегодня ночью. — Сергей устроился рядом со мной, в соседнем кресле.

Изо всех сил постаралась сохранить равнодушное выражение лица и не лезть с расспросами. Нет, мне предстояло сделать вид, что я в курсе обсуждаемой темы. Мне вот интересно, а нельзя было мне об этом как-то раньше сказать, хотя бы предупредить? Чтобы я не чувствовала себя сейчас полной идиоткой?

Хорошо хоть годы работы с Димой приучили держать хорошую мину при плохой игре. Даже если ты выглядишь не самым лучшим образом, носи голову как королева. Хотя, услышав ответ Саида, я с трудом сдержалась, чтобы громко не выругаться.

— Я видел, — оборотень кивнул. — Соколов ввел меня в суть дела.

Спелись, гады! За моей спиной!

— Я надеюсь, претензий к госпоже Разиной у тебя больше нет?

— Претензий нет. Но я хотел бы обсудить с вами вопрос инициации вашей сестры.

Даже так.

И отказываться я просто не имею права. Красноречивый взгляд Сергея ясно сказал мне об этом. Вмешиваться он не имел права, принимать за меня решение тоже, но дать совет — вполне. И сейчас он явно говорил мне: договаривайся!

— Прямо сейчас? — Последняя попытка перенести или хотя бы оттянуть этот разговор.

— Прямо сейчас. — В карих глазах ярко полыхнули оранжевые блики.

Он разгадал мой маневр и тихо засмеялся надо мной. Хотя чего я ожидала от оборотня, который занимает весьма высокий пост? Политика и закулисные игры у него в крови. А моя бравая эскапада для него — всего лишь игра.

Собственно, чего я артачусь, Саид не самый плохой вариант для инициации Лизы. Вот только...

— Хорошо. Но хочу заметить сразу, что те условия пребывания, что стояли в прошлом договоре, для нас являются неприемлемыми.

Оборотень слегка склонил голову:

— Вы имеете в виду сроки пребывания Лиз в моем доме?

Надо же, как он ее называет. Мне показалось или, произнося имя сестренки, он чуть не замурчал? И когда сестра успела так его зацепить? Или азарт погони сказался?

— А если ей самой захочется погостить у меня подольше?

От его чувственной улыбки и ярких бликов в глазах у меня даже сердце застыло на мгновение. Обаятельный, зараза, и удивительно притягательный. Неподражаемый шарм, свойственный восточным мужчинам и тем более оборотням. Совсем не красавец, совершенно не в моем вкусе, но сердце невольно замерло.

— Об этом вы сможете лично поговорить с Елизаветой.

Очередной кивок.

— Мои юристы подготовили проект договора, можете взглянуть.

— Хорошо. — Я приняла от него увесистую папку.

Не только взгляну, прочитаю все — от корки до корки. Каждую букву проверю.

— А теперь у меня вопрос к тебе, Страж. Ты серьезно думаешь, что Марианна могла в одиночку все это проверить? Прошу прощения, Татьяна, но ваша бабка не отличается большим умом и сообразительностью.

— Согласен.

— И так красиво все ниточки ведут к ней... абсолютно все. Метаморфа наняла она. Она же выкрала документы. Деньги быстро обнаружились на одном из ее счетов, сирена даже не удосужилась перевести их в не контролируемые нами зоны.

— Чего ты хочешь, Саид?

— Чтобы ты назвал мне имя истинного виновника. Мне не нужна подсадная утка. Марианну можешь забрать себе... А вот с теневой фигурой я разберусь сам.

Сергей нахмурился:

— Это противозаконно, Саид.

— А я не прошу тебя в этом участвовать. Только скажи имя, обещаю, он останется живым, — оборотень оскалился и вдруг неожиданно замер.

Затем резко поднялся с дивана, повернулся всем корпусом в сторону двери. Я испуганно вскочила, Сергей тоже. Но Саид стоял, не делая попыток сдвинуться с места. Только всматривался в пустой проем, подобравшись, словно хищник, готовый к прыжку. Его глаза моментально стали совсем желтыми, как расплавленное золото. И этот голодный звериный взгляд гипнотизировал, у меня даже во рту пересохло.

Я знала, кто должен был сейчас появиться, и сделать ничего не могла.

Сначала я услышала шаги, затем задорный смех, от которого Саид вздрогнул всем телом, и вот в гостиную вошла Лизка. Сестренка в легком, до колен, свободном белоснежном хлопковом сарафанчике на бретельках, с романтичными рюшами по краю подола. Золотистые волосы собраны в две косички, а на лице сияет лукавая улыбка.

Саид тихо зарычал, но все еще не двигался.

А вот Лизка... Она замерла с широко распахнутыми глазами, как испуганная лань, которую настиг опытный хищник. Вот так они и стояли, смотря друг другу в глаза.

«Блин...» — только и могла подумать я.

Похоже, от Саида уже не отделаться.

Хорошо хоть у Лизки сейчас хватило ума не дергаться и не делать резких движений. В данный момент это чревато нешуточными последствиями.

Скосила глаза в сторону застывшего рядом Сергея. Он был удивлен не меньше меня, вон как брови нахмурил, мгновенно стал серьезным и не менее собранным. Да, такой даже оборотня сможет остановить. Значит, Страж не специально притащил сюда одурманенного зельем зверя. Но возник другой вопрос: какого черта он сам сюда явился? Хотя, если учесть, что Саид более-менее себя сдерживает, значит, действие афродизиака должно вот-вот закончиться. Может, это остаточное явление?

Ну вот и как его угораздило, а? Вроде серьезный взрослый мужик, занимающий высокий пост,

и так попасться? И что?

Да ничего. Наверное, всему виной опять-таки наша пресловутая самоуверенность. Иначе как объяснить происходящее с логической точки зрения?

«Греховный дьявол» был разработан лет двести назад как возбуждающее средство, которое в больших дозах, ко всеобщему удовлетворению, принимали и люди, и маги. И все бы ничего, нормальное такое зелье на натуральных травках, вкусное и очень эффективное, но оказалось, что именно на оборотней оно воздействует слишком убойно. У них просто крышу сносит. А если закрепить все это запахом определенной особи противоположного пола, то вообще труба — срабатывает скрытый животный инстинкт, и три-четыре дня оборотень просто неадекватен. Единственная мысль — это желание совокупляться с объектом желания... Постоянное и непрерывное соитие. После парочки смертельных случаев (конечно, умереть от секса очень романтично, но лучше в переносном смысле, а не фактически) «дьявол» был повсеместно запрещен. Для него даже отдельный пункт имелся в Законе.

Это что же получается, его кто-то накормил этим незаконным афродизиаксом? Не только накормил, но еще и к Лизке привязал? И как умудрился? Выходит, что Саид три дня сходил с ума по Лизке? И не мог найти удовлетворения ни с кем? Да такого врагу не пожелаешь!

В следующее мгновение в голову пришла другая мысль. Если Лизка, не дай бог, все-таки попала бы к Саиду, то ни о каком месяце «до инициации» разговора не велось бы. Оборотень, следуя затуманенным афродизиаксом инстинктам, изнасиловал бы ее в течение первых десяти минут... А преждевременная инициация для ведьмы — это практически полное выгорание магии и сущности. Сестренка просто лишилась бы будущего. К тому времени, как я явилась бы с бумагой, признающей торги недействительными, было бы уже поздно. Так вот для чего все это задумали! Если бы Димка не подсутился так быстро и не увез нас сюда, я бы ничего сделать не смогла.

И это не Марианна. Бабка, конечно, стерва, но Лизой и ее магией так рисковать не стала бы. Оборотень прав, тут кто-то другой. И у меня практически не было сомнений, кто это. Вот только как на это отреагирует Дэн?

Тем временем Саид более-менее пришел в себя, даже цвет глаз практически стал прежним.

— Прошу прощения, — хрипло проговорил мужчина, продолжая гипнотизировать Лизку взглядом. Следующая фраза подтвердила мои опасения. — Видимо, «дьявол» еще буйствует в моем организме.

— Я так понимаю, что допросить исполнителя не удастся? — спросил Сергей.

— Несчастный случай, — равнодушно пожал плечами тот. Но яростная вспышка в глубине карих глаз говорила об обратном. Надеюсь, этот несчастный встретил смерть достойно.

— Таня, — дрожащим голосом прошептала сестренка и бочком стала продвигаться в мою сторону, — это... это же...

— Саид, — галантно склонил голову оборотень в приветственном кивке и улыбнулся уголками губ. Вид у него был крайне соблазнительный — глазки горят, многозначительная ухмылочка, аура неприкрытой сексуальности. — Мне жаль, если я напугал вас, Лиз.

И снова эти мурлыкающие нотки в голосе, от которых мурашки танцевали джигу по коже.

Она сглотнула, раз... другой... и только потом жалобно пробормотала упавшим голосом:

— Мне собирать вещи?

Ответить я не успела. А точнее, за меня ответил Димка, который, запыхавшись, вбежал в гостиную и плюхнулся в кресло, одарив присутствующих очаровательной улыбкой:

— Конечно, собирай! Мы возвращаемся домой. Всем доброе утро, кстати.

ГЛАВА 14

Надо ли говорить, что Лизка собрала вещи за считанные минуты, причем не только свои, но и мои. Конечно, качество укладки одежды оставляло желать лучшего, но ее оперативности можно было позавидовать. Она даже не вспомнила, что там, в Москве, сейчас зима, а точнее, сегодня двадцать третье декабря, а тут пляж и солнышко, с которым придется попрощаться.

Сейчас ей больше всего хотелось спрятаться от обжигающего взгляда Саида. А тот неотрывно следил за ней, как хищник за своей добычей, улавливая каждое ее движение, вслушиваясь в голос и дыхание. Странно, действие афродизиака, по идее, уже давно должно было закончиться, да и одержимость оборотня должна была исчезнуть. Может, сработал охотничий инстинкт? Потому как других версий, объясняющих его поведение, у меня не имелось.

Да, если бы на меня кто-нибудь так смотрел, я бы точно убежать не стала. Но это я говорю с позиции своих немалых лет, что сравнивать с Лизкой? Взгляд Саида не был грязным или пошлым. Он был таким пристальным, тягуче-сладким и горячим, что даже я, глядя на них со стороны, то и дело обмахивалась рукой. Конечно, имелаась возможность сослаться на жару и отсутствие кондиционера, но это оказалось бы ложью.

Нет, страстью к Саиду я не воспылала, у меня даже мысли такой не возникло, но вот искорками, которые вспыхивали и ярко мерцали вокруг этих двоих, я чуть-чуть подпиталась. Совсем немножко. Просто не смогла удержаться. Когда еще отхватишь такой сгусток чистой незамутненной страсти без капельки похоти?

Лизка, впервые столкнувшись с таким пристальным и настойчивым вниманием со стороны взрослого, опытного самца, не знала, куда спрятаться. Еще большее смятение в ее душу внесло то, что Димка совершенно не спешил приходить ей на помощь. Я отлично видела, как сестренка то и дело бросала тоскливые взгляды в его сторону. Уверена на сто процентов, что и шеф их видел, но не реагировал. Неужели внял моей просьбе? Или не хотел связываться с оборотнем, который уже учуял свою добычу и упускать ее не собирался? Но выразительные взгляды Лизы в сторону феникса Саид засек. Не скажу, что он сильно разозлился. Нет, наоборот, его ухмылка стала еще более предвкушающей. Тигр вышел на Охоту, а сопротивляющаяся жертва — так сильно подстегивает инстинкты!

Итак, мы собрали вещи, поговорили о дальнейших действиях и планах (меня клятвенно уверили, что возвращаться безопасно и нам ничего не грозит, даже почти извинились за то, что скрывали от меня информацию) и засобирались в путь. Больше всего не хотел уезжать Дэн, который за эту неделю очень сблизился с Игорьком.

— Татьяна, вот, возьмите. — Сергей неслышно подошел ко мне и протянул небольшой серебристый шарик.

— Что это? — Я осторожно приняла подарок и внимательно осмотрела.

— Сфера перехода. Она настроена на этот дом и еще немного усовершенствована.

— В каком смысле?

— Она двусторонняя. Может в любой момент вернуть вас к себе домой.

Ну ничего себе, до чего техника дошла!

Вот почему-то в этот момент у меня мысли пошли в совсем неправильном направлении. Я покраснела и часто-часто заморгала. Видимо, стибренные мною крохи страсти Саида и Лизы грохнули эмоциональным резонансом мою сущность, причем нехило и по голове.

— Э... — только и смогла пробормотать я.

— Завтра вечером перенесетесь сюда. Будем снимать проклятие, — ответил мужчина.

Выражение его лица было совершенно невозмутимым и равнодушным, вот только на мгновение мне показалось, что я разглядела какие-то новые яркие блики в его зеленых глазах. Или, может, разыгралось воображение? Но сущность сладко мурлыкнула внутри, а я почувствовала себя идиоткой. Такое ощущение, что мои тараканы устроили телепатический сеанс встречи на высшем уровне с его тараканами, а я не в курсе того, о чем они договорились. Черт, о чем я думаю? Или это мандраж перед возвращением домой?

Тот факт, что Марианна сейчас под охраной у Стражей, совершенно меня не успокаивал.

Главный зачинщик остался на свободе. И пусть все планы мы ему красиво обломали, это не значит, что можно вздохнуть полной грудью и жить спокойно.

Я не сомневалась, что ко всему произошедшему приложил руку Максим Леонидович. Но одно дело знать, а другое — доказать. В который раз этот ублюдок вышел сухим из воды, спихнув всю вину на других. Сначала на Максима Аверина, теперь на Марианну... Кто же будет следующим?

— Секретничаем? — Димка подошел к нам и слегка, но весьма по-собственнически приобнял меня за талию.

Сполохи в глазах Стража как-то сразу исчезли. Мне даже жалко стало, красивое было мерцание.

— Сфера перехода? — удивленно хмыкнул шеф, разглядев шарик в моей руке. — А зачем?

— Завтра вечером попробуем снять проклятие, — ответил Страж, поворачиваясь к Димке.

— Да? Оперативно ты. Это же отличная новость, да, колючка?

— Конечно. — Я попыталась улыбнуться в ответ. Но кое-что меня все-таки тревожило. — А как вы сегодня будете с последним приемом? — кинула взгляд на Стража.

— Справлюсь. Иммуитет практически выработан. — Он равнодушно пожал плечами и отошел в сторону.

— Ты радостной не выглядишь. Что-то случилось? — Димка встал напротив меня и требовательно заглянул в глаза.

— Ты уверен, что нам стоит возвращаться? Что опасности больше нет?

— Нам надо вернуться. В воскресенье вас вызывают на допрос... Тань, я понимаю, тебе страшно. Но мы не можем вечно отсиживаться тут.

— Да, наверное, ты прав. И спасибо.

— За что?

— За все. Ты столько сделал для нас.

— Поговорим об этом дома.

— О чем?

— Обо всем, — Соколов неожиданно стал очень серьезным и многозначительно закончил: — Нам с тобой необходимо обсудить кое-что важное.

Вот теперь напряглась я.

Саид тем временем с трепетной лаской приник к кончикам пальцев красной как помидор Лизы и с теплотой в голосе пообещал, что они непременно скоро встретятся. Из красной сестренка моментально стала белой.

Да, с кем-то по возвращении придется провести беседу.

Я в последний раз оглядела залитую солнцем гостиную, на мгновение задержала взгляд на хозяине дома (чего ждала — не знаю) и закрыла глаза. Яркая вспышка, и мы уже в Москве. Здравствуй, холод и стужа.

— Дим, вызови, пожалуйста, такси, — устало села на диван.

Куда-то вдруг исчезли жизненные силы, и накатила страшная усталость. То хрупкое чувство защищенности, что возникло на Сейшелах, сразу пропало, вернулась тревога.

— Сегодня вы побудете у меня.

— В смысле?

— Домой вернетесь завтра, — ответил Димка. — Места у меня много. Вам с Лизаветой я уступлю спальню, а мы с Дэном поспим в гостиной. Да, парень?

— Да, — рассеянно ответил братишка. Он тоже, как и я, мысленно остался там, на солнечных островах. Только вот объекты привязанности у нас оказались разными.

— Вот и отлично. Вы тут устраивайтесь, а мне необходимо переговорить с вашей сестрой.

И, ловко схватив меня за локоток, потащил в сторону кабинета.

— Дим, что случилось? — Я села на стул и тревожно глянула на шефа, удобно расположившегося в кресле напротив.

Сердце в который раз за сегодняшний день сжалось от страха. Чего я еще не знаю? Что еще они от меня скрывают?

— Нам с тобой необходимо обсудить наше будущее.

Есть такая фраза — челюсть на пол упала. Так вот, именно в этот момент я на собственном опыте поняла, что это значит. Я не то что была в шоке, нет такого слова, чтобы описать мое состояние.

— Что обсудить? — пролепетала я.

— Будущее, Разина, будущее.

— Наше? — уточнила на всякий случай. Вдруг послышалось?

— Не тупи, колючка, тебе не идет быть душой. Не твой уровень.

— Дим, тебя там ничем не шарахнуло? Какое наше будущее? Ты вообще о чем? Если ты про инициацию, то...

— Я про контракт, — отрезал он, окончательно вводя меня в ступор.

Ярко-синие глаза серьезно и пытливо рассматривали мою вытянутую физиономию.

Твою ж...

Соколов говорил серьезно. А я... я не хотела этого разговора. Ведь после него мы попадем в точку невозврата.

Ну зачем вот ему это? Почему все не может быть как раньше? Когда мы были просто шеф и его секретарша? Мне проще было держать с ним дистанцию, и, в конце концов, меня устраивала субординация. Пусть и не всегда в классическом варианте. С Соколовым это не срабатывало, учитывая его постоянные подкаты ко мне. Но тогда все предложения он выдвигал в полушутливом тоне, а сейчас... все по-взрослому и серьезно.

Может, еще можно оставить все по-прежнему?

Или просто перестать ныть и поговорить? Ведь от этого разговора мне все равно не уйти, как ни старайся.

Хватит прятать голову в песок и думать, какая я вся из себя бедная и несчастная. Надо возвращаться в реальную действительность. Этот разговор все равно должен был состояться. Только я не думала, что так быстро. Меня же еще от проклятия не избавили, а он уже с контрактом подкатил. Шустер.

Я закинула ногу на ногу и мило улыбнулась:

— Дима, мы это уже проходили. Тебе что, так не терпится от меня избавиться? Ты просто скажи, я напишу заявление по собственному желанию. И никаких проблем.

— А мне кажется, это ты сейчас пытаешься найти причину красиво уволиться, — феникс включился в игру и ответил мне улыбкой.

— Спихнув ответственность на тебя?

— Как и все ведьмы... Ну же, колючка, неужели ты никогда не думала о контракте? Все равно не поверю. Ты же умная девочка. А умные девочки всегда продумывают свою жизнь и свои поступки на сто шагов вперед.

— Умные девочки никогда не связываются с такими вредными колдунами.

— Я не вредный, а очень милый, очаровательный, сексуальный...

— И скромный. Дима, проклятие еще не снято, и я еще даже не инициирована...

— Дорогая моя, за этим дело не станет. — Улыбочка сделалась многообещающей, и это моментально отразилось в ярко-синих глазах.

— В чем, в чем, а в твоих способностях я никогда не сомневалась, Дмитрий Александрович, — фыркнула в ответ.

— Я не худший вариант, Разина.

Он больше не улыбался.

— Для чего? Для инициации или для контракта?

— Для всего.

— Просто палочка-выручалочка.

— Очень приятно, что ты помнишь о моей «палочке».

Но меня сейчас не так просто было смутить. Я уже приняла правила игры, настроилась на привычные отношения.

— «Палочка»? Ты называешь его так?

— Солнышко, мы можем обсудить с тобой другие варианты в более приватной обстановке.

— Поджариться не боишься? — Я все-таки не смогла удержаться от ехидной реплики.

— Огонь — моя стихия, колючка. А твой темперамент очень и очень горяч.

— Откуда такие выводы? — выразительно приподняла бровь.

— После первой встречи. Я же видел, как тебе хотелось мне врезать. До сих пор поражаюсь твоей выдержке.

— А ты вел себя как сексуально озабоченный неандерталец.

— Ты так мило бесилась, что я порой не мог сдержаться, отсюда и провокации. До сих пор не забыл тот случай с чистящим средством. Помнишь?

Я покраснела.

Забудешь такое, как же. Именно после этого наши отношения из подчеркнуто деловых переросли в ранг дружеских, стали такими, как сейчас. Это случилось примерно месяца через три после моего трудоустройства. Я тогда вернулась с обеда, подошла к своему столу и замерла — из кабинета шефа доносились весьма характерные звуки — восторженно пищала очередная дамочка.

Я честно пыталась заставить себя не обращать внимания на эти ахи-вздохи и скрип стола (больше скрипеть было нечему, как бы не пришлось новый заказывать), но не получалось. Хорошо бы стол под ними грохнулся, вот весело было бы! Крики становились громче, исступленнее, а я становилась все злее и раздраженнее. Он что, другого места не нашел? Похотливый самец, озабоченный феникс, развратный колдун, блудливый козел и безнравственный тип — это далеко не весь список эпитетов, которые я мечтала бросить ему прямо в лицо.

Но когда дверь открылась, выпуская разгоряченных любовников, я лишь равнодушно улыбнулась и вновь уткнулась в монитор.

Не дождется, ничего не скажу, даже вида не подам.

— Татьяна, я скоро буду. Бумаги подписаны.

Я кивнула и, все еще не поднимая глаз, направилась в его кабинет.

Внутри все искрило, в прямом смысле этого слова. У меня даже дыхание на мгновение перехватило от этого великолепия. Сколько бесхозных искорок летало и ждало, чтобы я их

поймала. Сущность радостно запрыгала и облизнулась... Вкусно.

В качестве моральной компенсации за испорченное настроение парочку я все-таки умыкнула. Жалко же, если такая чарующая сила пропадет.

Папки, как всегда, лежали на краешке стола. Я взяла их в руки и уже собиралась вернуться в приемную, когда неожиданно до меня дошло, что именно на этом самом столе, на этом самом месте все и происходило.

Документы с глухим стуком грохнулись на пол.

Это что получается? Эта дамочка сейчас голым филеем скакала на этом столе, а Дима потом сюда же положил папки, которые я взяла в руки?.. То есть, если проследить всю длинную цепочку, я вроде как только что трогала дамочку за ее филейное место?

Расширенными глазами посмотрела на свои руки.

Фууууу...

Бросилась в туалет, остервенело принялась мыть, один... второй... третий раз. Пока чувство брезгливости не пропало.

После чего схватила резиновые печатки, средство для чистки, губку и помчалась в кабинет.

И надо было Димке в этот момент вернуться за пиджаком.

В общем, зашел он весь такой веселый и счастливый, а там я — тру губкой его стол и тихо ругаюсь под нос, высказывая все, что думаю о белобрысом ловеласе.

Потом была немая сцена, о которой мне даже сейчас стыдно вспоминать.

Да, чего только у нас не было!

Но мне надоела эта пикировка, и я просто задала следующий вопрос:

— Дим, скажи мне, пожалуйста, неужели после того, что ты узнал обо мне, о моей семье, о работе отца, о моей сущности... после всего этого ты серьезно думаешь, что я смогу отдать своего сына тебе и навсегда забыть про него?

— Поэтому у меня к тебе особое предложение.

Я недоуменно нахмурилась:

— Не понимаю.

— Я хочу, чтобы мой сын знал, кто его мать, а я мог видеть свою дочь.

Одно сплошное «хочу»...

— Похвально. Но почему? Только не надо мне рассказывать о том, что ты впечатлился историей о чистоте сущности и так далее. Я слишком хорошо тебя знаю.

Странная, незнакомая ухмылка исказила его лицо, неожиданно сделав феникса старше, опытнее, мудрее — я его не могла узнать.

— Ты в этом так уверена? В том, что знаешь меня? А, колючка?

— Что ты имеешь в виду?

— Слушай, кто тебя учил отвечать вопросом на вопрос?

Димка злился..

И эта его злость, смешанная с непонятным разочарованием, удивляла еще больше.

Мужчина встал и быстро подошел к окну. Рассеянно провел ладонью по затылку и замолчал.

— Думаешь, если я не любил никогда, если сущность у меня черная, то я вообще безнадежен? Не способен на что-то большее? — В его голосе звучала обида.

Не думала, что Димка воспримет мои слова так близко к сердцу. Тот феникс, которого я знала,

не воспринял бы. Может, я действительно поторопилась и выстругала его четкий образ, а теперь отказываюсь выходить за очерченные рамки? А Соколов другой?

— Дим, я этого не говорила.

— Не спорю, так и было раньше.

— А что изменилось?

И главное, когда? Ведь не замечала ничего, и сейчас этот разговор для меня, мягко говоря, неожиданно смутил и удивил. Это же Димка, беспечный феникс, огненный птах, который не способен на что-то большее...

Он повернулся ко мне.

— Помнишь, Сергей сказал, что хочет лучшего для Игорька. Новой жизни. А я хочу такого для своего ребенка. Я хочу, чтобы мой сын знал свою мать, сестру, я хочу... — Он замолчал и вновь посмотрел в окно.

Молчал, опустив плечи, словно что-то его давило. Молчала и я, ожидая окончания разговора.

Соколов вздохнул раз, другой и вновь повернулся ко мне. А глаза ярко и лихорадочно горели на его красивом лице.

— Я не хочу, чтобы, очнувшись однажды утром в постели симпатичной блондинки, с которой только что провел очень страстную ночь, он услышал: «Ты был на высоте, братишка!»

До меня не сразу дошел смысл последней фразы. А когда дошел...

Я прижала руку ко рту.

Он сразу заметил это движение и скривился еще больше.

— Мило, правда? У нас с Серегой есть младшая сестренка. Ее зовут Оксана, ей двадцать пять, и она в один прекрасный день решила узнать, каков ее старший братик в постели. Так ли он хорош, как говорят? Как оказалось — действительно хорош. Сестренка, поделившись такой замечательной новостью, ждала, что я вернусь к ней в кровать, и мы продолжим наше бурное общение. А я не оценил, собрал вещи и сбежал, пока меня не вырвало от отвращения, — каждое слово колдуна было пропитано ядом и болью — скрытой, застарелой. Она горчила на губах и пробиралась в самое сердце, отравляла все внутри, мешая нормально дышать.

У меня просто не было слов, да он и не ждал их от меня.

Отошел от окна и возвратился в кресло. Только вот улыбки больше не было, как не было и маски беззаботного весельчака.

— Ты знаешь, что я далеко не ханжа и весьма бескомплексный в отношениях. Секс для меня лишь подзарядка, чередой ничего не значащих ведьм и человеческих женщин. Я даже не запоминаю их. Зачем? Они уходят, а на их место приходят другие. Снова и снова. Один сплошной непрекращающийся круг красивых лиц, улыбок, признаний... все одинаковое и пустое... И именно ты — яркий лучик, который не дает мне сойти с ума в этом однообразии. Якорь, что не позволяет мне стать таким, как все... Свет, что делает меня чище.

— Дима, — потрясенно выдохнула я, широко распахнув глаза.

— Сергей спрашивал, хочу ли я познать светлую сторону любви. Хочу. Что ты смотришь на меня, колючка? Удивлена?.. Не ожидала такого поворота событий? Конечно, не ожидала. Огненный феникс Соколов не способен на возвышенные и глубокие чувства. Не переживай, я не собираюсь признаваться тебе в любви... Потому что не хочу лгать... Только не тебе. Тебе почему-то не получается и не хочется, если честно, — Димка хмыкнул и покачал головой, словно сам не верил в то, что говорил. — Но я знаю, что могу тебя полюбить. В этом плане я эгоистичнее и прагматичнее Сергея. Свою жизнь, свое черное сердце и душу я хочу доверить достойной, той, что оценит и не предаст. Той, что знает меня лучше всех.

От пронзительного взгляда синих глаз мне стало неловко.

— Разве любовь подчиняется логике? — шепнула я.

— Не знаю. — Он равнодушно пожал плечами. — Но знаю точно, что ты слишком много

значишь для меня. Ты не просто секретарша, не просто друг... Ты та, которую мне хочется защитить от скверны и гнусности этого мира, от его жестокости и мерзости. Даже от себя. Слишком чиста ты для всех нас.

А ведь что-то подобное я уже недавно слышала.

Вот тебе и два брата.

— Дим, я не знаю, что сказать.

— Я не требую ответа прямо сейчас. Торопить тебя не стану.

— Спасибо. — Я наклонилась к нему и, потянувшись через стол, положила ладонь на его напряженную руку. Слегка сжала ее и улыбнулась. — За все.

Димка подхватил мою ладошку и медленно поднес ее к губам. Глаза ярко горели, когда он по очереди касался губами каждого пальчика... невесомо, как перышко. Эти прикосновения я почти не чувствовала, но фантазия работала просто отлично, дорисовывая все остальное. Колдун перевернул руку и слегка подул, вызвав мурашки по всему телу. Я начала мелко дрожать.

— Я ведь не забыл ту ночь, Тань... я помню все... каждое мгновение... каждую клеточку твоего тела... Но я совсем не против того, чтобы закрепить воспоминания, сверив их с оригиналом.

— Ты обещал не торопить меня, — попыталась заставить свой голос звучать укоризненно. Не получилось.

— Но я не обещал не соблазнять тебя, колючка.

И улыбнулся.

А я вновь смогла нормально дышать, потому как к такому Димке давно привыкла.

А остальное... Я подумаю об этом потом, когда отойду от шока.

Радовало одно — Дима сейчас не врал. Не обещал мне звезд с неба, не вешал лапшу на уши и так далее. Колдун был честен. Сразу вспомнился Лешка с его рассказами о дружбе, о прошлом, он мог рассказать и о розовых слониках, лишь бы добраться до Лизы.

Да, стоит признать, что для меня это откровение стало совершенно неожиданным. Даже больше чем неожиданным. Как ни прискорбно это признавать, я никогда не рассматривала феникса в таком ракурсе. Никогда не думала, что шеф способен на что-то большое и светлое.

Нет, он хороший, так помог нам, но чувства, любовь...

Конечно, ему обидно, такое отношение несправедливо. Но, черт, как я могла относиться к нему иначе, когда вокруг него вереницы баб, которых он имел чуть ли не у меня на глазах?

И что теперь? Стать одной из сотни? Или я буду чем-то большим для огненного птаха?

Или все это лишь фикция?

Дима говорит, что может полюбить именно меня. Но я всегда верила, что любовь не подчиняется рассудку, она просто есть. Нельзя полюбить только оттого, что ты сам хочешь, и именно того, кого ты выбрал.

Нет, Димка говорил искренне и действительно в это верил. Но получится ли у него? У нас?

А контракт?.. Нет, это слишком сложно для меня, сначала проклятие, потом инициация, а потом... Потом будет потом.

Признаю, я, может быть, и приняла бы его предложение, не задумываясь о последствиях, если бы перед глазами не было примера родителей.

Я помнила их историю, помнила их взгляды и улыбки, которыми они одаривали друг друга. Сколько же щемящей нежности в них было! Помнила, как они прикасались друг к другу, ничего пошлого и откровенного, но они всегда стремились быть вместе, рядом, коснуться лишний раз, лишний раз улыбнуться.

Мне хотелось такого же... и сейчас хочется. Не знаю, виновата в этом сущность или, может

быть, все это воспитание, но я мечтала о любви.

Трудно описать словами то состояние мамы, когда она узнала, что меня хотели убить... почти убили. Невозможно представить, какие чувства бушевали тогда в ее душе. И я могла только позавидовать ее выдержке. Даже не знаю, как бы я себя вела, увидев самых близких и дорогих людей почти без сознания на полу.

...Марина проснулась внезапно. Просто резко открыла глаза и прижала руку к сердцу.

Тревожно... Что-то словно сдавило грудь.

Страх... и с каждым мгновением он становился все сильнее и сильнее, липкой волной подкатывал к горлу и вызывал тошноту. Девушка никак не могла понять, что происходит? Откуда он взялся? Ведь все прошло хорошо. У них теперь есть дочка — маленькое яркое солнышко. Что тогда не так?

В палате было тихо и темно, лишь небольшой светильник в углу освещал маленький кусочек комнаты.

Она осторожно села в кровати и спустила ноги на пол.

Попыталась привстать.

Вот тут-то слабость организма, измотанного родами, и дала о себе знать. Лежа девушка чувствовала себя если не победителем, готовым свернуть горы, то как минимум бодрой и полной сил.

Но реальность оказалась жестокой. Ее резко заштормило, пришлось схватиться обеими руками за изголовье кровати, чтобы не грохнуться на пол.

— Спокойно, — пробормотана она и на мгновение прикрыла глаза, восстанавливая дыхание.

Тошноты не было, чувство эйфории до конца еще не прошло, но вот голова кружилась, а ноги тряслись. Черт, такое ощущение, что из нее все силы выпили, превратив в слабое подобие медузы.

Но у ведьмы даже на мгновение не возникло мысли о том, чтобы вернуться в постель.

Нет. Ей отчего-то жизненно необходимо было встать и найти свою дочь. Прямо сейчас.

Трудно сказать, сколько времени у нее занял переход и как Марина преодолела это расстояние, цепляясь за стеночку. Но чем дальше она шла, тем сильнее сжималось от тревоги сердце.

А еще говорят, что у ведьм нет материнского инстинкта. Но что тогда привело ее той ночью в детское отделение? И откуда взялись эти хладнокровие и спокойствие?

Марина осторожно переступила через целительницу, мельком взглянула на смутно знакомого колдуна и буквально упала перед любимым на колени. Некромант сидел на полу, привалившись спиной к стене, и прижимал к себе дочку. Они молчали и не двигались.

— Толя... Толечка, — зашептала она и осторожно коснулась его плеча. Холодный, какой же он холодный! — Толечка!

А слезы все лились из глаз. Дрожащими руками Марина потянулась к дочери и осторожно взяла ее на руки.

Дышит... жива... только холодна как лед. Надо согреть.

— Сейчас... сейчас, моя маленькая, — горячо зашептала, прижимая малышку к себе. — Сейчас будет тепло.

— Мариш, — прохрипел некромант и попытался подняться.

— Сиди, не двигайся. Сейчас кто-нибудь обязательно придет. Где же они все?

Но в здании гю-прежнему было тихо и темно. Словно все кругом вымерло.

— Надо уходить. — Он все-таки сел и тряхнул головой, пытаясь сфокусировать взгляд.

Все расплывалось перед глазами, в голове гудело, но с каждым мгновением становилось легче, постепенно возвращались силы.

— Как она?

— Холодная очень, — всхлипнула Марина. — Толь, что произошло?

— «Мертвое пламя».

Сирена вздрогнула и недоверчиво покачала головой:

— Этого не может быть. «Мертвое пламя» — слишком сильное проклятие, если бы оно...

— Мне удалось нейтрализовать его, — перебил ее мужчина и осторожно встал. — Мариш, нам надо уезжать отсюда как можно быстрее.

— Тебе нужен врач, необходимо вызвать Стражей.

— Ты не понимаешь. Макс явился сюда либо забрать мальчика, либо убить девочку. Его кто-то предупредил. А это значит, что в любое мгновение могут появиться представители твоего клана и забрать нашу дочь... По Закону она принадлежит им.

Марина вздрогнула, еще сильнее обняла малышку.

— Нет.

— Да. Нам надо сейчас же уходить.

Но стоило ему подняться, как ярко вспыхнул свет, и в палате возник Страж. Мужчина быстро осмотрелся и внимательным взглядом впился в застывшего некроманта, готового в любой момент отразить удар.

— Разин, что здесь произошло?

— Здравствуй, Николай, — некромант немного расслабился и даже попытался улыбнуться. Этому можно доверять. — Использование смертельного проклятия высшего уровня.

— К тебе?

— К моей дочери.

Быстрый взгляд на застывшую Марину, которая продолжала прижимать к себе ребенка.

— Значит, слухи не врут.

— Нам необходимо попасть к храмовникам, как можно быстрее.

— Тебе надо к целителям.

Колдун упрямо мотнул головой:

— Нет. Вопрос жизни и смерти. Нам надо к храмовникам. Мы должны как можно быстрее заключить брак.

— Ты не в том состоянии, твоя спутница тоже. Брак может убить вас.

— У нас нет выбора, Страж.

Папа никогда не сомневался, связывать ли свою жизнь с мамой или просто довольствоваться регулярными встречами. Он никогда не раздумывал и не сомневался, стремясь соединить свою жизнь с любимой женщиной. Даже тогда, после нападения Аверина, когда сама процедура брака в их состоянии могла привести к катастрофическим последствиям, папа не сомневался и шел до конца.

...Больше ничем примечательным пятница двадцать третьего декабря не запомнилась. Большую часть времени я просматривала документы, все-таки недельное отсутствие на работе

надо было восполнять. Все просмотреть мне не удалось, часть я решила взять домой и разобрать на выходных.

Уже поздно вечером, ложась спать, вспомнила о Страже. У него ведь сейчас последний, третий прием проклятия, а он совсем один. Все ли с ним нормально? А если нужна помощь?

Я достала серебристую сферу и некоторое время держала ее в ладонке, рассматривая в сумраке ночи. Желание воспользоваться ею было очень сильным, почти нестерпимым. Стоит лишь нажать маленькую кнопчку, и я снова окажусь там — в солнечном домике на берегу океана. Но прошла минута, вторая, я все еще сидела в постели, а рядом тихо сопела Лизка.

Нет, Сергей сказал, что справится сам. И в глубине души я знала, что с ним все нормально.

Убрав сферу на место, откинулась на подушки, закрыла глаза и практически сразу провалилась в сон.

А утром нас ждал новый невероятный сюрприз.

А как еще можно назвать огромный белый лимузин с тонированными стеклами, двери которого приветливо раскрылись, стоило нам только выйти из подъезда Димкиного дома?

— Дима, это что? — не отрывая взгляда от белого великолепия, тихо спросила я.

Шеф, вызвавшийся проводить нас до такси, восторженно присвистнул.

— Ничего себе сервис. Лизок, а это ведь к тебе.

Мог бы и не говорить. Саида, вышедшего из лимузина и направившегося прямо к нам, мы уже прекрасно видели. Высокий, в легком расстегнутом пальто, темных брюках и молочном джемпере, оборотень, нисколько не боясь мороза (еще бы ему бояться, у них уровень теплокровности просто зашкаливает), шагнул по заснеженному тротуару и криво улыбался.

— Доброе утро, дамы. Денис, господин Соколов, — мягко произнес мужчина, останавливаясь напротив нас.

— Здравствуйте. Какими судьбами? — Я вежливо кивнула, переключая внимание на себя.

— Я подумал, что вам будет намного приятнее вернуться домой с комфортом, которого достойны такие милые дамы и юный джентльмен.

— Круто, — выдохнул Дэн. Его глаза ярко загорелись, он уже мысленно находился внутри машины.

Милая дама в моем лице поступок оценила и даже улыбнулась, но вот главная героиня данного действия ухаживания оборотня не приняла.

— Мы лучше на такси, спасибо, — пробурчала Лизка и тут же пожалела о том, что, поддавшись сиюминутному порыву, вообще что-то сказала.

Саид повернулся к ней всем корпусом. Он ничего не говорил, но этот тягуче-сладкий взгляд... черт, даже меня проняло. Лизка под этим взглядом краснела и еще больше злилась, демонстративно вздернув хорошенький носик.

Ох, зря она так, потому что улыбочка оборотня стала еще более очаровательно-предвещающей, а глаза на мгновение ярко вспыхнули расплавленным золотом — горячим и ярким. Вместо того чтобы разозлить или обидеть его, сестренка все больше и больше притягивала к себе внимание, все сильнее распаляла хищника. Она уже сама это поняла, еще до того, как ее сущность принялась хватать искорки страсти, что летали между ними.

Эх, все-таки надо было с ней поговорить вчера вместо того, чтобы сидеть за бумагами. Так нет, думала отложить разговор до дома, а там в уютной обстановке с ней побеседовать. Кто же знал, что этот котяра не станет ждать и явится с утра пораньше?

— Отчего же, Лиз? Моя компания так неприятна?

Ну вот, опять. Мурчал он для Лизки, а накрывал еще и меня.

— Мы с радостью примем ваше предложение, Саид, — я быстро вмешалась, пока сестренка не придумала чего-нибудь нового. — А как вы узнали, где нас искать?

— Страж сообщил.

По тому, как нахмурилась Лизка, я поняла — Сергей только что лишился одного из своих фанатов.

— Ну что? — подал голос Димка, которому явно надоело стоять и ждать. — Долго будем мерзнуть?

— Мы поедем с Саидом, — приняла я решение за всех.

Сестренка вздохнула, но не стала спорить, лишь бросила взгляд на Соколова. Все еще на что-то надеялась. А тот лишь спокойно кивнул:

— Хорошо, — и повернулся ко мне: — Позвони мне вечером, ладно?

— Да.

В лимузине было очень просторно и красиво, звучала классическая музыка.

— Ух ты, тут и телик есть, — воскликнул Денис и бросился исследовать лимузин.

А также бар с напитками, кожаные диваны и еще куча самых разных наворотов.

— Вам нравится, Лиз?

— Красиво, — признала та, располагаясь как можно дальше от хозяина лимузина.

А того это еще больше развеселило.

— Я рад, — оборотень повернулся ко мне: — Татьяна, Сергей просил передать, что будет ждать вас у себя сегодня в семь часов вечера по московскому времени.

— Хорошо.

Значит, сегодня.

Сердце застучало, у меня даже пальцы на руках онемели, так сильно я сжала сумочку.

Сегодня вечером все решится. Потому что, если у Сергея ничего не выйдет, не получится ни у кого. Нет, нельзя думать о плохом. Все будет хорошо, все получится.

— Вы рассмотрели мое предложение?

— Изучаю.

— Вы не возражаете, если я завтра приглашу вашу сестру на прогулку?

— Завтра? — Я краем глаза видела, как вытягивается лицо Лизки, но ей хватило ума промолчать... Пока.

Кто-кто, а ведьмочка накануне инициации здравомыслием и послушностью никогда не отличается. И судя по возмущенному взгляду сестренки, еще пара минут разговора о ней в третьем лице могла закончиться катастрофой... Но оборотня мне жалко не было, наоборот, хотелось посмотреть, как он справится с таким стихийным бедствием.

— Завтра. Сегодня, я так понимаю, вы будете заняты и не сможете проследить за братом и сестрой. Поэтому я и решил договориться о завтрашнем вечере.

— А меня вы спросить не хотите? — зашипела сестренка, начисто забыв, что боится этого араба.

Я откинулась на спинку сиденья и решила понаблюдать. Когда еще так повеселюсь?

— О первой нашей встрече по обычаю я должен договориться с Главой клана, а вот все последующие мы обговорим с тобой... лично... наедине...

— Второй встречи не будет, — прорычала сестра.

— Я бы не был так категоричен... Лиз, я могу быть очень и очень... убедительным.

— Со мной ваши штучки не прокатят!

А вот я совсем не была в этом уверена. И в споре Саида с Лизкой, не задумываясь, поставила бы на оборотня. Такая харизма просто не может оказаться в пролете — звериная сущность не позволит.

— Как скажешь... русалка.

— Я не русалка.

Саид слегка наклонился к ней, из-за чего сестренке пришлось буквально вдавиться в спинку сиденья. Он медленно поводил носом, вдыхая ее аромат, и улыбнулся.

— Знаю, ты — сирена... маленькая... чувственная... непокорная, как само море.

И сел на свое место, оставив сестру растерянно хлопать глазами.

Лиза тяжело вздохнула и быстро облизала пересохшие губы... А я готова была стонать от отчаяния: их что там в магии — ничему не учат? Кто же себя так ведет с оборотнем?

Из груди Саида вырвался тихий рык, заставивший нас невольно подскочить на месте. Дэн, который все это время показательно пассивно наблюдал за разговором, моментально сел рядом с сестрой, пытаясь загородить ее собой, а я осторожно положила руку на его напряженное плечо. Да, признаю, не совсем умное решение, но надо было привести его в чувство.

— Саид, я даю свое согласие на вашу встречу с Лизой.

Тот успокоился, и мы смогли спокойно дышать.

— Вот и отлично. Я заеду за Лиз завтра в пять часов вечера.

На этом и порешили.

Дом, милый дом.

Словно и не уезжали никуда. Все так же тихо и спокойно.

Дэна отправила за продуктами, а сама, отложив разбор вещей на более позднее время, отправилась искать сестренку. Больше оттягивать разговор было нельзя.

Лиза в своей комнате пинала чемодан и что-то тихо выговаривала сама себе.

— Я могу войти? — выразительно постучала костяшкой указательного пальца в дверь.

— Как ты могла дать свое согласие?

— А почему я должна была отказать Саиду во встрече с тобой? — Я подняла ажурный топик с пола и аккуратно сложила.

— Он мне не нравится!!!

— Зато ему нравишься ты.

— Он мерзкий и самоуверенный тип.

— Самоуверенный — да, согласна, но не мерзкий. А весьма обаятельный и сексуальный. И запал на тебя конкретно.

— Ты хочешь подложить меня под него? — Лизка вспыхнула и тут же хлюпнула носом, сделав несчастные глаза.

А вот это уже не по правилам.

— Ты просто с ним встретишься. Что с того?

— Он ведь не снял свою кандидатуру для инициации.

— Нет, не снял. И в данный момент он единственная реальная кандидатура для обряда. Можно сказать, самый лучший вариант из всех имеющихся.

Она замолчала и отвела взгляд.

— И что?.. Больше никто... Совсем никто?

Теперь отвела взгляд я.

— Если ты имеешь в виду Диму, то свою кандидатуру он не предлагал.

— Это из-за тебя?

Можно, конечно, притвориться, что я не понимаю, о чем она говорит, но не стану. Черт возьми, как же лучше ей сказать? Как объяснить, что Соколов разобьет ей сердце и уйдет прочь, даже не оглянувшись? Что для нее же лучше, если он будет как можно меньше показываться ей на глаза?

— Лиз...

— Не надо, — она отошла к окну и отвернулась от меня. — Я понимаю. Все прекрасно понимаю... Мне надо разобраться вещи.

Аудиенция закончена.

Я возвратилась в гостиную и остановилась у магаответчика. Сообщения от Марианны, от учителей, парочка с работы и...

Недоуменно нахмурилась и вновь прослушала сообщение.

«Татьяна, здравствуйте, — произнесла незнакомая девушка. — Это Ника, мы с вами встречались у Мити... точнее, у вашего шефа... Помните, вы давали мне телефон вашей знакомой... для установки блока... Понимаете, — она вздохнула, даже всхлипнула, — мне очень нужно с вами поговорить... пожалуйста».

Ника? Это та деревенщина с красивыми глазками? И чего ей надо? Мне что, заняться нечем, только с проблемами разбираться? Жалко, что вместе с блоками мозги нельзя вставить.

Оставшееся до вечера время тянулось невероятно медленно. Даже не знаю, сколько раз я смотрела на часы, мечтая ускорить их ход, а временами, наоборот, остановить.

Я честно пыталась занять себя стряпней, потом разбором документов, но не получалось. Обед, в конце концов, я немного пересолила, и Лизка тут же вызвалась готовить ужин сама. Буквы в документах разбегались перед глазами, а смысл фраз не доходил до головы. Потратив час на бесполезные попытки поработать, я с раздражением сложила все на стол и принялась мерить гостиную шагами. А флакончик с зельем от Стражей, что забрала из тайника, лежал в кармашке платья. И мне все время казалось, что я даже через слой ткани чувствую исходящее от него тепло. Это тепло мешало сосредоточиться и успокоиться.

— Тань, может, тебе настойки дать? — предложила наконец Лиза.

Я бы не отказалась и от чего-то покрепче.

— Нет, нельзя. Никаких посторонних ингредиентов в организме.

— Ну да.

— А может, не надо? — это уже Дэн.

Бледный, лохматый, он всеми силами старался не показать своего страха. Но тот светился в глазах. А мне нечем было его успокоить и утешить.

— Денис, все пройдет хорошо. Правда. Я тебе обещаю.

— Мы тебя любим любой, тебе не обязательно так рисковать.

Да, любят, но я больше не могу так жить.

— Единственный, кто рискует в этой ситуации, — это Сергей. Меня проклятие не тронет.

Но убедить брата не удалось, и последние два часа мы просто сидели в гостиной втроем и молчали.

И вот старые часы пробили семь вечера.

Достала сферу, в последний раз посмотрела на мелких и, не прощаясь, нажала на кнопку.

Яркий свет, шум прибоя... и знакомый до боли голос, от которого потеплело внутри.

— Здравствуйте, Татьяна.

ГЛАВА 15

До боли знакомая лаборатория и тишина, которая давила со всех сторон. Мне даже казалось, что стены и потолок медленно сдвигаются и вот-вот упадут прямо на мою бедную голову. А ведь клаустрофобией я никогда не страдала.

Капельки пота выступили на лице, хотя здесь не жарко. С раздражением стряхнула их кончиками пальцев. Задержала дыхание и повернулась к Стражу, стоящему за моей спиной у двери. Сергей стоял там с минуты нашего прихода сюда. Дал мне время осмотреться, собраться с мыслями.

Как всегда спокойный и невозмутимый, засунув руки в карманы джинсов, мужчина, слегка склонив голову набок, изучал меня. Мягкий взгляд зеленых глаз медленно скользил по моим плечам, оголенной шее, щеке, замирал на мгновение на губах, и потом мы встречались взглядами.

И ничего. Ни одной искорки во взгляде. Лишь спокойная уверенность и равнодушие.

— Волнуетесь?

Конечно. Я совсем не хочу, чтобы меня сожгли на костре как убийцу Стража. Кто же мне поверит, что это он настоял.

— А вы как думаете? — Я встряхнула головой, неожиданно заколка, что скрепляла волосы на затылке, не выдержала, и тяжелые локоны непокорной волной упали на плечи. — Ох!

Рефлекторно вскинула руки вверх, схватилась за голову и не заметила, как стремительно изменился взгляд Стража. Как в одно мгновение потемнели, становясь почти черными, глаза, как эмоционально трансформировались черты лица. Все это ускользнуло от меня.

Присела на корточки, подняла заколку с пола и стала растерянно ее рассматривать.

— Сломалась.

Подняла глаза на Стража, все-таки уловила остатки эмоций и замерла, как глупый кролик, что угодил в нору большого такого удава. Сергей моргнул и вновь стал невозмутимо непроницаемым, но я-то успела заметить этот неописуемый голодный взгляд.

Медленно поднялась, а сердечко стучало в груди как ошалелое... и щеки горели жарко-жарко. А еще сделалось немного обидно. Зачем вся эта скрытность? Он что, считает меня недостойной своего внимания? Нет, я, конечно, не напрашиваюсь (больно надо!). Но все-таки? Зачем прятать симпатию?

— Итак? С чего начнем? — Я нарочито бодро улыбнулась, стараясь скрыть досаду.

Слишком много предположений и мыслей насчет того, что же у него на уме. Вот с Димкой гораздо проще и понятней... хотя в свете последних событий — не совсем так.

— Мне необходимо принять настойку, а вам — то зелье, что сделали для вас Стражи. Оно же у вас с собой?

— Да. — Я достала флакончик из кармашка платья и показала его Сергею. — Но, может, стоит провести снятие проклятия у Стражей, а не здесь?

— Здесь безопасно. — Он прошел к столу и налил полный стакан знакомой настойки.

— Неужели вам совсем не страшно?

— Нет. Я подготовился к любым непредвиденным ситуациям.

— Вы настолько самоуверенны?

— Просто уверен. Ваша очередь, Татьяна. — Он уже выпил настойку и теперь смотрел на меня.

Задержала дыхание, последний раз взглянула на Стража и глотнула содержимое флакона.

Мм, очень даже неплохо, вкусно, я бы сказала, только слишком сладко. Хочется запить водой.

— Как ощущения? — Сергей все так же стоял в стороне.

Ни тени эмоций в зеленых глазах. Так бы и стукнула чем-нибудь тяжелым.

— Нормально. — Я допила зелье и отставила флакон в сторону. — А воды можно?

— Пока нет. Ничего не болит?

— Даже не чешется.

— Отлично.

— И что теперь?

— А теперь мне придется вызвать проклятие на себя.

— Это каким же образом? — Я тут же напряглась, подозрительно глядя на мужчину.

— Зелье и настойка ослабят проклятие, и мне хватит сил его нейтрализовать, как только оно выплеснется.

— А если вы не справитесь? Если оно не ослабеет? Если перейдет к вам полностью?

— Успокойтесь, я — Страж и уже неоднократно имел дело с проклятиями такого уровня. — Мужчина равнодушно пожал плечами. — И, как видите, остался жив. Тем более что я принял зелье с антидотом.

— Но...

— Татьяна, нам необходимо активировать проклятие, а для этого надо просто немного разыграть страсть.

Я замерла, пытаюсь осмыслить услышанное.

Нет, я, конечно, знала, что проклятие надо вызвать. Но почему-то думала, что процесс пойдет как у Стражей — искусственным путем. Но что-то подсказывало, что Сергей будет настаивать на естественном ходе событий.

— Что значит — разыграть?

— В первый раз оно активировалось в самый разгар вашей инициации. С Димой немного раньше, — странно, но я почему-то покраснела от его слов и смущенно отвела взгляд. И откуда он знает такие подробности? — Думаю, в нашем случае много времени не понадобится.

— Вы так уверены?

Кожа начала покрываться мурашками только от одной мысли, что придется с ним целоваться — и не только целоваться.

— Успокойтесь, я не собираюсь вас иницировать.

— А почему не сделать это как раньше, с помощью магии? Стражи вызывали проклятие таким способом.

— В этом случае оно вырывается практически сразу, стремительно и резко. А вот если пустить его по естественному пути активации, шансов на успех будет в разы больше.

— Но...

— Татьяна, мы теряем время. — Я чувствовала раздражение в его голосе. Надо же, хоть какие-то эмоции пробились. Не совсем те, что мне хотелось, но он уже, по крайней мере, не походил на ледышку.

Мужчина сделал шаг мне навстречу. А я рефлекторно сделала шаг назад, потом еще один и уперлась спиной в шкаф.

Его это, похоже, позабавило — легкая ухмылка на губах отразилась искорками в зелени глаз, и он уже не казался таким серьезным и напыщенным. Суровость и степенность Стража отошли на второй план, и вот уже передо мной стоял очень умный, притягательный, но такой одинокий мужчина.

— Вы меня боитесь?

— Я? Вас? Не болтайте глупостей.

Черт, да что же это такое? Почему я веду себя с ним как глупая девчонка? Ну, подумаешь, поцелуемся пару раз, ну потрогает он меня, я его потрогаю — и что в этом такого? Надо же решить эту проблему.

А то, что ладони буквально горят от нетерпения и трудно дышать... это не важно. И что от самой мысли о поцелуе с ним сущность начинает сходить с ума, а у меня отчего-то ноги подкашиваются...

И сама шагнула к Сергею, встала на цыпочки и поцеловала в губы... точнее, попыталась поцеловать. Но получилось плохо. Губы у него оказались удивительно мягкими, и пахло от него вкусно и непривычно и очень тонко. А еще он только недавно, до настойки, пил кофе, и теперь я ощущала этот терпкий аромат на своих губах.

Сергей тяжело вздохнул и, наклоняясь, сам поцеловал меня. Сначала в один уголок рта, затем в другой. Я недоуменно нахмурилась: разве так соблазняют? Но задуматься он мне не дал, слегка прикусил зубами мою нижнюю губу и чуть оттянул ее вперед. Сердце оглушительно ухнуло вниз. Ведь это уже было. Я точно знаю, что было. Тогда, во сне... Ветер, что уговаривал меня уснуть...

Но подумать об этом я не успела.

Мой тихий вздох все изменил.

Руки, которые он до этого держал в карманах джинсов, осторожно, почти невесомо заскользили по моим бедрам, талии и замерли на спине.

Я чувствовала исходивший от него жар, который охватил и меня.

Поцелуи стали более глубокими и страстными. Язык обвел по контуру мои губы, призывая раскрыться, впустить его, и я не могла противиться этому. И вот наши языки сплелись в танце, а объятия стали порывистыми и страстными.

Мои пальцы зарылись в его волосы. Какие они, оказывается, мягкие, шелковистые.

Колдун оставил в покое мои губы, и я ощутила, как он, слегка прикусив мочку уха, ласкает чувствительную кожу за ним и спускается по шее вниз, оставляя после себя горящую от поцелуев дорожку.

Я выгнулась и задрожала от нетерпения и возбуждения.

Искры... я видела их даже с закрытыми глазами. Яркие всполохи огня, что рождались внутри меня и стремились наружу. Но это не проклятие, это другой огонь — страсть во всем своем головокружительном великолепии. И мы в самом центре этого вихря.

Мало... мне все еще мало.

Пальцы нашли пуговицы его рубашки и начали быстро их расстегивать, одну за другой. Можно и оторвать, мне хватит сил, я знаю, но мне нравился сам процесс. Ведь это все для чистоты эксперимента — и только. Лишь немного коснусь его обнаженного тела, почувствую впечатляющую рельефность и гибкость мужской стати. Это же сейчас так необходимо, даже пальцы сводит от напряжения.

Он вздрогнул всем телом, стоило моей ладошке скользнуть по его плоскому животу к спине, провести по ней ногтями, слегка царапая кожу.

Отстранился на мгновение, чтобы взглянуть в мое лицо, и...

...Ни черта это была не страсть, весь пожар начался сейчас.

Мгновение — и мое платье отлетело в сторону, на мне осталось лишь белье, а сильные руки подняли меня за бедра и впечатали в шкаф, который обиженно заскрипел от такого обращения. Не больно, не страшно, лишь восторг и предвкушение.

Сквозь тоненькую ткань трусиков почувствовала его возбужденную плоть, которую не скрывали даже джинсы.

Хотела его, прямо сейчас хотела.

Я закинула ноги ему на бедра и слегка сжала их, притягивая Сергея еще ближе, открыла шею для поцелуев.

Страж еще сильнее впечатал меня в шкаф, потерялся возбужденной, пока еще скрытой плотью между моих ног, а его руки хаотично скользили по моей спине, бедрам, талии, сжимали и гладили.

Но мне мало... мало.

— Ведьма, — хрипло прошептал мужчина, прежде чем вновь впиться в губы страстным поцелуем.

Я засмеялась, гортанно, страстно.

А в следующее мгновение почувствовала, как оно поднимается внутри меня... сильное, злое, стремящееся только к одному — уничтожить, растоптать, сжечь дотла.

Я попыталась вырваться, отстраниться, но Страж не дал мне, гораздо крепче обнял, и... принял удар на себя.

Вскрикнула, когда зеленое пламя охватило мое тело, начала мелко дрожать от холода, когда оно перешло на него.

Нет... нет... надо остановить, надо прекратить... только не его... прошу... не надо!..

Его глаза вспыхнули ярко-зеленым цветом.

Они были полностью зеленые, исчезли и зрачок, и белок. Лицо стало белым, восковым, неживым. И через миг вдруг все изменилось. Я почувствовала, как проклятие из меня высасывают, вытягивают. Оно сопротивлялось, рычало, билось в конвульсиях внутри меня, вызывая слезы на глазах. Но я не кричала, даже не отводила взгляда от лица Сергея. Мне казалось, что стоит мне это сделать, и все рухнет, мы оба погибнем...

Секунда... минута... время замерло, теряясь в зеленом вихре боли и страха. Проклятая магия артефакта не желала просто так уходить и сопротивлялась изо всех сил.

Яркая белоснежная вспышка перед глазами, в которой я просто потерялась и не могла понять, где я, что со мной.

Придя в себя, обнаружила, что мы сидим на диване. Точнее, на диване сидит Сергей, а я сверху, прямо на нем.

Лицо Стража было нормального цвета, как и глаза — темно-зеленые, в них продолжало полыхать пламя, но уже не силы, а страсти и желания. Он медленно скользил взглядом по моему телу, замирал на прозрачном шелке бюстгальтера, сквозь который виднелись коралловые вершинки сосков, под его взглядом делавшиеся более чувствительными и болезненными.

— Получилось? — тихо прошептала я, чувствуя, как откликается мое тело на эти всполохи, а между ног становится влажно и горячо. Проклятие нисколько не снизило желания этого Стража.

— Да, — его голос был хриплым, дыхание тяжелым, прерывистым.

Он медленно поднял взгляд.

Мы замерли, глядя друг другу в глаза, не делая попыток коснуться друг друга, просто смотрели. Наверное, мне стоило встать, отойти от него, но не могла... не хотела.

— Тебе лучше встать.

Да, наверное, так будет лучше. Для меня, для него... Но я упорно не хотела. И дело не в сущности, которая сходила с ума от эйфории и скакала по натянутым нервам. Дело не в том, что я семь лет ждала...

Я просто хотела его. Хотела этого сильного мужчину с завораживающим взглядом зеленых глаз.

А остальное... подумаю об этом позже.

Я сама сделала первый шаг — медленно завела руки себе за спину и щелкнула застёжкой. Бюстгальтер улетел куда-то в конец комнаты. Не видела, куда запустила его, да мне все равно. Я смотрела на колдуна, следила за его реакцией и улыбалась... порочно, сладко.

— Сама напросилась, — прорычал Сергей и склонил голову к моей груди.

Медленно обвел языком ореол у соска, слегка подул на него и неспешно втянул в рот.

— Ох, — я выгнулась в его руках и вновь запустила пальцы в волосы, неистово прижимая к себе его голову.

Только пусть попробует остановиться. Я тогда, я...

Он не спешил, доводя меня до возбуждения, до бешенства, ласкал то одну, то другую грудь. Это не приносило облегчения, наоборот, жар в лоне становился нестерпимее. Бедра невольно двигались в такт его губам, что продолжали ритмично посасывать грудь.

Мне все еще мало, как же он не понимает!

Понимает и дразнит, я видела это, читала в его глазах и еще больше злилась.

Слегка отодвинулась назад и принялась расстегивать ремень. Я больше не хотела, не могла так, просто не могла. И без того ждала много лет. Хочу его, хочу.

Пока возилась с его ремнем и замком, он легко избежал от последнего клочка ткани на мне — разорвал трусики и помог избавиться от его одежды. Джинсы с боксерами сползли вниз.

Я чувствовала его — горячего и твердого, готового взять меня прямо сейчас.

Черт, какое же это непередаваемое ощущение, какое восхитительное и долгожданное!

Слегка приподнялась, обхватив ладонью его плоть, собиралась все сделать резко, быстро, но он меня остановил.

— Не спеши, — тихо прошептали его губы, и пальцы спустились вниз, туда, где горело огнем неудовлетворенное желание.

Он ласкал лоно по кругу, слегка касался указательным пальцем входа, осторожно проникал внутрь, заставляя меня восторженно вздохнуть и застыть в нетерпении.

— Влажная... горячая... Равнодушная или страстная... смелая или нерешительная... дикая... преданная... какая же ты на самом деле? — прошептал он, и его пальцы начали ласкать меня, нашли клитор, и я уже не слышала, что он говорит. В ушах громко стучал пульс, я задыхалась от наслаждения. — И такая тугая...

А он все гладил, нажимал... проникал, растягивая мое лоно, готовя его для вторжения... для себя.

Внутри все вытягивалось в струнку, кажется, коснешься, и она лопнет.

— Да, да, да-а-а-а, — шептала из последних сил, до боли вцепившись в его плечи.

И когда до разрядки оставалось всего ничего, он вдруг резко убрал руку, опустил меня вниз и ворвался до самого конца. Я чувствовала его — чужой пульс, чужое вторжение... и боль...

Боль повсюду — не только в точке соприкосновения наших тел, она была в каждой клеточке моего тела. Я чувствовала, как ломаются, падают, круша все вокруг, стены, что удерживали мою силу, мою власть.

Магия... сила... как же ее много... я даже не представляла, что ее может быть так много... что весь мир — это одно сплошное переплетение нитей силы...

...я же столько могу...

...и...

...не могу ничего, не могу удержать... слишком много...

Они выплескивались наружу... всполохи силы и света...

...Тишина...

...Ощущение вакуума... пустоты... одиночества... и силы...

Сначала возвратился слух... потом зрение... осязание, а потом включился мозг.

Я сидела верхом на Страже, он все еще был во мне, я чувствовала его возбужденную твердую плоть, и мы только что меня инициировали...

Твою ж...

Я заставила себя открыть глаза и посмотреть на него.

Наверное, надо что-то сказать.

— Надеюсь, ты не собираешься сбежать?

Нет, но...

Его ладони так и лежали на моих ягодицах, и он начал плавно задавать ритм, вверх-вниз...

— Мы еще не закончили, — прошептал он, и я утонула в омуте его глаз.

Боли больше не было... но и возбуждения тоже.

Только скольжение... Плавное... неторопливое...

— Расслабься... перестань думать. Ты же чувствуешь меня... чувствуешь, я знаю. А я чувствую тебя... Ты знаешь, как сильно сжимаешь меня? Я из последних сил сдерживаюсь, чтобы не насадить тебя до самого конца... — прошептал он, и я вздрогнула, когда его пальцы проникли между нашими телами, и он стал нажимать на чувствительное местечко... вновь и вновь, пока я не начала вздрагивать.

Меня уже не надо было направлять, не надо учить, я задавала этот ритм сама. Мое тело знало, и я следовала за ним.

Огонь медленно расползлся по телу, накатывал волнами. И с каждой последующей волной охватывал меня все больше и больше. Мне стало трудно дышать... слишком много чувств, слишком много эмоций и ощущений, слишком много магии вокруг меня...

...и слишком много этого мужчины. Его рук, тела... его дыхания — хриплого, прерывистого... каждого резкого движения внутри меня, вызывающего такую бурю в душе, что хотелось кричать.

Всего этого слишком много для меня одной.

Я что-то шептала ему, но мои слова терялись в столах, криках...

На этот раз все получилось намного мощнее, сильнее, ярче.

...Болезненное ожидание, которого просто больше невозможно вынести... Его резко сменили острое наслаждение и всполохи света перед глазами...

Вскрик... всхлип... стон и тяжелое дыхание... стук пульса в голове и приятная истома во всем теле...

Меня трясло, и только его руки не давали мне упасть, прижимая к себе так сильно, что я уже не разбирала, где я, а где он, существовали только мы. Страж с необузданной страстью ворвался в мое тело до самого конца, еще больше усилив наслаждение от разрядки. Теперь и он дрожал, с хриплым стоном изливаясь в меня.

И магия... я могла коснуться этих искр, я могла впитать их в себя... И это не украденные искорки, а только мои.

...мы оба могли...

Я пробовала его силу, ощущала уже знакомый вкус на губах... нет, не сладкий, экзотически острый... И эта острота и пряность приятно горели внутри меня, наполняя расширившийся резерв.

Поздравляю, Разина, с тебя только что сняли проклятие, и инициировал тебя Страж.

Вот оно, возвращение в реальность во всем своем великолепии.

Нет, мне не хотелось сейчас вскакивать и бегать по лаборатории с криками: «Как это могло произойти? Почему это случилось? Я же не хотела. А ты меня заставил. Как теперь быть?»

Я отлично помнила каждый миг нашей близости, помнила, как все произошло. Слава богу, на память никогда не жаловалась. И этот момент, это наше слияние я запомню на всю жизнь. Это сродни тому, когда слабослышащему человеку ставят имплантат в ухо, и он впервые слышит окружающие звуки, или слепому человеку после операции снимают повязку с глаз, и он впервые видит мир в красках. Вот и со мной произошло такое волшебство в чистом виде. Как такое вообще можно забыть?

Вопрос номер два — почему это случилось? Потому что именно на него пал мой выбор. Надо быть совсем идиоткой, чтобы отрицать это. Я сама до одури, до звездочек в глазах захотела его, сама практически совратила, сама срывала одежду с него и... все остальное тоже сама. Не сущность, не шок после снятия проклятья, а я! Это было мое решение и только мое.

Таким образом, мы плавно переходим к третьему пункту нашей проблемы — «Я не хотела». Ни черта подобного. Хотела, сторала от желания, умирала в его объятиях, чтобы возродиться вновь. И, что греха таить, была совсем не против все повторить, и не раз. И уж точно меня никто не заставлял. Если вспомнить, то Сергей давал мне шанс отказаться от этого шага. А что сделала я? Правильно, набросилась на него, как озабоченная.

А вот вопрос «что со всем этим делать?» остался весьма и весьма актуальным.

Казалось, прошла вечность, но на самом деле мои рефлексия и самобичевание длились недолго.

Нежное прикосновение мужских ладоней к спине. Они мягко и бережно скользили по телу, вызывая новый огонек желания. Пальцы отвели в сторону волосы, оголяя плечи. Горячее дыхание щекотало чувствительную кожу шеи, и мне хотелось выгнуться и прижаться к нему сильнее.

— Как ты?

— Лучше не бывает. — Я слегка пошевелилась у него на коленях, но голову так и не подняла. Не могла пока смотреть ему в глаза.

Надо встать, но как это сделать?

— Подожди.

Сергей аккуратно приподнял меня и посадил рядом с собой на диван. Ладонь мягко скользила по телу, груди, нежно касалась ключицы, поднялась выше, к лицу, слегка тронула за подбородок, заставляя посмотреть на него.

И я смотрела, а сердце замирало.

Это не тот Сергей, которого я знала или думала, что знаю.

От теплоты и нежности его взгляда у меня что-то таяло внутри.

— Эй... с тобой все в порядке?

— Да.

— Жалеешь? — Ни в голосе, ни во взгляде не было злости или обиды. Лишь все та же щемящая нежность. И я ответила честно. Врать сейчас нельзя.

— Нет. А ты?

— Ни секунды... — Большой палец медленно поглаживал мою нижнюю губу. — Тань, послушай...

— Сереж, — перебила его и быстро коснулась в ответ кончиками пальцев припухших губ, призывая замолчать, — пожалуйста, ничего не говори сейчас... Мне просто надо осознать и принять то, что между нами произошло... Я семь лет, долгих семь лет боялась этого момента.

Но это оказалось таким прекрасным, удивительным, великолепным... и совершенно неожиданным для меня.

— Я понимаю, — согласился он и, осторожно взяв за руку, ласково поцеловал каждый мой пальчик.

Вот же паразит.

Отдернула руку и попыталась совсем не залиться краской. Если я раньше не знала, как себя с ним вести, то такой Страж совершенно сбивал меня с толку. И как я раньше не замечала, какой он... ласковый, желанный и вкусный. Очень вкусный, терпкий и ароматный... Так бы и пробовала его... раз за разом... снова и снова...

Наверное, что-то такое отразилось на моем лице, потому что внезапно мужчина подобрался всем телом и наклонился ко мне с явным намерением начать второй раунд сексуальных игр... предложение, конечно, заманчивое, но я резко поднырнула под него, быстро вскочила с диванчика и бросилась к одежде, что валялась на полу.

Платье змейкой скользнуло по голому телу — нижнее белье было безнадежно испорчено — повернулась к нему, чтобы попрощаться... И едва сдержала себя...

Прикрылся бы, что ли, а?

Не прикрылся, Наоборот, расслабленно откинулся, раскрывшись во всей своей мужественности. Вот и старайся теперь смотреть ему в лицо, а не на... черт, он же в полной боевой готовности...

Я уже, наверное, была пунцовая. Мы проходили это всего пару минут назад. Я отлично помнила, как сидела на нем сверху... как сжимала его бедра своими... как плавно опускалась на его твердую плоть... задавая неистовый ритм...

— Таня, иди ко мне, — от его тягуче-сладкого голоса у меня пересохло во рту.

Так хотелось забыться... Всего парочка шагов — и я вновь окунусь в это невероятное пьянящее чувство страсти, свободы, вдохну поглубже его аромат, попробую экзотический, но такой утонченный вкус сущности Стража.

Ведь теперь, когда воспоминания еще свежи, это так легко и просто сделать.

И я почти уже сделала этот шаг, почти вернулась к нему, когда в голову ураганом ворвалась мысль — первые несколько часов после инициации сил внутри ведьмы просто немерено, и именно в этот момент можно творить самую немыслимую по сложности волшебную. Значит, мне стоит как можно быстрее вернуться домой, к своим мелким. Сила плещет через край, потряхивает меня, пытаюсь выплеснуться. Надо попридержать ее, она мне понадобится в полном объеме.

— Сереж, прости, но мне надо домой... Срочно... Я позвоню... завтра... прости...

И, вытащив из кармана сферу, быстро сжала ее. Я уже поняла, что действие у нее двухстороннее, и артефакт возвращает хозяина туда, откуда перенес.

— Таня? — ко мне со всех ног бросился Дэн, следом Лиза.

Братишка сразу повис у меня на шее, а Лизка замерла, не дойдя до меня пары метров, и стала пристально всматриваться, как будто впервые видела.

— Ты как? С тобой все нормально?

— Да, Денис, все хорошо.

— Получилось?

— Еще как, — ответила за меня Лиза и хитро улыбнулась. — Танька, ты что, переспала со Стражем?

Я закатила глаза и тяжело вздохнула.

Вот тебе и посидела-подумала в одиночестве.

— Да ладно, — выдохнул братишка, отлепившись, отступил на шаг и принялся меня

внимательно разглядывать. — Ты прошла инициацию?

— С Сергеем, — опять вставила свои пять копеек сестренка и сложила руки на груди. Прибила бы малявку. Ни капли уважения и сострадания к сестре. — А как же Дима?

Твою ж... я же совершенно забыла по Диму!!! И что теперь делать? Нет, я ему, конечно, ничего не обещала, бумаг мы никаких не подписывали, но...

Я с трудом сдержалась, чтобы не начать биться головой о стену.

Ситуация неоднозначная и запутанная. Почему в моей жизни все так сложно? И почему я чувствую себя предательницей по отношению к Соколову?

— Он, между прочим, уже звонил. Просил перезвонить, как только явишься. Волнуется за тебя, — решила окончательно добить меня Лизка.

А я, тварь такая неблагодарная, в это время занималась сексом с его братом. И была бесконечно и неприлично счастлива.

— Черт. — Я со стоном села на диван и обхватила голову руками. — Что же делать?

— Позвони ему и расскажи все как есть.

— Нет, — резко вскинула голову. — Так нельзя. Это неправильно.

— Что именно? — Денис присел рядом и взял меня за руку. Хоть кто-то поддерживает.

— Только не по телефону, это...

— Подло?

— Лиза!

— Что? — Она фыркнула и села в кресло напротив. — Я не права?

— Права. Позвони ему и скажи, что проклятие снято, но я слишком устала и хочу встретиться с ним завтра... При личной встрече обо всем расскажу.

— Ну да, ну да. А он примчится завтра сюда с горой артефактов и бумагами на инициацию. Для чего еще ты горишь желанием с ним встретиться?.. Потащит тебя в спальню, уверена, что ждать не станет, а там... сюрприз.

И опять она права. До тошноты права.

— И что ты предлагаешь, раз такая умная? Позвонить ему и сказать: «Прости, дорогой, я инициирована твоим братом»?

— Ты же не думаешь, что я за тебя речь буду сочинять, — парировала сестренка и вздохнула. — Я правда не знаю, что тебе посоветовать. Все так запуталось.

Это я и без нее понимала.

— И каково это? — вдруг спросила она, жадно блеснув глазами.

— Что именно?

Вот не готова я рассказывать ей сейчас об интимной стороне своей жизни. Совсем не готова.

— Каково это — чувствовать себя такой сильной? Каково это — быть полноценной ведьмой?

А ведь и правда. Внимательно осмотрела свои ладони, прислушалась к себе. И действительно, каково это? У меня же теперь просто безграничные возможности... Кстати...

— Денис, замри!

— Зачем это? — Братишка недоверчиво и подозрительно посмотрел на меня.

Я вскочила и встала прямо напротив него.

Помню... я помню, как это делается. И пусть только теоретически, но я уверена, должно получиться.

Закрыла глаза, сделала глубокий вдох и начала работать.

Это не банальный щит, для которого главная цель — защищать от всякого рода опасных воздействий на организм подопечного, как физических, так и магических. Если его ежедневно подпитывать (а именно это я и собиралась сделать), он будет крепким как броня, и по долговечности предела у него нет. Но и это еще не все. О любом чужеродном воздействии на щит я сразу узнаю, мало того, смогу отследить координаты подопечного. Такой вот своеобразный маячок, незаметный для посторонних. А я хоть немного успокоюсь.

Сложный щит, у меня уже сводило пальцы от напряжения. Нити силы сопротивлялись, отказывались сплетаться в нужный узор, но я не сдавалась. Любое неверное движение — и меня било отдачей, не больно, но ощутимо... и я опять ошибалась и вздрагивала от очередного удара.

Хорошо хоть Денис внял моему приказу и сидел не двигаясь. Это реально помогало.

И вот очередной охранительный узор — и щит готов. Отошла от брата. Я едва стояла на ногах. Но какое же одуряющее чувство от того, что у меня все получилось!

Пара стандартных фраз для активации, и я увидела, как щит ярко заискрил серо-голубым светом, обволакивая все тело братишки.

— Получилось, — прошептала одними губами и радостно улыбнулась.

Лизка уже давно стояла рядом и теперь крепко придерживала меня за плечи.

— Ты поставила ему щит?

— Да. Один из самых сильных и самых лучших щитов, которые существуют... Теперь твоя очередь, садись.

— Ты с ума сошла, — возмутилась та. — Ты же едва на ногах стоишь!

Поправка — стояла. Силы много, она уже сплеталась в круговые завихрения вокруг меня, восстанавливая дыхание, настраивая внутренний баланс, увеличивая мощь моего магического потенциала. Сущность, впервые с момента инициации подавшая голос, ласково мурчала. Ей тоже нравится наш новый уровень способностей.

Щит для Лизы сплелся гораздо быстрее, я учла все ошибки, возникшие при создании защиты для Дэна. С непривычки наскребла по сусекам оставшиеся крохи силы. Я почти пустая. Заканчивала уже чисто на упорстве и вредности.

Грохнуть мне не дал Дэн. Братишка подхватил меня и быстро усадил на диван.

Перед глазами все расплывалось, мебель в комнате как будто плясала джигу, а во рту появилась неприятная сладость, которую не прогнал даже стакан воды, принесенный сестрой.

— Тань, ну вот что ты творишь? — донесся испуганный и немного гневный голос сестры сквозь непрекращающийся гул в голове. — Ты же себя до магического истощения чуть не довела. Только обрела силу — и на тебе!

— Все нормально, — прохрипела едва слышно, пытаюсь отмахнуться от Лизки.

Но вышло наоборот, я начала медленно заваливаться на диван. Только чувствовала, что под голову мне подкладывают подушку.

О, постелька.

Закрыв глаза, поудобнее устроилась и почти сразу заснула.

Последнее, что я слышала, это голос Дениса, который говорил кому-то:

— Ну вот, а я так и не сказал, что ей опять эта девушка звонила.

Какая девушка? Кому звонила? Не важно...

...Снова лодка... воздух... Как же его много, он такой ощутимый, даже немного вязкий. Мне казалось, что я могу коснуться его рукой.

...И ветер... только теперь я видела его лицо и пронзительные зеленые глаза на мужественном

лице.

— Сереж, — прошептала я, протягивая к нему руки.

Он улыбнулся и сделал шаг мне навстречу, чтобы обнять крепко-крепко...

Хорошо-то как.

И вдруг резкий противный звук, словно что-то зажужжало у самого уха. Назойливый комар? Гигантский шмель? Нет, все не то. Жужжание продолжалось. Настойчиво. И все волшебство исчезло.

Открыла глаза, зажмурилась от яркого солнечного света и увидела Лизку, сестренка в пижаме стояла у дивана и тыкала дребезжащий телефон прямо мне в лицо.

— Тань, он уже в третий раз за утро звонит, ответь, а?

Не было смысла спрашивать, кто это. И дело совсем не в знакомой мелодии, что противно звенела в голове. Просто никто другой так настойчиво звонить не будет... А жаль.

— Да?

— Слушай, Разина, это не смешно, — прорычал Димка.

Именно прорычал, потому что его голос был далек от привычного радостно-оптимистического, к которому я так привыкла за эти годы. Надо же, мне удалось его разозлить!

— Доброе утро, Дмитрий Александрович, — хрипло ответила я и перекатилась на спину. Какой же диван неудобный, так шея затекла.

— Что с тобой случилось? Лизка ничего толком сказать не смогла, только дежурное: «Перезвоните завтра утром!»

— Со мной все в порядке.

— А почему ты сама не позвонила? Ты ведь обещала.

В голосе шефа слышалось неподдельное участие. Я вновь почувствовала себя последней сволочью.

— У меня не было сил. Я щиты ребятам ставила.

— Какие щиты? — не понял он.

— Самые крепкие и надежные, как папа учил... Вот и свалилась потом без сил.

Ну же, Димочка, ты же умный мальчик. Ты должен сам обо всем догадаться, потому что признаться тебе в своей инициации я не могу, даже по телефону. Вот такая я малодушная зараза.

Тишина, я только слышала в трубке его дыхание, оно не сбилось даже тогда, когда до Димки дошел смысл сказанного.

— Ты... инициирована, — почти через минуту жуткого молчания сухо констатировал феникс.

— Да... Дима, я...

— Сергей, — тон вроде не изменился, но я все же уловила в нем злые нотки.

— Да, — прошептала я, но он все равно услышал.

— Поздравляю, Разина.

Эх, лучше бы он меня ударил. Конечно, по телефону это невозможно сделать. Но лучше бы он меня действительно приложил чем-нибудь тяжелым, честное слово. Я бы тогда не чувствовала себя до такой степени погано.

— Ты теперь настоящая, полноценная ведьма, — продолжал шеф.

Если не может ударить, то хотя бы наорал, что ли. Но нет, голос ровный, спокойный и

показательно равнодушный... в том-то и дело, что показательно.

— Дим, послушай...

— Я рад, что у вас получилось. Перезвоню потом, пока.

Села на диване, откинула в сторону плед.

Надо же, я так и не переоделась. На мне все то же измятое платье, что было вчера вечером... и белья под ним до сих пор нет... Да, переодеться не помешало бы.

Лизка все еще стояла надо мной и сочувственно смотрела.

— Лиз, я последняя сволочь, — вздохнула тяжело.

— Нет, просто ведьма.

— Да, ты права. Твой вариант хуже.

— Иди в душ и переодевайся, завтрак уже готов.

— Спасибо.

На диване вновь противно запищал телефон, сообщая о том, что мне пришло какое-то новое сообщение.

— Что там? — Сестренка замерла у двери и смотрела на меня.

— Не знаю, — взяла телефон и прочитала сообщение.

Его смысл не сразу дошел до меня. Пришлось несколько раз прочитать текст, чтобы мозг смог переварить и осознать полученную информацию.

— Да как он?.. Вот сволочь!!! — рыкнула я и нащупала сферу в кармане.

— Ты чего? — Лизка в шоке смотрела на меня.

— Из дома не выходить!!! Я скоро буду!!! — и сжала сферу.

Я ему сейчас все выскажу!!!

ГЛАВА 16

Сфера перенесла меня в уже знакомую, залитую солнцем гостиную.

Так, и где прячется этот Страж? Я же знаю, что он здесь, на сто процентов уверена. Вот найду его, и... Голова закружилась от ярких кроважидных картинок. Давно я не была так зла, давно мне так сильно не хотелось кого-то прибить и прикопать в песочке на берегу, где-нибудь под пальмой.

Но это не просто злость и гнев. Хотя и их хватало. Где-то там, на краешке моей не совсем черной души, пустили свои корни обида и боль.

Как он мог? Как?.. Зачем это сделал и почему? Неужели я действительно такая? Продажная, алчная... ненасытная тварь? За что он так со мной? Чем я заслужила это?

Вышла из гостиной и попыталась успокоиться. Не получилось... Ни черта не получилось.

Неужели вчера вечером мне все привиделось? А на самом деле был лишь голый расчет, товарно-денежные отношения в силе? А я-то, дуручка... Нет, не влюбилась... Но совершенно искренне поверила, что у нас с ним все сложится по-особенному, не как у других.

Идиотка! Какая же я наивная кретинка!!!

Не будет у меня, как у родителей! Никогда не будет... Надо смириться, надо снять и разбить к чертовой бабушке розовые очки и посмотреть на жизнь не сквозь призму моей этичной и романтической утопии, а в соответствии с прогнившей идеологией магического мира, его продажностью. Теперь, когда я инициирована, когда проклятия больше нет, я могу стать такой же... как все... А я... дура... захотела разорвать шаблоны.

Как же больно. Уцепилась за дверной косяк, чтобы восстановить дыхание и остановить слезы, что уже застлали глаза... Нет, слез моих он не увидит... Дышала глубоко, но рвано, а на поверхность вылезли гнев и обида.

На мгновение замерла у входа в лабораторию, но спускаться не стала. Нет, там его нет. Он наверняка у себя в кабинете или в комнате. Другие варианты я просто не рассматривала.

Дверь кабинета была приоткрыта, и я знала, что он там.

Моя сущность почувствовала его, сладко замурлыкала и начала облизываться в предвкушении. Продажная тварь, что сдалась без боя какому-то Стражу... Даже она использовала меня в угоду своим желаниям.

Открыла дверь и застыла на пороге... его запах... аромат, что будил воспоминания, выбивал воздух из груди. А это я только зашла.

— Доброе утро. — Он стоял у распахнутого окна, засунув руки в карманы легких брюк, и сразу повернулся ко мне.

И эта мягкая улыбка, что отражалась в его глазах, совершенно выбила меня из колеи. Злость вернулась почти сразу — улыбается он тут! Хорошо ему, да?

— Это как понимать?

— Что именно? — и глазками так невинно хлопает.

— Ты. Перевел. Мне. Деньги. За. Инициацию! — собрав последние крохи терпения и миролюбия, выдавила я из себя.

— Перевел, — кивнул, но улыбаться перестал, и взгляд стал серьезным, внимательным и изучающим.

— Отлично, — вскинула подбородок и до боли сжала в руке телефон со злополучной эсэмэс. — Тогда мой тебе ответ — выброси эти деньги знаешь куда?

И, крутанувшись на пятках, повернулась к выходу. Нет, не буду на него орать и реветь тоже не буду. Полный игнор и безразличие. Большого этот Страж не достоин. И пусть все внутри умирает от боли, он этого не увидит.

— А в чем дело, Таня? — Его вопрос остановил меня у самой двери.

Я замерла и переспросила:

— Ах, в чем дело, спрашиваешь?

— Именно. Разве не об этом ты договаривалась с Димой? — Ни тени насмешки в голосе, просто вопрос, и ничего больше. Это равнодушие ранило еще сильнее.

— С Димой, но не с тобой. — Я все-таки обернулась к нему.

— Принципиальная разница?

— Существенная разница, знаешь ли, — практически вытолкнула из себя.

Зеленые глаза гипнотизировали, давили, требовали искренности и правды. А у меня даже не было времени, чтобы обдумать ситуацию в целом.

— И в чем же она существенна, Таня? Любая услуга в этом мире должна быть оплачена. Благодаря инициации зарядились под завязку все мои артефакты. — Он указал на стол, на котором стояли не замеченные мною бутылочки, флаконы, кулоны, колечки и другая мелочь. Примерно десяток различных артефактов, что вернули себе былое могущество. И все это благодаря мне. — Просто инициация, просто секс. Или для тебя это нечто другое?

Он подошел ближе, но нас все еще разъединяла пара метров.

Черт! Что он хочет от меня услышать? Чего хочет добиться? Зачем все это?

— Что же ты молчишь, Таня?

— А что ты хочешь услышать?

— Я хочу, чтобы ты призналась. Не мне. Признайся самой себе. Это был не просто секс, не просто инициация... Это было что-то большее.

— И что же? Любовь? — Следом за вопросом вырвался грустный смешок, который я не успела остановить.

— Интерпретировать и назвать то, что произошло между нами, можно по-разному... Но одно я могу сказать с уверенностью: нас тянет друг к другу. И ты это чувствуешь. Я знаю, что чувствуешь... Ты не можешь не ощущать это притяжение, что подталкивает нас друг к другу... эти искры страсти, что сжигают изнутри... Я не позволю тебе отвернуться и списать произошедшее на похоть.

— И чтобы доказать это, ты перевел мне деньги? Знаешь, как-то нелогично, не находишь?

— Ты вчера сбежала, ничего не объяснив.

— Мне надо было домой.

— Отличная отмазка и самое главное — такая информативная... Не поговорив. Даже ничего толком не объяснив, ты просто исчезла.

— Мне надо было успеть поставить мелким щиты. Ты же знаешь, временной промежуток ведьминского всевластия после инициации весьма короток.

— Что? — Он сразу напрягся и сощурил глаза. — Ты одна ставила щиты? С ума сошла?

— А что в этом такого?

Мужчина тихо чертыхнулся и запустил пальцы в густую шевелюру. А услужливая память подбросила яркие воспоминания, — какие его волосы на ощупь, как я сама касалась их... как пропускала мягкие пряди сквозь свои пальцы...

— Дело в твоём даре, моя дорогая.

— А что не так с моим даром? — Я непонимающе нахмурилась, вырываясь из таких сладких воспоминаний. — Я — аспин.

— Аспин, — кивнул тот. — Только твои щиты не так просты, как кажется.

— В каком смысле?

И на ум сразу пришло то мое последнее погружение, из которого меня самым бесцеремонным образом вытащил этот несносный Страж. Вот так и знала, что это произошло не просто так. А теперь другой вопрос: какого черта от меня опять что-то скрывают?

— Вот скажи мне, Тань, почему ты все делаешь, даже не удосужившись посоветоваться?

Ничего себе заявление.

— А тебе не кажется, что ты должен был сам мне рассказать, что со мной не так, еще три дня назад?

— Да все с тобой так. Только в связи с тем, что ты на семь лет просрочила свою инициацию и получила свои силы только сейчас... они немного трансформировались.

— Что?!

И он скрывал от меня такое?

— Не паникуй, — Мужчина вскинул руки в примирительном жесте. — Ты же знаешь, что временами сильные маги после длительных тренировок открывают скрытые стороны своей силы. У тебя они открылись вследствие воздержания.

— Ты можешь толком сказать, что это за способности? — прорычала я.

— Твои щиты боевые.

— Что значит боевые?

— Они не только защищают, они еще и дают сдачи обидчику.

— Когда ты это понял?

— Ты меня чуть не подпалила, когда погружалась. Точнее, не ты, а твой щит.

Почувствовала себя шкатулкой с сюрпризом. Сколько их там еще?

— И ты молчал?

— Я сам только недавно понял, что это означает. Насколько я знаю, ты единственный аспин за последние сто-сто пятьдесят лет, которому удалось сконцентрировать в себе защиту такой мощи. Последний щитовик с таким даром жил в Англии в конце позапрошлого века. Сейчас даже твой дед на фоне тебя выглядит бледно.

Ну, хоть какой-то бонус от моего воздержания.

— Максим Леонидович, — автоматически поправила я. Никогда не называла его дедом, не собираюсь этого делать и впредь. Вдруг остро ощутила в себе пакостное желание утереть нос этому зарвавшемуся колдуну. Но все это потом. — А если бы я причинила вред мелким? Ты хоть понимаешь, как я рисковала?

— Денис и Лиза твои родственники, они с тобой одной крови, и щит не стал бы их атаковать.

— Черт, атакующие щиты... Звучит, как слоган дешевого фэнтезийного фильма. И как они работают?

— Трудно с ходу определить схемы, маневренность, устойчивость и мощь твоих щитов, как защитных, так и атакующих. Сама понимаешь, раньше особенности такого дара тщательно не изучались, не прописывались и не фиксировались. Наоборот, их тщательно скрывали ото всех... Мне пришлось сильно поднапрячься, чтобы найти хоть какую-то информацию, а ведь у меня как у Стража полный доступ к документам такого уровня... Насколько я понял, это что-то вроде третьего глаза. Ты можешь не увидеть атакующего, а щит засечет и нейтрализует.

— А тогда почему мой щит ударил по тебе во время погружения?

Оторвала взгляд от артефактов на столе, чтобы посмотреть на Стража.

А ведь я и забыла, зачем сюда пришла. Забыла, что безумно злюсь на него, что хотела запустить в него парочкой проклятий. Эмоции удалось взять под контроль. Так изящно выходить из состояния бешенства я научилась, работая у Соколова. И за четыре года до совершенства отточила такие нужные для жизни навыки.

Страж стоял всего в двух шагах от меня. Черная прядь волос падала на лоб, ярко-зеленые глаза сверкали на смуглом лице, а воздух словно пропитался ароматом его сущности...

И мне стало трудно дышать. Воздух слишком густой, слишком ароматный и слишком... напоминал Стража... Я словно не дышала, а глотала, пила и не могла напиться.

Сущность мелко дрожала и восторженно заваливалась, вскидывая вверх лапки. Вот... тварюшка.

— Трудно сказать, — потеряла нить разговора, забыла, что за вопрос я ему задала, поэтому слышала его голос сквозь призму своих ощущений и эмоций. — Может, дело в том, что я был слишком близко к тебе?

Его глаза все темнели, становились практически черными, сливались со зрачком. Но он просто стоял и смотрел, даже руки убрал в карманы.

Истукан непрошибаемый.

Ждал...

Чего он ожидает? Что я сейчас, как моя продажная сущность, встану в стойку, завиляю хвостиком (или филейкой) и прыгну к нему в постель? Да фиг тебе, зараза зеленоглазая.

— Ясно. Спасибо за информацию.

— Куда-то собралась?

Надо же, какой проникательный. Я даже развернуться не успела, а уже засек.

— Мы с тобой еще не закончили.

— Может, ты и не закончил, а я полностью удовлетворила свое любопытство. И, по-моему, мы все уже обсудили.

— Таня, а давай ты перестанешь вести себя как обиженный ребенок, и мы поговорим. Ты серьезно думаешь, что я тебя отпущу?

Сложила руки на груди и выразительно подняла бровь. А вот это уже что-то новенькое.

— И как это понимать?

— Ты же не будешь отрицать — то, что происходит между нами, не вписывается в рамки общества и нашего мира?

А я вроде и не отрицала. Но ровно до того момента, пока он не перевел деньги. Проплатил инициацию и строит тут из себя рыцаря в сияющих доспехах... Может, кинуть в него заклятие? Не сильно, но так... для успокоения совести. Сущность протестующе зарычала, что бесило еще больше — помолчала бы лучше, предательница.

— Ты злишься из-за того, что я поставил тебя перед выбором? Либо будь как все, либо признай? Таня, я не восторженный подросток, я колдун. И играть в игры не в моих правилах. Я знаю, чего хочу! Тебя! Всю без остатка! Только тебя. Мне не стыдно признаться, что меня к тебе безумно влечет. И это не просто похоть и сиюминутный порыв. Я могу уловить твои флюиды на огромном расстоянии. Это настоящие чувства, и я не позволю тебе отказаться от них. Хочешь, назови это химией чувств, но твой аромат сводит меня с ума. Так и тянет вдохнуть поглубже... прижать к себе как можно сильнее... попробовать на вкус... вчера я так и не успел это сделать...

— Как? Ты разве не собираешься падать передо мною ниц и признаваться во вселенской любви с первого... хм... секса? — язвительно улыбнулась я, мечтая ужалить его как можно больнее. Чтобы он почувствовал хоть мизерную часть той боли, что причинил мне своим идиотским поступком. Тело против воли уже откликалось на его слова и на вкрадчивые нотки в голосе, и я заметила первые искорки, замерцавшие в воздухе.

Злится.

Вон как хмурится. Зубы сцепил, глазки сузил. Прямо бальзам на мое израненное самолюбие.

— На колени падать, говоришь? — прошипел он и вдруг в одно мгновение оказался рядом со

мной и, обхватив мою талию своей лапицей, резко притянул к себе. — Тебе нужно еще одно доказательство моего к тебе отношения? Значит, ты его получишь.

Движение Стража было слишком стремительным и быстрым, я не успела сориентироваться. Поэтому со всего размаха врезалась в его грудь, испуганно охнула и резко вскинула голову. Этим Сергей и воспользовался, впившись в мои губы таким голодным и жестким поцелуем, что я только и могла испуганно замереть. Но страх длился лишь мгновение.

Нет, его поцелуй не стал нежным и ласковым, наоборот, его жесткие губы до боли сминали мои, рука так сильно сжимала талию, что еще чуть-чуть, и слезы грозили брызнуть из глаз... И, черт меня побери, как же меня это заводило! Страсть, примитивная, дикая и древняя, как сам мир, вырвалась на свободу, сметая последние крохи разума и непокорности.

Я запустила пальцы в его волосы, дернула их, оттягивая, чуть ли не вырывая с корнем.

Сергей отстранился на мгновение, вглядываясь в мое лицо ошалелым взглядом (хотя, я думаю, у меня сейчас не лучше), и улыбнулся такой искренней улыбкой, что я просто не могла не улыбнуться ему в ответ.

— Ведьмочка, — ласково прошептали губы, и его рука, сминая тонкую ткань платья, поползла по бедру вверх.

И тут меня накрыла холодная волна реальности — а белья-то у меня под платьем нет!

И платье на мне то же самое, что и вчера, и на голове черт знает что! Я же только недавно проснулась и не успела не то что зубы почистить, я даже элементарно не причесалась... И помыться мне тоже не помешало бы... Да, я сейчас благоухаю далеко не розой. От меня же, наверное, за километр разит потом. Я же сейчас выгляжу как пугало с огорода — лохматая, помятая и страшная... Позорище-то какое.

Отстранилась от него, всеми силами стараясь не смотреть в глаза, и попыталась выбраться из объятий. Вот приму душ, намажусь какими-нибудь маслами, надену то самое эротическое белье — невесомое черное кружево и минимум ткани, то самое, что год назад купила в командировке в Италии, — и приду его соблазнять.

Улыбка на мужском лице поблекла. А глаза опасно вспыхнули.

— Тань, в чем дело? Что-то не так?

Все не так... точнее, не все, а я в этом своем расхристанном виде совершенно не вписываюсь в происходящее.

— Сереж, понимаешь... я... мне... я после вчерашнего устала очень... и утром эта эсэмэска... мне бы... как бы... надо... сейчас... привести себя в порядок...

Моя речь становилась все запутаннее и тише.

Зато его улыбка с каждым произнесенным мною словом расплзалась все шире. Не видела, но чувствовала.

— Душ? — промурлыкал он куда-то в район моего уха.

— Да. — Мой голос совсем стих, а мое лицо по цвету могло соревноваться с помидором. И не факт, что помидор выиграл бы.

Вот тебе и ведьма-соблазнительница.

— Отличная мысль.

И, подхватив меня на руки, потащил к выходу.

— Ты чего?

— Мы идем в душ!

— Мы?

— Мы, — ухмыльнулся он.

Мягкий свет ванной, красивый орнамент плитки и стеклянная перегородка душевой кабины.

Высокие и узкие шкафчики с прозрачными дверцами, а за ними аккуратной стопкой лежат полотенца.

В этих прозрачных дверцах отражался размытый силуэт растрепанной темноволосой девушки. Она позволила мужчине стащить с себя мятое платье и покорно ждала. Выглядела ли она взволнованной, испуганной... или, наоборот, предвкушающей? Трудно разглядеть, слишком стекло прозрачное и слишком далеко она стояла. Но мне нравилось на нее смотреть — высокая, изящная, обнаженная, она... я... похожа на статуэтку древней богини. Так и хотелось поднять руки, повести плечом, слегка повернуться боком для лучшего ракурса... Смотри, любуйся мной!

Сергей избавился от своей одежды довольно быстро. Пара секунд, и брюки с рубашкой присоединились к моему платью. Мужчина распахнул дверь и мягко подтолкнул меня внутрь. Покорно зашла и замерла, не зная, что делать дальше.

— Душ, — притворно-невинно улыбнулся Сергей и включил воду.

Тяжелые капли падают на кожу, вызывая легкую дрожь, и тут же превращаются в быстрые теплые ручейки... Мне не было холодно. Но сладостный озноб сотрясал тело, бросая попеременно то в жар, то в холод... Воздух горел в легких, еще больше распалая огонь желания, что распускалось пылающим цветком внизу живота... Но я все равно дрожала.

Мужчина не спеша взял мочалку и старательно ее намылил, а я только и могла стоять и смотреть на его сильные руки, на капельки влаги на мускулистом торсе...

Я наблюдала за ручейками воды, которые стекали все ниже по темной поросли волос прямо к вздыбленной и возбужденной плоти... Задержала взгляд всего на мгновение, почти сразу отвела его в сторону.

Шаг ко мне, и меня вырвало из грез его тихое и спокойное:

— Повернись.

И куда только делась повелительница из моих фантазий? Где хоть капля непокорности и гордости? Где вообще мое хваленое чувство собственного достоинства? Я ведьма или как? Наверное, или как? Потому что быстро кивнула и безропотно подчинилась.

Чувствовала ли я после этого себя жалкой? Нет. Все это пустое.

А вода продолжала непрерывно падать сверху, застилая глаза... но это не важно, они все равно закрыты. Сейчас задействованы другие органы чувств, и все они обострены до предела. Я сама натянута, как струна. Застыла в ожидании прикосновений этого опасного и сильного мужчины, что молча стоял за моей спиной.

Осторожное прикосновение мыльной губки к спине... мягкие плавные движения по кругу, когда он спокойно и размеренно намыливал мою спину, бедра и плечи, вырисовывая только ему понятные узоры на теле. Он сейчас как талантливый художник, а мне нравилось быть его безмолвным холстом.

Дыхание совсем сбилось, когда я почувствовала на своей коже прикосновение его свободной руки, которая плавно и синхронно повторяла движение губки. Ничего лишнего, никаких посторонних ласк, но я уже горела от желания и нетерпения.

Пришлось закусить губу, чтобы не застонать, когда он осторожно касался чувствительной кожи груди, плавно и мягко скользил по животу... делал круг в районе пупка и... возвращался к намыливанию спины.

Я походила на вулкан, который готов вот-вот проснуться, чтобы извергнуть из себя потоки лавы. Но я ее стойчески сдерживала ровно до того момента, пока не почувствовала, что губки больше нет, а две руки прекрасным дуэтом исполняют красивые па на моем податливом, разгоряченном теле.

Осторожный укус в шею, от которого вздрогнула всем телом, и следом, почти сразу, мягкий поцелуй и касание горячего языка. Кажется, кто-то не против того, чтобы попробовать меня на вкус.

Выгнулась и слегка потерлась бедрами о его возбужденную плоть. В эту игру можно играть вдвоем, милый... Резкий судорожный вздох — его ладони накрыли мою грудь, мягко сжимая, поглаживая, лаская горошинки сосков. Теперь не смогла сдержать стон я. Закинула руки

вверх и зарылась пальцами в его влажные волосы.

— Искусительница, — прошептал он. И этот голос — лучшая музыка для моих ушей.

Рука опускалась все ниже и ниже, пока не оказалась между моих бедер. Я рефлекторно дернулась ему навстречу, призывая не останавливаться, моля продолжить ласку, хоть чуть-чуть снять напряжение и сладкую ноющую боль.

А дальше все просто терялось в эмоциях и ощущениях.

Его пальцы, каждое движение которых заставляло меня стонать и умирать от наслаждения...

...хриплое дыхание — одно на двоих...

...жаркие поцелуи, которые вытягивали из меня душу, призывая раскрыться ему до конца...

...и капли воды, усиливающие ощущения в сотни тысяч раз.

Все это по отдельности и вместе лишало остатков разума. В голове была только одна мысль — люблю!!! А остальное все не важно.

Влажная, прохладная плитка под моими ладонями, когда, наклонившись вперед, я уперлась руками в стену... нога, которую он мягко, но требовательно поставил на низкий бортик душевой, и сам возбужденный мужчина за моей спиной.

Первое движение и мой тихий всхлип облегчения и восторга. Неспешный ритм, плавное скольжение внутри меня, и я готова была от нетерпения царапать ногтями стену... Слишком медленно, слишком робко, слишком мало.

Попытка вернуть контроль (как будто он у меня был) потерпела полное фиаско. Сергей крепко сжимал мои бедра, лишая малейшей возможности маневра. И наказание наступило тут же — одна из его рук неуловимым движением опустилась к лону и сразу нашла средоточие пожара.

Пара резких движений пальцами вкупе с мягкими толчками внутри меня, и я взорвалась от наслаждения. Того самого, которое просто невозможно описать. Это надо почувствовать и пережить.

Все мое тело дрожало от вихря удовольствия. Я с трудом удерживалась на ногах, но мне все еще было мало. Хотела почувствовать вкус его страсти. Мое наслаждение без этого неполное!

— Готова? — хриплый шепот, и Сергей вышел из меня, бережно повернул лицом к себе.

От голодного взгляда его зеленых глаз сердце ухнуло вниз, и я быстро облизала пересохшие губы. Как такое могло произойти под струями воды, я не знаю. Страж следил за моими движениями и хищно улыбался.

Рывок, и я впечаталась в стену душевой, охая от соприкосновения холодной плитки с разгоряченной кожей, рефлекторно закидывая ноги на его бедра и крепко их сжимая.

— Продолжим формировать доказательную базу? — прошептал он и одним плавным движением проник в лоно до самого конца.

Какая база? Какие доказательства?

Но все эти вопросы сразу вылетели у меня из головы.

Теперь Страж уже не сдерживался — движения его бедер стали резкими и мощными. Он словно вбивал меня в стену, стремясь оказаться как можно глубже, пытаясь достичь полного слияния и единения. Но мне не было больно. Наоборот, я вскрикивала от счастья и наслаждения, впивалась ногтями в его спину и плечи, оставляя кровавые разводы. Своеобразная метка на моем мужчине. Но и Сергей тоже не остался в долгу — его пальцы до синяков сжимали мои бедра.

Дико... жарко... неопишимо.

Недавнее наслаждение казалось жалким и ничтожным по сравнению с той бурей, что сейчас бушевала у меня внутри. Ведь сейчас мы умирали вместе, разделяя эту сладкую смерть на двоих, выплескивая огонь страсти и напитываясь ею под завязку.

Взрыв и миллиарды искр... тихий крик... хриплый стон... дрожь... истома и экзотический вкус

пряной магии на моих губах... такой родной, такой привычной...

Сущность пищала вместе со мной, когда мой резерв заново наполнялся силой.

Я заново училась дышать.

Постепенно возвратились слух и другие чувства.

— Ведьмочка, — с трудом прошептал Сережа и, разжимая пальцы, осторожно опустил меня на пол.

Ноги не держали, пришлось некоторое время меня поддерживать, чтобы я не упала от слабости. Думаю, ему это льстило.

Вот так мы и стояли, прижавшись друг другу, пытаюсь отдышаться и хотя бы частично вернуться в реальность.

Когда? Когда все это произошло? И почему я не заметила? Почему не отследила момент, когда этот сильный мужчина перестал быть просто чужим Стражем?

Любовь? Нет, пока нет. Но Сережка прав. Что бы между нами сейчас ни происходило, это не просто примитивный физиологический секс. Когда он окрашен такой палитрой эмоций и зарождающихся чувств... И отказываться от этих чувств я не собиралась.

— Жива? — Нежный поцелуй в нос, от которого я смешно поморщилась и попыталась сдержать чих.

Щекотно.

— Не уверена.

— Стоять можешь?

Кивнула и оперлась рукой о стенку. Вроде ничего, стою. Штормит, правда, немного.

— Подожди меня тут. Я принесу что-нибудь из вещей Игорька.

— Хорошо.

Быстрый поцелуй в губы, и прежде чем я успела потянуться к нему еще за одним, он ушел. А в душевой сразу стало просторно, но одиноко.

Вот тебе и устроила скандал. Хотя, если каждое наше примирение будет таким же прекрасным, как это, я не против. Кто бы мог подумать, что Сережка окажется таким обжигающе горячим и темпераментным мужчиной? Вот тебе и тихий омут с чертиками.

Улыбка не сходила с моего лица, я подставила его под капли воды, которая стала свидетельницей нашей бушующей страсти и смыла с меня обиду и злость. Быстро вымылась, тихо мурлыча под нос легкую незатейливую мелодию, и, выключив воду, вышла из душевой. Такой одуряюще счастливой я не чувствовала себя очень и очень давно.

Достала полотенца и принялась стирать капли влаги с кожи.

...И замерла, встревоженно глядя на дверь. Уверена, только что слышала какой-то странный непонятный шум. Он стер улыбку с моего лица и заставил недоуменно нахмуриться. Что-то не так.

Быстро обмотала полотенце вокруг тела и дернула за ручку.

Закрыто.

— Какого черта?

Я же точно знаю, что дверь была открыта. Дернула еще раз. Бесполезно, дверь закрыта. И не просто закрыта, а магически заперта. Уже собиралась забарабанить по ней кулаком, когда услышала голос Сережки, заставивший меня застыть и опустить вскинутую руку.

— И как? Полегчало тебе, Дим?

Дима? Здесь... сейчас...

Что ж, это вполне логично и закономерно. Стоит мне только на мгновение стать счастливой, воспарить до небес, как что-нибудь обязательно случается. Давно стоило привыкнуть, ан нет. Все еще больно возвращаться с неба на землю, отбивая себе все и вся.

Но почему Сергей закрыл дверь?

— Скажи спасибо, что ты мой брат. Иначе бы я просто убил тебя на месте, — слышно плохо, но голос шефа я узнала бы из тысячи. А с другой стороны — не узнала бы. Таким я голоса Димки еще не слышала.

Сейчас он в бешенстве. Мне казалось, я даже улавливала огненные всполохи, окружавшие его... Еще мгновение, и он вспыхнет.

— Это ее выбор.

— А ты его ей оставил? Или просто воспользовался уязвимостью и податливостью после снятия проклятия? Затуманил мозг страстью и безнаказанно отымел?

— Ты сам-то в это веришь, Дим? — Сережка был спокоен, но я уловила металлические нотки в его голосе.

Ох, нет! Пожалуйста, нет! Я не хочу быть причиной их ссоры. Не хочу стоять между ними!

Но дверь все еще оставалась запертой, а я только и могла, что стоять, прижавшись к ней лбом, и слушать. Можно было, конечно, заткнуть уши и сделать вид, что ничего не происходит. Но нет. Это мое наказание, моя карма, и я должна принять услышанное как приговор.

— Ты знал, как я к ней отношусь! Знал, что она мне не безразлична!

— Знал. И всеми силами противился этому влечению и чувствам. Я не хотел, чтобы так получилось. Правда, не хотел. Но теперь... Дим, я не отпущу ее, слышишь?

Очередной глухой звук. Я уже понимала, что это удар... Димка только что ударил своего брата. А следом раздался яростный, наполненный болью рык:

— Она тебе не принадлежит, и только Тане решать, с кем остаться.

И тишина... которая оглушала, давила и лишала последних остатков сил.

Теперь я слышала только свое дыхание — прерывистое, частое и тяжелое. И стук пульса в голове.

Медленно сползла на пол и прижала руку ко рту, сдерживая рвущийся наружу крик. Что же я наделала?

Резко распахнулась дверь и глухо ударилась о стену. Сережка сразу упал передо мной на колени и рывком притянул к себе. Он прижимал так крепко, что я просто не смогла сдержать рвущихся наружу слез.

— Ну что ты, маленькая моя? Ну чего ты? — тихий, успокаивающий шепот и жаркие губы, что ловили мои слезинки, не давая им скатиться вниз.

— Зачем ты запер меня? Я должна была с ним поговорить, — с трудом вытолкнула слова из сведенного судорогой горла.

— Должна и поговоришь, обязательно поговоришь. — Он гладил меня по голове и ласково целовал в лоб. — Но не сейчас... Сейчас Дима слишком зол и расстроен. Сложно разговаривать с человеком, когда чувства преобладают над разумом. Он просто наговорил бы тебе много лишнего. А потом жалел бы и мучился... Огненный феникс, и этим все сказано. Вот остынет, и вы все спокойно обсудите... Не сиди на полу, замерзнешь.

Страж быстро подхватил меня на руки и отнес в свою спальню, где мягко уложил на кровать и навис надо мной мощным куполом.

А я не могла оторвать взгляда от красной ссадины у него на скуле. Подняла руку и слегка коснулась кончиками пальцев щеки. Целительная магия мягко и нежно вибрировала и мерцала на пальцах и почти сразу принялась за дело. Для того чтобы исцелить его, мне хватит сил и умения. Здесь их много не надо — пара секунд, и ссадина затянулась прямо на глазах, осталось лишь небольшое покраснение на месте удара.

Сережка слегка повернулся и нежно коснулся губами раскрытой ладони, не отводя при этом взгляда от моих глаз.

— Спасибо.

— Это моя вина.

Мне не хотелось убирать руку, и я осторожно изучала его лицо, каждый миллиметр — очерчивала скулы, касалась щетины, что мягко покалывала кожу.

— Нет. В данном случае ты не виновата. А вот я должен был поговорить с ним раньше... Я же знал, что ты для него не просто друг и секретарша. Знал, что у него есть... планы на тебя.

Планы. Да, это то самое слово, которое характеризовало отношение феникса ко мне. Но разве от этого легче?

— Я старался бороться с этим сумасшествием, с этой безумной тягой к тебе. Но не смог... Моя девочка с глазами цвета дождевых облаков... Я проиграл... или, может, выиграл? — Мягкая улыбка, от которой у меня в который раз сбилось дыхание. — Я говорил Диме вполне серьезно. Я не отпущу тебя, Тань.

— А если я сама не хочу, чтобы меня отпускали? — Эти слова вырвались у меня сами собой. Но я не жалела.

И пусть еще вчера я не думала об этом. Пусть даже не могла помыслить о том, как сильно изменится моя жизнь. Теперь я от этого просто так не откажусь. Этот мужчина мой, а я его.

Легкий невесомый поцелуй, затем еще один, и еще, с каждым мгновением они становились все горячее и откровеннее.

— Сереж, — выдохнула я, когда он, оторвавшись от моих губ, покрыл быстрыми поцелуями шею, ключицы и начал аккуратно разворачивать полотенце. Ну просто ребенок, который разворачивает фантик своей любимой конфетки!

— Мм?

— Мне надо домой.

— Зачем? — С ловкостью иллюзиониста у него получилось достаточно быстро стащить с меня махровую тряпочку, и я уже лежала перед ним в чем мать родила.

— Мелкие волнуются. Я исчезла, ничего им не объяснив.

Он не касался меня, только смотрел, но я уже вспыхнула вся, от макушки до кончиков пальцев.

— Да, ты права. — Страж кивнул с самым серьезным видом и осторожно коснулся указательным пальцем яремной впадины. Слегка нажал и, дождавшись моего судорожного вздоха, начал чертить красивые загогулины на ключицах. — Тебе надо домой... — Художник опустил ниже, рисуя импровизированной кистью узоры уже на моем вздрагивающем животе, — ...минут через десять... — спираль вокруг пупка и осторожное прикосновение к внутренней стороне бедра, — ...или двадцать...

— Сереж, — всхлипнула я, невольно приподнимая бедра.

— Тебе не кажется, что нам стоит попробовать сделать это в постели, а? — перебил меня мужчина, лукаво блеснув глазами, и стал наклоняться ближе и ближе. Его пальцы уже нежно касались влажных складок, мягко, но требовательно раздвигали их и проникали внутрь. Разряд по телу, сладкий стон, и я выгнулась, сжав простыни в кулак. — Не могу тобой насытиться... просто не могу... Ты как наркотик... мне всегда будет мало.

Наверное, он прав. Двадцать минут ничего не решат, а попробовать стоит... и мы попробовали.

Странно, мне казалось, что страсть и чувства, что вызывает близость, всегда одинаковые. Да, мама рассказывала, что вкус каждого мужчины разный. Но что может быть удивительного и неповторимого, когда занимаешься сексом с одним и тем же мужчиной?

Оказывается, все.

Каждый поцелуй, каждое касание (и совсем не важно, какое оно сейчас — ласково-тягучее или стремительное и огненное) и каждый вздох этого мужчины неповторимы и уникальны. И чувства, что он вызывает, нельзя подводить под какой-то единый эмоциональный алгоритм.

Долгожданная тяжесть его тела и сладкий миг соединения. Неспешный ритм, который постепенно становился все быстрее и быстрее. Каждое его движение делало огонь в моей крови яростнее и болезненнее.

У меня уже не осталось сил терпеть эту сладкую боль, и я, крепко обхватив его талию ногами, не сдерживала рвущиеся наружу всхлипы, стоны и крики. Если от страсти можно умереть, я согласна. Лишь бы с ним, в его умелых руках и на вершине блаженства.

Мы ухнули в чувственное наслаждение одновременно. Я с криком, Сережка с глухим рыком, вдавив меня в матрас так сильно, что у меня просто отшибло дыхание. Но, слава богу, мужчина почти сразу приподнялся, скатился и, тяжело дыша, упал рядом со мной. А я все еще продолжала изучать искорки страсти, что танцевали в воздухе, и пыталась вернуть контроль над своим телом, которое словно превратилось в желе.

— Мне надо домой, — прошептала я, как только вернулся голос.

— Угу, — уткнувшись носом мне в волосы, ответил он.

— Где моя сфера?

— В ванной осталась... наверное.

— Принесешь?

— Женщина, пощади, ты из меня все соки выпила. И вообще, оставайся... не хочу тебя отпускать.

— Мне надо к мелким.

Сережка приподнялся, опираясь на согнутый локоть, и повторил:

— Не хочу тебя отпускать.

— У всех у нас есть обязанности.

— Я знаю.

— И еще... ты обещал принести мне вещи Игорька. Кстати, где он?

— Вчера утром уехал к другу. У них там пикник по случаю дня рождения, ночевка в палатках, будут пить пиво и обсуждать девочек... может, даже не только обсуждать.

— Ты так спокойно об этом говоришь.

— Ему пятнадцать, совсем скоро консервация... Лежи, я принесу тебе вещи и сферу. — Чмокнув меня в нос, Сергей резко встал и, нисколько не стесняясь своей наготы, вышел из спальни.

Я села в постели, сладко потянулась, провела рукой по влажным волосам и улыбнулась.

Может, и у меня теперь все будет хорошо? Теперь, когда мы вместе, все просто обязано быть хорошо.

Через десять минут, одетая в шорты и футболку Игорька с оскалившимся черепом, зацелованная до полусмерти, я попала домой, где меня уже ждали Лиза с Денисом.

— Нет, но вот как это называется? — Сестренка сложила руки на груди и улыбалась в тридцать два зуба.

— Привет. — От смущения я не знала, куда деваться.

— Отлично выглядишь. — Улыбка братишки была не менее красноречива.

— Спасибо.

— Значит, Сергей. Ох, Танюш, я так за тебя рада. — Лизка бросилась ко мне со всех ног и

крепко обняла. — Ты достойна самого хорошего, и Страж как нельзя лучше тебе подходит. Он сделает тебя счастливой.

— Спасибо. — Я обняла ее в ответ. — Лиз, послушай. Если ты не хочешь встречаться с Саидом, только скажи. Я не буду тебя заставлять.

— Правда? — Она слегка отодвинулась в сторону, и я увидела, как блестят надеждой ее голубые глаза.

— Правда. Я сама с ним поговорю.

— Ох, спасибо, Тань... Спасибо.

Что ж, когда ты счастлив, стремишься сделать счастливыми всех вокруг. И этого я сейчас хотела больше всего.

ГЛАВА 17

Что такое счастье?

Как описать это хрупкое, неуловимое чувство, что жило сейчас в каждой клеточке моего сердца? Как объяснить это всепоглощающее желание петь, танцевать и кружиться на месте, пока все вокруг не превратится в карусельную круговорот? Отчего мне так хотелось обнять весь этот жестокий мир и поделиться с ним толикой счастья, которого ему так не хватает?

Глупцы, они не знают, не понимают, чего лишаются, ограничивая себя рамками страсти, похоти и силы. Они не знают, что такое жить по-настоящему. И я не знала, до этого момента. Ведь раньше я не жила, существовала и думала, что так правильно, верно и по-другому просто не может быть. Но теперь все иначе.

— Знаешь, Тань, у меня от тебя начинают глаза слезиться, — усмехнувшись, произнесла Лиза, когда я, переодевшись в просторные брюки и майку, вошла на кухню.

— С чего вдруг? — Я замерла у кофейника и непонимающе склонила голову набок.

— Ты так светишься. Маленькое такое яркое солнышко.

Моя улыбка стала еще шире, хотя куда шире-то — если бы у меня на губах была помада, от широты улыбки она осталась бы на ушах.

— Я счастлива.

— Это и так понятно, — фыркнула она и закатила глаза, но глаза смеялись. Сестренка за меня искренне радовалась.

— Она просто завидует. — Денис присел рядом и слегка ткнул сестру в бок.

— Это поклеп чистой воды. Ты сейчас так на маму похожа!

Я замерла, прикрыв на мгновение глаза, а Лиза тихо продолжила:

— Не внешне, нет. Улыбкой, поведением, блеском в глазах... она была такая же. Улыбалась нам, радовалась каждому мгновению... И ты сейчас такая же.

— Я почти не помню их, — заметил Денис. — Но то, что вспоминаю... Они ведь были счастливы вместе, да?

— Да. — Я, не удержавшись, подалась вперед и ласково потрепала его по голове. — Они были счастливы. И очень нас любили. Больше всего на свете, даже больше жизни.

Иначе и быть не могло. Как еще объяснить их поступки и решения?

...Когда двадцать четыре года назад их, уставших и измученных, доставил в храм Страж, они решили провести церемонию как можно быстрее.

— Вы понимаете, насколько это может быть опасно для вас обоих? — Мужчина с длинной седой бородой медленно приблизился к ним и внимательно осмотрел своими светло-голубыми, почти прозрачными глазами.

— Да. — Некромант крепче прижал любимую к себе и кивнул. — Мы полностью отдаем отчет в своих действиях.

— И не отступитесь?

— Никогда.

Старец кивнул, и в его взгляде Марина отчетливо увидела одобрение. .

— Разрешите, я посмотрю на вашу дочь. — И, не дожидаясь ответа, осторожно ваял малышку на руки. Девочка завозилась, смешно сморщила личико, но не проснулась. — Сильная у тебя дочь, Разин. Очень сильная. Слабая не пережила бы проклятия.

— Откуда?.. — ахнула Марина.

— Это отец Григорий... он многое знает и видит. То, что не дано простым смертным и нам, — тихо ответил Анатолий. — Успокойся, он не причинит ей вреда.

А старец, отойдя от них на несколько шагов, продолжал внимательно изучать девочку.

— Сильная... умная... честная... Ты даже не подозреваешь, как изменил ее жизнь, некромант. Даже не представляешь... Ваша дочь — аспин.

— Что? — спросила ведьма. — Аспин? Вы уверены?

— Конечно. Ее сила и мощь в защите тех, кого она будет любить больше всего на свете... Ради них она сделает очень многое... Истинная защитница, заступница... хранительница.

— Надо же, судьба — великая шутница. Наша дочь унаследовала способности своего деда, моего отца... Кто бы мог подумать, — и Анатолий устало улыбнулся уголками губ.

— Имя ей вы уже выбрали? — Отец Григорий повернулся к ним.

— Нет, — прошептала Марина и беспомощно посмотрела на любимого. — Мы... не хотели думать о том, кто родится...

— Татьяна, — прервал ее речь старый храмовник. — Это достойное имя для нее.

— Татьяна... Таня... Танечка... Танюша... — пробормотал Анатолий, пробуя различные варианты имени своей дочери, а после взглянул на Марину. — Мне нравится, а тебе?

Сирена улыбнулась. Имя волновало ее меньше всего, главное, чтобы у нее не отняли ее малышку, чтобы все, наконец, закончилось, и их оставили в покое.

— Раз вы еще не передумали, пройдемте в зал. — Отец Григорий сделал шаг, но внезапно остановился. — Совсем забыл. Коленька, пойд-ка сюда, дорогой.

Страж, до этого неподвижной статуей стоявший у стены и молча наблюдавший за всем, быстро подошел к ним.

— Да, святой отец.

— Подержи девочку, — и вручил опешившему мужчине маленький сверток.

— Но...

— Она спит и проспит еще часа два-три. Процесс восстановления в ее организме еще не завершен. А мы как раз к этому времени успеем вернуться... Да не трясись ты так. Это не бомба замедленного действия и не проклятый артефакт, а новорожденный младенец.

Николай сглотнул и взглянул на спящую малышку, после чего перевел взгляд на встревоженных родителей крохи, которые никак не решались пойти вслед за храмовником.

— Идите, я посмотрю за ней.

— Никому ее не отдавай, кто бы ни пришел, — произнес некромант и взял любимую за руку. — Ты готова, родная?

— С тобой хоть на край света, — улыбнулась она и поцеловала его в лоб. — Хоть в рай, хоть в ад. Лишь бы вместе.

— Люблю тебя, — прошептал Анатолий, со щемящей нежностью взглянул на дочь и повел сирену за отцом Григорием, который уже скрылся за поворотом.

Зал для проведения церемонии брака имел правильную округлую форму, высоченные потолки и был совсем небольшим по размеру. Посредине стояли низкий алтарь и две каменные плиты, на которые они легли. Каждый на свою.

— У вас еще есть время передумать, — произнес отец Григорий, глядя, как с трудом и опаской они укладываются на каменные лежа.

— Вы же знаете, каков наш ответ.

— Назад дороги не будет. Обряд свяжет вас до конца дней.

— Вот и замечательно, — улыбнулась Марина и постаралась лечь поудобнее.

— Что ж, вы сделали свой выбор.

Широкие кожаные ремни надежно опутали запястья и лодыжки, крепко фиксируя неудобное положение, не позволяя лишний раз дернуться и лишая возможности бежать. Ей очень хотелось верить, что этого желая у нее не возникнет. Какой бы боли она ни испытала, Марина верила, что любовь оправдывает все... как же наивна она была тогда!

Последний взгляд на любимого, что лежал привязанным в трех метрах от нее на такой же плите, и понеслось. Нежная, ободряющая улыбка, потом она перевела взгляд на высокий потолок.

Что она знала о боли, что она знала о смерти... что она знала о себе до того мгновения?

Отец Григорий встал у алтаря и начал нараспев читать священные тексты. Великий союз Света и любви, одобренный Богом, то, чего просто не может существовать в детях Тьмы. Ты либо усмиряешь сущность, лишая ее огромного количества сил и принуждая жить по новым правилам, либо она сгорает, а, сгорая, может забрать и хозяина.

Сначала сирена действительно терпела эту всепоглощающую страшную боль. Подумаешь, больно, главное, что они с Толей будут вместе, навсегда, что никто не посмеет забрать их Танечку. А разве это не счастье? Для этого счастья можно вытерпеть любые испытания.

Но время шло, всего лишь секунды, что казались ей вечностью, а боль не утихала, становилась неистовой. Видит бог, ведьма всеми силами старалась сдержать рвущиеся из горла крики. Она же сильная, любимый будет переживать, а ему и так тяжело... еще чуть-чуть... не может же эта попытка длиться вечно...

Марина до крови закусилась нижней губой, огнем горели запястья там, где врезались в ее нежную кожу ремни — но все это не могло хоть как-то отвлечь от той боли, что пылала в самом ее сердце, там, где корчилась в агонии сущность. Девушке казалось, что каждая капелька ее крови нагревается и закипает, взрывая тонкие сосуды и капилляры, вываривая ее органы в собственном соку. Слезы уже давно рекой лились из глаз... а боль все нарастала, хотя, казалось бы, куда больше... Ее первый всхлип и жалобный вскрик — и плотину словно прорвало... как ни старалась, она больше не могла сдерживать крики и вопли.

Тело свело очередной судорогой адской боли, и сирена закричала, срывая голос, ничего не замечая, забыв обо всем на свете, кроме этой нечеловеческой муки.

Ее больше не было. И вокруг ничего не было: ни этого зала, ни священника, что продолжал читать священные древние свитки (чтоб ему вечно гореть в аду), ни некроманта, который тоже хрипел и дергался на своем каменном ложе. Весь этот мир — ложь, все кругом — мрак. Есть только этот огонь, в котором она заживо сгорала... и девушка мечтала только об одном — умереть как можно быстрее. Ведь смерть — это избавление.

Последний раз завизжала сущность внутри ее — и сгорела, пеплом осыпавшись на израненное сердце. Как же завидовала ей Марина, ей тоже хотелось ярко вспыхнуть и навеки успокоиться.

Но потом все разом схлынуло, пришли пустота и одиночество.

Обряд завершился.

Бывшая ведьма пришла в себя через три дня в одной из маленьких келий храма, лежа на деревянной узенькой кровати в белоснежном рубище и четко осознавая, что теперь ее жизнь изменена навеки.

Рядом на соседней кровати спал Толя — бледный, осунувшийся, с черными страшными кругами под глазами и жесткой щетиной на впалых щеках. Но самое главное, что живой. И у них теперь была одна жизнь на двоих.

Мама всегда говорила, что, несмотря ни на что, прошла бы через этот обряд снова, потому что результат того стоил — это их счастливая, пусть и неправильная по канонам всего остального мира семья и та любовь, что они подарили друг другу и нам, своим детям.

...Не знаю, что ждало меня дальше. Но теперь я как никогда понимала их и то решение, что они приняли двадцать четыре года назад. Ради любви, действительно, стоит умереть.

— Тань, — вырвал меня из воспоминаний голос Лизы, — ты еще не передумала?

— Ты это о чем?

Достала из холодильника багет, большой ломоть ветчины и кусок сыра, немного подумав, вытащила следом помидоры и зелень — будет у меня большой и красивый бутерброд.

Я даже не подозревала, как сильно хочу есть, желудок нещадно сводило от голода. Собственно, чего я ожидала, учитывая, сколько калорий сожгла сегодня... и вчера.

Черт, да у меня же от одного только запаха слюнки потекли!

— Ты действительно поговоришь с Саидом?

Никогда еще простой, наскоро сделанный завтрак не казался мне таким невероятно вкусным. Я с трудом сдержалась, чтобы не запихнуть бутерброд целиком в рот.

Разговаривать в данный момент не могла, поэтому ограничилась легким кивком.

— А если он не согласится?

Вот что ей неймётся? Насладиться шедевром спокойно не дает.

— Лиз, а почему ты его кандидатуру не хочешь рассмотреть чисто гипотетически? Нет, я свое слово сдержу. Если он тебе до такой степени неприятен, то без проблем — инициировать он тебя точно не будет... Но вот скажи мне честно, он тебе действительно так противен?

— Он просто невыносим! — моментально вспыхнула сестра. Голубые глаза ярко-ярко сияли на ее бледном личике.

Интересно, есть какая-то разница между «невыносим» и «противен»? Но высказывать это у меня не было времени и желания, поэтому отделалась стандартной фразой:

— Саид — хищник, а ты — его жертва.

— Я не хочу быть жертвой!

Хм... кажется, я своими словами сделала только хуже. Юношеский максимализм во всем своем великолепии! Неужели и я была такой же когда-то?

Вот и как теперь все исправить и объяснить ей, что в каком-то смысле каждый мужчина (и не важно, кто он — оборотень, колдун или просто самый обычный человек) является хищником и охотником, а мы, женщины — жертвы. Иной раз приятно, когда тебя находит и загоняет в угол этакий брутальный образец истинного тестостерона. Это так будоражит кровь и делает чувства острее и ярче.

— Ты только не нервничай, — откусив и прожевав очередной кусок, ответила я. — Не хочешь, неволить не буду.

— Но...

— Я сама с ним поговорю.

А в голове билась мысль: «Неизвестно, правда, чем это закончится, но поговорю. Не покусает же он меня, в конце концов. Хотя щит себе надо сделать. Так, на всякий случай».

— А мне он понравился, — вмешался Денис, который до этого молча вертел кружку с остывшим чаем.

— Чем же? — сразу ошетибилась Лизка. Была бы дикобразом — иголки бы выпустила. — Ты его всего два раза видел. Или тебе так понравился его лимузин?

— Лимузин не его, — подала я голос. Мелочь сразу повернулась ко мне, умирив свой воинственный пыл. Ну вот и ладошки. — Он взял его напрокат... А что вы так на меня смотрите? Зачем ему собственный лимузин в Москве? Гораздо практичнее нанять, что Саид и сделал.

Денис кивнул и ответил на вопрос Лизы:

— Саид производит впечатление сильного колдуна, который точно сможет защитить то, что

ему принадлежит.

— Вот именно! А я не хочу расставаться со своей свободой. Я — ведьма, а не вещь.

— Будь на его месте Соколов, ты бы по-другому запела, — вспыхнул братишка.

А Лизка еще гуще покраснела (уши вон совсем малиновыми стали) и опустила глаза, ища трещины на столешнице, даже пальцем что-то поковыряла от переизбытка чувств.

Боялась встретиться со мной взглядом? Думала, я устрою истерику и велю выбросить из головы все мысли о белобрысом фениксе?

В ответ я просто пожала плечами.

Дима был прав. Пора отпустить ее на волю и позволить сестренке самой принимать решения. Пусть набивает ссадины и получает синяки. Падает и поднимается. Это ее жизнь, а я могу лишь помочь обработать раны, если они появятся (хотелось бы, конечно, чтобы у нее все было хорошо).

— С ним тоже мне разговаривать?

— С кем? — резко подняла голову сестра, а в глазах теплилась робкая надежда.

Такая отчаянная, такая искренняя, что я не знала, что ей сказать. Но понимала совершенно четко — влюбилась. Теперь я в этом точно была уверена, Лизка влюбилась в феникса.

— С Димой, — прочистив горло, ответила ей.

— Я... я не знаю...

Я почти физически почувствовала ее страх... липкий, скользкий. Он шел из самого девичьего сердца — она так боялась услышать отказ.

— Я поговорю.

Когда наберусь смелости и решусь на этот разговор. Я не меньшая трусиха, чем она. Что поделаешь — сестры.

— Тань, — подал голос Денис, — скажи, а ты знаешь Веронику Дорофееву?

— В первый раз слышу, — совершенно искренне ответила я.

— Да? А вот она тебе уже второй день названивает, — фыркнула Лиза.

— Кто названивает? — Третий бутерброд исчез так же быстро и стремительно, как и его предшественники. Может, еще сделать или все-таки разогреть суп и поесть нормально, поскольку первый голод более-менее утолен?

— Вероника... Ника... Ты с ней встречалась у Соколова, — терпеливо объяснил мне Дэн.

— Ника... Ника... Ника... А-а-а, это последняя лю... — быстрый взгляд в сторону сестры, и я быстро исправилась: — Его последняя девушка. А чего она от меня хочет?

— Ей нужна твоя помощь.

И Денис посмотрел на меня серьезными глазами, не по-детски мудрыми и взрослыми.

Ну вот и как я должна ему объяснить, что это совершенно не наше дело? Что мне абсолютно не хочется вникать в проблемы каких-то там блондинистых девушек? Как бы несчастны они ни были и как бы громко ни стонали, вызывая о помощи. Инициатива в нашем случае наказуема.

Но братишка продолжал молча меня изучать, а я все отчетливее осознавала, что не могу так жестоко опустить его на грешную землю. Одно дело Лизка — она уже большая, но Денис же еще совсем ребенок. И его пока хочется уберечь от реалий нашего мира.

— Она оставила свой номер телефона? — упавшим голосом спросила у брата, внутренне уже смирившись с поражением.

— Да. — Он вскочил с места и выбежал из кухни.

Я недоуменно посмотрела ему вслед. С чего вдруг такая прыть из-за какой-то совершенно незнакомой человеческой девушки?

— Он с ней уже раз пять разговаривал, — заметила Лизка.

— О чем?

— Не знаю. Был бы постарше, решила бы, что у них не просто разговоры.

Прищурилась и перевела взгляд с двери на сестру.

— На что ты намекаешь? Ему всего двенадцать.

— Почти тринадцать. И с прискорбием вынуждена тебе сообщить, что наш братик растет истинным рыцарем, который готов в любой момент убить дракона и совершить подвиг во имя прекрасной дамы.... Не смотри так на меня, Тань. Я говорю то, что вижу. Денис умудрился каким-то образом вырасти совершенно неправильным колдуном, даже на нашем аномально-дефектном фоне он выглядит белым орлом.

Голод сразу отошел на второй план. Почему-то меня несколько напрягли эти непонятные разговоры Дэна с Никой. Что надо от моего брата этой девчонке с макаронами вместо мозгов?

Когда через минуту прибежал братишка, я забрала у него листок и тихо произнесла:

— Спасибо, Дэн. Я обязательно ей позвоню.

— Давай сейчас. — Серебристо-серые глаза ярко засверкали на его красивом лице.

За последние два месяца он заметно вырос. Мы уже два раза меняли ему гардероб. Еще чуть-чуть, и голос начнет ломаться. И как-то не могла у меня в голове уложиться мысль, что этот школьник, увлекающийся компьютерными играми, интересуется девочками... и не только девочками, а вполне взрослыми девушками.

Меня передернуло.

Красная пелена на мгновение заволокла глаза. Убью ведь, тварь.

— Денис, спасибо, но я сама с ней поговорю.

Наверное, я произнесла все это слишком резко, потому что он вдруг замкнулся, отвел взгляд и кивнул. Надо бы задуматься, обсудить с ним ситуацию, но я отложила наш разговор на потом.

Утро воскресенья плавно перешло в день.

Повседневные хлопоты — приготовление пищи, уборка, подпитка щитов мелким (как ни старалась, я так и не смогла вычленить в их структуре что-то необычное и атакующее). Затем создание своего собственного щита, после которого мне пришлось полчаса валяться пластом на кровати, пытаюсь восстановить утраченную энергию.

Все хорошо, даже просто замечательно. Но от этого становилось еще страшнее, слишком хрупким оно было — мое счастье.

Может, все дело в том, что завтра понедельник. Мне предстояло идти утром на работу, а там Дима. А я так и не могла придумать объяснение произошедшему, вернее, не могла решить, в какую форму надо облечь мои оправдания. Пару раз возникала мысль: а есть ли она у меня еще, работа? Может, Димка в приступе злости уволил меня к черту. Но я сразу гнала прочь из головы эти неправильные мысли. Нет, что бы между нами ни произошло — Соколов не опустится до такой изощренной, но справедливой мести.

Следом возникала проблема колоссального и даже, я бы сказала, катастрофического масштаба. В пять часов вечера к нам явится Саид, наверняка при полном параде, а мне придется разрушить все его планы, да что уж там, обломать, причем конкретно. У меня, конечно, есть щит, но сможет ли он выдержать взбесившегося оборотня?

В четыре часа дня неожиданно раздался звонок в дверь, что заставило нас испуганно повыскакивать из своих комнат. Для Саида слишком рано.

— Кто это? — Лизка, бледная как смерть, испуганными глазищами посмотрела на меня.

Охранка реагировала совершенно спокойно, значит, ничего опасного для нас, так что я пошла

открывать. И оказалась совершенно не готовой к тому, что на пороге стоял он.

— Привет, — легкая улыбка, которая с трудом удерживалась на его лице, нехотя приподняла уголки губ... Синие-синие глаза на красивом лице.

И мое тихое:

— Здравствуй, Дим.

— Впустишь или как? — Обаятельная улыбка, и сердце предательски пропустило удар.

Что я испытываю, всматриваясь в его совершенное лицо? Трудно сказать. Конечно, он очень красив, чисто физически просто невозможно им не любоваться. И чертовски умен. Это не просто смазливая мордашка, этакий изысканный фасад, за которым чернеет пустота. Это — могущественный колдун и настоящий стратег, который без зазрения совести пользуется своей эффектной внешностью как отвлекающим фактором. И делает это мастерски. Стоит только дать слабину, и вы пропали. Конечно, огненная сущность периодически берет верх, и Димка может вспыхнуть, но это лишь исключения, подтверждающие правила.

— Проходи, — отошла в сторону, пропуская его вперед, и закрыла дверь. — Не ожидала тебя сегодня увидеть.

— Знаю. — Он снял пальто и повернулся ко мне. — Поговорим?

— Поговорим.

— Здравствуйте, Дмитрий... Александрович. — Лизка сделала шаг в коридор и замерла с преданной улыбкой на губах.

— Здравствуйте, Лиза. — Соколов бегло улыбнулся и быстро зашел в гостиную, а я могла наблюдать, как радостное выражение медленно сходит с лица сестренки.

Сейчас темнеет рано, и в гостиной было уже достаточно сумрачно.

Я включила свет и села в кресло, откинулась на спинку и закинула ногу на ногу. А перед глазами стояла растерянная мордашка сестры.

Дима сел напротив и смотрел так пристально, что кожа моментально покрылась мурашками. Считывает... прошелся по ауре, измерил уровень силы... непривычно, неприятно... он словно раздвигал меня, заглядывая в самые далекие уголки души. Сущность слабо ворчала и зарывалась глубже. Ей тоже не нравилось это сканирование.

— Сильна, — закончив обзор, произнес Дима.

— Спасибо.

— И большой выброс был?

Если бы я знала. Да, я видела все эти артефакты на столе у Сережки, но никогда не задумывалась о силе выброса. Мне, если честно, в тот момент было неинтересно, да и обсуждать это совсем не хотелось. Тем более с шефом.

— Ты для этого пришел сюда, Дим?

— Не жалеешь? — Он тоже откинулся назад, положил руку на спинку дивана и неотрывно следил за мной.

Длинные пальцы монотонно барабанили по кожаному покрытию дивана в известном только ему одному ритме.

Тук-тук-тук...

Это раздражало и нервировало еще больше.

— О чем?

Мне хотелось встать, пройтись по гостиной. Сделать хоть что-нибудь, чтобы стряхнуть с себя его назойливый взгляд, который будил во мне непонятное чувство... вины?

— Значит, не жалеешь. — Горькая улыбка и скорбные складки в уголках губ, неожиданно

уродующие его совершенное лицо.

Мне нечего было ответить, и я просто молчала.

Молчал и он.

Тикали старые часы, а чувство вины все нарастало. Ведь не обещала ему ничего, а все равно чувствовала себя предательницей. И это чувство неприятно горело внутри.

— И что дальше?

— В каком смысле?

— Будете встречаться несколько раз в неделю, жить на два континента? Конечно, это не проблема, у тебя же есть сфера, и он может перенестись к тебе в любой момент... Но разве тебя устроит такая жизнь? Или ты как верная спутница бросишь здесь все, оставишь мелких и полетишь к нему на Сейшелы?.. Ты же отлично понимаешь, что Серега свою жизнь вряд ли захочет менять ради...

— Какой-то ведьмы? — закончила я, а он внезапно замолчал, даже перестал барабанить по спинке дивана. — Дим, тебе не кажется, что это немного не твое дело?

В конце уже не скрывала металлических ноток в голосе, и он вздрогнул.

— Прости.

Колдун отвел взгляд, потерял рукой волосы и неловко улыбнулся:

— Как-то все не так получилось... Я не хотел тебя обижать... Просто... Просто не знаю, что делать... Я опять все испортил, да?

Его взгляд изменился, стал теплым и привычным. Вот такого Диму я знала.

— Дим, в тебе сейчас говорит обида на меня, на брата... Никто не ожидал, что так все обернется...

— Ты счастлива, — перебил он меня.

Дима не спрашивал — утверждал, а я слегка склонила голову, подтверждая его слова.

Мягкая улыбка не тронула синих глаз, в которых на мгновение промелькнула... тоска? Нет, невозможно, невероятно... Я попыталась понять, разглядеть, даже чуть-чуть подалась вперед, но момент был упущен, и передо мной сидел прежний Дима — обаятельный чертёк с задорными искорками в глазах.

— Надеюсь, ты не собираешься увольняться?

— Нет.

— Отлично. А то искать нового секретаря — это так трудно... долго и муторно.

— Тебе это не грозит. В ближайшее время точно, — я улыбнулась в ответ.

— Это хорошо.

И мы опять замолчали.

Вроде и поговорили, вроде как все решили, а все равно какая-то недосказанность продолжала висеть в воздухе и не давала вздохнуть полной грудью.

— Как прошел разговор с Саидом? — вдруг спросил Дима, когда тишина между нами стала уже просто невыносимой.

— С Саидом? Нормально, — и тут я вспомнила сестру и ее просьбу. — Слушай, Дим, а ты... лично ты сам... не думал предложить свою кандидатуру на инициацию Лизы?

Он вздрогнул, почти незаметно, но я успела это засечь, и прикрыл на мгновение глаза.

— Ты серьезно? — после длительного молчания произнес феникс.

— Да, — сказала совсем тихо, потому что внезапно почувствовала себя если не душой, то уж точно не эталоном разумности. И выражение лица у Димы было такое, что впору зарыться носом в подушку от стыда.

— Это, конечно, очень мило... но ты серьезно думаешь, что... хм... Колючка, твоя сестренка, конечно, очень милая, хорошенькая и замечательная девочка, но она не ты... — В его глазах опять что-то мелькнуло и пропало. — И никогда не будет тобой. А я слишком себя уважаю, чтобы пользоваться стразами, как бы ярко и красиво они ни сверкали, мне нужен только чистый камень, оригинал.

— Соколов, что за пошлые сравнения?! В ювелиры заделался? — вспыхнула я. — То-то смотрю, ты сплошь обвешан «пайетками» и «бисером», ценитель ты наш...

— Тань, не ерничай. И так тошно. Ты предложила, а я, имея право на выбор, отказался. Поэтому давай не будем обижать ребенка, — он равнодушно пожал плечами.

— Ты ей нравишься.

...Даже больше, она умудрилась в тебя по уши влюбиться...

— Вот и не дай этому чувству разрастись... Включи свою природную способность к убеждению, в красках опиши ей, какая я редкостная скотина и отъявленный мерзавец, не способный на большое и светлое чувство, только и могу трахать все, что движется! — Каждое его слово состояло из непередаваемого коктейля разнообразных эмоций, но боль проскальзывала явственно. Это явное передергивание ситуации во второй раз за время нашего знакомства с Димкой стало неким откровением для меня. И ведь он знал, что именно в таком контексте я думаю о нем. Не услышав опровержений своим словам, шумно выпустил воздух сквозь зубы, и вот передо мной опять сидел равнодушный феникс. — Или ты хочешь, чтобы я разбил хрустальный замок ее мечты?

— Нет.

— Вот и придумай что-нибудь, ты же у нас умная девочка.

— Димка, остановись. Зачем ты так? Ты ведь совсем не такой плохой, каким хочешь казаться. — Слова вырвались сами собой, но я не жалела о них. Я должна была это ему сказать.

— В смысле?

— Я никогда не видела в тебе сволочизма, подлости или паскудничества, которые ты себе приписываешь. Кобелизм — да, тут уж ты всем фору дашь.

— Правда? — Дима быстро поднялся с дивана и подошел ко мне. Видимо, его даже не тронула моя последняя фраза. Я на автомате встала. Мы замерли всего в полуметре друг от друга. — А что, если отбросить в сторону мою чрезмерную любвеобильность, которую я обещаю усмирить, и ты попробуешь дать нам двоим шанс?

Феникс медленно протянул руку и коснулся пряди волос, что опять выбилась из пучка, пропустил ее сквозь пальцы.

Я невольно задержала дыхание, когда он коснулся пылающей щеки, провел ладонью, очерчивая линию скул. После чего, мягко подавшись, накрыл мои губы нежным поцелуем.

Его прикосновения были приятны, ласковы и... неправильны.

И неправильность была по голове, мешая насладиться поцелуем.

Дима почувствовал это, почти сразу отодвинулся и спрятал руки в карманы.

— Ну что ж, попробовать все равно стоило, — криво усмехнулся он. — Мне пора. До завтра.

— Да, до завтра.

— И еще, Тань... Мое предложение о контракте все еще в силе... Если ты когда-нибудь... Просто знай, что я готов ждать... Столько, сколько понадобится.

Сглотнула противный ком у горла и кивнула:

— Я поняла.

— Вот и отлично. Проводишь меня?

— Да, конечно.

Только попрощавшись и закрыв за ним дверь, я смогла нормально вздохнуть.

Теперь мне предстоял тяжелый разговор с Лизой. Откладывать не стоило, надо было поговорить с ней прямо сейчас. Конечно, передавать ей слова Соколова о суррогате, вернее, о стразах, я не буду, но мысль о безнадежности заполучить Диму в качестве партнера в инициации донесу.

Тяжело вздохнула, взялась за ручку двери, что вела в комнату сестренки, и попыталась открыть.

Закрето.

Странно. Дернула еще раз, но дверь не поддавалась.

— Лиз? Это Таня, с тобой все нормально? — аккуратно постучала и внимательно вслушалась, ожидая услышать хоть какой-нибудь звук.

Тишина.

— Лиза, ты чего закрылась? Лиза?

— У... меня... все... нормально... — Голос сестренки был глухим и невыразительным. Или мне это показалось? — Я... мне надо переодеться... Я скоро буду...

— Лиз, по голосу не похоже, что у тебя все хорошо!

— Да, да. Все хорошо.

Приставать я не стала.

Глянула на часы — половина пятого. Через полчаса приедет Саид, значит, надо подготовиться. Встречать оборотня в таком виде совершенно не хотелось. Поэтому побежала в свою комнату, чтобы привести себя в надлежащий вид.

Когда ровно в пять часов вечера раздался звонок, я уже была готова.

Узкие черные брюки, шелковая блузка василькового цвета с жабо и рукавами-фонариками, небольшая брошка с сапфирами у горла и туфли на тонкой шпильке. Волосы собрала в высокий хвост, а на лицо нанесла минимум макияжа. В довершение проверила устойчивость своего щита.

— Здравствуйте, Татьяна, вы обворожительны. — Темно-карие глаза медленно скользили по моему телу.

Ни капли похоти во взгляде, лишь вежливый интерес и чисто мужская оценка объекта. Не я его жертва, что, несомненно, меня очень радовало. Но изменения во мне и моей силе он сразу заметил, вон как засверкали золотом глаза, когда он глубоко втягивал воздух. Но тут же удивленно вкинул вверх бровь. И во взгляде появилось любопытство, граничащее с недоверием. И тут до меня дошло: Саид оборотень и запахи улавливает за версту, а на мне сейчас спокойно сосуществовали два мужских аромата — Сережки и Димки. Черт, черт, черт! Натянула на лицо маску вселенского спокойствия и с трудом произнесла:

— Спасибо, — слегка склонила голову. — Пройдемте в гостиную.

— Спасибо, в следующий раз обязательно приму ваше приглашение. Но мы опаздываем. Где ваша сестра?

— Вот об этом я бы и хотела с вами поговорить. Понимаете, Лиза...

— Немного опоздала, — внезапно раздался звонкий голосок сестры.

И я сразу увидела, как изменилось от удивления лицо оборотня, как пожелтели глаза и вытянулся зрачок. Он, по-моему, даже облизнулся, всматриваясь в фигурку девушки, стоявшей за моей спиной. Реакция Саида была такой яркой и обжигающе-страстной, что мне

даже как-то страшно стало оборачиваться.

Но сделать это пришлось.

Лиза произвела впечатление не только на гостя, но и на меня — ни тебе кричащих нарядов, ни броского макияжа. Нет, моя девочка выглядела по-юношески соблазнительно в своей простоте и необычайно притягательно в своей непосредственности. Вязаное короткое светло-серое платье-свитер с огромными косами было свободным, со спущенными плечами и закатанными рукавами. Оно делало девушку еще более хрупкой. Черные лосины красиво обрисовывали ее стройные ножки. Золотистые локоны она собрала в свободную косу, парочка прядей, кокетливо выбившись из плетения, обрамляла красивое личико. На губах легкий блеск, ресницы чуть подкрашены, в ушах большие серьги конго, а глаза неестественно блестят — и этот блеск мне не понравился. Было в нем что-то неправильное.

— Лиза...

— Саид, прошу прощения, что заставила вас ждать. — Она неловко улыбнулась и быстро подошла к нам.

А я ощутила легкий, едва заметный запах цветочных духов. Тех самых, безумно дорогих, которые год назад привезла из Франции и которыми Лизка ни разу не пользовалась... до этого мгновения.

Догадка осенила сразу, но мне так не хотелось, чтобы это было правдой. Но тогда как объяснить ее блестящие от слез глаза, ее неожиданное желание пойти на свидание с Саидом?

И я поняла. Лиза все слышала. Все, что говорил о ней Дима. Конечно, ничего оскорбительного в ее адрес он не сказал, но для влюбленной девочки, да еще озвученное объектом девичьих грез, это откровение прозвучало как набат по разрушенным мечтам, взревело оглушительной какофонией крушения ее первой взрослой влюбленности.

Но только я открыла рот, чтобы остановить Лизу, как она обернулась ко мне и быстро произнесла:

— Таня, документы ведь у тебя?

— Какие документы?

— На инициацию.

— Да, — заставила себя кивнуть.

— Вот и отлично. Я бы хотела их просмотреть после того, как вернусь... и подписать.

— Лиза, послушай, — схватила ее за руку, совершенно забыв о том, что мы не одни, и Саид молчаливо наблюдает за нами, не делая попыток вмешаться.

— Не надо, Тань. — Легкая улыбка, и сестренка покачала головой. — Это мое решение.

Затем повернулась к оборотню:

— Я готова.

А мне только и осталось молчаливо смотреть, как она, надев пальто, машет рукой на прощанье и уходит на свидание с этим опасным мужчиной.

— Вот черт! — совершенно искренне сказала в темноту и раздраженно ударила ладонью о стену прихожей.

Энергия внутри меня беспокойно плескалась, готовясь в любой момент вырваться на свободу. Но этого допускать нельзя. Стоит только чуть ослабить контроль — и пиши пропало, помочь смогут только Стражи.

Так что стискиваем зубы, считаем до ста и обратно. И совершенно не думаем о том, какие мы с Соколовым идиоты, если не отложили разговор о Лизе на завтра, до офиса, где нас никто не смог бы услышать. Ведь я должна была догадаться, что Лиза может подслушать и стать свидетельницей отказа Димки от инициации с ней.

Сила уже ревела, и сущность предупреждающе порывивала, призывая ту успокоиться.

— Ушли? — Денис приблизился совсем неслышно, заставив меня подскочить на месте и судорожно вздохнуть. — Я тебя напугал?

— Есть немного.

И пусть у меня сердце чуть не выскочило из груди, но это вернуло меня к действительности — жесткой и неприглядной. Сила притихла, спрятавшись в глубине в ожидании моего очередного глупого пассажа.

— Лиза слышала ваш разговор с Димой. — Дениска прислонился плечом к стене и сложил руки на груди.

— Я уже поняла.

— Я думаю, что это даже к лучшему, — неожиданно произнес он.

— Почему? Ей же больно сейчас.

— Потом было бы еще больнее... Ты позвонила?

— Кому?.. Ах да. Ты про нее... Нет, еще не звонила.

Напоминание о девушке вызвало волну раздражения. Вот о ком мне думать совершенно не хотелось, так это о ней. Что у меня, проблем больше нет?

— Понятно. — Он кивнул и нервно засунул руки в карманы светло-синих джинсов.

— Ты куда-то собрался? — Я внимательно осмотрела его угловатую фигуру.

— Да... К Сашке, давно не виделись.

— Ты надолго?

— Не знаю. — Он продолжал рассматривать свои черные носки. — Постараюсь к семи вернуться.

— Телефон не забудь, хорошо?

— Да. И еще, Тань. — Голову братишка все-таки поднял и теперь смотрел мне прямо в глаза. — Мы уже взрослые, и не надо от нас все скрывать.

— Ты сейчас о чем?

— Я в целом. Просто научись доверять нам. Мы же тоже не слепые и все видим.... И можем помочь, если не делом, то советом... или просто сочувствием.

А у меня просто не было слов, чтобы найти нормальный ответ:

— Я постараюсь, Денис.

Он кивнул и тоже начал собираться.

И вот я осталась одна в пустой и темной квартире.

Некоторое время бесцельно слонялась по комнатам, зашла на кухню, перемыла посуду, съела яблоко, еще бессмысленно побродила.

В конце концов села на диван и включила телевизор.

Увидев очередное выступление Вознесенского в Совете, еще больше расстроилась и тут же выключила. Эта скользкая сволочь уж точно не улучшит настроения. Надо же, уже до Совета добрался.

Лизка уехала с Саидом полчаса назад.

Я, конечно, понимала, что ничего плохого он ей сделать не сможет, щит очень крепкий, но все равно не могла успокоиться. Как бы не наделала сестренка глупостей. Юношеский максимализм вкупе с обидой на одного конкретного колдуна может привести к неожиданным, необдуманным и непоправимым последствиям.

Раздался резкий хлопок, вспыхнул свет, и я с грохотом упала с дивана, пытаюсь призвать силу для контрудара. Кто бы это ни был, ему не поздоровится.

Сережка ловко, даже как-то играючи, отбил мое проклятие и широко улыбнулся.

— Ты с ума сошел? — прорычала я, вставая с пола и приводя в порядок брюки.

Могла бы и догадаться, что это он. Охранка же спокойно пропустила! Но сработал пресловутый эффект неожиданности.

— Вот это я понимаю, настоящее ведьминское приветствие.

— Я тебя чуть не прокляла.

— Над этим, кстати, надо поработать, реакция у тебя слабовата, — и он подошел ближе, мягко притянул к себе и нежно поцеловал. — Я соскучился.

Преображение из боевой девы в нежное влюбленное создание занимает мгновение. Аромат моего мужчины накрыл меня с головой.

— На будущее: было бы замечательно, если бы ты заранее предупреждал о своем приходе. Способы для оповещения можешь выбирать любые. Хоть голубиную почту.

— Хорошо, в следующий раз обязательно.

Он продолжал улыбаться, когда сел на диван и усадил меня рядом с собой, положил мои ноги к себе на колени и крепко их прижал.

— Ты очаровательно выглядишь, — Сергей неторопливо провел по складкам жабо, коснулся брошки, а потом прикоснулся к чувствительной коже на шее. — Куда-то собралась?

— Саида встречала.

— Мне начинать ревновать? — Страж продолжал неторопливое путешествие по моему лицу — невесомо гладил подбородок, касался мочек ушей, наматывал локон на палец.

— Нет. Готовилась к серьезному разговору. А он так и не состоялся.

— Что за разговор?

— Лиза не хотела идти с ним на свидание, и я обещала поговорить.

— И как? — Страж слегка напрягся, внимательно всмотрелся в мое лицо своими зелеными глазами.

— Лиза ушла с ним. По собственной воле.

— И что же заставило ее передумать?

— Она слышала наш разговор с Димой.

— Дима был здесь? — Сережка уже не скрывал своего неодобрения — нахмурился и тяжело вздохнул. — Почему ты мне не позвонила?

— Нам в любом случае надо было поговорить. — Я накрыла его руку своей и улыбнулась. — Мы поговорили, все выяснили... Ты ведь не думаешь, что Дима сделал бы что-то плохое?

— Нет, Дима никогда тебя не обидит. Просто я не хочу, чтобы ты страдала. А разговор с ним уж точно был не из простых.

— Можно и так сказать. Но я рада, что мы все выяснили, — вздохнула я и вспомнила слова Дениса. — Лучше сразу все решить, чем мучить друг друга... Я предложила ему инициацию Лизы...

— И он отказался, — перебил меня Сережка.

— Да. Откуда ты знаешь?

— Просто знаю, — грустно хмыкнул он, качая головой. — Готов поспорить, что его даже обидело твоё предложение?

— Есть немного. Он отказался, а Лиза услышала... точнее, подслушала...

Все еще напряженный, он взял мою руку, поднес к лицу и стал осторожно и очень медленно целовать каждый пальчик.

— И приняла предложение Оборотня, — сказал мужчина между поцелуями. — Как же все запуталось. Ты не переживай, Саид ей ничего не сделает. Он чтит традиции.

Я кивнула, как болванчик.

Смысл его слов дошел до меня не сразу. Я заворуженно посмотрела на его губы... и вспомнила их вкус, аромат и мягкость.

— Тань, пожалуйста, не скрывай ничего от меня. Я хочу стать частью твоей жизни, хочу взять на себя часть твоих проблем. И это не просто слова... Ты мне веришь?

Я вновь кивнула.

— А Дэн где?

— Мм, что?.. Ах да, — слегка повела головой, стряхивая оцепенение, и посмотрела ему прямо в глаза. — Денис к другу ушел.

Аккуратно высвободила руку и коснулась пальцами уродливого шрама.

— Почему ты его не свел?

Надо отдать должное, Страж не отвел взгляда, не растерялся, не разозлился, лишь равнодушно пожал плечами:

— Сначала как напоминание о том, что потерял, потом в качестве устрашения. Поверь мне, известие, что на них охотится Страж со шрамом, заставляет отступников трястись от страха. А теперь незачем, я к нему просто привык. Он тебя смущает?

— Не могу представить тебя неистовым Стражем.

— Тебе Дима рассказал?

Смысла врать не было, и я просто кивнула.

— Не боишься?

— Чего?

— Неуравновешенный псих, который три года выискивал в лесах бывшую возлюбленную для того, чтобы самолично предать ее огню?

Сережка оставался все таким же спокойным, но я чувствовала, как важны для него мой ответ и моя реакция.

— А ты такой?

— Может, когда-то и был... Тогда все виделось слишком сложным. Мне исполнилось двадцать, меня предала любимая женщина. Знаешь, может, не стоит рассказывать это именно тебе, но я не хочу, чтобы между нами стояла та история. Ты будешь бояться спросить, я — бояться ответить... — Он нежно взял меня за плечи и заговорил быстро, решительно, словно боясь, что я его остановлю: — Она ведь специально влюбляла меня в себя. Потому что только влюбленный мальчишка согласится на контракт в таком возрасте. Случайные встречи, мимолетные улыбки, взгляды украдкой — всем этим она привлекала к себе внимание. Я стал постоянно думать о ней, втайне грезить о встрече, пока не влюбился или не внушил себе, что люблю. А она использовала меня в качестве производителя. И как только узнала о своей беременности, просто исчезла... Я искал ее, пытался поговорить, воззвать к чувствам, которых, как оказалось, и не было. Меня просто послали далеко и надолго... А через полгода я узнал, что у меня есть сын. Все остальное ты можешь почитать в хрониках... Ольга сошла с ума и пришла нас убивать. И только Стражу ценой своей жизни удалось ее остановить.

Я осторожно коснулась горестных складок в уголках его губ и тихо прошептала:

— Все это прошлое, Сереж.

— И тебя оно не пугает?

— Нет, — совершенно искренне ответила я. — Правда, нет. Это же прошлое, почему оно должно меня волновать? Главное, чтобы оно не мешало настоящему. И вообще, Сереж, я не вчера родилась и отлично понимаю, что для подпитки сущности ты пользовался не только личными артефактами. Признавайся, у тебя, наверное, была хоть одна симпатичная человеческая девушка, к которой ты навещался несколько раз в месяц?

Замолчал, лишь изучал меня своими сверкающими глазищами. И я поняла, что оказалась права. От этого не больно, не тяжело, так, царапнуло слегка ревностью... совсем чуть-чуть. Если Ольгу я могла забыть, то эту дамочку...

Почему-то сущность на эти мои мысли отреагировала молниеносно, причем весьма агрессивно, зарычала, поддерживая мое недовольство. Но я правильно употребила время в разговоре с ним — человечка была в его жизни, а не есть... Но мне все равно тяжело думать об этом.

Та незнакомая, наверное, очень даже симпатичная девушка живет где-то в этом мире. И ее тоже целовали и ласкали его губы, трогали его руки...

Rrrrrr...

Вот уж не думала, что я такая собственница. Но мысль найти эту... девушку и расцарапать ей личико все-таки проскользнула в списке моих планов на будущее. Уловив ее, моя белая тварюшка радостно закивала и потеряла лапки. В кои-то веки наши желания совпали.

Но я точно не ожидала того, что Сережка неожиданно тихо засмеется, а потом поцелует меня в нос.

— Ты меня ревнуешь?

— Нет... не знаю.... Неприятное чувство. Но, надеюсь, ты осознаешь, что теперь для подпитки тебе вполне хватит меня одной.

— Более чем. Энни в прошлом.

— Энни, — тихо повторила я и с угрозой спросила: — И насколько близкие были у вас отношения с этой Энни?

— Просто отношения, просто секс и просто подпитка.

— И она была у тебя одна? Или еще кто-то подпитывал? — Я не хотела задавать эти вопросы, но они сами собой сорвались с губ.

— С недавнего времени навсегда осталась только ты... — прошептал он и зарылся носом в мои волосы. — И когда только ты успела занять такое важное место в моей жизни?... Моя... Никому тебя не отдам.

— Твоя, — прошептала я и потянулась к его губам. Ревность быстро отошла на второй план.

Как вдруг...

Резкая боль в сердце перехватила дыхание и вызвала слезы на глазах. Следом накатили такие паника и страх, что разом вышибло дух.

— Таня, Таня, что с тобой?

Сквозь грохот бешено стучащего сердца донесся голос Сережки, открыв глаза, я увидела его обеспокоенное лицо и неподдельный ужас в глазах.

— Таня? Что случилось?

— Дэн, — прошептала я одними губами.

ГЛАВА 18

— Дыши, — шепнул он мне и слегка встряхнул.

Я только сейчас поняла, что у меня до такой степени сводит спазмами горло, что я не могу вздохнуть и уже начинаю задыхаться.

Вдох получился рваным, хриплым, но таким долгожданным.

— Дэн... Дэн, его щит... я чувствую, — прохрипела и начала мелко дрожать.

Сергей кивнул и посмотрел так пронзительно, что мне захотелось на него накричать. Чего ты смотришь? Надо идти спасать Дениса! На него же напали...

И в следующее мгновение меня накрыла волна нереального вселенского спокойствия. Искусственного, но такого необходимого в этот момент.

— Вот и умница. А теперь четко и по порядку. Ты почувствовала отдачу от щита, я правильно понимаю?

— Да, — кивнула, соглашаясь. — Это был Денис, я уверена.

— Ты ведь ставила высшие щиты, так?

— Да.

— Значит, и маячок там был?

— Да! Да, я ставила маячок: — От этой мысли мне захотелось вскочить, но Сережа все еще держал меня за плечи.

— Умница. Послушай, тебе надо настроиться на поиск. Придется погружаться, другого выхода у нас нет. Счет идет на секунды. Позволь мне помочь тебе.

Я быстро кивнула, посмотрела на его волевое, серьезное лицо.

Закрыла глаза, сделала несколько глубоких вдохов и погрузилась в магию. Можно, конечно, прибегнуть к обычному способу, но это займет слишком много времени, а у нас его просто не было. И пусть погружение очень опасно, особенно для недавно инициированной ведьмы, сейчас придется рискнуть.

— Я буду рядом, — шепнул Сережа, прежде чем мой разум полностью растворился в магии.

Сначала я ничего не видела и не чувствовала — лишь темнота и отголоски разрушенного щита. Не хотела об этом думать, совсем не хотела и раздраженно трясла головой. Сейчас главное найти маячок.

Чернота и слабое ощущение чьего-то присутствия. Сережка рядом. Не давил, не мешал, просто находился рядом и готов был в любой момент помочь и зафиксировать сигнал.

Я не сразу поняла, что нашла его. Просто в какой-то момент все изменилось, темнота уже не казалась такой пугающе одинокой, и я чувствовала слабое биение. Красный пульс маячка слабо вспыхнул впереди. Но только попыталась сделать движение, чтобы устремиться к братишке, обнять и утешить, как голос Стража меня остановил:

— Не спеши, иначе он сорвется... Зацепись получше. — Дыхание мягко пошевелило волоски у виска, где-то там, в другой моей жизни... но я поняла правильность советов Стража и послушалась... опять.

Хотя вся моя суть, моя сущность стремились туда, где умирало в муках мое детище. Никогда не думала, что щиты могут быть разумными... или это лишь фантазии?

— Не отвлекайся, мы почти нашли его... Еще чуть-чуть... давай, Таня... давай.... мы сможем... Есть! — неожиданно выдохнул Сергей, и я увидела, как маячок ярко вспыхнул, превращаясь в маленькую фигурку Дениса, который стоял на коленях, прижимая руки к ушам.

Мой грозный, полный боли рык смешался с ревом сущности. Кто-то рядом вздрогнул и схватил меня за шкуру. Или он сейчас поймал сущность? Не знаю, сейчас мы одно целое.

— Выходи, Таня... выходи... Ты так нужна ему сейчас.

Не хочу!!! Нет!!! Да кто он такой? Как смеет мне указывать? Не помню, не знаю...

Кто бы это ни был, он должен понять, что я не могу оставить моего мальчика. Ему же так больно и одиноко. Мы создадим ему новый щит. Я смогу, я знаю как...

А голос все продолжал и продолжал говорить, тянул к себе, мешая сосредоточиться.

— Танечка... девочка моя... выходи... прошу тебя... Ты нужна мне. Только рядом с тобой я по-настоящему начинаю жить... Вернись ко мне.

Вернись...

Я ведь помню его...

...зеленые глаза вспыхнули огнем, когда наслаждение достигло наивысшей точки... мягкие волосы, в которые до жуткого зуда хотелось зарыться пальцами... нежные губы, что так редко улыбаются, а у него такая мягкая улыбка... терпкий аромат и сладко-острый вкус страсти и силы на губах...

Хмурый Страж... Сережка... мой мужчина... мой наркотик...

И я вынырнула из сложных переплетений магии, чьи нити уже начали опутывать сознание...

Яркий свет ударил по глазам, и я, пытаясь отдышаться, заставила тело и разум прийти в рабочее состояние, но не получилось. Кто-то большой и крепкий стиснул меня в объятиях, начисто отшиб дыхание, которое и так еще не успело восстановиться.

— Господи, как же ты меня напугала.

И быстрые, стремительные поцелуи — в губы, щеки, глаза, скулы — и вновь в губы.

— Прости... Ты засек его?

— Да. — Он рывком поднял меня с дивана и взял за руку. — Закрой глаза.

Закрыла, но вспышка переноса все равно ослепила.

Меня мгновенно пронизал ледяной ветер, но почти сразу этот дискомфорт исчез. Сережка быстро накрыл меня мягким пологом тепла.

Возвратился слух... что-то неприятно загрохотало, редкие крики, топот, вой сирены... чей-то тихий плач вперемешку с глухими стонами...

...Следом проснулось обоняние. Резкая вонь, гарь и копоть, металлический запах крови, от которого свело зубы.

Распахнула глаза и в ужасе застыла от открывшейся передо мной картины.

Мы в центральном парке, на одной из уютных, скрытых от посторонних глаз аллей, которых здесь десятки.

Видно, совсем недавно все было белым-бело от снега, но сейчас пространство медленно покрывалось черными хлопьями, которые продолжали падать с неба. Когда-то тут играли дети, гуляли влюбленные парочки и готовились к празднику люди и маги... мои глаза зафиксировали разноцветные гирлянды, что были безжалостно втопты в землю, и яркие новогодние украшения закопченные, смятые и порванные.

И огромную воронку посреди этого великолепия, в центре которой, на раскученной земле на коленях стоял Денис, прижав руки к ушам и медленно раскачиваясь из стороны в сторону... совсем как в моем видении.

Сережка меня не держал, и я со всех ног побежала к брату, спотыкаясь на тоненьких шпильках, едва не падая в снег, остановилась лишь на миг, когда увидела на своем пути изломанное, присыпанное землей и снегом тело красивой блондинки. Ее золотистые волосы были окрашены ярко-красным — кровь медленно сочилась из открытой раны на лбу, правую часть лица обезобразил жуткий ожог. Мне даже захотелось зажать нос, лишь бы избавиться от этого противного запаха паленой плоти.

Жива... я увидела, как поднимается и опадает ее грудная клетка. Ее счастье, что мне сейчас нужно к Денису, а то бы я исправила это досадное недоразумение.

И как я у себя под носом не заметила такую тварь? А самое главное — как проморгал ее Димка? Но времени думать об этом у меня не было. Позже непременно вернусь к этому вопросу, но сейчас я спешила к брату.

Упала перед ним на колени, схватила за голову и буквально заставила взглянуть на меня. Лицо, черное от копоти, а на нем — блестящие дорожки от непрестанно льющихся слез.

— Дэн... Денис! — Я попыталась оторвать его руки от ушей. Удалось это не сразу. — Это я, малыш. Это Таня... открой глаза... я прошу тебя...

Рядом приземлился Сергей и попытался помочь, но мне уже удалось достучаться до брата.

— Таня... я убил их... Таня, я их всех убил, — прошептал он, пустыми стеклянными глазищами шаря по моему лицу и ничего не видя.

— Нет, нет... Ну что ты, маленький? — Я прижала его к себе и погладила по мокрым от снега кудрям. — Ты никого не убил.

— Потому что это сделала ты, — тихо произнес мужчина. — Это ты чуть не убила их всех.

Смысл его фразы дошел до меня не сразу. В данный момент самым главным для меня было поднять Дениса с земли, найти его шапку, накрыть теплым пологом и успокоить моего мальчика. Как же его трясло, я даже слышала, как стучат его зубы.

— Что ты имеешь в виду? Что значит, я их чуть не убила?

Я хотела еще спросить: «Кого их?» Но заметила неподалеку несколько расprostертых тел, не больше десяти, лежавших на разном расстоянии от эпицентра взрыва. Кто-то все еще был неподвижен, кто-то уже приходил в себя, пытался встать, а кто-то давно очнулся и с ненавистью смотрел на нас. Эта ненависть была настолько неприкрытой, лютой и осозанной, что я на мгновение замерла, наконец в полной мере осознав всю чудовищность случившегося, и еще раз более внимательно осмотрела парк...

Сколько же здесь, оказывается, зевак, тыкающих в нас пальцами, снимающих на камеры телефонов произошедшую трагедию. И когда они успели набежать? Смелчаки, их были единицы, но они все-таки нашлись, осторожно подбирались к раненым, пытаясь оказать помощь, и тоже косились в нашу сторону... И я знала, о чем они сейчас думают — мелкий колдун, который не справился со своей силой и чуть не уничтожил половину парка. А самое минимальное наказание за такое — полное лишение магии и принудительное лечение в «Возрождении». А в особо тяжких случаях, при наличии большого количества жертв среди населения — смерть на костре.

— Сереж, — прошептала я, переводя взгляд на Стража, — унеси нас отсюда.

— Я не могу, — покачал он головой, отлично осознавая, что за мысли сейчас бродят в моей голове. — Стражи уже на подходе.

Словно подтверждая его слова, рядом с нами ниоткуда возникли яркая ослепительная вспышка, а следом сопровождающий ее характерный резкий треск, что эхом разнесся по парку (люди вскрикнули, закопошились и в панике сделали пару шагов назад, но не ушли — любопытство сильнее), а на аллее возникли три Стража в сопровождении парочки целителей. Те сразу кинулись к пострадавшим, а Стражи шагнули к нам, и выражения их лиц были далеки от дружелюбных.

— Что бы ни случилось — молчи и подчиняйся, — быстро бросил мне Сережка и встал с земли. А я только и могла замереть, прижав брата к себе.

— Сергей, — кивнул один из Стражей, немолодой мужчина с внимательными светло-кариими глазами, — я рад тебя видеть. Мы зафиксировали мощный выброс разрушительной магической энергии.

— Здравствуй, Антон. Нам срочно нужно в Совет.

А тот уже внимательно рассматривал вздрагивающего Дениса, который жался ко мне, как ребенок. Мне нестерпимо захотелось закрыть и спрятать его от всего мира.

— Это ведь он устроил?

— Все не так просто, как кажется.

— Хорошо, — помолчав, кивнул Страж. — Наручники.

Двое других вежливо, но непреклонно отпихнули меня в сторону и надели на узкие запястья Дэна магические наручники, блокирующие любую магию. Раздался громкий щелчок, который служил спусковым механизмом для человечков. В нашу сторону сразу полетели крики, оскорбления, гневные вопли, проклятия и угрозы.

Слава богу, нас почти сразу перенесли, и Денис услышал только небольшую часть сказанного. Хотя не уверена, что в таком состоянии он вообще что-либо слышал.

Все плохо. Очень плохо. Наши отношения с людьми в этом мире и так далеки от идеальных. Любая ошибка, любое происшествие с участием детей Тьмы может стать фатальным. Даже когда Дениса оправдают (а в том, что его оправдают, я практически не сомневалась), это мало что изменит. Механизм запущен. Вознесенский не упустит возможности прижать нас новой поправкой к Закону.

Что же теперь будет? Неужели я сама своими руками разрушила хрупкий мир? Обречла всех на новые ограничения?

Нас усадили на мягкий диван, занимающий практически половину небольшой комнаты, в которой мы оказались. Денис, которому один из целителей тут же сделал инъекцию, забился в угол, аккуратно положил руки на колени и глядел перед собой стеклянными глазами. Его бледные обескровленные губы то и дело шевелились, будто он разговаривал сам с собой.

— Не трогай его пока, — тихо произнес Сережка и сел рядом со мной. — Он еще не отошел от шока. Денису необходимо время, чтобы прийти в себя.

Кивнула и прижалась к нему как можно сильнее. Потребность в простой эмоциональной поддержке и простом человеческом тепле являлась для меня, наверное, неким спасением, неким якорем, который не давал разуму рухнуть в пучину паники и страха перед неизвестностью.

— Что ты имел в виду, когда говорил, что это сделала я? Ты хочешь сказать, что это мой щит сотворил подобный кошмар?

— Других вариантов у меня нет. Ты ведь Денису первому щит ставила?

— Да... сначала ему, а потом Лизе.

— После инициации потенциала в тебе было немерено, вот и не рассчитала концентрацию и силу вливания. Видимо, как только возникла угроза, щит среагировал.

Я вспомнила раскуроченную аллею. Ничего себе среагировал. Но кое-что меня все-таки радовало.

— Значит, вины Дениса в случившемся нет и его не лишат силы?

— Но они могут лишить силы тебя как потенциальную угрозу, — отрезал он и тяжело вздохнул. — И словами: «я не знала, я не хотела» тут не отделаешься. Таня, что он делал в парке, ты же сказала, что он пошел к другу?

— Он мне солгал, а сам пошел на встречу с этой девушкой.

— С какой девушкой?

Быстро рассказала ему о Веронике все, что знала. О том, как с ней познакомилась, как она просила о помощи, а потом названивала мне, добивалась встречи, и в конце добавила:

— Я вот чего не понимаю, ведь наверняка Димка ее просканировал, прежде чем затащить в постель. Он бы точно заметил любое проявление агрессии или закрывающий сознание блок. Ненависть очень трудно скрыть.

— Магический, да. Но не в том случае, если блок был другой природы.

— В каком смысле? — непонимающе нахмурилась я.

Гипноз. Такое воздействие на сознание может отследить только менталист или Страж.

— Человеческое воздействие... «Люди — наше все»? — Он промолчал, но я знала, что угадала. — Ее лучшая подруга была одной из жертв Кукловода. Дорофеева наверняка участвовала в митингах, которые тогда массово проходили в Москве, именно там и могла познакомиться с Вознесенским или с его прихвостнями.

Сергей молчал, но глаз не отводил. А я ведь всегда подозревала, что это люди. Уж слишком по-человечески была обставлена гибель моих родителей. Банальная авария, непонятный занос под двадцатитонную фуру на совершенно сухой дороге, которая унесла жизнь одного из сильнейших некромантов России.

— Я скажу, чтобы ее проверили на гипноз. — Сережка хотел встать, но я схватила его за руку.

Я никак не могла понять другого.

— Но зачем? Для чего все это? Из-за опытов отца, да? Так прошло уже пять лет! Понимаешь, пять лет! — Я громко шептала, но так хотелось сорваться на крик. Нельзя. Денису и так сейчас несладко. — Почему сейчас? Мы же никого не трогали, жили себе спокойно.

— Они были уверены, что со смертью вашего отца опыты прекратились.

— И что же заставило их изменить свое мнение?

Я чувствовала, что мне не понравится его ответ. Очень не понравится. Потому как единственное, что могло не дать папиному наследству кануть в историю, это его документы. Те самые, что я собственноручно отдала Сергею пять лет назад.

— Примерно месяц назад последний ученик твоего отца... она... случайно выдала себя.

— И ты молчал?

— Я не хотел втягивать вас в это.

— А тебе не кажется, что это весьма странное заявление? Мы и так втянуты в это по самые уши, с самого своего рождения.

— Скажи, тебе стало бы легче, если бы ты знала, что все эти годы одна-единственная девушка с риском для своей жизни пробуждала сущности у детей?

— Это самоубийство. Как вы не понимаете? Мы беспомощны и бесправны. Этот мир не исправить, Закон нельзя обойти.

— Можно. И вы живое тому доказательство.

— Скажи мне честно, ты избавлял меня от проклятия, инициировал, занимался со мной сексом... только потому, что я дочь своего отца? В этом заключался твой великий долг?

Сергей вздрогнул, сграбастал меня в охапку и схватил за подбородок, принуждая смотреть прямо в его горящие злым пламенем глаза.

— Ты серьезно? Таня, посмотри мне в глаза. Неужели ты думаешь, что я?.. Никогда, слышишь, никогда... — он замер на мгновение, подбирая слова и, видимо, призывая остатки своего недюжинного терпения. — Хорошо. Допустим, ты права... сугубо гипотетически... Не поведаете ли мне, чем ты так важна для алчного и корыстного меня? Ты — некромант, способный будить сущности? Нет. Ты великая ведьма? Прости, но до инициации ты была никем. Твои способности создавать атакующие щиты открылись совсем недавно... Так вот, будь честна в первую очередь сама перед собой и ответь, что в тебе есть такого особенного и ценного, ради чего я стал бы рисковать своей жизнью? И заметь, готов, если понадобится, рисковать вновь и вновь... — повисла звонкая тишина, а потом: — Мне безразличен статус твоей семьи, и если тебя беспокоит именно это, в частности, статус твоего отца, мне абсолютно плевать, какой силой ты обладаешь, мне нужна только ты, слышишь?

Слышу.

Верю.

И мне даже стало стыдно за мои столь вздорные и нелицеприятные мысли.

— Прости, — прошептала и осторожно коснулась его щеки. — Не знаю, что на меня нашло.

Прикрыл на секунду глаза, пытаюсь усмирить бушевавшие внутри эмоции, и потерся щекой о мою раскрытую ладонь.

— Я обещал твоему отцу, что уберегу вас от всего этого, что до последнего постараюсь скрывать факты, связанные с нестандартностью ситуации пробуждения силы... Он очень сильно любил вас. Ты даже себе не представляешь, насколько сильно.

— Знаю и помню... Что теперь с нами будет?

— Мне нужно к Стражам, проверить сознание доставленных на гипноз. Я обещаю, что сделаю все, от меня зависящее, чтобы вытащить вас отсюда.

Быстрый поцелуй, и Сережка ушел.

Громко щелкнул замок, и мы с Денисом остались одни.

Братишка никак не мог прийти в себя, и мне стало по-настоящему страшно и жутко. Я осторожно придвинулась к нему и обняла за плечи, прижала к себе... а он продолжал молчать.

Время текло неторопливой рекой. Секунды складывались в минуты, минуты в часы. А мы сидели и ждали.

Через какое-то время в глазах Дениса начало появляться осмысленное выражение, ступор больше не сковывал мальчишеское тело, но его настороженный и непонимающий взгляд говорил мне о том, что картинки недавних событий еще не всплыли в памяти.

— Тань, — прошептал он тихо, но здесь стояла такая тишина, что не услышать было очень трудно.

— Я тут, Денис.

— Где мы?

— У Стражей.

— А почему?.. Почему мы здесь?

Я внимательно вгляделась в его лицо:

— А ты не помнишь?

— Нет... Я был в парке. — Он нахмурился, потер виски, попытался вспомнить и не смог. — А потом... стало темно и горячо... вся кожа будто вспыхнула разом... мне кажется, что кто-то кричал... все как в тумане, размыто и непонятно.

— Успокойся, малыш. Все хорошо.

— Но почему на мне наручники? — Дэн непонимающе разглядывал металлические браслеты на запястьях.

Наверное, даже хорошо, что он ничего не помнил.

Но ответить ему я не успела, именно в этот момент дверь открылась, и в комнату вошли двое Стражей.

— На выход, — сухо произнес один из них, и мы безропотно подчинились. Но дальше все пошло совсем не по ожидаемому сценарию. — Мальчик налево, а вы со мной.

— Куда вы его собираетесь отвести? — Я обняла Дениса за плечи и прижала к себе.

К черту благоговейный страх перед Стражами, я не оставлю братишку одного. Не позволю им проводить следственный эксперимент без моего присутствия. Он даже консервацию силы не прошел еще, потому как мал!

Но в этот момент в коридоре появился запыхавшийся Сережка:

— На сканирование, чтение и разговор со мной, надеюсь, нет возражений?

— Нет.

В последний раз обняла брата и поцеловала его в макушку.

Меня привели в небольшое помещение с серыми стенами, одну из которых занимало зеркало, хромированный стол посередине пугал своей схожестью со столом вивисектора. Присела на один из двух стульев, привинченных к полу (фантазмагория какая-то), почувствовала себя героиней шпионского фильма. Интересно, а следователь один будет или два (плохой и хороший)?

Почти сразу дверь открылась, и зашел уже знакомый мне Страж. Антон, кажется. В руках он держал какие-то разноцветные папки, одну из которых я почти сразу узнала — мое личное дело. Тяжелый такой томик, содержащий в себе все данные о моем проклятии и их попытках его нейтрализовать.

— Татьяна Разина, ведьма-аспин, двадцать четыре года, — произнес он, аккуратно раскладывая папочки вокруг себя.

Я лишь кивнула и сложила руки на груди.

— Наслышан о вас. Антон Гордеев.

Почему-то внутри поднялась волна протеста, хотелось надерзить, даже нагрубить ему. «А вот я вас впервые вижу и слышу!» — таки рвалось с языка. Обидится еще. Поэтому лишь неопределенно пожала плечами.

— Проклятие такого уровня, которое не только не убило в младенчестве, но и поселилось в вас, избрав ваше тело своеобразным сосудом для хранения. Сколько лет его пытались вытащить?

— Семь.

— А удалось только Туманову... Почему о факте инициации не сообщили?

— Не успела.

— Вас инициировали вчера.

— Какие-то проблемы? Проклятие снято, инициация проведена... по всем правилам. Артефакты заряжены, деньги у меня на счету.

— Мы проверим, — кивнул он и продолжил изучать меня своими светло-кариими глазами. — Думаю, сканирование Дениса Разина покажет остаточные следы вашей магии и вашего щита.

В чем, в чем, а в этом я точно не сомневалась.

— И все обвинения с него будут сняты?

— С вашего брата — да. Но не с вас. Ваша сила и магия потенциально опасны... Такой магический всплеск, такие разрушения... Прошло всего два с половиной часа после взрыва в парке. Вроде бы небольшой промежуток времени. Что за такой промежуток времени можно сделать? Как оказалось, очень многое. Вы знаете, что сейчас происходит на улицах Москвы? Не знаете?! Людские новости пестрят заголовками о неадекватном мальчишке-подростке, который приставал к красивой молоденькой девушке, а когда она ему отказала, чуть не уничтожил ее и десяток других людей... количество трупов на каждом канале разнится.

— Это неправда. И любое сканирование это докажет.

— Да, но информационный механизм уже запущен. Невинность вашего брата легко доказать, и она будет доказана. Ведь он всего лишь жертва экспериментов своей сестры. А людям так нужен козел отпущения, на которого можно повесить все беды и грехи. И не только случившееся в парке.

— И этим козлом стану я?

Мужчина на вопрос не ответил.

— Вознесенский полчаса назад уже дал интервью одному из ведущих телеканалов. Потом посмотрите в записи, очень животрепещуще получилось... Этот господин даже поставил под

сомнение нашу беспристрастность и объективность. А где сомневается один, там будут сомневаться и другие.

— Стражи уже не одно столетие стоят на защите людей.

— Наша система не столь идеальна и далеко не так прочна, как кажется на первый взгляд. Особенно когда такие, как Вознесенский, всячески стараются ее подорвать. Вы же понимаете, чего они хотят добиться?

— Полного контроля над нами.

— Конечно, применение гипноза к этой Дорофеевой докажут.

— Она жива?

Не то чтобы я ее жалела. Но лишний труп в обвинительном списке мне видеть не хотелось.

— На ваше счастье, все пострадавшие выжили.

— Хорошо. И что мне теперь грозит?

— Сложно сказать, Татьяна Анатольевна. Но господин Вознесенский готов пойти на небольшое послабление. Вы же молодая, только что инициированная ведьма. Он не будет требовать от Совета лишения вас магических способностей, а ограничится временной изоляцией и принудительным годовым лечением.

Какая щедрость.

— В обмен на что?

— Вам это сообщит нейтральная сторона. Один колдун, который готов стать посредником между вами и людьми, очень хочет с вами встретиться. Вы готовы его выслушать?

— Конечно.

Выбора у меня, по сути, не имелось.

— Одну минуту.

Он быстро собрал все документы и исчез. Оставив меня одну в допросной.

После того, что произошло за последние сутки, я уже, кажется, ничему не могла удивиться, но появления этого колдуна я точно не ожидала. Мне с трудом удалось удержать на лице невозмутимое выражение, когда мужчина открыл дверь, не спеша, даже вальяжно, зашел и сел напротив.

Презрительный взгляд светло-серых глаз окатил меня не хуже выплеснутой в лицо кружки воды, причем воды далеко не ключевой, а застоявшейся и вонючей. Увидела, как в глубине его глаз загорелся огонек злорадства вкупе с торжеством. Но у меня уже давно выработался иммунитет на его пренебрежительные позыркивания. Я ответила ему сдержанным и равнодушным кивком. Все еще помнила, как его раздражает, когда я манкирую обязанностями соблюдать вежливость. Бесишься? Я стараюсь!

— Максим Леонидович. Какая неожиданность. И давно вы числитесь на побегушках у Вознесенского?

Побледнел, закрипел зубами, но выхода гневу не дал. Хотя, как показала практика, если бы мог, давно уничтожил бы.

— Все хорохоришься, ведьма?

— Я вас раздражаю?

— Неужели не поняла еще, что от лишения магии тебя отделяет всего ничего?

— Ну, это только ваши мечты, которые никогда не станут былью.

— Если думаешь, что тебе как-то помогут Страж или Соколов, то глубоко ошибаешься. Никто не будет подставляться ради какой-то никчемной и бездарной ведьмы.

— Хватит слов, Максим Леонидович, вы сюда пришли сообщить мне условия вашего хозяина, так сообщайте.

Не выдержал, буквально выплюнул в лицо:

— Как бы я хотел, чтобы тебя сожгли на костре, тварь!

— Не сомневаюсь в этом. Хотите согреть свою озябшую и пустую душу в тепле моего костра?

— Если ты отдашь все бумаги моего сына, они не будут настаивать на высшей мере.

— Это их условие? Документы моего отца? — Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох, после чего посмотрела на своего, так сказать, биологического родственника. — Вы так легко и просто общаетесь с людьми, которые лишили жизни вашего сына?

— Это был несчастный случай. — Его лицо совершенно ничего не выражало. Совсем. Как будто мы говорили о чужом для него колдуне. — А сын умер для меня почти двадцать пять лет назад, когда спутался со шлюхой-сиреной.

Выслушивать оскорбления в адрес мамы не было ни сил, ни желания, поэтому быстро его перебила:

— У меня есть время подумать над столь заманчивым предложением?

— У тебя час. И вот еще что. Завтра утром параллельно с твоим делом будет рассматриваться мой иск о лишении тебя права опеки над Денисом. Или ты думаешь, что после всего, что произошло, тебе позволят воспитывать Дэна? Ты же чуть не убила его сегодня. Ставила над ним опыты, подвергла такой опасности...

Мне нечем было крыть. Осталось только молча выслушивать оскорбления, глядя в ликующую физиономию своего старого врага и стараясь всеми силами не показать, какую боль у меня вызывают его слова.

Колдун прав — Дениса у меня заберут, и сделать я ничего не смогу.

— Спасибо большое, Максим Леонидович. Я вас услышала. Через час можете прилетать за ответом, голубь мира вы наш!

Угрожающе оскалился, аж кулаки сжал до хруста, но больше не сказал ни слова, ушел, громко хлопнув дверью. И снова я осталась одна.

Зеркальная стена не давала расслабиться. Наверняка по ту сторону зеркала следили за мной, ставя, словно зарубки, пометки в протоколе.

Чувствовала острую нужду в Сергее. Он был мне очень нужен, а все не появлялся.

Прошло уже минут десять с момента ухода Разина, а Страж так и не пришел.

Еще пять минут. С трудом удерживала себя на месте и сохраняла равнодушную маску на лице. Где же он? Как я могу отдать то, чего у меня уже пять лет нет, и я понятия не имею, где эти документы теперь? Может, у той девушки, которая якобы является преданной последовательницей дела моего отца? А может, где-то еще.

Двадцать минут... Следила за минутной стрелкой на часах, высоко висящих над дверным проемом. Еще двадцать минут, и я должна буду дать ответ.

Оставалось надеяться, что Сергей все слышал и помчался за документами. Иначе...

Сидеть больше не могла.

Встала, разминая затекшие ноги, и сделала первый круг по комнате. Пальцы нашли сапфировую брошку и принялись бессознательно ее тереть. Это дало временное успокоение.

Второй... третий... десятый круг.

До мгновения «икс» осталось всего пять минут. Едва сдержалась, чтобы не взорваться от возрастающей паники. Стояла у стола, опираясь на него руками, и глубоко дышала.

Все будет хорошо. Обязательно будет хорошо.

Быстро открылась дверь.

Я повернулась всем корпусом и застыла, в дверях стоял уже знакомый Страж, который привел меня сюда.

— Татьяна Анатольевна, пройдемте со мной.

А мне только и оставалось, что кивнуть и подчиниться.

Светлые коридоры, незнакомая светлая комната, гораздо больше и уютнее предыдущих. Тут легко поместились три узенькие кровати, на одной из которых крепко спал Денис, и небольшой, стоящий у зачарованного окошка, круглый столик с тремя пластиковыми стульями, на которых сидели Лиза и Саид.

Сестренка вскочила и сразу бросилась ко мне, стиснула в объятиях.

— Таня!!! Черт, я так испугалась.

— Как вы здесь оказались? — Я обняла ее в ответ, и мы подошли к столу.

— Лизе стало плохо во время прогулки, — объяснил за сестру оборотень, поднимаясь для приветствия. — Ее внезапно скрутило от боли. Я решил отвезти ее домой, а по дороге услышал новости о случившемся в парке.

— Это все неправда.

— Мы знаем, — ответила Лиза. — Что теперь будет? Они говорят о каких-то опытах, потере контроля... Люди требуют лишить тебя силы. Говорят, что Совет соберется завтра утром.

Отвела взгляд и посмотрела на скрючившегося на кровати Дениса.

— Как он?

— Его привели где-то минут сорок назад, вкололи лекарство и уложили спать... Сказали, что с него все обвинения сняты.

— Это хорошо. Слушай, я что-то не поняла, каким образом ты почувствовала атаку на его щит? — перевела взгляд на сестренку.

— Не знаю. Сергей сказал, что ты, создавая защиту, как-то соединила нас троих.

Сердце на миг замерло.

— Сергей? Он был здесь?

— Да, это он привел Дениса и сразу куда-то умчался.

— Он ничего больше не сказал? Ничего не просил передать?

— Нет. — Она покачала головой и взяла меня за руку. — Тань, что же теперь будет?

— Не знаю, — призналась я и вздохнула. — Но советую тебе принять предложение Саида. Если вы, конечно, не передумали? — обратилась к оборотню.

— Нет. — Мужчина, до этого молча наблюдавший за нами, отрицательно качнул головой. — Я не передумал. И предлагаю Лиз погостить у меня до инициации и после... столько, сколько потребуется.

— Спасибо.

Следующая мысль пришла в голову сама собой, и я тут же ее озвучила:

— Саид, а Сергей так и не рассказал, кто был идейным вдохновителем вашего знакомства с Лизой?

Надеюсь, поймет, что я имею в виду, потому что открыто сказать об этом просто не могла.

Понял. Моментально сощурил глаза и слегка подался ко мне.

— Пока нет.

— Жаль. Если бы я знала, что вы здесь, непременно познакомила бы вас с ним... Очень сильный колдун.

Кивнул.

Я думаю, ему не составит труда узнать, кто же этот колдун, с которым я общалась час назад. Осознала ли я всю серьезность данного действия? Осознала. И последствия примерно представляла. Но тут два варианта — либо он меня, либо я его. Мирно сосуществовать мы не можем. А отдавать Дениса без боя я не собиралась.

Снова тихо хлопнула дверь, и на пороге возник Димка. Взъерошенный, растрепанный и страшно довольный. Ну, точно феникс, слетевший с насеста!

— Всем привет, кого не видел, хотя, похоже, сегодня видел уже всех, — улыбнулся он. — Колючка, вот скажи, что тебе спокойно не живется? Почему я вечно должен тебя спасать?

— Потому что обычно я спасаю тебя, — улыбнулась в ответ, и на душе стало легко и как-то спокойно.

— Аргумент. — Он сел на кровать, откинулся на стену, вытянул ноги и тяжело вздохнул. — Устал... Уф, ну что, поздравляю тебя, Разина.

— С чем?

— Я нашел тебе самого лучшего адвоката. Вытащил его из кровати одной весьма темпераментной ведьмы. — Димка слегка приподнялся и показал мне обугленную дырку в пиджаке. — Она в меня фаерболом запустила. Представляешь, в меня, в огненную птицу — моей же стихией!? Ну точно дура! И притащил сюда.

— Ведьму?

— Нет, адвоката.

— Спасибо.

— Так что не надейся, уволиться я тебе не дам. Придумала, — улыбнулся он, а глаза серьезные и взгляд такой цепкий. — Мне совершенно не улыбается в ближайшее время устраивать кастинг на должность секретарши.

— Я помню, ты мне уже говорил.

— Сейчас этот защитник обиженных и оскорбленных ведьм ознакомится с твоим делом и придет сюда... И еще, Серега просил передать, чтобы ты успокоилась, он отдал все документы Максиму Леонидовичу.

Кивнула, сглотнула комок, вставший у горла. А с плеч будто гора свалилась.

В эту ночь я почти не спала.

Саид, сославшись на важные дела, вскоре удалился. Лиза наотрез отказалась уезжать и легла на одну из кроватей, старательно игнорируя Димку. Денис проспал до утра.

Через полчаса пришел обещанный адвокат — высокий симпатичный мужчина с пепельно-русыми волосами и серо-голубыми глазами, которые были скрыты за линзами дорогих очков в платиновой оправе. С ним мы проговорили всю ночь.

Он задавал вопросы, что-то записывал в свой органайзер и наставлял меня, как без фатальных последствий для себя давать показания и какой линии поведения придерживаться, чтобы склонить судей в свою сторону. Настоятельно требовал, чтобы я говорила правду, не лгала, но своими словами не рыла себе могилу еще глубже, а, наоборот, незаметно так, шаркая ножкой, присыпала ее.

Димка все это время сидел рядом, то и дело вставлял реплики и раздавал рекомендации.

А Сергея все не было.

ГЛАВА 19

Переодеться мне не дали, так что пришлось кое-как пригладить-поправить брюки и блузку, убрать волосы в хвост и смыть весь макияж, точнее, его остатки. В небольшом зеркале, что висело в маленькой туалетной комнате, увидела свою бледную копию — осунувшуюся, с черными кругами под глазами и лихорадочно блестящими глазами. Отлично. Теперь можно идти на роковую встречу со своим туманным будущим. Так даже лучше, мне легче будет сыграть рекомендованную адвокатом роль и вызвать жалость у людей. Все мое естество противилось этому: ненавидела, когда меня жалеют.

Зал заседания Совета, на котором должна была решаться моя судьба, оказался самым обычным и походил на человеческие залы суда. Но это понятно, как бы ни называлось это помещение, как бы ни проходили заседания, результат всегда один — приговор.

Когда я вошла в зал и села на приготовленное место, первым бросился в глаза Сережка. Мужчина сидел чуть в стороне от членов Совета, совершенно невозмутимый и спокойный. Взгляд равнодушных зеленых глаз скользнул по мне, словно по пустому месту.

Неприятно. Знала, что это всего лишь игра. Но все равно горько и неприятно.

А еще, оказывается, здесь около десятка различных телекамер и десятка два журналистов. Они горящими глазами смотрели на меня, держа наготове свои диктофоны, магалофоны и прочие технические прикрасы. Все ждали расправы. Съемка велась постоянно, они фиксировали каждый мой жест, каждое мое движение. Но фраза-аффирмация «Все будет хорошо!», проговоренная про себя раз пятьдесят или больше, помогала мне — сидела ровно, сцепив руки замком на коленях, лишь слегка покусывала губы, спокойно осматривая зал.

Вошел Роман Вознесенский.

Красиво вошел, с апломбом и гигантским чувством собственного достоинства. По сценарию я уже должна была сидеть с поникшей головой, сгорбившись под тяжестью своего преступления и вызывая тем самым жалость публики и судей. Но — не могла! Смотрела в глаза этому политикану прямым взглядом, начисто лишенным каких-либо эмоций. Только колючий холод и безразличие. Именно за такой взгляд, не один раз брошенный мною в сторону его многочисленных любовниц, Соколов и дал мне прозвище Колючка.

Заседание длилось долго, почти три часа.

Сначала выступил обвинитель, показал чудовищные картинки раскуроченной аллеи парка, неподвижные тела раненых и зачитал полный перечень их травм. Затем допрашивали свидетелей произошедшего и нескольких потерпевших, которые, по их словам, смогли с трудом дойти до зала суда. Полился поток грязи, обвинений и оскорблений, который я выдержала довольно стойко. Не в первый раз и, к сожалению, не в последний.

Потом слово взял мой адвокат, и потекла слезливая история о юной девочке Тане, которую в младенчестве проклял лучший друг отца, о том, как тяжело жилось ей, неиницированной ведьме, после смерти родителей... как воспитывала она, не жалея живота своего, младших сестру и брата... как семь лет боролась с чудовищным проклятием, угнездившимся в ней. Поведал об эйфории вседозволенности, что накрыла меня с головой, когда от проклятия удалось избавиться... как сразу после инициации, не изучив свои способности до конца, не осознавая, какой силой обладаю, сотворила охранные щиты своим брату и сестре. Как щиты оказались нестабильными и совершенно неожиданно сработали без веских на то причин.

Хорошо рассказал, проникновенно, даже охочие до сенсаций хроникеры дыхание затаили — жалко им стало ведьму-сиротку.

После его эффектного и весьма эмоционального выступления дали слово и мне. Заламывать руки и пускать слезу на публике не стала, наблюдала за недовольным выражением лица адвоката, который изначально требовал от меня такого лицедейства. Решила, что гордый орел никоим образом не должен чирикать, как маленький воробей, даже если он попал в силки. Спокойно и честно признала свою вину в использовании силы, сослалась на неопытность, неосторожность и необдуманность.

Что примечательно, о гипнозе, примененном к Дорофеевой, так никто и не упомянул. Видимо, еще одно негласное соглашение между нами и Вознесенским, который, как ни странно, чересчур воинственным не выглядел.

Лидер движения «Люди — наше все» около десяти минут красиво рассказывал о всепрощении, о любви к ближнему, о свободе, о равноправии, о мирном сосуществовании людей и магов. Добавил в конце, что ввиду моего полного раскаяния и отсутствия злого умысла не будет требовать полного лишения магии, но настоятельно рекомендует провести серьезную работу по обучению и обузданию силы, сокрытой во мне, чтобы в дальнейшем подобных инцидентов не происходило.

Члены Совета рекомендацию услышали и приговорили меня к годовому лечению-обучению под присмотром одного из сильнейших Стражей, кандидатуру которого определяют позже тайным голосованием.

Следом должно было проводиться слушание о передаче опеки над Денисом Максиму Леонидовичу. Ввиду отсутствия истца заседание хотели перенести, но кареглазый Гордеев, который меня допрашивал, предложил временно передать опеку над мальчиком одному из Стражей — для стабилизации и реабилитации его психики после случившегося и дальнейшего развития способностей. А как только Разин будет в состоянии прибыть в суд, дело по вопросу об опекунстве можно поднять снова. На этом и остановились.

Ко мне подошел все тот же Страж-конвоир и взял меня за руку.

— Я должен перенести вас к месту отбывания наказания.

— Подождите. Но разве мне не дадут попрощаться с родными?

— Они навещают вас, когда будет время, — сухо отрезал он и повел меня из зала заседаний.

Я бросила взгляд на Сергея, который о чем-то разговаривал с одним из членов Совета. Словно почувствовав мой взгляд, мужчина обернулся и едва заметно кивнул.

Грозный на вид Страж отвел меня в какую-то каморку размером два на два и велел закрыть глаза. Страх перед неизвестностью сковал тело, началась паника. Мне даже не озвучили, где именно будут принудительно усмирять мою силу. Только бы не закинули на Север! И только бы моим надзирателем не стал какой-нибудь Страж-фанатик, коих в их рядах большое количество.

Теперь, когда приговор огласили, когда право опеки над Денисом у меня все-таки забрали и передали какому-то Стражу, я чувствовала только опустошение и апатию, которые постепенно завладевали сознанием. Успокаивало только одно — Сережка своим кивком дал понять, чтобы я доверилась тому, кто будет сопровождать меня к месту заточения.

Яркая вспышка и слабые, едва различимые крики чаек.

Распахнула глаза, все еще не веря, что органы чувств меня не обманывают. Я действительно услышала шум прибоя, чувствовала соленый запах моря... увидела до боли знакомую гостиную и Игорька, который опрометью кинулся ко мне.

— Ну, наконец-то, я уже волноваться начал. Привет, Макс!

— Привет, — Страж кивнул и почти сразу исчез, бросив на ходу: — Позаботься о ней.

— Игорь? Но как? — Я, находясь в крайней степени изумления, позволила усадить себя на диван и получила стакан с какой-то мутной жидкостью, которая остро пахла разнотравьем. Но какими травами, разбираться не хотелось.

— Выпейте.

Послушно сделала несколько глотков, краем сознания отметила нотки шалфея, валерьяны, мелиссы и пустырника. Он мне что, успокоительное вручил? Возмущаться не было сил. Успокоительное так успокоительное.

— Вот и хорошо, а то совсем как привидение — бледная, глаза пустые. — Игорек забрал у меня стакан и сел передо мной на корточки, встревоженно глядя в глаза. — Вы как?

— В шоке. Почему я здесь? Меня же должны были доставить к месту лечения.

Нет, я подозревала, что в клинике долго не задержусь. Может, неделю, может, две. Но чтобы так сразу...

— Ага. Добро пожаловать в частную клинику Сергея Туманова, — задорно улыбнулся

паренек. — Отец сейчас вернется и все расскажет. Вам надо в душ, я там кое-что из своих вещей приготовил переодеться.

— Спасибо.

Пошла в душ.

Как сомнамбула, медленно разделась и стала под теплые ручейки воды.

Судорожно вздрогнула от первых ударов капель о кожу и только потом осознала, что меня нещадно трясет, бьет такой дрожью, что даже зубы клацают. Напряжение наконец нашло выход.

Пришлось опереться рукой о стену, чтобы не упасть.

Из горла, из самого сердца, рвался наружу крик. Как же мне хотелось сейчас завопить, пробить кулаками стену... или наоборот — забиться в дальний уголок душевой, обнять себя крепко-крепко и нарыдаться. Сделать хоть что-нибудь, чтобы унять боль и злость, которые разрывали меня на части.

Медленно сползла по стеночке на поддон и подставила лицо под струи воды, чтобы хоть как-то привести мысли в порядок... и смыть льющиеся из глаз слезы. Понимала, что это еще не конец, что еще неизвестно, чего ждать от судьбы.

Вот тебе и хваленая независимая решительная ведьма. Как показали последние события, все свое надуманное всесилие я должна была отправить в утиль. Я не смогла противостоять своре политиканов, не будь рядом Сергея и Димы, просто лишилась бы всего — семьи, работы, магии и сущности. Как? Вот как я могла допустить это? Почему сама сразу не позвонила этой Нике? Почему позволила Денису уйти из дома?

И все эти чертовы самоуверенность и вера в собственную исключительность. А ведь скольких бы проблем можно было избежать... и брата у меня не отняли бы.

При мысли о Денисе меня начало колотить с новой силой. Зажала рот руками и слегка ударилась затылком о стенку, чтобы хоть как-то привести себя в чувство.

Одно радовало: Саид все-таки добрался до Разина, раз его не было на суде, заседание которого он никогда не пропустил бы по собственной воле. Ведь это такая возможность порадоваться моему краху! Не знаю, что оборотень с ним сделает, но надеюсь, этот колдун сейчас корчится в муках... и угрызений совести по этому поводу я не испытывала совершенно. Заслужил. После того, что сотворила эта мразь, она заслужила все муки ада, вместе взятые.

Трудно сказать, сколько времени я так просидела, но в какой-то момент вернулось вселенское спокойствие. Выключив воду, встала и выбралась из душевой.

Игорек выдал мне шорты цвета хаки и длинную футболку. Быстро переоделась, кое-как просушила волосы полотенцем. Магией пользоваться не хотелось.

Стоило только выйти в коридор, как тут же меня поймали и крепко обняли, и я утонула в пьянящем аромате моего мужчины.

— Как ты? — Сережка провел ладонью по влажным волосам и зарылся лицом в мою макушку, со стоном втянув носом воздух. — Я уже собирался ломать дверь.

— Ты здесь, — шепнула в ответ, жадно вжимаясь в него.

Здесь. Он здесь. И я могу коснуться его, обнять, вдохнуть аромат его тела.

— Теперь все будет хорошо. Всегда.

Мужчина взял мое лицо в свои ладони и пытливо, с настороженностью, всмотрелся.

— Игорь прав, ты сама на себя не похожа. Бледная совсем... и плакала.

Слезы это такая ерунда, сейчас меня интересовало другое.

— Скажи, я смогу, — глубоко вздохнула, чтобы загнать новую порцию слез куда-нибудь подальше, и продолжила: — Я когда-нибудь смогу увидеть Дениса?

— Конечно, сможешь. — Он ловко поднял меня на руки и понес в свою спальню, где бережно

посадил на кровать, а сам устроился рядом. — И совсем скоро.

Сережка накрыл своей широкой ладонью мою ладошку и бережно ее сжал.

— Ты не должна себя винить в том, что произошло в парке.

— Я не позвонила этой Дорофеевой. Пустила на самотек ситуацию с ней, но я даже не могла представить себе масштабы столь изысканной игры Вознесенского и... Максима Леонидовича.

Опустив голову, я рассматривала наши руки и любовалась притягательным контрастом его смуглой кожи и моей молочной.

— Эти люди — продуманные стратеги, в игре с ними у тебя не было шанса. И не подумай, что я сомневаюсь в твоих умственных способностях. Напротив, я считаю тебя очень умной девушкой. И ты не смогла бы почувствовать человечку с кодированной психикой, гипноз был очень качественный.

— Это не оправдание, — резко покачала головой, отчего мокрые волосы хлестнули по щекам. Это на мгновение отрезвило.

— Тань, они к этой операции готовились не один день.

Его фраза как-то разом стерла чувство вины и первые ростки процесса самокопания и линчевания. Я вскинула голову, внимательно на него посмотрела.

— Какая операция?

— Когда месяц назад ученица твоего отца случайно себя выдала, они поняли, что работа Разина не канула в небытие, не ушла в область преданий.

— Кто — они? Люди? Маги?

— Поверь мне, деятельность твоего отца затрагивает интересы слишком многих, как среди людей, так и среди магов. Основному большинству по нраву такое устройство мира, и мало кто хочет с ним расставаться.

— Значит, давние враги объединились под единым знаменем, дабы истребить угрозу в нашем лице. К чему такие глобальные извращенные заговоры? Не проще ли прибегнуть к банальному устранению — взрыв, очередная авария... еще что-нибудь.

— Потому что сторонников у твоего отца тоже немало... Вот уже не один десяток лет идет негласная война за изменение мира.

— Издеваешься?

— Нет. Это правда. Противники поняли, что вы с мелкими ничего не знаете о работе отца, вас оставили в покое. Присматривали, конечно, но не трогали... А вот месяц назад им пришлось напрячься. Мало того что работа велась, она давала ощутимые результаты, и за всем этим отчетливо чувствовалась рука Разина.

— И тогда они подумали о документах.

— Да... К вам очень трудно было подобраться. Вы живете крайне замкнуто, у детей определенный круг друзей, магиша, дом. Они редко куда выбираются и совсем не приветствуют чужаков, пытающихся набиться им в друзья. У тебя практически все время забирала работа, вот там они и решили подобраться... Ты оказалась права. Веронику Дорофееву завербовали как раз во время митинга по делу Кукловода. Все-таки превращение лучшей подруги, почти сестры, в безропотную секс-куклу наложило на ее психику неизгладимый отпечаток. И когда ей предложили наказать виновных, она с радостью согласилась. Дала добро на гипноз. А дальше ей предстояло вызвать интерес Димы и продержаться в статусе его любовницы как можно дольше, чтобы добиться твоего внимания, жалости и дружбы... Слезливые рассказы о тяжелой доле, просьба о помощи... Ты ведь не обычная ведьма, ты бы захотела ей помочь, не так ли?

— Так.

Ведь помогала же. Давала телефон знакомой для установки блока.

— Но тут вмешался его величество случай. Хочу тебе сразу сказать, что Максим Леонидович

не связан с ними, он действительно нейтральная сторона. Но Разин знал о том, что происходит и чем это грозит Денису. Именно поэтому колдун так старался забрать внука себе.

— А чем это грозит Денису? — уцепилась я за произнесенную фразу.

Сережка тяжело вздохнул, явно собираясь сказать мне что-то не очень приятное:

— Он — некромант. Причем очень сильный некромант... именно такой, какой нужен, чтобы продолжить работу твоего отца.

— Нет, — я не хотела этого слушать. — Денис не будет в это вмешиваться.

— У нас нет выбора. Ты сама сказала, что вы давно уже увязли в этой истории. Будить сущности может не каждый некромант. Но твой брат... он сможет.

— Ему всего двенадцать.

— Ему уже двенадцать, и он сам решит, какой путь выбрать.

— Я не хочу, чтобы Денис пострадал в этой бессмысленной войне.

— Я не позволю. Но отступить мы уже не сможем. Ты, кстати, не знаешь, куда исчез Разин? Он неожиданно пропал. Выехал из Совета, но до дома так и не доехал.

— Понятия не имею.

Кивнул. Но я по глазам видела — он знает или догадывается.

— Ты сказала Саиду?

— Перед тем как ты меня арестуешь, я скажу тебе одну вещь, и это будет не оправдание, а констатация факта: я сделала это, чтобы защитить свою семью. Он... начал угрожать моей семье, когда я еще на свет не появилась. А когда не стало мамы с папой, Разин как стервятник ринулся на остатки некогда счастливой семьи и хотел добить ее окончательно. И я... пусть и чужими руками... но защитила нас. И делала бы это опять и опять... пока эта падаль... извини... не сдохла бы.

Слез уже не было, осталась только глухая ярость, которую немислимым способом гасил сидящий рядом Страж.

— Тань, я все понимаю... — Мои руки в его руках, нежное, успокаивающее поглаживание. — Ты хочешь узнать расстановку сил и дальнейший сценарий событий? Так вот, как бы это безумно и нелепо ни звучало, но ваши дед с бабкой спутали им на какое-то время все карты, когда устроили торги с инициацией Лизы. Вы же просто исчезли, и никто не знал, где вас искать... Пришлось все отложить до вашего возвращения в Москву.

— Что отложить? Чего они хотели добиться, подсылая ко мне эту девушку? Чтобы я добровольно передала ей в ручки документы отца или открыла все тайны?

— Ей нужен был доступ в ваш дом и чтобы охранка приняла ее за свою, поскольку ты бы ее на Веронику настроила, и Дэн...

— Что Дэн?

— Твой брат для них угроза... И Разин это отлично понимал, поэтому снова и снова пытался забрать его у тебя, именно из-за этого устроил цирк с торгами Лизы.

— Выходит, он весь такой замечательный дед, а я...

— Успокойся, — перебил меня Сергей. — Мы точно не знаем, какими побуждениями руководствовался Разин, совершая немислимые попытки увести из семьи Дэна, который, к слову, сейчас в безопасности. Но вчера какие-то люди с помощью Дорофеевой пытались его выкрасть. Именно его. Так уж вышло, что новость о твоей инициации и способности создавать атакующие щиты еще не дошла до их ушей. Так что взрыв стал для всех полной неожиданностью.

— Которой они тут же воспользовались.

— Доказать вину Дениса и лишить его магии они все равно не смогли бы. Все-таки он совсем мальчишка, и настроить против него толпу сложно. Другое дело ты.

— И ты так просто отдал им документы отца? Не жалеешь?

— Нет. Видишь ли, в чем дело... все дневники и журналы, в том числе и электронные записи твоего отца, магически защищены. Их нельзя скопировать, нельзя посмотреть. Прочитать и изучить их может только некромант... и не просто некромант, а тот, кто знает кодовое слово. Мало того, один раз прочитанные, они навсегда остаются в памяти. Так что информация твоего отца для нас не потеряна, а спрятана в голове одной девушки.

— Надо же, — хмыкнула и осторожно потерла лоб. Как же болит голова. — Ты и тут подстраховался. Страж, просчитывающий все свои действия на сотню шагов вперед.

— Не все. — Он осторожно коснулся моей щеки пальцами, мягко провел по ней, рисуя узор на подбородке. — Я совершенно не ожидал, что, встретив одну хрупкую и в то же время очень сильную ведьму, потеряю голову, словно зеленый юнец. Что только и буду думать о том, как ей помочь, как спасти ее... как сделать самой счастливой. Как прогнать грусть из ее удивительных глаз... Ты знаешь, какая у тебя красивая улыбка?!

С каждым произнесенным словом его глаза загорались все ярче и ярче, лишая воли, отодвигая все проблемы куда-то на задний план. Сейчас остались только он и я... и наша страсть.

Я первая сделала рывок ему навстречу, схватила за рубашку и притянула к себе, чтобы впитаться губами в его губы самым горячим и жестким поцелуем.

Мне сейчас не нужны были нежности и ласки. К черту все. Я слишком зла, слишком потрясена и слишком взвинчена.

Нет, я хотела грубо, страстно... ярко. Хотела почувствовать эту тонкую грань между болью и страстью... прямо сейчас.

Опрокинула его на кровать, и сама села сверху, ощущая твердую плоть даже сквозь его брюки и свои шорты. От предвкушения сердце словно ухнуло вниз, а каждая клеточка тела словно вибрировала.

Поймала его взгляд и провокационно облизнулась. Сережка вздрогнул всем телом, даже дыхание задержал, после чего тихо засмеялся:

— Хищница.

Качнула головой и стянула футболку через голову. Бюстгальтера на мне не было, и соски сразу затвердели. Уж не знаю, что тому виной, легкий морской бриз, что ворвался через распахнутое окно, или голодный взгляд лежащего подо мной мужчины.

— Ведьма... твоя ведьма.

— Моя, — согласился он.

Умный мальчик.

Желание грубого секса никуда не делось, но это не значило, что я решила отказаться от игры перед страстной битвой двух начал. Так хотелось насладиться этим мгновением власти и контроля.

Слегка подалась и начала расстегивать пуговички белоснежной рубашки. Очень медленно, ласково касаясь подушечками пальцев смуглой кожи его груди. И каждое мое прикосновение находило яркий отклик — его дыхание становилось все глубже, черты лица заострились, а глаза пылали зеленым пламенем.

Искорки страсти уже давно летали вокруг нас в стремительном хороводе, наэлектризовывая своей страстью и словно бы разряжая воздух. Я даже почувствовала запах озона. Расстегнув последнюю пуговку на рубашке, коснулась одной из искр. Мягкий разряд по телу, едва заметный, но такой чувственный и тихий стон, что он сразу утонул в глухом рыке возбужденного Стража.

Довела до грани.

Рывок — и мир перевернулся, когда Сережка швырнул меня на кровать. От удара о матрас слегка подпрыгнула, а он в этот момент умудрился стащить с меня шорты вместе с трусиками и сам избавился от одежды. Вот что значит практика, пара секунд — и одежды больше нет.

— Скорее... скорее, — прошептала я, протягивая к нему руки, стремясь как можно быстрее ошутить тяжесть его тела и снова стать единым с ним целым.

Он все понимал. Каким-то седьмым чувством знал, что мне сейчас так жизненно необходимо.

Резкое и глубокое проникновение твердой плоти до самого упора и мой вскрик. Не больно, наоборот, сладко и очень горячо. Как раз так, как я хотела. Никакой нежности, одна животная страсть и похоть во всем своем огненном великолепии. И эта тонкая грань, когда наслаждение становится болезненным и практически невыносимым. Когда ты не знаешь, чего хочешь больше — остановиться или продолжить эти сладкие муки. Потому что результат любого решения все равно будет один — смерть. В первом случае — от неудовлетворения, во втором — от возбуждения.

Напряжение нарастало как по спирали, увеличиваясь с каждым витком, словно вытягивая мои внутренности в струнку, а дальше — все... предел терпения. Ведь это просто невозможно и нереально.

— Пожалуйста... пожалуйста...

И в какое-то мгновение на тысячную долю секунды мир замер, чтобы взорваться миллионом ярких огней и затопить меня лавиной эмоций, которые, наслаиваясь, опережая друг друга, вихрем вторглись в сознание. И мы вдвоем застыли под этой лавой, сплетенные в чувственном водовороте.

Постепенно пришла в себя, с трудом возвратилась на бrenную землю.

Губы горели от пряного вкуса магии, слегка ныло плечо. Провела по губам языком, словно слизывая остатки чужой страсти... мм... как же вкусно. После чего сладко потянулась и перевернулась на живот, посмотреть на лежащего рядом мужчину.

— Ты меня укусил.

— Не может быть, — хрипло ответил он, так и не открыв глаза.

— Факт, — кивнула, потирая зудящий след от зубов на своем плече.

Вот же зверюга. Страж, а метку свою поставил.

— А ты мне всю спину расцарапала, — пожаловался Сережка и, слегка привстав, глянул на часы, стоящие на тумбочке. — Надо вставать.

— Зачем?

— Скоро гости придут.

— Лиза с Денисом? — с надеждой спросила я.

— Угадала. — Нежный поцелуй в нос, и он встал с кровати, позволив вдоволь любоваться сильным и гибким телом.

— Как тебе удалось все это проверить?

— Что именно?

— Все это. — Я поймала брошенные мне вещи и тоже поднялась. — Я ведь должна была проходить лечение в «Возрождении» или еще в какой-нибудь клинике, коих по всему миру разбросаны сотни.

— С чего ты взяла? Ты что, приговор не слышала?

— Слышала.

— Ну вот. Тебя приговорили к годовому лечению и обучению под присмотром опытного колдуна, который будет выбран тайным голосованием между всеми членами Совета.

— То есть под твоим? — быстро натянула шорты.

Пусть мы уже не раз занимались любовью, пусть он видел меня обнаженной, но чувство смущения все равно осталось.

— То есть под моим, — кивнул и достал из шкафа футболку, которую тут же надел. — А так уж вышло, что обучение мне гораздо удобнее проводить у себя дома... Тань, ты же понимаешь, что это заседание было театральной постановкой, рассчитанной на публику. Что хотели, они уже получили.

— Но Дэна под опеку они тебе не отдадут?

— Мне — нет. Но я знаю, кому отдадут.

— Я смогу его видеть?

— Сможешь. — Он притянул меня к себе и поцеловал. — Мы со всем справимся, я тебе обещаю. А теперь пошли на кухню, тебе необходимо нормально поесть.

Я кивнула и глубоко вздохнула. Как-то не верилось мне, что все закончилось.

Лиза с Саидом появились примерно через час, используя для переноса мою сферу. В руках у них было пять дорожных чемоданов Windsor от Swaine Adeney Brigg. Ого, Саид не поскупился. Соколов гораздо скромнее в своих тратах.

— Я собрала все необходимое и даже сверх того. Остальное здесь купишь.

Мы с сестрой уже более получаса сидели на веранде в легких креслах из ротанга и смотрели на море. Мужчины остались дома, дав нам возможность поговорить и попрощаться.

Передвинули кресла как можно ближе друг к другу и теперь сидели, крепко взявшись за руки.

Наверное, надо что-то сказать на прощанье. И пусть это не навсегда и мы скоро увидимся, но я не могла найти нужных слов.

— Надеюсь, у вас с Саидом все хорошо?

Лиза заправила прядь шелковистых волос за ухо и кивнула.

— Да. Он не такой уж лютый зверь, каким кажется на первый взгляд. Конечно, домашним котиком его не назовешь, но... Саид лучшая кандидатура для инициации из всех возможных.

— Ты слышала наш разговор с Димой?

Мягкая улыбка на губах, и она повернулась ко мне. В голубых глазах ни тоски, ни сожаления, лишь легкая и какая-то взрослая грусть.

— Слышала. И очень рада этому. Уж лучше так, чем потом страдать и мучиться. Тань, ты не переживай, со мной все будет хорошо. Красивая экзотическая страна, сексуальный сильный мужчина, который меня хочет... А чувства... не всем так везет, как тебе и маме.

— Лиз, тебе только семнадцать. У тебя еще вся жизнь впереди.

— Я знаю... Ты береги себя, ладно? Мне совершенно не нравится вся эта ситуация. И Дениса береги. Хотя... что это я... Он уже большой мальчик и сам о себе позаботится. Просто будь счастлива, старшая сестра. Ты это заслужила.

Я чуть сильнее сжала ее руку и кивнула, улыбаясь сквозь слезы.

Моя девочка выросла.

— Таня! Лизка!!! — знакомый до боли голос заставил нас оторваться друг от друга.

Со стороны пляжа в одних цветастых шортах к нам бежал радостный Денис. За ним следом не спеша шел высокий худощавый пожилой мужчина.

Страж, что назначен новым опекуном Дэна.

— Денис!!!

Мы вскочили с кресел одновременно и побежали ему навстречу, столкнулись где-то на середине пути и, упав на колени, крепко обнялись. Трудно описать словами наши эмоции и чувства. Невозможно характеризовать и объяснить слезы и счастливый смех.

Вот теперь мы вместе. Пусть ненадолго, но вместе.

Что бы ни говорил Закон, что бы ни твердили маги и люди, самое главное в жизни каждого — это семья и любовь. И если это есть, тебе никто не страшен, даже самый коварный и смертельный враг.

ЭПИЛОГ

Сегодня

Утренний бриз мягко прошелся по моим волосам, путая их, откидывая на глаза. Наверное, стоило убрать их в хвост, чтобы не мешали, но не хотелось.

Свобода.

Вдохнула соленый воздух полной грудью и улыбнулась.

Белоснежный песочек, лазурная гладь океана и белые барашки волн. Приятный шум прибоя и яркое солнышко на безоблачном небе, от которого едва спасала мягкая прохлада тени.

Зачерпнула рукой песок и пропустила его сквозь пальцы... горячий, оставляющий после себя песчинки на потных ладонях. Но и это мне тоже нравилось.

Поднялась на ноги и осмотрела окрестности.

Хорошо-то как.

Прошло уже два месяца моего «принудительного лечения» под контролем могучего и грозного Стража, что неустанно занимался с опасной ведьмой днями и ночами... Но статистика — вещь упрямая, и должна сказать, что за эти два месяца насчитала несколько незапланированных «занятий» по утрам, пару раз в полдень и два раза вечером.

Я совершенно не против такого рода неожиданностей.

Не скажу, что у нас все идеально, приукрашивать и лгать не хочу. Мы притирались друг к другу, иногда ссорились, правда, ненадолго. Пару раз даже серьезно поругались. Уже не помню причину ссоры, но слово за слово, и я на него наорала, как последняя торговка с рынка, никогда раньше не позволяла себе опускаться до такого. А Сережка, не обратив на мою громкую эскападу внимания, молча развернулся и ушел. Правда, вернулся где-то через час. Утер мои слезы-сопли и поцеловал, сказав, что все равно я только его и никуда он от меня не денется.

Конечно, нам обоим было над чем работать. Сережка учился тому, что мне можно и нужно доверять, я училась тому, что теперь не одна, что рядом есть мужчина, готовый помочь, взять на себя груз моих житейских, психологических и далее по списку проблем.

А еще мне пришлось смириться с тем, что мой мужчина — Страж, и у него есть обязанности, которыми он не имеет права пренебрегать, оглядываясь на меня, Игорька или кого-либо еще. Хорошо хоть опыты с храмовниками канули в прошлое.

Так, Новый год мы встречали без него. Буквально за три часа до полуночи его срочно вызвали. Ничего толком не объяснив, Сережка наскоро меня поцеловал и исчез, пообещав вернуться утром первого января. А вернулся вечером второго, весь бледный, измученный и страшно усталый.

Честно говоря, я собиралась устроить грандиозный скандал.

Я к нему почти двое суток готовилась. Хотела высказать, как невыносимо находиться в изматывающей неизвестности. А он даже не позвонил. Словом, пока ждала его из душа, заготовила целую обвинительную речь и тщательно подобрала цветастые фразы. Но все разом вылетело из головы, стоило мне только увидеть еще не до конца залеченный целителями рваный шрам у сердца.

До сих пор колотит от мысли, что я могла его потерять. И что очередная чокнутая ведьма или больной на всю голову колдун могли лишить меня самого дорогого в жизни. Именно в этот момент поняла, что пропала. Что это не просто страсть, не просто желание, это нечто большее.

А в остальном моя жизнь вошла в фазу расслабляющего выдоха. Тот этап, который начался с момента смерти родителей, все те годы, когда я несла на себе груз ответственности за семью, закончился, и я с удовольствием вздохнула. Игорек воспринял наши отношения со своим отцом как-то очень по-взрослому, серьезно и благосклонно. Он уже большой мальчик. До

консервации осталось всего ничего, и я вижу, как Сережка волнуется. Требует от сына все время отзваниваться и надолго из дома не уходить.

Денис пропадает у нас целыми днями. Благо его новый опекун Николай Васильевич так вовремя и «совершенно неожиданно» снял домик совсем рядом с нами.

Мне Страж с добрыми серо-зелеными глазами, которые окружают мелкие лучики-морщинки, мгновенно понравился. Сразу видно, этот колдун очень любит улыбаться. Еще больше к нему прониклась, когда узнала, что мы с ним, оказывается, когда-то очень тесно общались. Ведь именно он более двадцати четырех лет назад привел наших родителей в храм, и именно он ухаживал за мной, когда папа с мамой приходили в себя после обряда.

— Ты была такой маленькой, хрупкой и удивительно спокойной, — рассказывал он, сидя за чашкой холодного чая с лаймом. — Практически не плакала. Поела — и спать... Никаких хлопот.

Иногда братишка остается у нас ночевать.

Он полностью пришел в себя после случившегося. Но знаю, что кошмары иногда еще мучают. Как я ни старалась, Денис делиться со мной своими переживаниями отказался. Пришлось смириться.

Хотя, если честно, сейчас меня больше волнует Лизка.

Сестра перенеслась к нам (надо же, я стала воспринимать дом на Сейшелах как свой!) примерно недели две назад. Инициированная, сильная, яркая и... жутко злая. На все мои вопросы ответила: «Все мужики одинаковые, а все оборотни, даже самые что ни на есть кошачьи, — похотливые и самоуверенные самцы».

Сережка посоветовал мне не лезть к ней с расспросами и дать Лизе самой во всем разобраться, что я и сделала.

Иногда к нам заглядывает Дима, с порога начинает жаловаться на новую секретаршу и уговаривает меня вернуться. Ведь знает ответ, а все равно тешит себя надеждой. Наши отношения сложно описать. Вроде явных изменений нет, но все равно что-то ушло из них навсегда, какая-то легкость общения. Но для меня самое главное, что братья помирились.

Последний раз Дима приезжал вместе с Николь. Я была искренне рада видеть эту рыжую ведьму, и мы довольно долго болтали. Спрашивать, какие отношения их связывают и будут ли они заключать контракт, я не стала. Единственное, что точно поняла, — их отношения уже давно перешли в близкие.

История со взрывом в парке потихоньку забылась. Все-таки Вознесенский или те, которые за ним стояли, сдержали свое слово — травля быстро сошла на нет. Вполне возможно, что через десять месяцев, когда я вернусь в Москву, все окончательно забудется.

Особенно теперь, когда Максим Леонидович перестал нам угрожать.

Его нашли через два дня после судебных слушаний в Совете в его собственной машине, в кувете на пустынной дороге, недалеко от одной деревеньки на окраине Москвы.

Сначала решили, что он мертв. Но нет, все оказалось куда хуже — проклят.

Когда я узнала о случившемся и мне сказали, что за проклятие было применено... Черт, мне даже на какое-то мгновение стало его жалко.

«Поцелуй василиска» еще одно проклятие, которое входит в десятку сильнейших, самых опасных и запрещенных, наряду с «мертвым пламенем». Оно сковывает все нервные окончания, вызывая полный паралич. Несчастный лишается малейшей возможности управлять своим телом, а мозг при этом продолжает функционировать. И самое интересное, что это проклятие вполне можно снять, но с условием, что проклятого доставят к храмовникам в течение сорока восьми часов.

Максиму Леонидовичу не повезло. Какие-то два часа решили все.

Теперь этот некогда могучий колдун превратился в жалкого паралитика.

Суд над Вероникой Дорофеевой и тремя ее пособниками, что пытались похитить Дениса, состоялся пару дней назад. Свою вину они признали, но причастность других лиц отрицали,

утверждая, что это полностью их инициатива и к деятельности «Люди — наше все» никакого отношения произошедшее не имеет. Если честно, другого я и не ожидала. Всех четверых приговорили в шести годах лишения свободы с отбыванием наказания в колониях.

Отбывает свое наказание за мошенничество и Марианна. Ее приговорили к трем годам условно. Насколько мне известно, она уже давно у себя дома, отбивается от настырных журналистов. Все ее туры и гастроли по миру отменены на неопределенный срок. Попыток установить с нами контакт она не предпринимала, а мы не навязывались.

— Так и знал, что найду тебя здесь. — Сережка подкрался сзади и обнял меня за талию, привычно зарывшись носом в волосы.

А мне только и осталось счастливо вздохнуть и прижаться к нему спиной еще крепче.

Не знаю, что ждет нас дальше, да и не хочу знать, если честно. Здесь и сейчас на этом острове, на берегу Индийского океана, в объятиях любимого мужчины, я просто счастлива.

А все остальное будет завтра.

Завтра

Страж остановился у небольшого неприметного домика. Таких много здесь — уютный, светлый и совсем обычный. Магическая охранка почувствовала его и беспрепятственно пропустила вперед.

Можно было и не стучаться, но мужчина отлично понимал, что сейчас это чревато. У нее рука не дрогнет, запустит в него каким-нибудь проклятием. Оно его, конечно, не убьет, но здоровьем рисковать не хотелось. Особенно сейчас, когда все настолько кардинально поменялось в его жизни.

Осторожный стук, и почти сразу дверь открылась.

— Здравствуй. — Стоящая в проеме девушка, одетая в черную водолазку под горло и темные брюки, отошла в сторону, пропуская его в дом.

Невысокая, невероятно хрупкая и тоненькая, с короткими темными волосами и челкой, спадающей прямо на внимательные бархатисто-карие глаза. Совсем юная, ей не дашь больше двадцати, она походила на миниатюрную фарфоровую статуэтку, которую хочется поставить под стекло и любоваться. Но это впечатление обманчиво. Сергей сам лично видел, как эта куколка убивала и угрызений совести абсолютно не испытывала. Можно было, конечно, сказать, что у ведьм не бывает совести, но у этой она иногда просыпалась. Страж знал точно.

— Здравствуй, — ответил мужчина и прошел в дом.

Ведьма внимательно следила за каждым его движением. Знала и доверяла, но застарелый страх и осторожность не позволяли ей расслабиться до конца. И Сергей не мог ее за это винить. Именно благодаря этим качествам девушка еще была жива.

— Я не ждала тебя так скоро.

— Я привез тебе новые документы.

Но она не спешила забирать у него папку. Сложила руки на груди и отвернулась.

— Опять бежать?

— В последний раз.

Личико скривилось от язвительной улыбки, которая ее совершенно не красила.

— Ты в этом так уверен, Страж? После того, что произошло, ты не боишься меня отпускать?

Ему не хотелось сейчас это обсуждать.

— Все совершают ошибки.

— Скажи... — Она замолчала и закусил губу. Но не смогла заглушить тоску в ее сердце. — Я устала убегать и прятаться.

— Разин хотел, чтобы именно ты продолжила его дело.

— Разин мертв уже пять лет.

— У тебя не получится отказаться. Это твоя суть.

— Знаю... я обречена.

— Все не настолько плохо.

— Все еще хуже... Я устала, Сергей. Устала от всего этого. Разин ошибся, ничего не выйдет. Мы зря теряем время... И теперь, когда они получили документы, все закончится.

— Ты же понимаешь, что нет. Только ты знаешь кодовое слово, и только ты можешь их расшифровать.

— И только у меня вся эта информация навечно запечатлена в голове, — грустно хмыкнув, закончила она.

— Ты слишком рано опустила руки.

— Присмотрись внимательнее, Страж. Они давно уже опущены.

Он нахмурился, внимательнее вгляделся в ее лицо.

— У нас нет выбора. Пойти на попятную мы уже не сможем. — Мужчина положил папку на стол, подошел к ведьме и слегка обнял за худенькие плечи. — Я понимаю, что это сложно и трудно. Но мы должны закончить начатое... И без тебя нам не справиться... Ведь именно тебе предстоит научить всему Дениса.

Примечания

Не беспокоить (англ.). — Здесь и далее примеч. авт.

2

Ярко-красный.